

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

7*

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

Эд. ГАМИЛЬТОН
Ли БРЕКЕТ

ПЕРВЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная
остросюжетная
фантастика

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН
ЛИ БРЕКЕТ

ПЕРВЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"
1995

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериалы «Звездные войны» и "Войны пустыни" являются интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняются Законом.

Перепечатка данных сериалов с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

Издательство благодарит Александра Крылова за часть материалов предоставленных им для данной книги.

Э. ГАМИЛЬТОН, ЛИ БРЕКЕТ.

"Первые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1995, 288 стр. ил. /"Библиотека зарубежного кримин. и прикл. романа". Выпуск 7*/.

В настоящий сборник входят два фантастических боевика Эдмонда Гамильтона. В первом из них враждебная землянам цивилизация вынашивает планы захвата Земли. Удастся ли слабым землянам отразить нападение мощнейшего вражеского космического флота?

И завершает книгу фантастический боевик Ли Брекет "Тайна Синхарата", впервые издающийся на русском языке. В глубине марсианской пустыни земная полиция настигает выбивающегося из сил Джона Старка. Вместо двадцати лет заключения в лунных катакомбах за убийства и торговлю оружием, офицер Земного Полицейского Контроля предлагает ему работу в качестве агента ЗПК. Теперь только Джон Старк может спасти жителей Марса от варварского уничтожения.

Итак "ПЕРВЫЕ звездные войны...

Г, Б $\frac{4703\,10100-020}{8У3/03/-95}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-020-0

© «MELOR», 1995г.

ВОЙНА ЗА ГАЛАКТИКУ

Глава 1

Эта планета не была создана для людей. Бог сотворил человека из мяса, костей, крови и нервной ткани. Этот же мир состоял из огня, песка и радиации. Ступай домой, Человек! «Но я не могу сделать это,— с тоской думал Джей Биррел.— Не могу! От усталости я давно уже не сплю по ночам, меня мучают боли в ногах, и я очень хочу увидеть мою жену. И все же я должен высадиться на планету, где человеку так же уютно и хорошо, как муравью в доменной печи».

От этих мыслей Биррелу стало еще тоскливей. Он терпеть не мог эмоций, которые мешали делу. Сам себя он считал твердым, практического склада мужчиной, привыкшим выполнять любую трудную работу. Нет, он отнюдь не был суперменом, этаким видавшим виды космическим волком, но в свои тридцать семь лет он не зря был командиром Пятой Лиры — лучшей эскадры богатейшего сектора Галактики.

Биррел инстинктивно выпрямился — он привык отдавать приказы и любил, когда подчиненные смотрели на него снизу вверх, что было непросто при его среднем росте.

— Как там радар?

— Ничего,— ответил Джо Гарстанг, не поворачивая головы.— Экран пуст.

Гарстанг был моложе Биррела, но раза в два массивнее, так что едва помещался в кресле на капитанском мостике. На его суровом лице обычно ничего нельзя было прочесть, но сейчас в голосе капитана «Старзонга» явно ощущалось недовольство. «Ему так же, как и мне, не нравится это задание,— подумал Биррел.— И еще больше то, что на борту его корабля находится непосредственный начальник. Что ж, старину Джо надо понять, я тоже был бы не в восторге, если бы гостем моей эскадры в какой-нибудь экспедиции был губернатор Фердиас. Но это все эмоции, сейчас не до них...»

Биррел сидел рядом с Гарстангом на капитанском мостике, который напоминал полутемный храм с металлическими стенами, куполом и пультом управления, чем-то похожим на алтарь. Около него тихо суетились двое техников — словно двое богобоязненных служек, изредка поглядывавших на своего сурового «епископа» Гарстанга. Ну, а он, Биррел, наверное, казался им самим кардиналом.

«Что ж, звучит неплохо — кардинал Звездной церкви»,— с усмешкой подумал Биррел. Именно звездной — ведь они с Гарстангом вот уже какой час не отрывали глаз от обширного экрана, на котором серебрились россыпи созвездий, объединенных в скопление N-356-44 по Галактическому атласу. Это был настоящий улей из роящихся светил — бледно-зеленых и фиолетовых, белых и золотистых, зеленых и дымчато-красных.

Звезды сияли настолько ослепительно, что терялось обычное для космоса ощущение перспективы, все эти раскаленные миры будто выстроились в ряд, соприкасаясь и толкаясь друг с другом. Они извергали невидимые, но могучие потоки радиации и магнитных полей, способных закружить в своих вихрях любой корабль, словно щепку, и бросить его на дно, имя которому — смерть.

Любой торговый корабль повернул бы назад, испугавшись предстоящих навигационных трудностей. К сожалению, «Старзонг» не был торговым кораблем и не имел права уходить от опасностей.

В сияющем облаке виднелись черные прожилины и темные пятна, но лишь одно из них, лежащее в самом его сердце, могло провести корабль через скопление. Немногие звездолеты проходили этим путем, а еще больше никогда не вернулись обратно.

О чем думали их капитаны, приближаясь к этому мрачному туннелю, окруженному теснинами из сияющих скал? Наверное, вспоминали о родных, близких и проклинали свою опасную профессию... Перед глазами Биррела на мгновение всплыл образ Лиллин, которая терпеливо ждала его в тихом доме на Вегс-4. Астронавтам нельзя иметь семью...

— Что говорит радар? — вновь спросил он, не поворачивая головы.

Гарстанг посмотрел на округлый дисплей, расположенный рядом с креслом.

— Ничего, командор. Пока ничего.— Его мохнатые брови насупились.— Мне кажется, сэр, что мы неоправданно рискуем. Если Орион может устроить засаду, то мы должны были прийти сюда всей эскадрой.

Биррел покачал головой. Его тоже мучили сомнения, но подчиненным необязательно об этом знать. Он сам принял решение лететь на флагмане, без прикрытия и даже без эскадрильи разведывательных кораблей, и ни у кого не должно быть сомнений в его правоте.

— Этого-то и ждет от нас Соллеремос,— глухо сказал он.— В туннеле через скопление легко устроить засаду, и напавший первым получает огромное преимущество. Пятая Лиры бесславно погибла бы, и сектор Ориона сумел бы воспользоваться этим преимуществом. Нет, в таком опасном походе одного корабля вполне достаточно.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Гарстанг.

Биррел оторвал взгляд от экрана и посмотрел на одутловатое лицо капитана флагманского корабля. Серые глазки Гарстанга были непроницаемы, но Биррел прочел в них явное неодобрение.

— Мы не на плацу, Джо,— тихо сказал он.— Не надо мне де-

монстрировать готовность по приказу командира сесть задницей в крапиву. Скажите прямо, что вы думаете?

— Начальству всегда виднее,— после долгой паузы ответил Гарстанг.— Но когда вы поднялись на борт моего корабля, командор, и приказали лететь на эту чертову планету, я подумал: это не лучший день в твоей жизни, старина Джо.

Корабль вошел в туннель, конец которого был отмечен замечательной парой двойных звезд, расположенных по обе стороны от выхода из скопления. Неровные «стены» туннеля, казалось, едва ползли назад — и это несмотря на то, что космолет двигался со скоростью, во много раз превышающей световую. Его двигатель создавал чудовищную тягу, изменяя в очень широком диапазоне соотношение «скорость — масса». При разгоне масса корабля искусственным путем уменьшалась почти до нуля, так что значительное ускорение могло быть достигнуто при сравнительно небольшом расходе энергии. Во время торможения происходил обратный процесс — скорость как бы «перекачивалась» вновь в массу.

Биррел нетерпеливым взглядом смотрел, как иззубренные стены звездного туннеля медленно уходили назад. Казалось, ему никогда не будет конца. За любой из этих разноцветных звезд могла находиться в засаде эскадра Ориона...

— Не кажется ли вам, Джо, что стратегическое значение этого туннеля постоянно растет? — спросил Биррел.— С тех пор как Земля потеряла реальный авторитет, во всех пограничных областях типа этого скопления стало тревожно. Никогда не знаешь, чего и от кого здесь ждать. Корабли пропадают один за другим, а губернаторы только лицемерно разводят руками — мол, очередной несчастный случай, они здесь ни при чем. Какие-то тайные механизмы пришли в движение, и похоже, что сектора вступают в незримый бой, хотя внешне все выглядит весьма благопристойно.

— Я давно знаю, что политика — грязное дело,— проворчал Гарстанг, покосившись на своего командира.— А еще хуже она становится, когда ты увязаешь в ней, словно муха в патоке.

Биррел промолчал, хотя думал точно так же. Навигационные компьютеры гудели от напряжения, решая сложнейшие задачи по компенсации воздействия гравитационных полей соседних звезд. Ошибись они хоть чуть-чуть, корабль был бы разбит вдребезги, словно стеклянная статуэтка под ударом молота.

Прошел час, другой, и наконец мимо проплыли две двойные звезды, злобно мигнув им вслед. «Старзонг» вышел из туннеля. Впереди сияло голубое солнце, окруженное многими парсеками пустоты.

На капитанский мостик поднялся Веннер — молодой подтянутый офицер из навигационной службы. Отдав честь обоим начальникам, он почтительно обратился к Биррелу:

— Командор, наш дальний радар обнаружил в этой системе пять планет. Только вторая из них земного типа. Прикажете направиться сразу к ней?

Гарстанг вопросительно смотрел на Биррела, но тот в ответ только пожал плечами.

— Если у Ориона на самом деле здесь база, то, конечно, она должна находиться на планете, сходной с Землей. Но Соллеремос может подготовить нам и сюрприз. Так что будем исследовать их одну за одной.

Гарстанг кивнул и, взяв в руки коммуникатор, стал отдавать приказы службам корабля. А Биррел, не сводя глаз с раскаленного гиганта, погрузился в размышления.

Верна ли была информация о базе Ориона в этом пограничном районе, примыкавшем к сектору Лиры? Или это лишь хитрость, попытка заманить эскадру Фердиаса в ловушку? Да, засады в туннеле не оказалось, но, быть может, ее надо ожидать здесь, в системе голубого гиганта? Или все обстоит совершенно иначе, и они с Фердиасом просто клюнули на дезинформацию, а Орион сейчас предпринимает какие-то шаги в совсем другой части пограничной области?

Внезапно Биррел почувствовал себя старым и усталым. Начиная с семнадцати лет он служил в Пятой Лиры, пройдя путь от рядового астронавта до командора, и все двадцать лет службы его не покидало изматывающее нервное напряжение. Любая ошибка техника-двигателиста грозила гибелью крейсеру; промах же командора Биррела мог поставить под угрозу безопасность всего сектора, в который входили сотни звезд и тысячи населенных планет.

А ведь пару столетий назад все было иначе. Сектора лишь формально разделяли обитаемую часть Галактики — Объединенные миры, в которых преобладало гуманоидное население. Губернаторы секторов назначались Советом, базировавшимся на Земле, а звездные эскадры были лишь частью могучего галактического флота. В те старые, добрые времена борьба велась лишь с силами природы, однако это продолжалось недолго.

Возможно, причиной будущих потрясений стало то, что вновь открытые астронавтами с Земли планеты нередко оказывались заселенными разумными существами. И даже не гуманоидами, а людьми в полном смысле этого слова! Антропологи до сих пор ломали копья в бесконечных спорах: стало ли это следствием рассеивания через космос так называемых «спор жизни», несущих хромосомный набор хомо сапиенс, или некогда, в другом цикле развития, люди сами расселились по множеству галактических миров?

Большинство ученых в последнее время склонялись ко второй гипотезе, но реальных доказательств найдено не было. Конечно, цивилизации на различных планетах находились на различных этапах развития — от варваров каменного века до высокоразвитых культур, вплотную подошедших к решению проблемы межзвездных перелетов. Земляне лишь немного опередили своих собратьев из других звездных систем, но именно они стали основателями галактического братства. И не их вина была в том, что Совет Объединенных миров с лавинообразной скоростью стал пополняться новыми членами, а граница ОМ с каждым десятилетием увеличивалась на десятки парсеков.

Поначалу Земля еще пыталась выполнить функции центра, однако огромные расстояния сделали эти потуги бессмысленными. На одной из сессий Совета были созданы пять секторов, объединявших громадные звездные скопления. Ныне существовали пять таких «звездных штатов»: сектор Орион с губернатором Соллеремосом, Цефея с Ворном, Лев с Гианеем, Персей со Строном и Лира с Фердиасом. Лишь формально эти сектора входили в ОМ, а правители могучих звездных скоплений скромно именовались губернаторами.

На самом деле Совет ОМ давно превратился в атавизм, а под внешне дружескими отношениями между губернаторами скрывалась ненасытная жажда власти и взаимная ненависть. Все правители жаждали новых звезд и новых парсеков пространства. «Даже Фердиас,— с грустью подумал Биррел,— мой друг и повелитель».

Губернатор Лиры давно играл в тайную игру со звездами, посылая свои эскадры из одной части Галактики в другую — словно переставлял пешки на шахматной доске. Он умело балансировал между миром и войной и с каждым «ходом» понемногу расширял свой сектор — то на незначительную туманность, то даже на одну-единственную звездную систему...

Миссия Биррела была частью этой тайной галактической схватки. Фердиас получил сведения от своих агентов, что Соллеремос основал базу в буферной зоне между Лирой и Орионом, нарушив тем самым соглашения между секторами. Такое случалось нередко, но пока конфликты не выходили за пределы «схватки под ковром». То там, то здесь при загадочных обстоятельствах исчезали корабли с сотнями людей, вымирали от таинственных эпидемий целые поселения на пограничных планетах, а в официальных сводках все это именовалось лишь «несчастными случаями». С каждым годом напряженность между секторами росла, так что Биррел не очень-то надеялся на мирный исход.

— Подходим к системе голубой звезды,— доложил Гарстанг сдавленным голосом.

«Стразонг» вздрогнул — это конвертор почти мгновенно погасил скорость корабля, преобразовав энергию кинетического движения в массу. На экране появилась безжизненная планета, испещренная кратерами вулканов и гигантскими трещинами. Было очевидно, что она лишена жизни, но корабль тем не менее сделал несколько витков, пока его сенсоры окончательно не подтвердили — планета пуста.

Второй мир оказался земного типа. Биррел почти не надеялся, что база Ориона именно здесь — слишком уж это было бы просто. Час спустя радары обнаружили большой город, а рядом — примитивный космопорт.

Здесь, на этой стороне планеты, царила ночь. Небо сияло миллионами звезд, бросавшими на песчаные дюны возле космопорта призрачный дрожащий свет. Город спал, не подозревая, что в нескольких милях над ним завис крейсер, ощупывая поверхность невидимыми лучами своих радаров.

Но на экранах не появилось ничего интересного — ни звездолетов

Ориона, ни его базы, ни лагеря его легионов. Космопорт был пуст, как, впрочем, и пустыня на многие сотни миль вокруг.

— Это ничего не значит,— буркнул Гарстанг, недоверчиво глядя на экраны.— Соллеремос — хитрая лиса. Его корабли могут находиться на другой стороне планеты или где-то еще в этой системе. Командор, нутром чую — здесь нас ждет ловушка. Надо было Пятой прилететь сюда в полном составе...

— ...чтобы встретиться на планете с наблюдателями из ОМ, которых Соллеремос предупредил об «угрозе с Лиры» и попросил лично убедиться в нашей агрессивности? — насмешливо подхватил Биррел, надевая свой парадный мундир в голубых и серебряных тонах.— Нет, Джо, в такую примитивную западню мы больше не попадемся.

Он спрятал в карман порто — портативный коммуникатор.

— Погодите, командор! — запротестовал Гарстанг.— Вы не сказали, сколько человек вам понадобится для сопровождения.

— Никого. Я пойду один.

Глаза Гарстанга расширились от изумления.

— Бога ради, сэр!

— Я знаю, что делаю,— раздраженно ответил Биррел.— Однажды я уже бывал на этой планете.

Командир «Старзонга» вздрогнул — за долгие годы совместной службы он так и не смог привыкнуть к сюрпризам своего начальника.

— Были здесь? Но зачем же мы тогда блуждали...

— Потому что базы Ориона здесь нет и быть не может,— спокойно объяснил Биррел.— Местное племя, что называется, бедное, но гордое. Оно свято чтит предания тех далеких времен, когда их короли правили всем звездным скоплением. Эти люди терпеть не могут чужеземцев и готовы принять не более одного-единственного гостя. Лет пятнадцать назад, когда я был простым техником на Пятой, старый командор Болланд именно меня послал на разведку в этот город. Пойду, проведаю старых знакомых...

— Понятно,— произнес Гарстанг, недовольно качая головой.— Я же говорил вам давеча — с начальством не соскучишься. Но что, если ваши знакомые-аборигены тоже любят устраивать неприятные сюрпризы?

— На этот случай у меня есть порто,— ответил Биррел, похлопав себя по карману.— Слушайте меня внимательно, Джо. Через тридцать минут после того, как я войду в город, я вызову вас и дальше буду связываться с вами через каждые полчаса. Если хоть раз мой сигнал не придет, включайте двигатель и поскорее уносите отсюда ноги. Мстить этому племени — что высечь океан, толку все равно не будет. Нельзя давать Соллеремосу ни одного козыря, понимаете?

— Да Фердиас с меня голову снимет, если с вами что-то случится! — вспылил Гарстанг, побагровев.— И потом, неужели вы думаете, Джей, что я брошу так просто своего старого друга?

Биррел сурово посмотрел на капитана «Старзонга".

— Фердиас в курсе моего плана,— тихо сказал он.— Ему не впервой рисковать своими подчиненными. А вот я этого делать не хочу. Вам ясно, Гарстанг?

Капитан «Старзонга» кивнул с безнадежным видом.

— А теперь сажайте корабль,— велел Биррел и пошел к выходу.

Когда двигатели смолкли и люк автоматически открылся, Биррел постоял некоторое время, вдыхая чужой колючий воздух, насыщенный непривычными запахами. Впереди под россыпями звезд были видны силуэты башен старого города. Лишь кое-где в домах горели огни, но они выглядели далеко не приветливо.

Гарстанг неприязненно смотрел на город, который больше напоминал огромную и мрачную крепость, чем столицу цивилизованного государства.

— Сэр, мне не очень нравится эта ваша идея насчет тридцатиминутных пауз между вызовами,— наконец решился сказать он.— Вы чего-то опасаетесь, верно? Неужели я не могу предпринять хотя бы простейшие шаги, чтобы попытаться вызволить вас?

— Ну, что ж, попробуйте,— после некоторого колебания ответил Биррел.— Но если кораблю будет угрожать серьезная опасность, то без колебания возвращайтесь на Вегу. На этой планете царит глубокое средневековье, и каждый гражданин прекрасно владеет оружием. Фердиасу только не хватает серьезного конфликта в пограничной зоне! Представляю, как на это отреагирует Соллеремос...

— А я отлично знаю, что услышу от губернатора, если вернусь без вас,— пробурчал Гарстанг.— Ладно, удачи, командор!

Биррел успокаивающе похлопал товарища по плечу и легко сбежал по пандусу. Ноги его по щиколотку увязли в песке,— похоже, на этом космодроме действительно давно не садились корабли. Поежившись от ночного холода, Биррел зашагал к городским воротам.

Он вспомнил, как много лет назад шел этой же дорогой. Тогда он был юн, полон энтузиазма и жаждал геройских подвигов. Доверие самого командора Пятой наполняло его душу восторгом, и никакие опасности не страшили. Но теперь все изменилось. То ли сказывается возраст, то ли недавняя женитьба, однако рисковать головой ему ныне вовсе не хотелось. Да, Фердиас — его давний друг, но губернатор управлял огромным сектором Галактики, а командор эскадры был лишь пешкой в его игре, в которой человеческая жизнь не ценилась и на грош. Биррелу было не по себе от мысли, что Фердиас так легко поставил на кон его голову.

Очертания города стали проясняться. Теперь можно было разглядеть башнеподобные дома круглой и восьмиугольной форм, беспорядочно жмущиеся друг к другу. Их остроконечные крыши мерцали под светом звезд, а бесчисленные глазницы окон пристально вглядывались в непрошенного гостя из другого мира. Ветер бросал в лицо пригоршни колючих песчинок, и кроме этого вечного голоса пустыни Биррел не слышал ни

одного звука. Казалось, город затаился, словно зверь, приготовившийся к прыжку.

Глава 2

Трос аборигенов встртили Биррела у ворот. Это были гиганты ростом более семи футов, одетые в серые балахоны, под которыми угадывались тонкие, как тростинки, фигуры. Они двигались изящной, легкой походкой, опираясь на длинные посохи из резной кости. Вытянутые, словно на картинках Эль Греко, лица были увенчаны пирамидальными прическами, слегка покачивающимися при ходьбе. Немигающие глаза, упрятанные под резко выдающимися вперед надбровными дугами, казались таинственными и бесстрастными.

— Что делает здесь чужеземец с далекой звезды? — спросил один из аборигенов на отличном галакто.

— Я хочу поговорить с властителем города о других чужеземцах,— уверенным тоном сказал Биррел.

— Здесь нет чужаков, кроме тебя,— ответил один из горожан, не проявив ни малейших эмоций.— Возвращайся на свой корабль, незнакомец, и немедленно улетай с Лидии.

Биррелу приходилось десятки раз общаться с гуманоидами на различных планетах Галактики, и он знал, как трудно достичь взаимопонимания. Но он знал и другое — упорству надо противопоставлять настойчивость, глухоте — ясные, понятные всем слова.

— Здесь есть другие чужеземцы,— мягко произнес он.— Властитель города знает об этом.

Туземцы переглянулись, смущенные его настойчивостью. Наконец один из них медленно наклонил голову:

— Твои речи темны, чужеземец, но наш правитель Седарх мудр и сможет понять твои тайные мысли — те, что лежат за пустой скорлупой слов.

Аборигены окружили Биррела и повели его через широко раскрытые створки ворот. Когда-то он уже шел этой дорогой и вновь его удивил этот странный город, где не было ни улиц, ни тротуаров — только волнистые дюны между тесно стоящими зданиями-башнями. Ни один светильник не рассеивал мглу глубокой ночи, но шедший впереди абориген зажег маленький фонарь. Биррел украдкой взглянул на ручные часы, заметив момент, когда они прошли через ворота. Гарстанг начал отсчет первых тридцати минут — кто знает, что произойдет за это время?

Увязая по щиколотку в песке, Биррел едва поспевал за широкими шагами аборигена с фонарем и одновременно ощущал спиной враждебные взгляды его товарищей. Мимо проплывали массивные стены, сло-

женные из грубо обтесанных камней, и узкие, словно бойницы, окна, темные и настороженные. Кое-где на пути встречались пыльные безлистые кустарники, настолько унылые, что их трудно было назвать «зелеными насаждениями». В прошлый свой приезд на Гинею Биррел слышал об обширных плантациях, разбитых в глубинах подземных каверн, но никогда не видел их.

Трудно было поверить, что этот скучный, беспорядочно сооруженный город был некогда столицей огромного звездного скопления. Впрочем, это могло быть лишь красивой легендой. Едва ли не каждый варварский мир привык хвастаться могучими предками, как правило, не оставившими никаких ощутимых следов своей титанической деятельности. Некоторые ученые даже усматривали в этом стандартном мифотворчестве доказательство единства происхождения всей человеческой популяции в Галактике, у которой тысячи лет назад была одна прародина, со своими легендами и преданиями.

Вскоре они подошли к приземистой башне, из широко открытой двери которой лился желтый свет.

— Желает ли чужеземец войти в жилище нашего правителя?

Биррел с сомнением взглянул на здание, больше похожее на таверну, но без вопросов вошел внутрь. Его спина уже успела онеметь от недружественных взглядов провожатых. Да, здесь не любили чужеземцев, так что скорее всего его миссия напра...

Он замер на пороге. Большая комната с голыми каменными стенами была едва освещена лампой, выточенной из крупного кристалла, похожего на кварц. За грубо сколоченным столом сидели четверо мужчин, потягивая вино из высоких кружек.

Это были не аборигены-гуманоиды, нет — это были люди, носившие комбинезоны астронавтов с эмблемами Ориона на плечах и со станнерами за поясами. Только один из незнакомцев был одет в обычный гражданский костюм без каких-либо знаков отличия. Заметив Биррела, он встал со стула и пошел ему навстречу — худощавый, невысокого роста мужчина средних лет, с массивной головой и настороженными карими глазами. Его движения отличались тигриной грацией, которая говорила о недюженной силе.

— Вот и вы, командор,— скупо улыбнулся мужчина в гражданском.— Мое имя Таунцер. Это я назначил вам свидание и очень рад, что вы не заставили себя долго ждать.

Биррел никогда не видел этого человека, но его имя говорило о многом. Таунцер был известен как один из самых ловких и опасных агентов Соллеремоса, оставивший кровавый след на десятках пограничных мирах.

Он криво усмехнулся.

— Выходит, я оказался в дураках?

Таунцер пожал плечами.

— Не надо так переживать, командор. Просто каждый делает то, на

что он способен. Прошу садиться. Правда, местная мебель, по обычаю, вытесана из камня, но я уж постараюсь, чтобы вам было удобно. Хотите вина? Местный херес, право, недурен.

Трое здоровяков за столом выразительно смотрели на Биррела, поигрывая тренированными мускулами, и он решил принять предложение. Кресло оказалось действительно жестким и неудобным; оно было рассчитано на двухметровых аборигенов, так что ноги Биррела немного не доставали до пола. Он бросил взгляд на дверь, однако туземцев и след простыл. На часы же он не решился взглянуть — Таунцер пристально следил за каждым его движением проницательными смеющимися глазами.

Остальные мужчины словно не обращали на него никакого внимания, хотя Биррел не питал на этот счет никаких иллюзий. Он не успел бы даже коснуться своего порто, как получил бы по заряду из каждого станнера. Что ж, надо выждать подходящий момент, но времени на это оставалось немного, минут пятнадцать, не больше.

— Просто поразительно, Таунцер, как вы сумели столковаться с этим племенем,— сказал Биррел, недоуменно покачивая головой.— Насколько мне известно, они никогда не вступали в сговор с чужаками. Это противоречит всем их обычаям. Я бы никогда так просто не купился на вашу приманку, если бы хоть на грамм сомневался в их непробиваемом консерватизме.

— Все верно, командор, вы рассуждаете совершенно верно,— с довольной ухмылкой сказал Таунцер.— Только в одном вы ошиблись. Дело в том, что в моих жилах течет часть крови и этого племени. Однажды моя прабабка согрешила с одним из этих верзил и вписала этим позорную страницу в родословную моей семьи. Но, как видите, даже постыдный блуд с гуманоидом может пойти на пользу умному правнуку.

Биррел пожал плечами, испытывая сильное желание взглянуть на часы. Теперь он уже сожалел, что перед уходом дал слабину и предоставил Гарстангу относительную свободу действий. Кто теперь знает, во что может обойтись Лире его сегодняшний промах?

Таунцер пригубил вино и закрыл глаза, словно от наслаждения, затем вдруг небрежно произнес:

— Кстати командор, я не зря зажмурился. Можете быстро взглянуть на часы, пока я вас не вижу.

Он хохотнул и одним глотком опорожнил кружку до дна. Лицо Биррела вспыхнуло от гнева. Агент Соллерсмоса действительно был ловкой бестией, а сейчас явно испытывал удовольствие от того, что сумел поймать доверенное лицо Фердиаса на голый крючок. Что ж, придется рвать леску...

Биррел посмотрел на часы и спокойно сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, Таунцер, что мои люди следят за каждым моим шагом? Они получили кое-какие инструкции на этот счет.

Таунцер произнес почти утешающим тоном:

— Не сомневаюсь в этом, командор. У меня было достаточно вре-

мени, чтобы изучить ваше досье и узнать кое-что о ваших методах действия. У губернатора Фердиаса есть одна скверная привычка: использовать в особо щекотливых ситуациях командующего Пятой Лиры как особо доверенного агента. Так что, я ждал именно вас, Биррел, и рад, что не обманулся. Что касается ваших угроз, то от них есть очень простая защита: сидеть и ждать, ничего не предпринимая. Вот мы и подождем.

Биррел внутренне чертыхнулся. Кажется, Гарстанг был прав, стоило бы прийти сюда всей эскадрой.

— Рад слышать, что меня столь высоко ценят на Орионе,— после паузы сказал он.— Чем же я могу быть вам полезен, Таунцер?

— О, пустяки, командор, совершеннейшие пустяки,— добродушно усмехнулся агент.— Я хочу услышать ответ на один-единственный вопрос.

Он вскочил с кресла, подойдя к Биррелу, наклонился и тихо спросил, все еще продолжая улыбаться:

— Каковы планы Фердиаса по отношению к Земле?

Некоторое время Биррел изумленно смотрел на Таунцера. Он был готов к любым вопросам, кроме этого. Командующий лучшей эскадрой Лиры немало знал о тактических и даже стратегических планах Фердиаса, имел исчерпывающие сведения о диспозиции его основных сил, о секретных базах, о новых видах оружия — словом, о десятках вещей, которые могли бы весьма заинтересовать губернатора Ориона. Но это... Это не поддавалось объяснению.

Земля, несмотря на свое прошлое, давно уже была захолустной, потерявшей всяческое влияние планетой. Да, на ней все еще заседал Совет ОМ и базировался объединенный космофлот, но это уже не имело никакого значения. Даже он, Биррел, побывавший почти во всех концах Галактики, никогда и на несколько парсеков не подходил к Солнечной системе. Правда, в его жилах бежала кровь земных предков — его прадед был выходцем из Соединенных Штатов, но сам он не испытывал ни малейшего интереса к своей прародине, которую никогда не видел.

В грандиозной игре, которую вели друг против друга губернаторы секторов, Земля не имела и не могла иметь никакого веса. Фердиас ни разу не упоминал ее даже в приватных разговорах с Биррелом, не опускаясь до масштабов, меньших, чем звездные скопления. Так что, скорее всего, вопрос Таунцера был очередной уловкой, отвлекающим маневром, попыткой сбить его с толку...

— Повторяю, Биррел, что замышляет губернатор Лиры по отношению к Земле?

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, приятель,— обезоруживающе улыбнувшись, ответил командор.

— Не исключено,— согласился Таунцер.— Но, знаете, я всерьез навожу справки по этому поводу и боюсь, вашего слова будет маловато. Кстати, где сейчас находится Кэрш?

Он выстрелил последним вопросом, явно стараясь застать пленника врасплох. Но Биррел глазом не моргнул.

— Кэрш? Это еще что за птица?

Биррел выпрямился, болезненно поморщившись.

— Ладно, пустые разговоры. Они только задерживают нас, командор, а мы с вами — люди занятые. Доу!

Один из астронавтов поднялся из-за стола и, повинуясь движению руки Таунцера, пошел в соседнюю комнату. Сердце Биррела тревожно забилось. До очередного вызова Гарстанга осталось не более десяти минут.

— У вас мало времени, Таунцер,— напомнил он.— Мы оба сделали ошибки, но ваша может иметь самые плачевные последствия.

— Я рад, что вы так заботитесь о моем благополучии, командор,— усмехнулся Таунцер, хищно поглядывая на пленника.— Боюсь, не смогу ответить вам тем же. Ваши люди не придут к вам на помощь, а вот мои, надеюсь, не подкачают.

— Вы слишком самоуверенны, Таунцер.

— Что делать, у всех свои слабости. Доу, ты можешь поторопиться?

— Все готово, сэр.

Доу вошел боком в комнату, неся треножник, на вершине которого был расположен прибор с широким раструбом. Во рту Биррела пересохло. Он видел подобную штуку не раз. Это был «детектор правды", который с помощью особого излучения подавлял человеческую психику, и пленник не мог лживо отвечать на вопросы.

Да, он не знал ничего о планах Фердиаса по отношению к Земле и не имел ни малейшего представления, где сейчас находится Кэрш — правая рука правителя Лиры в тайной борьбе за звезды. Но он знал массу вещей, которые весьма могли заинтересовать Соллеремоса.

Сколько времени у него осталось? Десять минут или уже всего пять? Когда включат «ДП", будет слишком поздно. Надо как-то выкрутиться, как-то оттянуть время, но как?

Биррелу пришла в голову лишь простейшая идея, и он без раздумий пустил ее в ход. Внезапно он выпрыгнул из кресла и бросился на Доу, который устанавливал прибор. Командор не сомневался, что головорезы Таунцера не осмелятся пустить в ход станнеры, и оказался прав.

Ему удалось достичь «ДП» на долю секунды раньше, чем его смогли остановить. Сильным ударом он скинул прибор на пол. Тут же на него навалились трое дюжих молодцов, но Биррел не доставил им удовольствия помять ему кости. Он мгновенно перестал сопротивляться, экономя силы.

Его волоком вновь подтащили к креслу и усадили на жесткое сиденье, предварительно угостив парой увесистых оплеух. Доу тем временем, проклиная все на свете, поднял прибор и тщательно осмотрел.

— Больно вы прытки для своей солидной должности, командор,— побелев от ярости, процедил Таунцер.— Я уже говорил вам — бросьте рыпаться понапрасну, никто вам теперь не поможет. Надо уметь

проигрывать, Биррел, вы же не мальчишка... Доу, черт тебя дери, как там прибор?

— Э-э... кажется, все обошлось, сэр. Точно, все обошлось.

— Тебе же лучше, парень. А не то эта ошибка могла стать последней в твоей жизни, остолоп... А вы напрасно ухмыляетесь, Биррел. Если ваши люди вступят в игру, то они получат хорошую взбучку.

— А это еще почему? Неужели аборигены вступятся за честь вашей бабки-блудницы?

Таунцер ядовито улыбнулся.

— К сожалению, они наотрез отказались выступить с оружием на стороне Ориона. А представляете, какой это был бы замечательный скандал: агрессоры-убийцы с Лиры уничтожают мирных туземцев из пограничной области! Соллеремос мог бы нажить на этом солидный политический капитал... Увы, приходится бороться с вами более тривиальными средствами. Три моих крейсера скрываются за крупными астероидами невдалеке от планеты и в момент вашего приземления получили приказ лететь к городу. Они накроют ракетами ваш «Старзонг", даже не спускаясь с орбиты. Как вам это нравится, командор?

Хуже ничего не могло произойти. Биррел изо всех сил пытался сохранить на лице бесстрастное выражение, но, видимо, это плохо ему удалось, потому что улыбка Таунцера стала шире.

— Думаю, вы понимаете, что такой поворот событий не выгоден нам обоим. К чему устраивать бойню, если можно тихо-мирно решить все вопросы? А ведь во всем виновата ваша слава, Биррел. Всем известно, что вы в особом фаворе у Фердиаса, кому же знать его секретные планы, как не вам?

— Дружба — это одно, а знание политических тайн — другое,— горячо возразил Биррел.— Не путайте божий дар с яичницей. И потом, Таунцер, вы с сегодняшнего дня становитесь личным врагом губернатора Лиры, то есть бесспорным кандидатом в покойники.

— Возможно,— нахмурившись, согласился Таунцер.— Но сами понимаете, если я прилечу к Соллеремосу с пустыми руками, это тоже не пойдет на пользу моему здоровью. Итак, вы решительно не хотите добровольно рассказать нам о замыслах Фердиаса по отношению к Земле? Доу, включай прибор, командор попросту тянет время.

Не успел техник коснуться кнопки, как со стороны пустыни раздался могучий грохот. Гарстанг все-таки поднял крейсер! «Молодец!» — с радостью подумал Биррел. Теперь кораблям Ориона так просто его не взять.

— Доу, болван, включай свою машину! — заорал Таунцер, впервые теряя самообладание. В этот момент в проеме наружной двери появились трое аборигенов — тех, что привели Биррела в ловушку. На их обычно бесстрастных лицах теперь была заметна растерянность. Командор быстро воспользовался этим:

— Горожане, одумайтесь! — закричал он на галакто.— Вас впутали в грязное дело! Мой крейсер уничтожит вас, если вы не поможете освободить меня от этих грязных чужаков! Передайте вашему правителю...

Один из людей Таунцера не выдержал и сильно ударил его в челюсть. Биррел рухнул, чувствуя, что теряет сознание. Его ход сработал...

Тем временем «Стразонг», развернувшись, прошел низко над городом. От рева двигателя проснулись все жители и, выбежав на улицы, едва не задохнулись в пыльном воздухе. Многие в панике рухнули на землю, закрыв голову руками. Женщины и дети испуганно завопили. Через несколько мгновений на город обрушилась ударная волна.

Глава 3

Небо раскололось от чудовищного грохота. Градом посыпались стекла из окон, многие куполообразные крыши снесло, словно от удара гигантского кулака. Вопли ужаса заполнили огромный город.

Затем грохот стал стихать, уходя на запад, и еще через минуту наступила тишина. Кое-кто из горожан стал подниматься на ноги, в страхе глядя по сторонам. А в таверне Таунцер, изрыгая проклятия, нещадно хлестал Биррела по щекам, безуспешно пытаясь привести пленника в чувство.

Крейсер вскоре вновь вернулся, пройдя над зданиями еще ниже. Казалось, Гарстанг всерьез рисковал распороть брюхо кораблю остроконечными шпилями башен. Воздействие ударной волны на этот раз было сокрушительным, словно орудийный обстрел. Опустевшие дома содрогнулись, стены многих из них треснули, крыши сдуло, словно ураганом, на людей посыпался град камней. Когда крейсер исчез за горизонтом, на пороге таверны вновь появились те трое аборигенов, что заманили Биррела в ловушку. На этот раз на их лицах был виден неприкрытый ужас.

— Вы обманули нас! — закричал один из туземцев, с ненавистью глядя на Таунцера.— Вы обещали, что изгоните с Гинеи всех чужеземцев! А вместо этого натравили их на наш бедный народ!

— Я всем сердцем хочу вам добра! — запротестовал Таунцер, побледнев.— Послушайте, Карн...

— Да, послушайте,— слабым голосом сказал Биррел, придя в себя после нокаута.— Послушайте, как мой крейсер вновь пройдет над городом. Он будет утюжить небо, пока вы не освободите меня от этих мерзавцев...

Таунцер хлестким ударом заставил его замолчать. Лицо Биррела залила кровь.

"Старзонг» вернулся, и на этот раз, казалось, в небе разорвалась ядерная бомба.

Когда все стихло, один из аборигенов с трудом поднялся на ноги, стряхнул с себя каменную пыль и, издав вопль отчаяния, подскочил к Биррелу. Схватив оглушенного командора за руку, он потащил его к выходу.

— Эй, не смейте...— пробормотал Таунцер, еще не отойдя от пережитого минуту назад ужаса.— Он мой пленник, и вы должны...

Высокий горожанин обернулся и в ярости воскликнул:

— Мы, дети звездных королей, ничего не должны такой жалкой полукровке, как ты! Немедленно убирайся с Гинеи, иначе мои люди будут гнать тебя через пустыню, словно дикого зверя!

Биррел пошел на негнущихся ногах к проему двери и увидел рядом с таверной растущую толпу разгневанных людей. Таунцер тоже заметил их и еще больше помрачнел. Демонстративно отряхнув пыль с колен, командор шагнул через порог.

— Не давайте ему уйти, сэр! — срывающимся голосом просипел Доу.— Губернатор будет недоволен нами...

— Что я могу сделать? — процедил сквозь зубы Таунцер.— Ничего, с этим вегианином мы еще посчитаемся...

Биррел прошел через возбужденную толпу, которая тем не менее расступилась перед ним. Чужака проводили взглядами ненависти, но никто не преследовал его. Выйдя из города, Биррел достал порто из кармана и связался с Гарстангом. А затем, больше не оглядываясь, торопливо пошел через пустыню в сторону космодрома.

Через четверть часа он уже поднялся по пандусу и, не отвечая на расспросы капитана, коротко приказал:

— Немедленно взлетайте! Скоро сюда прибудут три орионских крейсера. Только битвы в космосе нам сейчас не хватало...

Гарстанг кивнул и побежал по коридору в сторону капитанского мостика. Когда Биррел добрел туда же и бессильно рухнул в кресло, двигатель уже заработал. С предельной перегрузкой «Старзонг» ушел в небо. Гарстанг выбрал траекторию ухода, которая, как ему казалось, уводила их от кораблей Ориона.

— Когда мы подойдем к туннелю в звездном скоплении? — спросил Биррел, понемногу приходя в себя.

— Меньше чем через полчаса,— ответил Гарстанг, с тревогой глядя на экраны радара, на которых было пока пусто.— Я бы не прочь вступить в бой, командор, бежать — не в традициях флагманского корабля Пятой Лиры. Но с тремя крейсерами противника нам не справиться...

Биррел хмуро кивнул. Боевые корабли всех секторов были оснащены самонаводящимися ракетами с ядерными боеголовками. Никакой бронированный корпус тут не помог бы, поэтому единственным оружием защиты служили антиракеты и противорадары, мешающие наведению ракет противника на цель. Залпам с одного и даже двух крейсеров еще как-то можно было противостоять, но бой одного корабля против трех был бессмысленным.

Гарстанг отдал очередной приказ, и по коридорам прокатился вой сирены, предупреждая о переходе к сверхсветовой скорости. Сразу же вокруг всех кресел с членами экипажа возник невидимый силовой конус антигравитатора, гасящий смертоносное действие чудовищной перегрузки. И тем не менее все ощутили резкую головную боль и тошноту.

Корабль прыгнул к звездному скоплению, нацелившись на пару красных двойных звезд, за которыми начинался вход в туннель.

Обзорные экраны на мгновение погасли, а затем вновь зажглись россыпями бесчисленных созвездий. Казалось, они не двигались с места, но зловещая пара двойных звезд быстро приближалась.

— Сэр, корабли Ориона появились на экране радара,— напряженным голосом доложил Гарстанг.— Судя по их ускорению, это легкие крейсеры типа С-16. Их суммарная огневая мощь превосходит нашу всего лишь в полтора раза, однако максимальная скорость выше на одну восьмую...

— Это только цифры,— оборвал Биррел.— Вы же знаете, Джо, до открытой схватки между нашими секторами дело еще ни разу не доходило. А вот если Лира потеряет свой флагманский корабль, это может привести к галактической войне.

Гарстанг понимающе кивнул. Через несколько минут «Старзонг» миновал двойные звезды и вошел в туннель. Капитан сразу же отдал приказ снизить ускорение. Биррел понимал его — гравитационные поля внутри туннеля были настолько сильными и сложными по конфигурации, что при чрезмерно большой скорости силовая защита флагмана могла не выдержать, и он бы мгновенно рассыпался на куски. Конечно, корабли Ориона должны были поступить точно так же, но они были куда легче и могли позволить себе большее ускорение.

Биррел не вмешивался, несмотря на всю опасность ситуации. Гарстанг был опытным капитаном и не раз спасал свой корабль от гибели. Правда, ему ни разу до сих пор не приходилось бежать от противника...

Туннель постепенно сужался, оскаливаясь острыми клыками созвездий, которые, казалось, грозили разорвать крейсер Лиры в клочья. Но эта опасность была не единственной...

— Противник сокращает дистанцию,— хладнокровно доложил Гарстанг, не отрывая глаз от экранов радара.— Боюсь, мы попадем в зону обстрела, не дойдя до конца туннеля.

Биррел посмотрел на верхнюю часть экрана, где среди россыпей звезд появилось обширное темное пятно. Это была туманность, находящаяся в самом центре гигантского звездного скопления.

— Насколько я понимаю, у нас остается только один выход,— сказал он.

Гарстанг проследил его взгляд и протестующе воскликнул:

— Надеюсь, вы не имеете в виду этот угольный мешок, командор!

Биррел пожал плечами.

— У вас есть другая идея, Джо? Я готов ее обсудить. В любом случае это не приказ, вы — командир корабля.

— Разве? — с иронией спросил Гарстанг.— Если бы это было так, то «Старзонга» здесь не было бы.— Он наклонился к коммуникатору и хрипло произнес: — Внимание, новый курс к зениту и на север на

тридцать восемь градусов. Включить киберштурман и автопилот. Повторяю, новый курс...

Биррел подумал о том, как изменились, наверное, сейчас лица у парней в навигационном отсеке. Что поделать, кому нравится этот путь, но иного выхода нет...

Пульты ручного управления погасли, зато вспыхнули сотнями мигающих огней стойки компьютеров. Мириады звезд на обзорном экране медленно поплыли вниз, а на их месте появилось темное облако пыли, испещренное черными расщелинами космических течений. В глубине туманности едва тлели утопленные в космической пыли солнца.

Радар сообщил, что крейсеры Ориона находятся в туннеле, но «Старзонг» уже вошел в опасную, насыщенную пылью область, в которой его сложно было отличить от любого из мириадов каменных обломков.

Это был эффективный путь ухода от радаров противника, хотя чрезвычайно рискованный. В пыльном облаке вязли и лучи радаров самого «Старзонга", так что система противометеоритной защиты становилась крайне ненадежной. Автопилот попросту мог не успеть среагировать на обломок, обнаруженный радарами на небольшом расстоянии от корабля, так что шансы уцелеть были невелики. Но в схватке с тремя крейсерами их не было вовсе.

Биррел отключил противоперегрузочное поле и стал бесцельно ходить по капитанскому мостику. Экипаж был сейчас не у дел — настал час корабля, его радаров, двигателей, генераторов, компьютеров. Командование временно принял на себя киберштурман, а автопилот послушно выполнял все его приказы, проводя звездолет через космические течения.

Мимо, словно факелы в ночи, проплывали тускло горящие солнца, выбрасывая навстречу кораблю невидимые щупальца гравитационных полей, захватывая его потоками жестких лучей и расставляя ловушки в виде мощных магнитных вихрей.

Весь корабль наполнился мелодичной музыкой работы компьютеров, которые держали сейчас судьбу членов экипажа в своих чутких электронных руках. Малейшая ошибка в сложнейших вычислениях, сбой в системе управления могли бы мгновенно погубить крейсер, и никто — ни пилоты, ни штурманы, ни даже капитан не смогли бы ничего сделать. Только трижды за свою долгую службу в космофлоте Биррел проходил через подобное испытание, и каждый раз его охватывало острое чувство беспомощности и одновременно — благоговения, словно окутавший корабль огненный туман был остатком первичного облака раскаленной плазмы, из которого образовалась Вселенная.

Пространство и время, казалось, исчезли. Мельком Биррел подумал — рискнули ли крейсеры Ориона преследовать их в этом аду,— но тут же забыл об этом. Слишком величественное зрелище открылось перед ним на экране, так что все недавние заботы и тревоги казались мелочными и суетными.

Прошел час — или год? — прежде чем «Старзонг» внезапно выныр-

нул из туманности и оказался в открытом космосе, за пределами звездного скопления. И сразу стихла органная музыка компьютеров, погасли тысячи мигающих огоньков на контрольных панелях, а вместо этого ожили пульты ручного управления. Но только через несколько минут в коридорах вновь послышались голоса людей — уж слишком все были ошеломлены увиденным и пережитым. Биррел молча обнял Гарстанга за плечи, затем не спеша направился в радиорубку. Вернувшись, он сказал:

— Пятая движется нам навстречу. Можете дать максимальное ускорение?

Гарстанг в сомнении покачал головой, но, изучив показания контрольных приборов, доложил:

— Да, могу. В генераторах сохранился запас энергии еще для одного разгона.

"Старзонг» прошел последние одиночные звезды на периферии скопления, и теперь между ним и Плеядами не было ничего, кроме нескольких парсеков пустоты. Экипаж вновь занял места в перегрузочных креслах, и корабль начал новый разгон.

Вскоре из туннеля в скоплении вынырнули три сверкающие искры. Но расстояние до крейсера было столь велико, что преследование было бессмысленным. Развернувшись, корабли Соллеремоса убрались во-свояси.

Биррел вспомнил об угрозах Таунцера и улыбнулся. Через несколько часов впереди на экранах радара появилась россыпь огоньков, двигающихся в четком строю. Их можно было принять за метеоритный поток, но Биррел знал, что навстречу движутся сорок четыре могучих звездолета Пятой Лиры. Сердце командора, как всегда, наполнилось гордостью за то, что его сектор Галактики обладает столь могучей эскадрой; и все же одновременно где-то в глубине души в который раз колыхнулось сомнение — имел ли он право управлять этим космическим титаном? Ведь ему еще не было сорока, и он, увы, порой совершал ошибки, как только что на Гинее...

В коммуникаторе послышался взволнованный голос вице-командора Брешника:

— Сэр, Пятая в вашем распоряжении. Я не совсем понял, вы сумели обнаружить секретную базу Ориона? Если это так, то мы...

— Нет, кроме трех кораблей Соллеремоса мы ничего не нашли,— прервал его Биррел.— В системе голубой звезды меня ожидала ловушка, хотя я так и не понял, зачем же она была поставлена. Готовьтесь к торможению, Брешник.

Он пошел в свою каюту и, тщательно заперев дверь, сел за кодирующее устройство. В послании Фердиасу он коротко описал свою встречу с агентом Ориона.

"...ничем не могу объяснить интерес Таунцера к вашим планам по отношению к Земле,— закончил он.— Возможно, этим маскировались другие цели, мне неясные. Жду инструкций".

Биррел вызвал главного радиста и приказал немедленно передать шифровку. Ответ не заставил себя долго ждать.

"Возвращайтесь немедленно на Вегу. К сожалению, отдыха не обещаю. Фердиас".

Эскадра совершила безукоризненно точный маневр разворота и, пропустив вперед флагманский корабль, направилась на маршевой скорости в сторону Веги. Весь оставшийся путь Биррел не покидал своей каюты, лежа на диване и глядя в потолок. Ему так и не удалось найти логичное объяснение происходящему, но в одном он был уверен — в большой игре за звезды был сделан какой-то важный ход.

Глава 4

В окрестностях Веги Биррела охватило приятное волнение. Это не было связано с главным миром сектора Лиры — планетой Вега-4, хотя она и отличалась приятным климатом, теплыми морями и вечным летом.

За свою жизнь командор повидал множество прекрасных планет, но так и не прикипел ни к одной из них сердцем. Его отец был офицером флота Лиры, так что вся жизнь Биррела-младшего прошла в бесконечных перелетах с одной базы на другую. Он быстро находил друзей и еще быстрее их терял, а в конце концов махнул рукой на свои бесплодные попытки пустить хоть какие-то корни на одном из десятков миров, где ему приходилось жить. Детство вспоминалось ему как калейдоскоп ярких, но холодных впечатлений, из которых ни одно по-настоящему не согревало сердце.

Сейчас же, наблюдая за пурпурным шаром, плывущим рядом с бело-голубой Вегой, он забыл обо всех своих тревогах. И все дело было в изящной, хрупкой женщине, которая стала главной в его жизни.

Они поженились три года назад, вопреки всем твердым предубеждениям Биррела. Уж он-то отлично знал, что человек его профессии не должен обременять себя семьей. Перед его глазами стоял печальный опыт его родителей. Отец, которому не исполнилось и пятидесяти лет, погиб в космической катастрофе, а мать дожила до глубокой старости в тоске и одиночестве. Да, женщины хороши... но не — женщина. Биррел упорно придерживался этой точки зрения, пока не познакомился с Лиллин во время отдыха на фешенебельном курорте Веги-4. Поначалу он считал, что его ожидает очередной приятный и ни к чему не обязывающий роман, но неожиданно получил отпор. Народ этой планеты имел свои обычаи и традиции. Бравый космический волк раскрыл рот от изумления, когда в ответ на невинное предложение зайти к нему в отель «на чашку кофе» Лиллин неожиданно покраснела и сказала: «Хорошо, я готова выйти за вас замуж, Джей».

Биррел в ответ расхохотался, а затем к собственному изумлению сог-

ласился. И до сих пор не жалел об этом, несмотря на то, что молодые супруги виделись нечасто.

Планета быстро вырастала на экране, и вскоре можно было разглядеть обширные моря, затянутые дымкой облаков, и бесчисленные островные архипелаги. На одном из них располагался Вега-сити — столица сектора Лиры, который, если отбросить лицемерие, был грандиозной Империей звезд.

Эскадра быстро снизилась и с грохотом прошлась над черным горным хребтом, направляясь к космопорту. Биррел стоял перед обзорным экраном и думал сейчас только об одном — слышит ли жена раскаты грома в небе, выбежала ли она на веранду их виллы, расположенной на самом берегу океана?

Пройдя на безопасной дистанции от города, Пятая миновала цепи высоких холмов и, сделав головокружительный вираж, стройными рядами села на своей базе.

Час спустя Биррел спускался по пандусу, щуря глаза от ослепительного света Веги.

Вокруг кораблей уже роилось множество машин техслужб, сотни механиков занялись осмотром крейсеров, удсляя особое внимание флагману. Командор постоял немного, наблюдая, как «Старзонг» готовят к послеполетному осмотру, в затем пошел к соседнему кораблю. Ему навстречу уже спешил Брешник, на ходу вытирая вспотевшее лицо.

Это был массивный, грубо скроенный человек с редкими белесыми волосами и по-бульдожьи отвисшими щеками. Опытный служака отлично разбирался в космотехнике, но в сложных стратегических ситуациях ему явно не хватало широты мышления. Характер у него был вспыльчивый, и Биррелу порой с ним приходилось нелегко.

Брешник неуклюже отдал честь, а затем после короткого и четкого рапорта вдруг взорвался:

— Что, черт побери, происходит, Джей? Разве это дело — бросать эскадру взад-вперед, словно мяч? Чего от нас хочет Фердиас?

— Понятия не имею, Род. Надеюсь, губернатор скоро просветит меня. Похоже, он даже отменит мой законный послеполетный отпуск.

— А-а,— протянул Брешник, помрачнев.— Значит, дело пахнет большой политикой. Как всегда в последние годы, кстати. Скоро нам всем придется шить себе фраки, Джей, даже младшим кокам. А кто же будет заниматься боеготовностью сил Лиры и заботиться о безопасности ее границ? В странное время мы живем, командор...

Биррел не стал отвечать на эти риторические вопросы. Отдав своему заместителю необходимые указания, он пошел в сторону стоянки флиттеров.

Пролетая над холмами, командор размышлял над словами Брешника. Как ни крути, а подобную позицию разделяло большинство офицеров его эскадры, да и многие рядовые тоже. Сенат также не был в восторге от действий правительства и находился к нему в осторожной оппозиции, впрочем, не рискуя прямо выступать против указов Фердиаса. Законодательной власти больше пришлось бы по нраву, если

бы Фердиас сосредоточился на решении многочисленных внутренних вопросов, но спорить с его агрессивной внешней политикой никто не решался.

Здесь скрывалась так называемая «психология звездолета", доминирующая среди жителей Галактики. В ее основе лежала глубокая, быть может, даже генетически закрепленная в умах людей уверенность, что лидер всегда прав. Так было, когда переселенцы с Земли и других обитаемых планет некогда начали заселять новые миры. Слово капитана корабля было законом для всех — и для экипажа, и для пассажиров. Только он один отвечал за выполнение задачи полета, за безопасность всех находящихся на борту.

Позднее эта беспрекословная уверенность в правоте капитана перенеслась на действия правителей секторов, но здесь-то все было не так просто и очевидно! Народы далеко не всегда понимали цели, к которым их ведет губернатор, оттого и роптали, но повиновались.

Фактически распад Совета ОМ только усилил позиции правителей пяти звездных империй. И началась борьба, неизбежная в ситуации, когда лидеры уверовали окончательно в свою безгрешность...

Биррел посмотрел вперед и увидел, как из-за горизонта стали подниматься здания Вега-сити. Этот город разительно отличался от столицы Гинеи — дома здесь в основном были невысокими, с белыми стенами. Широкие улицы были полны автомобилей, но еще больше было пешеходных дорог, аллей и парков. Приятный, уютный город из стекла и металлов — такой же, как и на многих других планетах, где туземная цивилизация была подмята стандартной культурой пришельцев из космоса. Они сумели остановить жестокие межплеменные войны, веками терзавшие народ Лиллин, зато лишили его традиций, которые ранее передавались из поколения в поколение.

Пришельцы из других миров построили и деловой центр города — несколько сотен однотипных, сверкающих под солнцем небоскребов, которые так возмущали Лиллин и многих других коренных вегиан. В последние годы столица сектора Лиры постоянно принимала переселенцев из других миров, так что город стремительно рос.

Вот и сейчас Биррел заметил на окраине десятки новых, не отличавшихся особым изяществом. Сенат не раз выступал против такого хаотичного расширения и без того огромного мегаполиса, но Фердиаса это вполне устраивало. Столице — больше жителей, сектору — больше звезд...

Вспомнив о цели своего визита в резиденцию губернатора, Биррел помрачнел. Отныне соперничество между Лирой и Орионом принимало опасный характер, и он, командир Пятой, вопреки своей воле мог оказаться в самом эпицентре событий.

Флиттер подлетел к центральному зданию в городе — резиденции Фердиаса, которая по своим масштабам и роскоши больше напоминала дворец короля. Сделав полукруг, кораблик сел на небольшом личном аэродроме губернатора. Пройдя несколько рядов охраны, Биррел под-

нялся на лифте на двадцать второй этаж. Здесь его пропуск еще раз проверили, хотя офицеры охраны отлично знали его в лицо, и только тогда командор Пятой в сопровождении секретаря вошел в кабинет Фердиаса.

Комната была небольшой и сравнительно скромно обставленной по сравнению с роскошью всего здания, словно Фердиас лишний раз хотел подчеркнуть, что вовсе не претендует на императорские привилегии. Палаты сената производили куда большее впечатление, но именно здесь, а не в залах законодателей, решалась судьба огромного сектора Галактики.

Фердиас сидел за обширным столом резного дерева и листал какие-то бумаги. Заметив Биррела, он, не чинясь, поднялся и пошел, чуть прихрамывая, ему навстречу. Фердиас получил эту серьезную травму еще в молодости, стремясь получить высший, девятый класс пилота космических кораблей. Катастрофа заставила его забыть о карьере космонавта, и всю свою недюжинную энергию Фердиас бросил в политическую деятельность. В секторе Лиры было немало амбициозных молодых людей, желавших со временем занять пост губернатора, но Фердиас оказался самым талантливым и целеустремленным. Он отбросил все лишнее — друзей, женщин, семью, развлечения и шаг за шагом поднимался по лестнице власти, не особенно церемонясь в средствах. Биррел считал, что сделал неплохую карьеру, став в тридцать четыре года командором, но Фердиас был всего лишь на шесть лет старше, а сумел добиться несравненно большего.

Это был невысокий мужчина, без особого лоска в манерах, нервный, импульсивный и до смешного подозрительный. Со стороны он казался личностью мелкой и незначительной, но стоило Фердиасу хоть немного обратить на вас внимание, как вы попадали под неотразимое обаяние его золотистых глаз, бархатного голоса, а главное — проницательного, блестящего ума. Нет, не случайно этот человек был одним из пяти самых влиятельных людей Галактики.

Фердиас, улыбаясь, первым протянул руку Биррелу, словно близкому другу. Да так оно и было, хотя с непредсказуемым правителем Лиры всегда следовало держаться настороже.

— Рад вас видеть, Джей,— сердечно сказал губернатор, будто ожидал от командора приятных сообщений.— А теперь расскажите поподробнее о ваших приключениях.

Биррел доложил во всех деталях о своей неудавшейся миссии на Гинею и о ловушке, которую агент Соллеремоса устроил ему.

На лице губернатора продолжала блуждать улыбка, но глаза стали куда холоднее.

— Вы сделали глупость, Джей, пойдя в город один,— сказал он.

Биррел кивнул, соглашаясь. В этом был весь Фердиас. План действий разработал сам правитель, но за провал его, естественно, отвечал непосредственный исполнитель.

— Впрочем, нет худа без добра,— после многозначительной паузы продолжил губернатор.— Теперь я уверен в том, о чем раньше только

подозревал. Соллеремос явно перестарался, пытаясь выведать мою тайну, и невольно выболтал свою.

Биррел озадаченно сказал:

— Не понимаю, о чем вы говорите, губернатор. Таунцер дважды спросил меня: «Что планирует Фердиас по отношению к Земле?» Разве у вас на самом деле есть виды на эту заштатную планетку? Не отвечайте, если я прошу слишком много. Вы же знаете, я стараюсь держаться подальше от политики.

Фердиас заговорил не сразу. Он прошелся по комнате, сцепив руки за спиной, а затем вновь уселся за стол и впился в Биррела пронзительным взглядом.

— Ну, к чему этот пренебрежительный тон, «заштатная планетка...». Вы же сами наполовину землянин, разве не так?

— Даже больше — на три четверти. Мой отец был землянином по крови, а родители матери происходили с Земли и Капеллы.

— Вот видите,— с укоризной сказал Фердиас.— Нехорошо забывать о таких вещах, командор. Неужели у вас не осталось никаких чувств к планете своих предков?

Биррел недоуменно хмыкнул.

— Но я ведь там никогда не был! Я родился на транспорте по дороге на Арктур и детство провел, по крайней мере, на двух десятках планет. К Земле же я ближе Проциона не подходил — случая не было, да я особо к этому и не стремился.

Фердиас кивнул.

— Знаю. А что вы думаете о Терре? Как-никак именно там базируется Совет Объединенных Миров.— Последние слова губернатор произнес с нескрываемой иронией.

— Х-м-м... Что я думаю? — немного растерянно ответил Биррел.— Освоение Галактики первыми начали именно земляне. В школе нам рассказывали, как Терра пыталась некоторое время управлять сообществом миров и как это кончилось крахом. Я немало слышал о Совете ОМ, об объединенном космофлоте, в основном из анекдотов. Такого типа: «Встретились около Сириуса два крейсера — из Лиры и с Земли. Второй из них долго после этого не могли найти, и только случайно обнаружили в кармане старшего боцмана-вегианина...»

— Очень смешно,— сказал Фердиас, нахмурившись.— Сейчас я вас еще больше развеселю — у меня есть сведения, что один из секторов собирается присоединить к себе Землю.

Биррел был поражен.

— Не может быть! Ведь Солнечная система объявлена территорией ОМ, и никто не имеет права... Да и кому может понадобиться это сокровище?

— Например, Соллеремосу,— сказал Фердиас.

Биррел удивленно воззрился на губернатора.

— Вы хотите сказать, что правитель огромного сектора, в который входят десятки тысяч звезд, жаждет захватить Терру?

— Он много чего хочет,— многозначительно заметил Фердиас.— Поверьте моему чутью, Джей. Недавние маневры Ориона проводились с намерениями скрыть истинную цель Соллеремоса — Землю!

Биррел был окончательно сбит с толку.

— Но зачем Ориону понадобилась эта незначительная планета?

— Незначительная? — Глаза Фердиаса вспыхнули.— Да, во всех отношениях это третьеразрядный мир, каких в Галактике миллионы. Однако Земля занимает в истории важное место. Психологическое воздействие ее громкого имени на сознание и еще больше — на подсознание людей может быть огромным. За два столетия кровь выходцев с Терры оказалась в жилах большинства обитателей Галактики. В их память генетически заложена информация о том, что некогда планета далеких предков была центром Галактики, и это не пустяк, нет! Вспомните, что вы рассказывали о встрече с аборигенами Гинеи — они до сих пор испытывают чувство гордости от того, что некогда их правители, якобы были королями звездного скопления. Их даже не смущает полное отсутствие доказательств этому. Подобными красивыми легендами тешат себя народы почти всех обитаемых миров, но только земляне по крови твердо знают, что их славное прошлое — не вымысел! Конечно, Совет ОМ стал объектом всеобщих насмешек, но представьте, если место глупых болтунов займет могущественный губернатор и во весь голос заговорит обо всем этом? Да он тогда без кровопролитной войны может стать императором Галактики!

Биррел был ошеломлен пылкой тирадой Фердиаса.

«Все-таки,я настоящий младенец в политике,— подумал он.— Мне и в голову не приходило, что шаткое равновесие между секторами могло нарушиться таким путем. В душе я уже давно смирился с тем, что война за новый передел Галактики неизбежна. Все сектора, несмотря на миролюбивую риторику, наращивают свои силы, тайно разрабатывают все новые и новые виды оружия. Сдерживает губернаторов, конечно же, не архаичный Совет ОМ с его жалким «объединенным флотом», а понимание того факта, что победителей в титанической схватке просто не будет. Но, оказывается, завладеть Галактикой можно и другим путем, в результате необъявленной психологической войны... И крошечная Земля в этой невидимой игре — козырной туз!»

Чем больше Биррел думал об этом, тем меньше все это ему нравилось. Он пытливо посмотрел в глаза Фердиасу и настороженно спросил:

— Насколько я понимаю, вы не собираетесь разрешить Соллеремосу сделать такую ставку в борьбе за звезды?

Губернатор неожиданно расхохотался.

— Джей, вы так и не научились хитрить, даже став командором. В вашем вопросе явно слышится другой: «А не хочешь ли ты, Фердиас, сам стать таким путем императором Галактики?» Отвечаю совершен-

но искренне — нет, не хочу. Но и другим губернаторам не позволю, тем более старому пройдохе Соллеремосу.

Он вновь вскочил из-за стола и стал энергично ходить взад-вперед, слегка приволакивая правую искалеченную ногу.

— Соллеремос знает слишком хорошо, что я попытаюсь всеми способами остановить его. Вот почему Таунцер подстроил вам ловушку на Гинее. Соллеремос, конечно же, не верил, что вы в курсе моих замыслов по отношению к Земле. Руками своего глупца-агента он лишь заинтриговал вас, надеясь, что вы, возвратившись на Всгу, вызовете меня на откровенность. Умно, умно...

Фердиас замолчал. Подойдя к стене, он коснулся кнопки, и тотчас перед ним зажглась объемная звездная карта.

Биррел был в смятении. От недавнего ощущения важности своей персоны не осталось и следа — здесь, в этом скромно обставленном кабинете, он был всего лишь пешкой.

Почему Фердиас до сих пор ни словом не обмолвился о начале новой, невидимой войны? Ведь они столько времени проводили вместе — на охоте, на яхте губернатора, да и просто у камина за бутылкой прекрасного вина... Десятки доверительных бесед — и, как оказалось, ни слова о главном. Конечно, Фердиас поступил мудро, послав его на Гинею, ведь никакой «детектор правды» не смог бы выудить у него то, чего он не знал. Соллеремоса это могло сбить с толку — ведь ему прекрасно было известно об особых отношениях Фердиаса с командиром Пятой Лиры.

Но... но тогда выходит, что Фердиас попросту подставил его? Он догадывался о ловушке и хотел, чтобы ему, Биррелу, прозондировали мозг? Отсюда и его настойчивое желание, чтобы «Старзонг» летел в это чертово скопление один. Тогда получается, что они с Гарстангом спутали Фердиасу все карты... Каков же будет следующий ход губернатора, на какую клеточку поставят командира Пятой Лиры?..

Чувство негодования и обиды захлестнуло Биррела, но внезапно он вспомнил, что точно так же поступал с офицерами своей эскадры. Командор никогда не говорил им всей правды, однако всегда требовал полного доверия к себе и безукоризненного выполнения своих приказов. Почему же Фердиас должен чувствовать какие-то угрызения совести, когда сам Биррел никогда ничего подобного не ощущал?..

Он вздрогнул, почувствовав, что кто-то положил ему руку на плечо. Это был Фердиас, но уже совершенно в другом настроении — улыбающийся, почти беззаботный, словно они встретились на дружеской пирушке. Губернатор Лиры был переменчив, словно море, и к этому невозможно было привыкнуть.

— Джей, о чем это вы так хмуро думали? — весело спросил Фердиас.— Неужели я испортил вам настроение своими разговорами о политике? Выбросьте из головы все это, жизнь полна других, более приятных вещей! Подумайте, через какой-то час вы будете держать в объятиях свою очаровательную супругу — да вы просто счастливец!..

Кстати, передайте Лиллин мой самый горячий привет. Четыре, нет, пять дней вы сможете наслаждаться отдыхом в семейном кругу на берегу моря...

— А что потом? — не выдержав, перебил губернатора Биррел, но тут же поправился: — Простите, милорд, я слушаю вас.

— Потом будет еще один праздник, Джей,— подмигнув, сказал Фердиас и уселся, непринужденно развалившись в кресле, словно давая понять — официальная часть беседы кончилась.— У вас пошла удачная полоса, командор! Вместо скучного и опасного патрулирования где-то на границах сектора вы отправитесь на празднование в честь двухсотлетия первого звездного перелета. Я уже подписал приказ о назначении вас главой официальной делегации Лиры на этом мероприятии.

Биррел полагал, что сегодня его больше ничем нельзя удивить, но слова губернатора повергли командора в шок.

— Меня? — переспросил он, побагровев.— Вы, надеюсь, шутите, Фердиас. Какой из меня дипломат...

— А это мы еще посмотрим,— загадочно улыбнувшись, ответил правитель Лиры.— Вы не беспокойтесь, никаких особых перемен в вашей жизни не произойдет. Вас будут сопровождать не чопорные чиновники из департамента внешних сношений, а крейсеры Пятой эскадры. И полетите вы не куда-нибудь в тьму-таракань, а в цитадель Объединенных Миров — на Землю. Совет ОМ недавно прислал мне приглашение, и я решил не огорчать стариков... Все-таким юбилей первого полета к звездам!

После долгой паузы Биррел нашел в себе силы ответить:

— Понятно. Если Соллеремос решит пойти ва-банк, то Пятая Лиры сможет защитить Землю?

— Приблизительно так,— сказал Фердиас небрежно.— Конечно, мы вступим в бой не по своей инициативе, что может быть, неверно истолковано, а исключительно по просьбе Совета ОМ. Думаю, тут проблем не возникнет, даже эти очень большие политики не понадеются на силы своего объединенного флота, когда к Солнечной системе двинутся армады Ориона.

— Слушаюсь, милорд.

— Не забудьте взять с собой полный набор вспомогательных судов, Биррел,— напомнил Фердиас.— До начала празднования еще немало времени, так что Пятой потребуются дополнительные ресурсы.

— Есть, милорд.

— Да, и вот еще что...— поколебавшись, добавил Фердиас.— Нехорошо отрывать экипажи кораблей на долгое время от своих семей, ведь дело идет всего лишь об участии в праздновании. Да и вам будет неудобно ходить на дипломатические приемы без супруги. Может, есть смысл вместе с Пятой послать транспорты с семьями личного состава, как вы считаете? Представляю, как рады будут детишки такому путешествию к легендарной Земле!

Биррел хмуро кивнул. Все было ясно. Прилет Пятой на Терру вместо

делегации чиновников мог вызвать подозрение, и не только со стороны Соллеремоса. Но транспорты с женами и детьми могли рассеять сомнения у самых недоверчивых политиков. Прекрасное прикрытие, лучшего и придумать было нельзя.

Однако факт оставался фактом — в случае начала боевых действий женщины и дети с Лиры могли оказаться в самом пекле. И Лиллин в том числе...

Фердиас был верен себе.

— Все будет сделано, милорд,— хрипло сказал Биррел.— С чего я должен начать, прибыв на Землю?

— Естественно, начать нужно с официального представления, встреч с членами Совета, экскурсий по местным достопримечательностям и тому подобной чепухи. Через день-другой обязательно отправьтесь полюбоваться вашим родовым гнездышком.

— Чем-чем?

— Домом вашего прадеда,— сухо сказал Фердиас.— Я приказал разыскать все данные о нем в архивах. Он находится в захолустном местечке Орвилле, что вблизи от Нью-Йорка. В этом же городе и здание Совета ОМ, так что никого не удивит, если вы с супругой захотите навестить дорогие для вашего сердца места.

— Там я встречусь с вашим агентом и получу от него дальнейшие указания? — начал понимать Биррел.

— Конечно. Вас будет ждать Кэрш.

Биррел всего несколько раз встречал этого серого, невзрачного человека с незапоминающимся лицом и бесцветными глазами. Кэрш был правой рукой в тайной борьбе Фердиаса с остальными секторами. Подобно Таунцеру, он был буревестником, появление которого на авансцене могло означать только одно — переход к открытой стадии борьбы за Галактику.

— Разве Кэрш сейчас находится на Земле?

— Да, уже несколько месяцев. Он-то и купил дом в Орвилле. Я полностью доверяю этому человеку, Джей. Вы должны беспрекословно выполнять все его приказы, он значительно лучше ориентируется в ситуации, чем я здесь, на Вегс.

— Но если Орион...

— Не беспокойтесь, вы будете предупреждены, если Соллеремос двинет свои эскадры к Солнечной системе. И еще одно: думаю, не стоит говорить о том, что Пятая летит на Землю исключительно ради участия в юбилее, дорогом сердцу каждого астронавта. Только ради этого, понятно?

Фердиас сказал это мягко, с дружеской улыбкой, но Биррел достаточно хорошо знал, что отныне любая ошибка может стоить ему головы.

Когда флиттер нес командора в сторону моря, где на высоком холме располагалась его вилла, Биррел неожиданно подумал: а не делает ли ошибки сам Фердиас? Ведь с уходом Пятой сектор Лиры лишается своего самого мощного щита. Не этого ли добивался Соллеремос?..

Глава 5

Голубое солнце коснулось вершин темных холмов, а небо подернулось пурпурной мглой, когда Биррел подошел к своему дому. Белое здание с полукруглым портиком утопало в пышной зелени. Далеко внизу плескалось море, накатывая на песчаные отмели пенистые волны. Биррел едва сдерживал нетерпение.

На обширной террасе Лиллин не было видно, она устала ждать мужа, высокая должность которого не позволяла ему сразу же после прилета нестись домой. Не было ее и в анфиладе комнат, полупустых, по вегианскому обычаю. Биррел нашел жену сидящей на скамейке в маленьком саду, расположенном во внутреннем дворике виллы. Без слов она бросилась ему навстречу и порывисто обняла. Как истинная вегианка, она лишь внешне была сдержанна и даже немного холодна; под личиной ледяной богини скрывалась страстная, в чем-то дикая натура, порой даже пугавшая Биррела. У Лиллин была тонкая, грациозная фигура, тяжелая копна волос с медным отливом и золотистая кожа такого удивительного оттенка, которого никогда не встретишь у людей с земной кровью.

По местному обычаю, молодая женщина была одета в пышный полупрозрачный хитон, казавшийся издалека облачком тумана.

Они долго целовались, сидя на скамье, но когда Биррел хотел было взять жену на руки и отнести в спальню, Лиллин резко отстранилась.

— Сначала расскажи о том, что хотел от тебя Фердиас. Ведь ты уже побывал у него, не так ли?

Это странное сочетание льда и пламени в жене всегда раздражало Биррела, но что поделать — уж таким народом были вегиане. Он коротко рассказал о предстоящем полете на Землю.

К его удивлению, на лице жены не отразилось и тени радости.

— Лететь к Земле,— прошептала она.— Только для того, чтобы отпраздновать юбилей, о котором у нас на Веге никто и не помнит? Как странно...

— Лиллин, что с тобой? — возмутился Биррел.— Сколько раз ты упрекала меня в моих долгих отсутствиях, а теперь тебе не нравится, что мы несколько недель пробудем вместе!

— Несколько недель — что это означает, Джей? Две недели или два месяца?

Биррел не знал и честно сказал об этом. Ему было не по себе от мысли, что Лиллин станет частью пестрой маскировки, которой Фердиас хотел прикрыть Пятую Лиры от недоверчивых взглядов других губернаторов.

Лиллин неожиданно улыбнулась.

— Хорошо, милый, я последую за тобой, куда ты захочешь. Тебе принести вина?

Они вышли на террасу и долго еще сидели, глядя на далекие огни города и изогнутую линию горного хребта на горизонте. Небо зажглось россыпями звезд, среди которых, словно ночные бабочки, мелькали десятки флиттеров. Ежедневное созерцание звездного неба было древней традицией вегиан, и Биррел покорно обнял жену и старался, как подобает в таких случаях, думать только о приятном. «А все-таки эта планета милее мне, чем все остальные,— мелькнула мысль.— Когда-то мне придется оставить космофлот и волей-неволей осесть на каком-то из миров. Почему бы не дожить последние годы на родине Лиллин? Своего-то дома у меня нет. Если не считать Земли, которой я никогда не видел. Земля...»

Биррел попросил жену подождать минутку, а сам пошел в кабинет и вызвал по закрытой линии связи вице-командора Пятой. Вскоре на овальном экране появилось раздраженное лицо Брешника. Выслушав своего начальника, он кивнул головой.

— Да, я уже получил соответствующие распоряжения от секретаря Фердиаса. Мы должны работать днем и ночью, чтобы подготовить корабли к такому серьезному перелету. Больше всего возни с транспортами — они не приспособлены для того, чтобы перевозить сотни женщин и детей. Не завидую их капитанам, у них на борту будет настоящий ад! Только подумать, что мы идем на такие хлопоты ради дружеской вечеринки в какой-то богом забытой дыре...

— Что с вами, дружище? — спросил Биррел.— Неужто старый космический волк так относится к юбилею звездных полетов?

Брешник коротко и энергично ответил, как он относится к этому великому празднику, а заодно и ко всем остальным праздникам тоже.

Биррел невольно улыбнулся.

— Род, в глубине души я согласен с вами, но Фердиас хочет ублажить старичков из Совета ОМ и потому вместо делегации из белых воротничков решил послать людей, понюхавших космоса. Экипажи заслужили хороший отдых, и вовсе ни к чему, чтобы наше вино выпили какие-то чиновники. Придется попотеть. Переходите с этого часа на трехсменную работу. Я прилечу завтра утром. Все.

Вернувшись на террасу, он застал Лиллин задумавшейся. Что-то в выражении ее лица насторожило Биррела.

— Брешник закипел, как чайник, когда узнал о приказе Фердиаса,— весело сказал он, усаживаясь в кресло рядом с женой.— Ничего, пусть бурлит и булькает — работать-то все равно предстоит ему, да еще как! Что толку было бы в моем громком командорском звании, если бы нельзя было перевалить всю грязную работу на чужие плечи.

Лиллин не приняла его шутливого тона. Серьезно взглянув на мужа, она только сказала:

— Знаешь, Джей, я начинаю ненавидеть твою Землю.

Биррел был настолько поражен, что поначалу даже не знал, как отре-

агировать на эти слова. За три года совместной жизни он так и не сумел привыкнуть к внезапным переменам в настроении Лиллин. От недавней покорности не осталось и следа, словно она и не обещала последовать за ним хоть на край света.

— Это еще почему? — наконец выпалил Биррел, с досадой хлопнув себя по колену.— Что за детские капризы? Ты никогда не видела эту планету и ровным счетом ничего о ней не знаешь. Она вполне может тебе понравиться.

Лиллин сказала, отвернувшись:

— Нет.

— Что значит нет?!

Некоторое время она не отвечала. В вечерней мгле очертания ее фигуры стали зыбкими и расплывчатыми. Внезапно она повернула к нему свое бледное лицо с влажными от слез глазами.

— Это твой мир, Джей, а земляне — твой народ! Мы были счастливы здесь, на Веге, но как все сложится на чужой для меня планете? Как ко мне отнесутся твои соплеменники и главное — как на меня будешь смотреть ты?

Биррел так рассердился, что долгое время не мог найти слов. Неожиданно для себя он схватил жену за плечи и грубо встряхнул ее:

— Мне стыдно за тебя, Лиллин. Как ты можешь думать так обо мне?..

Он едва удержался от более резких выражений. С вегианами нельзя было говорить на повышенных тонах — приходилось себя сдерживать. С трудом загнав внутрь раздражение, он произнес более спокойным тоном:

— Послушай, милая! Земля — вовсе не мой мир. Для меня это только название планеты, где родились мои предки. Почти все астронавты имеют частичку земной крови, видимо, это и тянет их в космос, в отличие от оседлых народов типа вас, вегиан.

— В тебе ее больше, чем во многих других,— холодно напомнила Лиллин.

— Да, это так. Мой отец был чистокровным землянином, хотя и родился на Сириусе. Еще в молодости он прилетел на Вегу, чтобы служить в ее космофлоте, и погиб на границе нашего сектора в катастрофе. Мой дед по матери тоже был выходцем с Земли, но всю жизнь проработал на вегианской космоверфи. Это тебя чем-то не устраивает?

Лиллин хотела возразить, но, как это не раз бывало, лед в ее глазах внезапно растаял, и она поцеловала мужа с неприкрытой страстью.

Больше этой ночью они ни о чем не говорили. На следующее утро Биррел размышлял о вечернем разговоре, летя во флиттере в сторону базы Пятой Лиры. Но, едва приземлившись на посадочном поле базы, он и думать забыл о своих семейных проблемах.

Его встретил Эвер — командир третьей эскадры, полный и никогда не унывающий человек с вечной улыбкой на круглом розовом лице. На

этот раз он был непривычно мрачен. Крепко пожав руку Биррелу, Эвер тихо сказал:

— Джей, час назад из штаба флота сообщили, что Первая и Третья эскадры Ориона снялись со своих баз. И наши наблюдатели потеряли их из виду.

— Потеряли? Как это могло произойти?

— Пойдемте, Джей, я доложу вам обстановку.

Оба командира молча пошли к зданию штаба Пятой Лиры и поднялись на третий этаж, в зал заседаний. Одна из его стен представляла собой объемную карту сектора Лиры и примыкающих к ней областей. Это была лишь часть той области Галактики, которую освоили люди с Земли и других высокоразвитых планет, но и она содержала в себе тысячи звезд и туманностей и на порядок больше обитаемых миров. Рядом с каждым из них светились красные цифры, которые обозначали, какое население на нем преобладало — люди, гуманоиды или негуманоиды, а также каков уровень развития цивилизации.

Эвер взял в руки световую указку и очертил регион в восточной части сектора Лиры, затем обширную буферную зону, за которой находилась граница сектора Ориона.

— Наши секретные станции наблюдения находятся здесь, здесь и здесь,— сказал Эвер, указав на три далеко расположенные друг от друга потухшие звезды с мертвыми, необитаемыми планетами.— Эскадры Ориона вышли из своего сектора и, внезапно развернувшись, спрятались за одним из горячих водородных облаков. Оно излучает электромагнитные волны в таком широком спектре, что забило помехами все наши радары дальнего действия. Ясно, что это было сделано намеренно.

— И где же, по мнению штаба, находятся сейчас эскадры? — нахмурившись, спросил Биррел.

— Трудно сказать. Наблюдатели полагают, что где-то здесь...

Эвер очертил световым лучом область между водородным облаком и Землей, которая по традиции отмечалась на картах голубым кружком.

Эта часть космоса была малообитаемой, хотя и сияла крупными звездными скоплениями. Она пользовалась среди звездолетчиков дурной славой. Безопасного пути через этот хаос не существовало. Между одними скоплениями протекали мощные космические течения, насыщенные пылью и каменными глыбами, между другими простирались реки холодного водорода. Но хуже всего были многочисленные газообразные облака — остатки сверхновой, некогда взорвавшейся в этом районе. Они до сих пор излучали потоки жестких лучей, которые могли за считанные минуты пробить даже надежную защиту крейсеров Пятой Лиры, не говоря уж о транспортах.

— Эскадры Ориона могут скрываться в этой области буферной зоны где угодно,— продолжал Эвер.— Трудно сказать, какую задачу они выполняют, но в штабе считают, что они могут в принципе поме-

шать Пятой приблизиться к Земле. Хотя это только ничем не подтвержденная догадка.

Биррел хмуро кивнул. Он не любил спекулятивных рассуждений, куда лучше было иметь дело с конкретными данными и цифрами. И все же Первая и Третья эскадры Ориона были отборными силами Соллеремоса и никогда прежде не совершали рейса вместе. Значит, перед ними поставлена какая-то очень серьезная задача. Неужели...

— Эвер, я попрошу вас лично проследить за тем, чтобы отдел навигации подготовил расчет траекторий Пятой не позднее чем к завтрашнему утру. У меня, к сожалению, нет на это времени.

— Никаких проблем, Джей,— улыбнулся толстяк.— Тем более что штаб флота просил меня о том же.

Биррел попрощался с командиром Третьей Лиры, а сам торопливо вернулся к своему флиттеру и приказал пилоту везти к резиденции губернатора. Сообщение Эвера встревожило его настолько, что он решил на время отложить все текущие дела, положившись на опыт Брешника.

В резиденции правителя сектора Лиры на этот раз было многолюдно, так что Биррелу удалось лишь через час добиться аудиенции. Фердиас только что закончил длительное совещание с членами правительства и выглядел утомленным. Увидев Биррела, он указал ему на кресло возле стола.

— Я знаю, что вас привело сюда, командор. Две эскадры Ориона приблизились к возможной траектории вашего полета к Земле. Похоже, Соллеремос пронюхал каким-то образом о наших планах и словно бы предупреждает — не вздумайте посылать в Солнечную систему военные корабли.

— Опасаюсь, что у него более серьезные намерения,— почтительно возразил правителю Биррел.— Соллеремос может всерьез напасть на Пятую. Случай уничтожить лучшую эскадру Лиры очень удобный — Орион обвинит нас в попытке захвата Земли, а себя постарается выставить как защитников мира в Галактике.

Фердиас пожевал губы.

— Может быть, и так, Джей, но я думаю иначе.

Биррел выжидательно посмотрел на губернатора, однако тот не стал развивать свою мысль. Мол, понимай как хочешь, твое дело выполнять приказ.

На этот раз, впрочем, командир Пятой решил проявить настойчивость.

— С транспортами в арьергарде Пятая окажется в очень сложной ситуации,— сказал он, пытаясь все-таки вызвать губернатора на откровенность.

— Неужели мы будем это вновь обсуждать? — недовольно отозвался Фердиас.— Транспорты полетят вместе с эскадрой, вопрос решен. Совет ОМ не разрешит Пятой приблизиться к Земле в случае, если это можно будет расценивать как демонстрацию силы. Корабли с сотнями женщин

и детей — единственное средство преодолеть недоверчивость землян. Соллеремосу же этот ваш ход может спутать все карты.

Биррел кивнул с несчастным видом. Опять политика, одна только политика...

— Значит, жители Земли с недоверием относятся к нам? — спросил он.

— Еще с каким! По сообщениям Кэрша, агенты Ориона активно занимаются распространением самых мерзких слухов и сплетен среди землян. Знаете, что придумали эти подлецы? Они обвиняют меня — меня! — в коварных планах захвата Солнечной системы, а Соллеремоса, естественно, пытаются изобразить в розовых красках спасителя Галактики!

Биррел картинно поднял брови в изумлении, хотя сам минуту назад говорил об этом. Он отлично знал, что может влиять на губернатора только в ограниченных масштабах. Сегодня Фердиас был усталым, раздраженным и фактически не слушал командора.

Биррел поднялся и, изобразив на лице почтительную улыбку, сказал:

— Я сделаю все, чтобы выполнить ваш приказ, милорд.

Фердиас чуть смягчился.

— Я знаю это, Джей.

Не выдержав, Биррел буркнул напоследок:

— И все-таки странно, что там, на Земле, мне придется подчиняться распоряжениям какого-то тайного агента, хоть и лучшего на Лире.

Фердиас недовольно сдвинул брови. Он не привык, чтобы его действия обсуждались кем-то из подчиненных.

— Я достаточно хорошо знаю людей, Биррел, и понимаю, кому из них можно доверять, а кому нет. Вы пока пользуетесь моим доверием, но советую им не злоупотреблять. Повторяю, на Земле Кэрш будет вашим непосредственным начальником. Все. Удачного вам полета, командор.

"Очень приятно услышать такое напутствие после всего сказанного",— мрачно думал Биррел, шагая по коридорам резиденции губернатора.

С каждым часом ему все меньше и меньше нравилась его миссия. А тут еще это неожиданное поведение жены... Конечно, все эти бабьи тревоги Лиллин глупы и надуманны, но... но причина для беспокойства у нее была, и очень серьезная. Только говорить об этом нельзя.

Дома его поджидал приятный сюрприз. Гроза так же внезапно закончилась, как и началась, и Лиллин ждала мужа, одетая в свое лучшее платье. Ее лицо светилось от радостного возбуждения. Но первые же слова несколько разочаровали Биррела.

— Дорогой, нас пригласили сегодня вечером повеселиться в одной из приморских деревушек. Ты не будешь возражать?

Биррел рассчитывал провести эту ночь совсем иначе, однако, увидев счастливое лицо жены, не посмел перечить. Они сели во флиттер и поднялись в темно-синее предвечернее небо. Следуя вдоль береговой линии, они через полчаса оказались над цепью старых гор.

На склонах одной из гор сохранились остатки древнего города — белые полуразрушенные виллы, выщербленные колоннады, высокие арки, окутанные вьющимися растениями. Рядом располагалась небольшая деревушка, состоящая из нескольких десятков строений, сложенных из грубо обтесанных камней. Во двориках росли экзотические фруктовые деревья и крупные белые цветы, насыщавшие прохладный воздух густым пряным ароматом. Здесь жили только чистокровные вегиане, не принявшие культуру пришельцев с далеких звезд и сохранившие старый уклад жизни, древние обычаи и почти забытые туземные праздники.

Предзакатные часы они провели в саду-дворике одного из родственников Лиллин, пробуя чудесные фруктовые вина. Здесь собрались многие соседи со своими семьями. Они шумно говорили о чем-то на вегианском языке, который Биррел так и не удосужился выучить, но, заметив, что он прислушивается к беседе, повторяли для него свои слова на галакто. Ближе к ночи вино сделало свое дело, и о Бирреле почти забыли. Он не обиделся — вегиане нравились ему. Впервые за долгие годы странствий по десяткам миров он почувствовал, что нашел настоящих друзей. Правда, порой в вегианах проскальзывало что-то древнее, жестокое, делавшее их похожими на варваров, но это случалось нечасто, и Биррел научился не замечать этого. Вернее, ему хотелось думать, что он не обращает на это внимания.

Когда последние лучи Веги окончательно погасли за горизонтом, возбуждение среди селян еще больше возросло. Мужчины стали агрессивно что-то выкрикивать, угрожающе жестикулируя какому-то невидимому врагу, а женщины вообще были близки к истерике.

Наконец многие из них поднялись из-за стола и направились по улице к краю деревушки, ближе всего расположенному к морю. Биррел вопросительно посмотрел на жену. Та, казалось, находилась в сомнении — ей явно хотелось последовать за друзьями, но, взглянув на мужа, она помрачнела.

Все разрешилось очень просто. К Биррелу подошла одна из местных девушек, которая весь вечер не сводила с чужака зачарованных глаз.

— Почему ты сидишь? — спросила она на галакто.— Пойдем! Мы все идем на карнавал ворнов! Разве ты не хочешь увидеть? Ведь это бывает только раз в году.

— Я мало слышал о них,— заколебавшись, ответил Биррел, глядя на задумчиво сидящую чуть в стороне жену.— Кто это?

— О-о, они такие старые, глупые и очень забавные! — со смехом ответила девушка и, схватив его за руку, силой подняла со скамьи.— Пойдем, там будет очень весело!

Биррел не раз слышал о древнем празднике ворнов, но ни разу не бывал на нем. Лиллин почему-то не хотела этого и отмалчивалась в ответ на его заинтересованные расспросы.

На этот раз она внезапно рассмеялась и, схватив мужа и огорченную девушку за руки, повела их вслед за возбужденной толпой в конец деревни. Там, за древней каменной аркой начиналось глубокое ущелье,

ведущее к морю. Оно было окутано туманом, сквозь который проникал далекий плеск волн.

Около арки собрались сотни людей — многие из них прилетели в деревню из города на флиттерах. Посельчан же было, на удивление, мало. Похоже, они остались в своих домах.

Обернувшись, Биррел заметил, что свет везде погас, окна были закрыты глухими ставнями, двери плотно прикрыты. Казалось, деревня замерла, чего-то ожидая...

И это «что-то» вскоре пришло. Из тумана появилась странная фигура — ужасное ящероподобное создание ростом с человека, идущее на задних изогнутых лапах. Чешуйчатое тело влажно блестело при свете звезд, плоская змеевидная голова раскачивалась из стороны в сторону, сверкая затянутыми пленкой глазами.

— Ворн... ворн... ворн...— прокатилось по толпе. Раздались нервные смешки, но тотчас смолкли, словно ящер вызывал у вегиан страх.

Биррелу было ясно, что перед ним стоял селянин, одетый в костюм ворна, хотя все выглядело настолько достоверно, что по его спине пробежал холодок.

Задолго до того, как на Вегу-4 прибыли первые звездные корабли, вегиане победой завершили свою многовековую борьбу с рептилиями, живущими на берегах морей и океанов. Эти существа не обладали развитым разумом, но отличались коварством и жестокостью. Они совершали бесчисленные ночные набеги на поселения людей, и память об ужасных бойнях, при свете звезд, осталась в памяти вегиан. Поэтому Биррел не удивился, когда услышал в толпе сдавленные крики страха.

Вслед за первым ворном из белесой мглы появился второй ящер, затем третий, четвертый... Восемь псевдоворнов цепочкой прошли под аркой, угрожающе шипя. Выйдя на улицу селения, они стали носиться от одного дома к другому, скребясь в двери и жутко воя.

Биррел почувствовал, что Лиллин инстинктивно с силой сжала ему руку. Ее глаза остекленели, губы дрожали, грудь взволнованно вздымалась... Казалось, она всерьез воспринимала происходящее представление.

Внезапно свет в домах вспыхнул, и двери разом распахнулись. На порогах появились мужчины, одетые в традиционные вегианские туники. В руках они держали кнуты. С воинственными криками вегиане бросились на ящеров и стали безжалостно их хлестать, распевая во все горло песню древних воинов. Ворны бросились врассыпную, жалобно воя и делая смешные прыжки, чтобы избежать ударов.

Настроение в толпе зрителей сразу же изменилось. Страх прошел, глаза людей запылали гневом. Сжав кулаки, вегиане стали ритмично притоптывать, повторяя слова старой песни. Мужчины дрожали от возбуждения, едва сдерживаясь, чтобы самим не броситься в бой, и даже красивые лица женщин исказили гримасы жестокости.

Лиллин буквально трясло, она как завороженная смотрела на избиение ворнов, невнятно выкрикивая слова песни вместе с толпой.

Биррел был поражен, глядя на жену,— такой он никогда ее не видел. Под изящными чертами лица словно бы появилось что-то древнее, скрытое и жестокое. Он давно сознавал, что плохо разбирается в людях и особенно в женщинах. Но то, что произошло сегодня с вегианами, было для него неприятным сюрпризом.

Биррел наклонился к Лиллин и тихо сказал ей на ухо:

— Достаточно, дорогая, нам пора возвращаться. Уже поздно.

Ему пришлось повторить несколько раз эти фразы, прежде чем Лиллин пришла в себя. Гневно взглянув на мужа, она торопливо пошла к стоянке флиттеров, ни разу не обернувшись. Во время полета она не произнесла ни слова, а только смотрела в сторону, демонстративно напевая мелодию древнего гимна.

Когда машина приземлилась на площадке рядом с их виллой, на лице Лиллин уже не было и следа недавней агрессивности. Она ласково погладила мужа по плечу и спросила:

— Ты получил хоть какое-то удовольствие от праздника изгнания ворнов? Я понимаю, это выглядит со стороны не гуманно, но в прошлом мы были не очень цивилизованным народом. А ворны — просто чудовища, не знавшие пощады ни к женщинам, ни к детям.

Биррел понимал, что жена права, и все же не мог найти в себе силы улыбнуться и сказать: «Да что ты, все было очень мило!» или что-нибудь подобное. Лиллин это поняла и, недобро усмехнувшись, сказала:

— Наверное, я на самом деле безнадежная дикарка, Джей. Тогда мне лучше остаться здесь. Для Земли я не подхожу...

Опомнившись, Биррел шагнул к жене и горячо обнял ее за плечи:

— О чем ты говоришь? Я никуда без тебя не полечу! Я люблю тебя, Лиллин, очень люблю.

В глазах Лиллин засияли слезы. Она отвернулась, капризно надув губы, словно ребенок, но Биррел заставил ее вновь обернуться, а затем долго целовал, шепча ласковые слова, пока жена, всхлипнув напоследок, не успокоилась.

До самого отлета с Веги они ни словом не обмолвились об этом, но в сердце Биррела затаилась тревога. Он боялся, что Земля может окончательно разрушить их хрупкое семейное счастье. В глубине души он проклинал Соллеремоса и его амбициозные замыслы.

Глава 6

Ранним утром Пятая Лиры поднялась в небо, освещенная голубыми лучами Веги, и ушла к звездам.

Впереди следовали эскадрильи разведчиков, немного позади — ряды тяжелых крейсеров, патрулируемые по флангам более легкими боевыми

космолетами, а в арьергарде следовал караван транспортных кораблей. Тысячи мужчин, женщин и детей впервые направлялись на древнюю планету, на которой некогда жили предки большинства из них.

Поначалу курс был привычным. Эскадра направилась по прямой к Тройной Короне — трем белым солнцам-близнецам, которые служили в секторе Лиры путеводным маяком. Затем Пятая развернулась к надиру и на запад, нацелившись на умирающую красную звезду.

За ней начинался узкий проход между двумя пылевыми облаками. Здесь сектор Лиры сужался, стиснутый по сторонам областями, принадлежащими Ориону и Персею. Пограничные границы этих секторов, насыщенные туманностями и малонаселенными звездными скоплениями, напоминали крепости и бастионы, в которых затаились невидимые силы противника. Пройдя опасную территорию, Пятая Лиры вышла в сравнительно пустынную область между кладбищем мертвых солнц и огромной спиралевидной туманностью.

Биррел стоял перед радарным экраном и внимательно следил за медленно плывущими назад разноцветными искорками. Кладбище солнц пользовалось дурной славой среди космолетчиков, оно было насыщено метеорными потоками, в которых легко могли укрыться от радаров не только отдельные корабли, но и целые эскадрильи противника. Туманность же отличалась интенсивным радиоизлучением, так что она выглядела на экране радара как огромное пятно. Лучшего места для засады и придумать было нельзя. Впрочем, Гарстанг не разделял эту точку зрения.

— Нет, командор, держу пари, что орионцы прячутся в космических течениях — если они, конечно, вообще собираются напасть на нас,— сказал капитан, хмуро глядя на экран.— В туманности невозможно поддерживать устойчивую связь между кораблями.

— Да, если они находятся на обычной дистанции друг от друга,— заметил Биррел.— Но на время можно сойтись и ближе, хотя это и рискованно. На всякий случай я пошлю разведчиков в обе опасные области. Вызовите Гренарда.

Вскоре на капитанский мостик поднялся Гренард, командир разведывательного дивизиона, крепко скроенный молодой человек ангельской внешности, белокурый, с голубыми глазами поэта. Но по характеру это был типичный сорвиголова, не знавший слова «страх». Настоящий командир разведчиков.

Выслушав приказ командора, он кивнул.

— Хорошо, я вышлю две эскадрильи — одну к мертвым солнцам, другую в туманность. Первую возглавит Геаринг, вторую — я сам. Если там кто-то прячется, то мои парни их найдут.

— Прекрасно, но как мы узнаем об этом? — усмехнулся Биррел.— Надежной связи в этих областях нет. Договоримся так: посылайте ко мне через определенные интервалы скауты с донесениями. Через них вы узнаете о моих дальнейших указаниях.

— Полагаете, орионцы могут напасть на мои скауты, если заметят их? — спросил Гренард.

— Не исключено,— коротко ответил Биррел.

Командир разведчиков улыбнулся.

— Это начинает звучать интересно,— сказал он, не скрывая своей радости.— Мне уже надоело гоняться за собственной тенью!

Биррел пытливо взглянул на молодого офицера.

— Вы, кажется, очень довольны? — тихо спросил он.— Словом, вперед, сабли наголо, и прочь все сомнения?

Гренард нахмурился и опустил глаза.

— Я полностью понимаю, что нас ждет, командор, и какая лежит на мне ответственность. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Эскадра неспешно двигалась по коридору длиной в парсек. Биррел принял решение перестроить свои ряды — теперь транспорты охранялись по флангам несколькими тяжелыми крейсерами. Далеко впереди неслись быстрые скауты. Две эскадрильи разошлись в стороны и вскоре исчезли в областях, откуда Пятой могла угрожать опасность.

Радарные экраны вновь ожили, но теперь они смотрели «глазами» радаров, установленных на кораблях Гренарда и Гсаринга.

— Пока ничего подозрительного, командор,— послышался голос Гренарда.— Эта туманность, похоже, тихое местечко. Перехожу на поисковый режим.

Правый экран помутнел, затем на нем появилась длинная светящаяся нить — след новой звезды, взорвавшейся в туманности миллионы лет назад. Она-то и была причиной мощного радиоизлучения этого довольно заурядного на первый взгляд газового облака.

Эскадрилья Гренарда веером рассыпалась по обширной области, впрочем, не удаляясь дальше расстояния устойчивого радиообмена. Прошло несколько минут, но новостей не было.

Биррел переключил внимание на левый экран, где картинка была более отчетливой. Эскадрилья Гсаринга вошла в область мертвых солнц и без колебаний нырнула в ближайший космический поток.

— Порядок, командор,— доложил Гсаринг.— Пока не видно даже каменных обломков — все больше пылинки размером в молекулу. Иду к другому потоку.

На экране царила мгла, лишь кое-где расцвеченная слабым сиянием еще не совсем потухших звезд. Большинство же солнц в этой части космоса давно умерли и теперь почти не излучали не только в оптическом, но и радиоспектре.

Все было спокойно, но на крейсерах Пятой Лиры сохранялась предбоевая готовность. Что касалось транспортов, то их пассажиры даже не подозревали о возможной опасности. Женщины и дети проводили большую часть времени у громадных обзорных экранов, выслушивая поразительные рассказы о космических путешествиях, которыми их развлекали капитаны. В трюмах были установлены объемные видеоэкраны

и демонстрировались документальные фильмы о Земле, о планетах Солнечной системы и, конечно, об истории космических полетов.

Все были довольны, и никто не задавался вопросом, почему рядом с транспортами вдруг появились могучие крейсеры, ощетинившиеся орудиями.

Биррел в очередной раз спросил себя: интересно, а что делает сейчас Лиллин? Тоже любуется звездами и слушает завиральные рассказы старых звездных волков? Или лежит на койке, закрывшись с головой одеялом, и с тоской думает о предстоящем свидании с родной для мужа планетой?

Обе эскадрильи разведчиков выслали в сторону Пятой своих посланников, и через их радиоустановки Биррел вновь услышал сообщения:

— Все еще ничего,— сказал Гренард.— Вы уверены, сэр, что здесь могут скрываться корабли Ориона? Как-никак мы еще находимся в пределах нашего сектора.

— Мирные времена, похоже, кончились,— ответил Биррел.— В любом случае, осторожность не помешает.

Минуту спустя донеслось скупое сообщение Геаринга:

— Ничего, командор.

Эскадра одолела почти половину дистанции, которая отделяла их от открытого космоса, когда Гренард вдруг закричал:

— Боже, они здесь, в туманности, за черной звездой! Одна... нет, две эскадры. Двигаются в тесном строю к туннелю. Командор, они идут в точку перехвата!

Сердце Биррела сжалось, но лицо не утратило невозмутимого выражения. Он спокойно спросил:

— Как далеко они находятся от вашей эскадрильи?

— Около двадцати тысяч миль. Далековато, чтобы их можно было разглядеть визуально, но экраны радара не оставляют никаких сомнений.

— Следуйте за нами на безопасном расстоянии,— приказал Биррел,— и постоянно сообщайте их коррдинаты.

— Орионцы хотят уничтожить Пятую,— глухо сказал Гарстанг.— Эти мерзавцы совершенно обнаглели — напасть на нас в нашем же собственном секторе!

— Уничтожить? — бесстрастно переспросил Биррел, не отрывая глаз от правого радарного экрана, на котором, увы, почти ничего нельзя было разглядеть.— Почему вы так решили?

Капитан флагманского корабля удивленно взглянул на командора.

— А зачем же они еще вышли на пересекающийся курс?.. Сэр, должен ли я отдать приказ усилить оборону транспортов?

— Нет.

— Тогда что же мы должны делать?

— Лететь вперед, как ни в чем не бывало,— сурово ответил Биррел.

Гарстанг посмотрел на него, словно на сумасшедшего, однако сдержался и кивнул.

— Есть, сэр. Слушаюсь, сэр.

Биррел по интонации его голоса почувствовал, что Гарстанг более чем озабочен и недоволен, и поэтому решил объяснить ему свое понимание ситуации:

— Это чистейшей воды блеф, Джо. Орионцы не рискнут начать боевые действия. Если бы они хотели этого, то напали бы в буферной зоне — там, где мы не могли бы надеяться на помощь. Нет, они специально забрались в наш сектор, чтобы ошеломить нас своей наглостью и запугать. Они не хотят, чтобы Пятая шла к Земле, вот и все.

Гарстанг пожал плечами.

— По-моему, вы слишком уверены в этом, сэр. Я лично не вижу оснований для такого оптимистического взгляда на ситуацию.

Биррел не обязан был объяснять подчиненным причины тех или иных своих решений, но для Гарстанга он сделал исключение.

— Подумайте как следует, Джо, и вам будет все ясно. Гренард смог обнаружить эскадры только радарами, но и те в свою очередь наверняка заметили разведчиков. Если бы они на самом деле хотели начать боевые действия, то, конечно же, в первую очередь уничтожили бы разведывательную эскадрилью. Вместо этого они позволили ей следовать за собой. Почему? Да потому что хотят, чтобы сообщения Гренарда заставили нас свернуть с пути к Земле.

— Звучит логично,— неохотно согласился Гарстанг.— Но если вы ошиблись, командор...

— Тогда у нас будут большие неприятности,— согласился Биррел.— Что ж, Фердиас разрешил мне при необходимости рисковать. Это я и делаю... Есть еще вопросы?

Вопросов у Гарстанга больше не было.

Пятая продолжала движение, не изменив ни скорости, ни порядка расположения своих кораблей, словно и не знала о противнике, который шел ей наперерез. Каждые десять минут Гренард сообщал о координатах эскадр Ориона и добавлял: «Идут на пересекающемся курсе». Биррел втайне ожидал, что эта психологическая атака вскоре закончится, но Гренард продолжал докладывать о сближении эскадр. Компьютеры рассчитали вероятную точку встречи. До нее Пятой оставался лишь один час пути.

Биррел с каждой минутой все больше и больше мрачнел. Похоже, они с Фердиасом ошиблись, и Орион на самом деле готовится перейти к открытым боевым действиям. Это было немыслимо, невозможно, война затянулась бы на столетия, не дав никому ощутимого преимущества. Но если амбиции Соллеремоса взяли верх над здравым смыслом...

Уже не было необходимости возвращать транспорты к Веге, прикрывая их отход. Конечно, Пятая в полном составе еще могла уйти, но реакцию Фердиаса на это бегство легко было предвидеть. Губернатор доверял ему, Биррелу, так же, как тот надеялся на смелость Гренарда.

— Эскадры орионцев не меняют курса,— в очередной раз повторил Гренард.

Следующие десять минут для Биррела были самыми долгими в жизни. Однако командир разведчиков вновь произнес ту же самую фразу, которая звучала сейчас как раскаты грома приближающегося Апокалипсиса.

Гарстанг сидел в соседнем кресле, неподвижным взглядом следя за экранами переднего обзора, где вот-вот должны были показаться корабли противника. На Биррела он старался не смотреть, словно понимая, как нелегко сейчас приходится командору.

Биррел тоскливо взглянул на часы. До точки встречи осталось всего тридцать три минуты. Если они с Фердиасом все-таки ошиблись, то через полчаса Пятая встретится с двукратно превосходящими их силами противника, в крайне неудобной для боя позиции, с беспомощными транспортами в арьергарде. Осталось тридцать две минуты...

"Говори, Гренард, ты молчишь уже больше положенного времени. Я жду твоих слов — но других. Тридцать одна минута до встречи... Черт побери, Гренард, ты что, заснул? Говори, болван, говори..."

— Курс не изменен,— наконец устало произнес командир разведчиков. Несколько секунд спустя он закричал: — Нет, курс изменился! Теперь орионцы направляются на пять градусов к зениту и на тридцать четыре градуса к западу. Командор, должен ли я преследовать их?

— Немедленно возвращайтесь,— с облегчением ответил Биррел.— Хотя следите за орионцами так долго, как только сможете.

Он откинулся на спинку кресла и весело взглянул на Гарстанга. Командир флагманского корабля не таясь вытирал носовым платком пот с лица.

— Вы оказались правы, сэр, это была лишь психологическая атака,— срывающимся голосом произнес он.

— Запомните, Джо, начальство всегда право, даже если оно ошибается,— хохотнул Биррел.— Хороши бы мы были, если бы дрогнули и повернули назад! Вот тогда-то Соллеремос и мог бы решить, что настала пора начать боевые действия против Лиры. А теперь он, пожалуй, еще призадумается...

Через полчаса Гренард сообщил, что эскадры Ориона окончательно вышли из поля зрения его радаров, придерживаясь нового курса к границам сектора Лиры.

— Возвращайтесь на прежнюю позицию в авангарде,— приказал Биррел и, не выдержав, добавил: — Отличная работа, Тэд.

Еще через полчаса Пятая наконец-то вышла в открытый космос. Впереди на многие парсеки простирался регион с редкими звездами и немногочисленными обитаемыми планетами. Эта часть космоса входила в буферную зону между секторами и управлялась Советом Объединенных Миров.

Гарстанг подошел к экрану заднего обзора, на котором еще были

видны спиралевидная туманность и мертвые солнца, и неожиданно сазал:

— Прекрасно, что нам удалось уйти от орионцев, но... но все-таки у меня дурацкое ощущение, командор, будто нас провели.

Биррел промолчал, неприятные предчувствия были и у него. Ему казалось почему-то, что Пятая Лиры двигается к Земле потому, что ее просто загнали в ловушку.

Глава 7

Далеко впереди, посреди огромной космической пустоши, сияло маленькое желтое солнце, которое так же и называлось — просто Солнце. Биррел смотрел на него, стоя на капитанском мостике, испытывая необычайные для себя сомнения. Что должен он ощущать в этот момент? Счастье, подобно ребенку, впервые увидевшему своего отца, или стыд, который мучает блудного сына, возвратившегося после долгих скитаний к родному очагу?

Увы, в его сердце не было ни того, ни другого. Солнце было для него лишь очередной, к тому же весьма заурядной, звездой, солнцем с маленькой буквы.

Повернувшись к Гарстангу, он приказал:

— Джо, начинайте торможение.

Эскадра замедлила скорость, доведя ее до планетарной, которая использовалась при полетах внутри звездных систем. К тому времени желтое Солнце было уже довольно близко, так что экраны дальнего обзора предоставили возможность подробно разглядеть все планеты. В основном они были бесплодными, и лишь три из них принадлежали к земному типу, причем одна — на все сто процентов. Доложивший об этом Веннер внезапно запнулся, смутившись — только сейчас он понял, что этот удивительно высокий показатель объяснялся просто: ведь именно Земля служила эталоном при подобных оценках.

Из радиорубки стали приходить первые послания с Земли: формальные приветствия от Совета ОМ и представительств различных государств. Чуть позже начали поступать данные, необходимые Пятой для посадки на космодром, который располагался в нескольких десятках миль от Нью-Йорка — города, где находилось здание Совета ОМ.

Перестроив ряды, эскадра Лиры вышла на траекторию сближения с планетой.

Вскоре на экране появился маленький серо-зеленый шарик, рядом с которым бледно светила луна, называемая просто Луной.

— Земля, сэр.

Тишина воцарилась на капитанском мостике. Биррел полагал, что

подобное произошло и на всех других кораблях, даже на транспортах с сотнями неугомонных ребятишек. Никто из этих людей ни разу не видел древнюю планету, которая когда-то была центром Галактики, и все же почти каждый был связан с ней невидимыми узами родства. Почти каждый — но далеко не все.

Биррел подумал о Лиллин — какие мысли одолевают сейчас ее? За время перелета они лишь несколько раз общались по внутренней видеосвязи, и он так и не понял, каково душевное состояние жены. Внешне она казалась спокойной и довольной, но почему-то старательно прятала глаза. Что в них было — тревога? Надежда? Или откровенный страх?..

Земля двигалась навстречу, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре можно было разглядеть мощные облачные фронты и белую полярную шапку. Еще через несколько минут стали заметны очертания континентов, между которыми голубели обширные океаны. Цвета проявлялись все более отчетливо, и это позволило различить горные хребты, лесные массивы, голубые пятна озер, извилистые линии крупных рек. Прекрасный, уютный мир! Глаза Биррела неожиданно повлажнели. «И почему Фердиас выбрал именно меня для этой работы?» — подумал он.

Как оказалось, он произнес эти слова вслух, хоть и не громко. Гарстанг услышал.

— Что вас тревожит, командор? Мы летим с дружеским визитом, чтобы принять участие в празднике. Что в этом плохого?

Голос капитана звучал совершенно искренне, но Биррел только презрительно усмехнулся в ответ. Он знал, что и Гарстанг, и Брешник, и многие другие офицеры не раз в приватных разговорах выражали сомнение в официальной версии визита. Им было непонятно, почему лучшую эскадру Лиры понадобилось снимать с места ее постоянного дежурства, дабы попросту поучаствовать в дружеской пирушке.

Выйдя на орбитальную траекторию, корабли Пятой снизились к огромному сине-зеленому океану и вскоре подошли к материку. На берегу был расположен крупный город, разбросанный по островам и полуостровам. Его пересекала река. Эскадра приблизилась к крупному космопорту. Космолеты взмыли вверх и, сделав головокружительный разворот в небе, стройными рядами опустились на посадочное поле.

Вдали, около здания космопорта, собралась большая толпа встречающих. Рядом на флагштоках пестрели десятки знамен, и, видимо, не случайно рядом со звездно-голубым флагом ОМ развевалось бело-голубое знамя сектора Лиры. В сторону космолетов двинулся оркестр, игравший на старинных духовых инструментах. Позади следовал небольшой кортеж открытых лимузинов с официальными лицами, прибывшими приветствовать гостей.

В этот время экипажи уже выстроились рядом со своими кораблями. Форма была безукоризненно отутюжена, ботинки начищены до блеска, пуговицы сияли. Биррел, сопровождаемый Гарстангом и Брешником, прошел вдоль строя, приветствуя экипажи, а затем, четко отбивая шаг, на-

правился к торжественной процессии землян. Он чувствовал непривычные запахи каких-то растений, лицо обдувал теплый, немного соленый воздух, глаза слепило маленькое, но горячее солнце. «Черт побери, да я на Земле!»

Понемногу его возбуждение стало стихать, и Биррел заметил, что космопорт, несмотря на солидные размеры, был изношенным и бедным. Металлобетон во многих местах растрескался, стоявшие невдалеке ангары и мастерские выглядели обветшалыми. В полумиле от Пятой стояли две дюжины крейсеров с эмблемами ОМ — небольшие корабли класса С-14, устаревшие еще лет двадцать назад. Биррел с удивлением подумал: а ведь это все, чем располагает Совет ОМ...

Процессия землян остановилась. Оркестр, продолжая играть бравурные марши, отошел в сторону. Из переднего лимузина вылезли двое и пошли навстречу гостям с Лиры: худощавый пожилой мужчина в черной адмиральской форме и солидный властный человек, одетый в безукоризненный гражданский костюм.

Биррел отдал честь адмиралу, и тот ответил тем же с дружеской улыбкой.

— Прекрасная посадка, командор. Я адмирал Ланей, командующий флотом Объединенных Миров. Приветствую вас и Пятую Лиры на Земле!

Не без удивления Биррел понял, что старый адмирал вел себя так, будто корабли Лиры находились в его подчинении. Это было забавно. Вот уже столетие объединенный космофлот не имел реального авторитета в Галактике. Его руководство никогда не отдавало приказов эскадрам пяти секторов, так же, как совет ОМ не мог влиять на действия губернаторов. И все же этот седой человек с загорелым морщинистым лицом и на удивление молодыми глазами делал вид, будто является прямым начальником Биррела.

Заметив растущую безнадежность во взгляде пожилого адмирала, Биррел смягчился. В конце концов, все это не имело никакого значения. Почему бы не подыграть старине Ланею, изо всех сил пытавшемуся играть роль важной птицы?

Командор подтянулся и вновь отсалютовал.

— Докладывает командор Биррел. Пятая эскадра Лиры прибыла в ваше распоряжение.

Благодарная улыбка промелькнула на лице Ланея.

— Вольно, командор,— сказал он мягко.— Позвольте вам представить мистера Джона Чартериса, председателя Совета ОМ.

Чартерис дружески потряс руку Биррела, но его глаза оставались цепкими и оценивающими. Этот человек был явно из породы политиканов, которых Биррел терпеть не мог. Подождав, когда к ним подошли телерепортеры с камерами в руках, Чартерис сказал, глядя больше в объективы, чем на гостей:

— Мы рады приветствовать на Земле представителей сектора Лиры, одну из самых блестящих эскадр галактического флота. Надеюсь, их участие в предстоящем праздновании юбилея...

Чартерис произнес короткую пышную речь, из которой следовало,

что сектора Галактики по-прежнему считают Землю своим центром и почитают Совет ОМ, как некогда в древности вассалы почитали своего короля. Биррел тоже сказал несколько теплых слов, с юмором заметив, что они не без труда разыскали Солнечную систему, которая отмечена ныне далеко не на всех звездных картах.

Затем началась долгая и утомительная процедура представления гостям нескольких десятков видных государственных деятелей Земли. Произносились речи, грохотал оркестр, в небе расцветали разноцветные огни фейерверков. Под конец, когда лицо Биррела уже болело от постоянных улыбок, а пальцы утомились от множества рукопожатий, адмирал Ланей прошелся вдоль рядов астронавтов Пятой, приветствуя их. На этом официальная часть встречи закончилась, и Брешник с облегчением отдал приказ экипажам космолетов разойтись.

Биррел вытер пот с лица — было жарко и душно. Ветер почти стих, а Солнце высоко поднялось к зениту, осыпая землю палящими лучами. Ланей понимающе посмотрел на Биррела.

— Командор, вы, должно быть, устали после долгого пути. Для вас подготовлена квартира на базе моего космофлота. Хотите, я отвезу вас?

— Нет, нет, Ланей, командор и его жена будут моими гостями! — запротестовал Чартерис.— Мои апартаменты достаточно просторны, да и расположены куда удобнее, в самом центре Нью-Йорка.

— С удовольствием,— согласился Биррел.

— Отлично! Моя супруга уже все подготовила... Познакомьтесь, командор, это мой секретарь Росс Маллинсон.

Маллинсон был высоким, довольно молодым мужчиной с профессионально любезной улыбкой и вкрадчивыми манерами опытного дипломата, всегда контролирующего свои слова и чувства. Биррелу такие люди нравились еще меньше, чем политики, они казались ему насквозь фальшивыми.

Похоже, Маллинсон тоже был не в восторге от гостя, и, несмотря на дружеское рукопожатие, его улыбка явно была искусственной.

Вскоре к ним подошел Брешник, ведя под руку очаровательную Лиллин. Биррел познакомил ее с землянами и был польщен их на этот раз вполне искренним восхищением. Вегианка надела длинное платье земного покроя — видимо, не зря тратила время в полете.

И все же она настолько разительно отличалась от жен встречавших эскадру официальных лиц, что в сердце Биррела закрался холодок. Только сейчас он осознал, что ни у кого из землянок не может быть таких длинных раскосых глаз, вытянутого овала лица, маленького, почти округлого рта... Нация вегиан считалась самой экзотичной среди всех ветвей человеческой расы во Вселенной, и здесь, на древней Земле, эти отличия просто поражали.

«Я буду чужой там, на твоей Земле»,— сказала ему перед отлетом жена и, похоже, оказалась права. Да, земляне-мужчины были сражены.

красотой вегианки, но в глазах их жен Биррел без труда прочел невысказанный протест: «Посмотрите, да ведь эта женщина и не человек вовсе!»

Маллисон, порозовев, робко подошел к Лиллин и протянул ей руку, приглашая сесть в лимузин. Биррел с усмешкой выслушал его восторженные комплименты, а сам, извинившись, отвел в сторону Брешника.

— Начались мои мучения, Род. Никогда еще мне не приходилось играть роль разряженной дипломатической куклы, да, видимо, придется. На время командование Пятой передаю вам. Разрешите экипажам кораблей увольнение в город, но не увлекайтесь — не меньше одной трети должно все время находиться на своих рабочих местах. Я хочу, чтобы эскадра была в постоянной готовности уйти с Земли.

Брешник с удивлением взглянул на своего командира.

— Как прикажете, сэр. Только люди будут недовольны.

— Ничего, пусть поворчат. Техсоставу немедленно заняться текущим ремонтом. Используйте при необходимости оборудование космопорта, я договорюсь об этом.

Вице-командор хмыкнул.

— Представляю, что это за оборудование: молоток, отвертка и зубило. Джей, только посмотрите на славный флот ОМ — по таким развалюхам свалка давно плачет!

Биррел хохотнул, но ему было не до смеха. Он уселся в лимузин рядом с Чартерисом, и кавалькада машин неспешно поехала к воротам космопорта.

Здесь их ждала огромная толпа местных жителей, которые с цветами в руках пришли поглазеть на пришельцев с далекой Веги. Не без труда протиснувшись через узкий проход, созданный силами полицейских, процессия выехала на скоростное шоссе и помчалась в сторону Нью--Йорка.

Биррел полюбопытствовал, почему на Земле отдают явное предпочтение наземному транспорту, в то время как в небе довольно мало флиттеров. Чартерис стал объяснять, что Нью-Йорк — огромный город, и местные власти специально ограничили право пользования флиттерами, дабы избежать хаоса и несчастных случаев. В самом же Нью-Йорке воздушное движение вообще невозможно, поскольку город на треть состоит из небоскребов.

Командор вполуха слушал председателя Совета, вежливо кивая головой, а сам с куда большим интересом разглядывал мелькающие мимо пейзажи.

На первый взгляд Земля не слишком отличалась от других обитаемых миров, на которых ему приходилось бывать. Многие из них могли похвастаться такой же пышной зеленью, голубым небом и белыми пушистыми облаками. Дома в небольших поселках были стандартного типа, построенные из разноцветного металлопластика. Садившееся на западе Солнце освещало их стены косыми розовыми лучами, и даже самые неказистые сооружения имели уютный и приглядный вид.

Но вскоре Биррел стал смотреть только вперед. На золотистом фоне неба поднимались зубчатые контуры самого удивительного города.

Он поражал мощью десятков, сотен небоскребов, которые, словно сторожевые башни, следили за приближением пришельцев из другого

мира. Нигде в Галактике не осталось таких титанических сооружений, всюду преобладали двух-и трехэтажные здания, гораздо более удобные для жизни в гармонии с природой. Биррел понимал, что этот город очень стар и совсем не просто снести его небоскребы, чтобы построить современные дома. Что ж, может быть, это и неплохо, зато Нью-Йорк сохранил своеобразие, которым мог похвастаться далеко не каждый мегаполис на других планетах.

Когда кортеж машин, резко замедлив скорость, въехал на оживленные городские улицы, Биррел почувствовал себя не в своей тарелке.

Даже самые широкие проспекты казались ущельями, уставленными по обеим сторонам скалами из камня и стекла. От ярких огней реклам буквально кружилась голова. Зато апартаменты Чартериса оказались просторными и уютными. Председатель Совета занимал весь верхний этаж многоэтажного дома, окруженного террасами с колоннадой. Отсюда открывался прекрасный вид на город и, в частности, на белоснежный небоскреб Совета ОМ.

Биррел с Лиллин вышли ненадолго на террасу, чтобы полюбоваться ночной панорамой, их проводил гостеприимный хозяин.

— Правда, здание Совета выглядит впечатляюще? — с гордостью спросил Чартерис.— Оно было построено полторы сотни лет назад на месте здания Организации Объединенных Наций. ООН выполнила свою роль, обеспечив в течение веков мир на этой планете. Символично, что наш Совет ОМ как бы перенял эстафету у этой Организации и отвечает за процветание и спокойствие доброй половины Галактики.

Биррел пристально посмотрел на Чартериса, но не смог обнаружить на лице политика и следа самоиронии. Похоже, он верил в то, о чем говорил.

Затем в обширной гостиной состоялся обед в честь гостей с Лиры. На нем царствовала жена Чартериса — яркая, хоть уже не первой молодости дама, которая удивительно умело поддерживала праздничную и в то же время деловую атмосферу этой встречи. Чувствовалось, что у нее был большой опыт в подобных делах.

Прозвучало много тостов в честь гостей и хозяев. Биррелу пришлось отвечать на бесчисленные вопросы о секторе Лиры; к его удивлению, даже члены Совета мало знали о том, что происходит на далеких звездах. Но в основном все разговоры вертелись вокруг предстоящего празднества. О политике старались даже не упоминать, хотя среди гостей были крупные государственные деятели из секторов Цефея и Льва. Каждый из них улучил момент, чтобы поговорить один на один с Биррелом за бокалом вина, однако беседы всегда касались пустяков.

Командора скоро вся эта светская болтовня стала раздражать. Что-то делает сейчас Соллеремос, пока он бездарно теряет время на светском приеме? Фердиас, правда, обещал ставить его в известность о перемещении эскадр Ориона, но придет ли предупреждение вовремя?

Только глубокой ночью гости стали расходиться. Хозяйка дома отве-

ла заметно уставшую Лиллин в гостевые комнаты, а Биррел вместе с Чартерисом и Маллинсоном вышли на террасу, чтобы пропустить по последней рюмочке.

Они сидели в креслах, потягивая вино и думая каждый о своем. Биррел смотрел на каменные утесы небоскребов, освещенных гирляндами ослепительных огней, и не мог поверить, что он находится на легендарной Земле.

Где-то на западе в звездном небе раздался раскат грома. По звуку Биррел определил, что на посадку шло торговое судно среднего класса.

— Командор, вы не знаете, Орион тоже собирается послать к нам эскадру или только делегацию?— внезапно донесся вопрос Чартериса.

Тревога зазвенела колокольчиками в голове Биррела. Что крылось за этим вопросом? Может быть, Чартерис прослышал о чем-то? Или просто выуживает информацию?

Поразмыслив, Биррел осторожно ответил:

— Понятия не имею. Однако не сомневаюсь, что Соллеремос по-ставит вас в известность о своих планах.

Чартерис не сводил с него пытливых глаз, и Биррел почувствовал, что под добродушной внешностью скрывается решительный и волевой человек, с которым надо держаться настороже.

В разговор вмешался Маллинсон:

— Совет послал приглашение Ориону, и оно было принято. Но мы до сих пор не знаем, какая делегация к нам прибудет. Наш космодром достаточно велик, тем не менее если все сектора пришлют по эскадре...

Они что-то знают, подумал Биррел, делая вид, что наслаждается вином. Вот только что? Быть может, силы Ориона уже находятся на пути к Земле, дабы тоже «принять участие в празднествах»? Об этом можно лишь гадать. Одно ясно — оба члена Совета относятся с равным подозрением и к Лире, и к Ориону. И приход вместе с Пятой транспортов с членами семей экипажей не рассеял их сомнений.

Бирелл продолжал смаковать довольно терпкое, на его вкус, вино, ощущая на себе внимательные взгляды обоих землян. Но скоро бокал опустеет, и ему придется вновь отвечать на коварные вопросы. Это было тяжелой и непривычной работой. Нет, политические интриги не для него, он не искушен в таких делах и может запросто наломать дров, обратив настороженность землян в открытую враждебность. Поскорее бы увидеться с Кэршем! Этот малый чувствует себя в подобных ситуациях, как рыба в воде. Вот пусть и думает за них обоих.

ГЛАВА 8

Биррел решил, что не будет даже пытаться играть с Чартерисом и Маллинсоном в дипломатические игры. Оба землянина куда опытнее в

таких вещах и были бы рады поймать его на какой-нибудь предательской ошибке.

Поднявшись с кресла, он зевнул и сказал устало:

— Прошу прощения, но я, пожалуй, пойду. У меня был трудный день.

Чартерис вежливо улыбнулся в ответ.

— Боюсь, командор, здесь, на Земле, вам будет не легче. Праздник такого масштаба — очень утомительная штука, можете мне поверить. Мы запланировали множество встреч и интересных поездок для вас и офицеров эскадры. А пока доброй ночи, мистер Биррел.

Попращавшись с Чартерисом и Маллинсоном, он было пошел к выходу, однако затем вернулся, словно внезапно вспомнив нечто важное:

— Кстати, о поездках,— добродушно улыбаясь, произнес Биррел.— Невдалеке от Нью-Йорка находится дом моих предков. Я бы хотел в ближайшее время съездить туда с женой.

Чартерис понимающе кивнул.

— Я все организую, командор. Приятно слышать, что люди с Лиры испытывают сентиментальные чувства к старым родовым гнездам. Жаль только, что такое встречается редко.

Маллинсон поставил бокал на столик и негромко сказал, не глядя на гостя:

— Лучше меньше сантиментов, да больше лояльности по отношению к Объединенным Мирам.

Настало напряженное молчание. Биррел не нашел, что ответить, и тогда Чартерис, безмятежно улыбнувшись, с укоризной заметил:

— Не стоит сегодня говорить о политике, Росс. Доброй ночи, командор.

Биррел, хлопнув дверью, злым шагом направился в комнату, отведенную для них с Лиллин. Жена уже спала или притворялась, что спит. Второе вероятнее — Лиллин весь вечер была холодна с ним и, скорее всего, просто стремилась избежать разговора.

Биррела это устраивало, ему хотелось остаться наедине со своими невеселыми мыслями. Да и наличие в спальне подслушивающего устройства нельзя было исключить. Вряд ли это мог подстроить сам Чартерис, но Маллинсон никакого доверия у Биррела не вызывал. Вырвавшаяся в конце беседы у него фразы говорила о многом. Можно было не сомневаться, что подобное недоверие к жителям других звездных систем испытывают и многие другие земляне. Они десятилетиями привыкли считать, что Земля — центр Галактики, а все остальные миры — не более чем глухая провинция. Ныне все изменилось, и вряд ли это пришлось им по сердцу.

Лежа без сна в темной комнате, Биррел обдумывал план дальнейших действий. Теперь понятно, почему Фердиас выбрал для его встречи с Кэршем место за городом — здесь невозможно было уединиться. И эту встречу откладывать нельзя, слишком многое произошло после отлета Пятой

с Веги. Придется сослаться на страстное желание посетить родовое гнездо, и уехать из Нью-Йорка как можно скорее, может быть, даже завтра.

Но ничего у Биррела из этой затеи на следующий день не получилось. К десяти утра, сразу же после завтрака, в дверь к супругам постучался Маллинсон, вновь сияя безукоризненной улыбкой. О вчерашнем инциденте не было сказано ни слова, секретарь совета был сама вежливость и предупредительность. Вместе с ним Биррелов навестила и жена Чартериса, которая тотчас же взяла Лиллин под опеку. Она предложила своей молодой подруге совершить экскурсию по самым известным и модным магазинам, на что Лиллин с охотой согласилась. Биррелу показалось, что жена попросту избегает его. Так или иначе, о поездке в Орвилл не было смысла и заикаться, и он с внутренним вздохом отдал себя в распоряжение энергичного молодого дипломата.

— Я покажу вам город, командор,— сказал Маллинсон, когда подали открытый лимузин с флажком ОМ.— Сначала, конечно, здание Совета. Уверяю вас, весьма любопытное зрелище.

Они поехали к центру города по переполненным улицам. Биррел смотрел по сторонам без особого интереса.

Утро выдалось яркое, солнечное, на полоске белесого неба, видневшегося между крышами небоскребов, не было ни единого облачка. Воздух был приятным для дыхания, слегка солоноватым, но ему приходилось встречать мегаполисы и с более чистой атмосферой. Огромные безвкусные здания угнетали его, однако хуже всего были толпы, наводняющие тротуары — тысячи, десятки тысяч шумных, суетливых людей, крикливо одетых, с дурацкими флажками и кепками, на которых пестрели эмблемы юбилея двухсотлетия первого звездного перелета. Веселые улыбки на улицах Биррелу показались несколько искусственными и вызвали у него лишь чувство раздражения.

Здание Совета ОМ возвышалось посреди округлой площади, словно ступенчатая гора из стали и стекла. Его титанический вид настолько не соответствовал реальному весу Объединенных Миров в галактическом содружестве, что Биррел не смог сдержать усмешку. Маллинсон повел гостя к парадному входу, через который взад-вперед сновали сотни чиновников, и, вежливо пропустив его вперед, ввел в огромное фойе.

— Сейчас проходит сессия Совета, и мистер Чартерис, к сожалению, не может принять вас в своем кабинете. Но я думаю, вам будет любопытно взглянуть на зал заседаний из гостевой галереи, не так ли?

— Буду счастлив,— вежливо ответил Биррел, мысленно послав Маллисона к дьяволу.

Они поднялись на одном из лифтов на десятый этаж и вышли в устланный коврами широкий коридор, который привел их к круговой галерее, опоясывающей сверху зал заседаний. Биррел готовил себя к грандиозному зрелищу и все же был ошеломлен.

Земляне строили этот зал как центр галактической дипломатии. Белый купол поднимался над полом на добрые полсотни метров. Под гале-

реей располагалось несколько ярусов «бельэтаж», а еще ниже — ступенчатый «амфитеатр». Сам же «партер» состоял из нескольких тысяч кресел, из которых была занята самое большее пятая часть, поближе к трибуне. Каждая секция зала была предназначена для крупных звездных ассоциаций и обозначалась соответствующим флажком или вымпелом. Увы, подавляющее большенство из них проигнорировали приглашение Совета. Полностью была заполнена лишь секция Земли, которая включала в себя несколько близлежащих звездных систем, бедных и малонаселенных. Приехали гости из соседних систем, таких, как Альфа Центавра. Вот и все.

Биррел почувствовал себя крайне неуютно, глядя на огромный и почти пустой зал. Он был предназначен для представителей всех пяти секторов Галактики и, наверное, лет сто назад был заполнен до отказа. Увы, это время давно прошло. История выбрала иной путь, оставив бывший центр Галактики далеко на задворках. И все же на бесчисленные ряды пустующих кресел смотреть почему-то было неприятно.

Чартерис сидел в кресле председателя и терпеливо слушал, как пожилой делегат докладывал о каких-то нюансах в галактических законах, требующих корректировки. Биррел даже не стал вслушиваться в его речь — во всех секторах существовали свои законодательства.

— Впечатляющее зрелище, не правда ли? — хладнокровно спросил Маллинсон.

Биррел повернулся и в упор взглянул на молодого дипломата, на лице которого словно маска застыла вежливая улыбка.

— Похоже, вы обвиняете нас, представителей секторов, во всем этом?

— Да,— кивнул Маллинсон, продолжая улыбаться.

— Неужели я или экипажи моей эксадры могут отвечать за то, что неизбежно должно было случиться?

— Неизбежно? — переспросил Маллинсон.— Так ли это, командор? Положим, сектора разрастались слишком быстро, и в какой-то момент тысячами обитаемых миров действительно стало невозможно управлять с Земли. Но разве амбициозный поворот в политике всех пяти губернаторов был так уж неизбежен?

Биррел не знал, чем ответить на это обвинение, и только резко сказал:

— Я не занимаюсь политикой, это не мое дело. Но я хочу спросить: если вы так относитесь к секторам, зачем же пригласили их на это празднование?

— Поверьте, это не моя идея,— заверил его Маллинсон.

Они посмотрели друг на друга с уже нескрываемой неприязнью.

— Отлично,— тихо произнес Биррел,— наконец-то мы поняли друг друга. Я тоже не в восторге от своей миссии, можете поверить. Теперь, когда мы объяснились, я думаю, вам нет смысла разыгрывать из себя гостеприимного хозяина. Да и меня Нью-Йорк совершенно не интересует. Если не возражаете, я вернусь на космодром и проведаю свою эскадру.

— Машина в вашем распоряжении,— равнодушно ответил

Маллинсон.— И вот еще что, Биррел. Я говорил сейчас только от своего имени. Многие члены Совета, в том числе и Чартерис, думают иначе. Они еще мечтают о днях, когда Совет вновь станет управлять Галактикой.

Биррел кивнул.

— Спасибо за искренность. Разумеется, этот разговор останется между нами.

Выйдя из здания, он почувствовал немалое облегчение. Похоже, дипломатическая миссия провалена, но какой он к черту дипломат. В конце концов, не он, а Фердиас и другие губернаторы завели Объединенные Миры в тупик.

Машина выехала из теснин города-гиганта и понеслась по скоростной трассе в сторону космодрома. Откинувшись на мягкую спинку кресла, Биррел смотрел на мелькающие по обеим сторонам вполне современные коттеджи. Неужели их обитатели думают, как Маллисон? Похоже, что так.

Корабли Пятой были видны еще издалека, напоминая закованных в сталь воинов-титанов. Невдалеке от них теснились карлики — крейсеры флота ОМ, бочкообразные транспорты, овальные торговцы и конусообразные пассажирские лайнеры. Водитель лимузина, не скрывая благоговения, смотрел на эскадру Лиры, и Биррел слегка смягчился. Возможно, все-таки не все считали сектор Лиры своей провинцией.

Биррел попросил подвезти его к флагманскому кораблю и через несколько минут уже поднялся на капитанский мостик «Старзонга". Читавший какой-то журнал Джо Гарстанг вскочил на ноги и отдал ему честь.

— Все в порядке, сэр.

Биррел кивнул.

— Есть для меня послание с Веги?

— Нет, сэр.

Этого можно было ожидать, но командор тем не менее почувствовал разочарование.

— Не хотите ли вы сами связаться с Фердиасом? — спросил Гарстанг.— Я могу дать указание офицеру связи...

— Нет, не стоит,— решительно отказался Биррел.— Не о чем пока рассказывать губернатору.

Он лукавил — ему было о чем рассказать Фердиасу. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем предполагал командор. Но ему не хотелось использовать без крайней необходимости шифросвязь — земляне вполне могли записать несколько таких посланий и найти к ним ключ. Губернатор также учитывал это, когда приказал ему следовать всем приказаниям Кэрша.

— Как идут ремонтные работы?

— Неисправностей немного,— ответил Гарстанг.— Почти все они уже устранены.

— Люди довольны квартирами на базе флота ОМ?

— Еще как! Всем приятно хоть несколько дней пожить вне своих

кают. Но шестерым отдых не пошел на пользу. Я посадил их на гауптвахту.

— Что так?

Гарстанг замялся. Видно было, что ему не хотелось посвящать командора в неприятные подробности, но дисциплина взяла верх.

— Видите ли, сэр, прошлой ночью астронавты флота ОМ устроили для наших парней вечеринку. Ну, выпили в меру, поболтали о том, о сем, поиграли в карты — все, как полагается...

— И что же произошло? — сурово прервал его Биррел.

— Вино — штука коварная, даже если его пьешь в меру. Один из наших охмелел и стал хвастаться, что Пятая может одной рукой прихлопнуть весь флот ОМ и даже не вспотеть. Землянам, понятно, это не понравилось. И началась потасовка — давненько не видел такой.

Биррел чертыхался, недовольно глядя на Гарстанга.

— Мы прилетели сюда с мирной миссией, а не для того, чтобы квасить друг другу носы! — раздраженно воскликнул он.— Только этих неприятностей Лире не хватает. Чтобы больше я не слышал ни о чем подобном, ясно?

— Я приму все меры,— облизнув пересохшие губы, пообещал Гарстанг.— Виновные получат по заслугам, да и остальным я устроил такую выволочку, что у них не скоро зачешутся кулаки.

— Будем надеяться, Джо,— сухо сказал Биррел, недобро глядя на капитана флагманского корабля.— Я доверяю эскадру вам с Брешником в свое отсутствие и не хотел бы в этом раскаиваться. Вы что-то желаете спросить, Джо?

— Да, сэр. Я могу хоть на несколько часов отлучиться в город?

Биррел пожевал губы, в сомнении глядя на капитана «Старзонга".

— Ну, хорошо, на несколько часов можно. Оставьте за себя Веннера. А сейчас пойдемте со мной к Брешнику.

Гарстанг с облегчением вызвал своего заместителя, чтобы дать ему необходимые указания. Затем они спустились вниз и увидели, что лимузин с флажком Совета ОМ по-прежнему ждет около трапа. Биррел довольно усмехнулся и попросил водителя отвезти их к кораблю, на котором должен был находиться вице-командор.

Каждый раз, когда автомобиль проезжал очередной крейсер, солнце гасло, словно попав в грозовое облако. Около пятого по счету от «Старзонга» корабля машина остановилась, как оказалось, ненадолго.

У пандуса Биррела встретил молодой офицер, адъютант Брешника.

— Прошу прощения, сэр, вице-командор получил приглашение осмотреть какую-то диковинку,— доложил он, вытянувшись в струну,— где-то в районе ангаров.

Биррел проследил за его рукой и увидел вдали полукруглые здания, около которых суетились люди,— видимо, ремонтные мастерские.

Лимузин помчал их с Гарстангом по старому, местами растрескавше-

муся шоссе. Вскоре они нашли Брешника, который стоял около открытых ворот ангара с группой офицеров в черной форме флота ОМ.

Заметив начальника, Брешник подошел к лимузину с немного растерянной улыбкой.

— Посмотрите-ка на это чудо в перьях, Джей. В жизни не видел ничего более дурацкого.

Офицеры Пятой подошли к ангару и обменялись недоуменными взглядами. Внутри находился маленький кургузый корабль с нелепой шишкой на овальном носу. Он больше походил на макет, чем на космолет, но вокруг него копошились несколько десятков техников в черных комбинезонах.

— Что это за штука? — спросил Биррел.

— Это гордость Земли, звездолет «Пионер»,— пояснил Брешник, ухмыляясь.— До последнего времени он находился в музее космоплавания и был перевезен сюда для участия в праздновании.

— В каком смысле — «участия»? Разве эта груда металлолома может летать?

Брешник кивнул.

— По крайней мере, техники так говорят. В программу праздника входит показательный полет «Пионера». На малой высоте и на небольшое расстояние,— но все же полет.

Гарстанг в сомнении покачал головой.

— Не думаю, что эта дырявая бочка сможет подняться с места. И кому это из местных чиновников пришла в голову такая замечательная идея?

Биррел был согласен с мнением капитана «Старзонга». Готовясь к полету на Землю, он основательно проштудировал историю звездных полетов. Его голова была забита сотнями имен, названиями кораблей, датами полетов — сведениями, вычитанными из книг. До сих пор он не полностью понимал, почему Земля так гордится своим первенцем-звездолетом и чтит имена храбрецов, первыми сделавших шаг в большой космос.

Теперь он это начал понимать. Действительно, нужно было иметь огромное мужество, чтобы лететь на этом странном сооружении за пределы Солнечной системы.

Налюбовавшись вдоволь «чудом в перьях», офицеры Пятой вернулись к терпеливо ожидавшему их роскошному лимузину.

— Командор, надеюсь, вы вновь принимаете на себя командование эскадрой? — с надеждой спросил Брешник.

— Увы, нет,— с огорчением ответил Биррел.— Честное слово, я всем сердцем хотел бы этого, но гостеприимные хозяева не дают мне ни минуты покоя. У главы миссии есть свои обязанности, ничего не поделаешь. Простите, Род, вам придется оставаться здесь, на космодроме.

— Слушаюсь, сэр,— помрачнев, буркнул Брешник.

Биррел дружески потрепал его по плечу.

— Надеюсь, вам еще удастся полюбоваться на местные красоты.

Я уже сыт ими по горло... Кстати, вы не слышали, здесь не ожидают прилета новых кораблей — я имею ввиду *больших* кораблей?

Брешник пожал плечами.

— Понятия не имею. Знаю только то, что несколько десятков доков в другом конце взлетного поля были очищены от всяческой находящейся там мелюзги.

— Могут они принять эскадру?

— Какую эскадру?

Биррел помедлил с ответом.

— Откуда я знаю? — наконец сказал он.— На праздник приглашены представители всех секторов. Почему бы, скажем, сектору Льва или Цефеи не прислать сюда эскадру, как это сделала наша Лира?

— Вы имеете в виду эскадру Ориона? — в упор спросил Брешник.

Биррел выразительно промолчал.

— Все понятно,— помрачнев, произнес Брешник.— Только этого нам не хватало! Если рядом с Пятой рядом сядут крейсеры Соллеремоса, будет масса неприятностей.

— Точно,— поддержал его встревоженный Гарстанг.— Не думаю, что мы сможем удержать наших парней от разборок с орионцами. Простой кулачной дракой здесь дело не обойдется...

Биррел поморщился, словно от зубной боли. Да, потасовкой типа «стенка на стенку» дело не кончится. У всех экипажей Пятой еще свежа память о психологической атаке двух эскадр Ориона, так что удержать их от справедливой расправы будет непросто. А потом конфликт покатится как снежный ком с горы, и кровавые волны от него пойдут по всей Галактике.

Он был готов к такому повороту событий и давно принял решение, что делать в подобной критической ситуации. Хорошего в этом было мало, но такова цена его громкой должности. Командорам не часто доставались розы дипломатических приемов и улыбки светских красавиц; куда чаще им вслед неслись тайные проклятия их собственных подчиненных. Биреллу к этому было не привыкать.

— Надо ожидать всего,— тихо сказал он, пристально глядя на своих офицеров. — С сегодняшнего дня все увольнения в город отменяются. Объявить по кораблям готовность номер один, но так, чтобы никто из землян об этом не пронюхал.

К его удивлению оба командира Пятой и не пытались протестовать. Более того, Брешник, сдвинув брови, спросил:

— Вы уверены, Джей, что нам не стоит объявить боевую тревогу?

Биррел решительно возразил:

— Нет, ни к чему. Тогда придется объяснять экипажам, что и как, а это только еще больше накалит ситуацию. Нет, готовности номер один пока достаточно. Брешник, я полагаюсь на вас.

Повернувшись к погрустневшему Гарстангу, командор внезапно улыбнулся.

— Что повесили голову, Джо? Я обещал вас отвезти в Нью-Йорк и

не собираюсь давать отбой. Садитесь в машину и готовьтесь — вы увидите весь блеск и нищету Земли разом!

Глава 9

И блеск Земли казался ослепляющим. С приходом ночи узкие каньоны старого города превратились в реки фосфоресцирующего света, толпы праздношатающихся людей, казалось, плыли в самых различных направлениях. Над ними сияли облака паров натрия, которые заменили древние осветительные лампы, но реклама на фасадах домов оставалась по традиции неоновой. Такого фейерверка разноцветных огней Биррел не видел ни на одном другом мире Галактики.

Ему не нравилось это пиршество света, он привык к иному: факелам далеких звездных скоплений, мерцанию туманностей, маякам сверхновых... Огни Галактики были чинными, неторопливыми, они никогда не бросались назойливо в глаза, стараясь ослепить, никогда не смешивались с гомоном многотысячной толпы. Тишина и покой царили в космосе. Здесь же, в Нью-Йорке, брали верх шум людских голосов и грохот бесчисленных машин, не стихающий даже ночью.

Биррел уже жалел, что согласился на эту ночную экскурсию, на которую гостей пригласил Маллинсон. Дипломат обещал показать Лиллин немало любопытного из земной жизни, и та согласилась с радостной улыбкой, искренность которой вызвала у Биррела большое сомнение. Зато Гарстанг был явно доволен, он изрядно нагрузился на званом ужине и горел желанием недурно провести время. В сопровождении двух землян, имен которых Биррел не запомнил, капитан неуклюже забрался на заднее сиденье лимузина и сразу захрапел. На его лице сияла безмятежная улыбка, не то что днем, когда они вдвоем выехали из космопорта, оставив Брешника на время командовать Пятой Лиры.

— Брешник — хороший офицер,— сказал тогда Гарстанг с недоброй усмешкой. — Он повинуется приказам и никогда не задает вопросов. Я полагаю, именно поэтому он и стал вице-командором.

— Возможно,— сухо ответил Биррел.

— Я отлично понимаю, почему никогда не займу эту должность,— продолжил Гарстанг, пытливо глядя на своего командира. — Я всегда задаю неприятные начальству вопросы. Например, мне хотелось бы узнать, почему мы должны привести эскадру в готовность номер один. Что, к дьяволу, произошло?

Биррел был готов взорваться и намылить командиру флагмана шею за излишнее любопытство, но ему в голову пришла более удачная идея:

— Вы разве не слышали, что говорилось об эскадрах Ориона? Они могут и на самом деле прилететь на празднование и сесть рядом с нами.

Если наши парни и орионцы встретятся где-нибудь в городе, то потасовки не миновать, вы же сами об этом предупреждали. Пусть уж наши астронавты сидят у себя на кораблях и занимаются делом. Только скандалов нам не хватает!

— Скандалы? — деланно удивился Гарстанг.— Да, это было бы неприятно. К сожалению, командор, не все думают, что дело обстоит так просто.

— Вот как? — резко сказал Биррел, нахмурившись.— И кто же думает иначе?

— Например, астронавты флота ОМ,— спокойно ответил Гарстанг.— Среди них ходят самые дикие слухи. Например, о том, что эскадры Ориона могут прилететь на Землю с той же целью, что и мы.

— И с какой же целью прилетели мы? — мрачно спросил Биррел.

— Для того, чтобы захватить ее,— мягко пояснил Гарстанг.

Не выдержав, Биррел от души выругался.

— Да они просто олухи, эти земляне! — взорвался он.— Неужели мы привезли бы наших жен и детей?

— Есть мнение, что это просто прикрытие. Согласитесь, такие штучки вполне в духе нашего славного Фердиаса. Так или иначе, я рад, что остался старым холостяком и сегодня намерен выпустить в городе пар. Как знать, быть может, это мой последний загул?

Биррел размышлял об этом разговоре, проезжая по ночным улицам Нью-Йорка.

Ситуация осложнялась даже больше, чем он предполагал. Одно дело, когда подозрения высказывают дипломаты, и совсем другое, когда они завладевают душами обывателей. Выходит, донесения Кэрша были точными, агенты Ориона действительно славно поработали на Земле. Надо как можно быстрее встретиться с этим человеком, он может многое объяснить и многое подсказать, решил Биррел. Но как это сделать, если Маллинсон буквально не дает ему свободно вздохнуть?

Наконец лимузин остановился, и Маллинсон повел гостей по заполненной толпами улице, давая насладиться атмосферой ночного Нью-Йорка. Прогулка получилась не из самых приятных. Давка была ужасная, людей было больше, чем днем. Воздух буквально кипел от гула голосов, шума машин и звуков музыки, лившейся на прохожих, казалось, изо всех окон. В небе то и дело прокатывался гром — на космодром садилось очередное торговое судно.

Выйдя на обширную площадь, гости с Веги оказались в самой гуще веселья. Музыка здесь звучала беспрерывно, сотни пар танцевали, не обращая внимания на тесноту.

Среди землян Биррел увидел астронавтов в черной форме флота ОМ. Изредка встречались офицеры с Ксипехуз и Льва. Земляне оборачивались, провожая восхищенными взглядами Лиллин, чья экзотическая красота производила на них сильное впечатление.

— Что-то я не замечаю здесь никого из ваших людей, командор,—

как бы между прочим обронил Маллинсон, внимательно глядя по сторонам.— Я думал, они все будут сегодня в городе.

Биррел любезно улыбнулся.

— Мы решили провести кое-какие ремонтные работы, так что многие члены экипажей сегодня заняты.

— Понимаю,— кинул Маллинсон.— Ремонт — это очень важно, командор.

Он обернулся к Лиллин и стал как ни в чем не бывало рассказывать ей о земных блюдах и винах.

«Напрасно стараешься, дружок,— с насмешкой подумал Беррил.— Тебе ничего не удастся выведать о наших планах. Кстати, а почему нас сегодня не принял Чартерис? Чем он так занят?»

По предложению немного отрезвевшего Гарстанга они направились «слегка освежиться» в ближайший бар. Биррел поддержал предложение, назойливая музыка и толкотня стали ему надоедать. Все расселись за столиками в углу обширной комнаты, в которой было сравнительно немноголюдно, и с помощью Маллинсона стали заказывать закуски и вина. Гарстанг активно помогал хозяину, громогласно заявляя, что не грех прополоскать пересохшее горло.

Лиллин встречала смехом каждую шутку Маллинсона и казалась очень довольной. У Бирелла же настроение было отвратительным. Отложив в сторону меню, он исподлобья осмотрелся и заметил в другом конце зала двух молодых офицеров в черной форме Объединенного флота. Один из них что-то сказал, дерзко глядя на него, и другой встретил эти слова хохоом.

Биррел покраснел от гнева и хотел было уже подняться со стула, как вдруг услышал в кармане своего кителя тонкий звон — кто-то вызвал его по порто.

— Извините, я сейчас приду,— сказал командор и не спеша направился в сторону туалета, ощущая спиной насторожсенный взгляд Маллинсона. Заперевшись в кабинке, он достал порто и, поднеся его к губам, тихо произнес: — Биррел слушает.

В порто зашуршало, защелкало, потом внезапно все стихло. Красная лампочка вызова погасла.

Биррел был озадачен. Только Брешник знал частоту, на которой работал передатчик. Сомнительно, чтобы вице-командор вызвал его шутки ради.

Командора охватила тревога. Он вспомнил, что его мог вызвать еще один человек — Кэрш. Но тогда почему он внезапно прервал связь?

Биррел набрал на панели переговорного устройства шифр Брешника и нажал кнопку «вызов». Через минуту послышался голос вице-командора:

— Брешник слушает, командор.

— Вы вызывали меня только что, Род?

— Нет,— удивленно ответил Брешник.— А что случилось?

— Ничего... Как дела с ремонтом?

— Почти все закончено.

— Отлично,— сказал Биррел и выключил порто.

Он вернулся в зал, еще более раздраженный, чем прежде. Проходя мимо двух земных астронавтов, которые все еще продолжали покатываться со смеха, Биррел не выдержал и резко обратился к сероглазому, симпатичному на вид блондину:

— Недавно вы сказали что-то забавное на мой счет. Повторите, мы посмеемся вместе.

Молодой офицер озадаченно взглянул на него:

— Не понял.

— Вы смотрели на меня и мою жену и что-то со смехом о нас говорили. Что именно?

В глазах землянина промелькнул испуг — Биррел выглядел сейчас грозно.

— Я не хочу говорить об этом, вегианин,— пробормотал он, отводя глаза.

— Придется,— тихо произнес Биррел, сжимая кулаки.

Блондин посмотрел на своего не менее растерянного товарища, затем покраснел и с трудом выдавил:

— Как угодно, сэр. Я сказал приятелю: посмотри, этот вегианин ведет себя здесь так, словно вся Земля принадлежит ему.

Это было настолько неожиданно, что Биррел поначалу растерялся, а затем расхохотался. Что ж, будь он таким же не оперившимся юнцом, он сказал бы на месте этих парней приблизительно то же самое.

— Все верно, вы точно это заметили, приятель. Я ваш гость, и не больше. И как гость хочу угостить вас выпивкой.

Молодые офицеры с облегчением переглянулись.

— Спасибо, командор,— ответил блондин.

Биррел вызвал официанта и заказал бутылку вина, которую они и распили с офицерами-землянами. Затем он дружески пожал им руки и вернулся к своему столику, провожаемый удивленными взглядами молодых астронавтов.

— А вы умеете весело проводить время, командор,— заметил Маллинсон.

— Почему бы и нет? — усмехнулся Биррел, усевшись вновь рядом с женой.

Лиллин серьезно посмотрела на него. Казалось, она осознавала, какой груз сейчас лежит на плечах мужа. Хотя Биррел надеялся, что она все-таки этого не понимала.

Он выпил рюмку, еще одну и еще, почти не отставая от разошедшегося Гарстанга. К столику стали подходить друзья Маллинсона. С любопытством поглядывая на вегиан, они засыпали гостей вопросами. У Бирелла не было охоты отвечать, но Гарстанг, к его удивлению, был в форме и разливался соловьем, искусно обходя острые темы.

Столик слегка вздрогнул. Биррел насторожился, прислушиваясь.

И ничего не услышал, кроме грохота музыки и шелеста ног немногих танцующих пар.

Не успел он налить очередную рюмку вина, как через раскрытую дверь в бар вкатился отдаленный грохот, мощный, басистый, который невозможно было спутать ни с чем. Шум быстро нарастал. Немедленно протрезвевший Гарстанг тревожно взглянул на своего командора. Вскоре грохот стал таким сильным, что посуда на столике зазвенела.

— Эс-двадцать,— коротко сказал Гарстанг, когда шум стих, удалившись в сторону космодрома.

Биррел мрачно кивнул. Ошибиться было невозможно — такой звук мог принадлежать лишь современному тяжелому крейсеру.

Маллинсон пытливо глядел на вегиан, забыв о своей роли гостеприимного и остроумного кавалера. Через несколько минут над городом прокатился еще один могучий раскат грома, затем еще один и еще... Побледневший Биррел считал про себя, терзаясь мыслью — неужели прилетели эскадры Соллеремоса? Но Маллинсон должен был знать! И все же землянин за весь вечер не заикнулся об этом, и даже сейчас на его лице ничего не читалось.

Словно поняв его тайные мысли, Маллинсон поднялся и предложил Лиллин пойти танцевать. Та неохотно согласилась, встревоженно поглядывая на мужа.

На космодром сел пятый крейсер, затем настала долгая пауза. Биррел начал успокаиваться. Пять крейсеров — это пустяки. Они могли просто сопровождать делегацию...

В небе раздался очередной удар грома. Шестой крейсер.

«Да, это эскадра Ориона,— подумал Биррел,— сомнений больше нет. Началось...»

Однако седьмого раската грома не последовало.

Вскоре к столу вернулись Маллинсон и Лиллин, разгоряченные быстрым танцем. Дипломат любезно усадил вегианку, затем сел сам и неторопливо допил бокал вина.

Биррел вопросительно смотрел на него, но землянин не спешил ответить.

— Что-то вы неважно выглядите, командор,— наконец сказал он, глядя на гостя с откровенной насмешкой.— Я понимаю, здесь очень душно... Кстати, вы слышали шум в небе? Это прибыла официальная делегация с Персея. Мистер Чартерис поехал встречать ее на космодром.

Биррел мысленно выругался. Маллинсон явно получил удовольствие, наблюдая его растерянность. Хватит, надоело играть в эти дурацкие игры! Пора встретиться с Кэршем, иначе ему еще долго придется блуждать в полной темноте.

— Ясно,— кивнул Биррел, вымученно улыбаясь.— Работа — прежде всего. До праздника осталось всего несколько дней, и у членов Совета наверняка множество неотложных дел. Просто неудобно с нашей стороны отрывать у вас с мистером Чартерисом драгоценное время. Вы

не против, если мы с женой на денек-другой отправимся в небольшую поездку?

— Поездку? — недоуменно переспросил Маллинсон.

— Вы, наверное, помните, я как-то говорил, что намереваюсь посетить старый дом моих предков. Лиллин, дорогая, завтра утром мы выезжаем. Обещаю, ты чудесно проведешь время на природе.

Лиллин кивнула, хотя ее взгляд оставался настороженным. Такая поездка не могла прийтись ей по вкусу, но возражать мужу она не решилась.

— Ах да, вспомнил! — сердечно сказал Маллинсон.— Я предоставлю вам флиттер со своим личным пилотом.

— Я бы предпочел автомобиль,— мягко возразил Биррел.— Обожаю, знаете ли, сам вести машину и любоваться окрестностями.

К его удивлению, Маллинсон не стал возражать. Казалось, он был даже доволен тем, что Биррел на время уедет из города. Но почему?

«Кэрш мне все объяснит,— подумал Биррел.— Я заставлю его все объяснить!»

Глава 10

На следующее утро Биррел мчался по направлению к Орвиллу. Он уже почти жалел, что вчера так самонадеянно отказался от флиттера, предложенного Маллинсоном. Это казалось смешным, но командор могучей эскадры, облетевший пол-Галактики, растерялся на оживленной трассе.

Биррел давно уже не водил автомобиль, и никогда ему не приходилось нестись с такой скоростью по эстакадам среди тысяч других машин, дистанция между которыми не превышала нескольких метров. Перед отъездом водитель Маллинсона еще раз предложил свои услуги, а когда услышал решительный отказ, только пожал плечами и сказал: «Вообще-то все автомашины оборудованы ограничителями скорости и радиодальномерами, исключающими столкновения, но... Но у нас полно лихачей, которые попросту отключают подобные устройства. Так что будьте осторожнее, командор".

Биррел и старался быть предельно осторожным, но что было от этого толку, когда, казалось, никто другой не заботился о правилах дорожного движения. Он вздохнул с облегчением только тогда, когда свернул, следуя карте, на одну из боковых эстакад, где автомобилей явно поуменьшилось.

Лиллин с самого утра была молчаливой и хмурой и всю дорогу демонстративно глядела в окно, хотя любоваться вокруг решительно было нечем. Биррел решил воспользоваться удобным случаем и объясниться:

— Милая, ты должна знать, почему я так рвусь навестить дом моих

предков. Вчера мне не хотелось говорить об этом на глазах у Маллинсона...

— Ты не обязан мне ничего объяснять,— сухо ответила жена, не поворачивая головы.— В конце концов Земля — это твой мир, здесь жили твои предки...

— Опять ты талдычишь о своем! — взорвался Биррел, побагровев от гнева.— Сколько можно повторять одно и то же? Да мне плевать, что в одном из пригородных поселков некогда жил мой прадедушка! Ладно, скажу тебе правду. Я еду в Орвилл потому, что так приказал Фердиас. Я не хотел говорить тебе об этом, но нет уже сил играть во все эти дипломатические игры.

Лиллин обернулась. Лицо ее немного прояснилось.

— Вот как, приказ Фердиаса? Но почему... Ты должен там встретиться с кем-то, верно?

— Да.

— И мне не положено знать об этом?

Он кивнул. Лиллин впервые за день улыбнулась ему.

— Слава богу, что дело обстоит именно так, а то я уже стала тревожиться. Ты ведь ничего мне не рассказываешь, Джей, и потому в голову лезут самые дурные мысли.

Биррел ласково погладил жену по плечу. Конечно, Лиллин нисколько не тревожили мысли об Орионе, ее чисто по-женски больше заботили личные переживания. Не пробудился ли часом в муже дух предков-землян, не оттолкнет ли это его от жены-вегианки? Нет, оказалось, что его действия были продиктованы какими-то политическими причинами. Хорошо, о таких пустяках можно не беспокоиться...

Следуя указаниям карты, Биррел свернул с боковой эстакады и выехал на наземную дорогу, ведущую к пригородам. Она была очень старой, местами потресканной и почти пустынной, так что, он с удовольствием снизил скорость.

Мимо проплывали небольшие поселки, холмы, озера, окруженные рощами. Некоторые из деревьев были знакомы Биррелу, их семена некогда завезли с Земли первые переселенцы на другие миры, но большинство он увидел впервые. Это же относилось и к домам — почти все были типовыми, такие можно встретить на любой обитаемой планете, но изредка встречались и старые каменные здания, выглядевшие словно мрачные крепости. А однажды они с Лиллин не смогли удержаться от изумленных возгласов, когда увидели дом из чистого дерева.

Чем дальше они удалялись от Нью-Йорка, тем чаще встречались архаичные здания церквей, каменные изгороди, покрытые вьющимися растениями, обширные поля, заросшие какими-то злаками. Порой на них можно было увидеть трактора, точно такие же, как на Альюеларане или Сириусе. По-видимому, на Земле существовало развитое сельское хозяйство, и это Биррела ничуть не удивило — то же самое можно было сказать о большинстве обитаемых миров. Синтетическая пища не дурна

на вкус, но ей не сравниться с натуральными продуктами, потому профессия фермера оставалась одной из наиболее распространенных в Галактике.

Биррел вспомнил слова Чартериса, сказанные в первый вечер после прилета Пятой Лиры. «Вы найдете Землю и ее жителей очень старомодными, командор. Не удивляйтесь, это объясняется нашей глубокой эмоциональной связью с прошлым. Наша планета когда-то была центром Галактики, и хотя многие из секторов забыли об этом, земляне не могут примириться с переменами и из чувства протеста не желают ничего менять — ни дома, ни машины, ни образ жизни. Не спешите нас судить, а лучше постарайтесь понять — вы ведь тоже для нас не чужой».

Маленькая птица пролетела прямо перед машиной и скрылась в придорожных кустах.

— По-моему, это была малиновка,— сказал Биррел.— В школе некогда мы учили древнюю поэму о Робине Красногрудом, и я помню иллюстрацию с этой птицей.

— Наша вегианская птица-пламя куда красивее,— возразила Лиллин.— Но знаешь, Джей, мне здесь нравится, не то что в этом ужасном Нью Йорке. Голубое небо, золотистое солнце, много зелени, воды... Приятный мир. Не Вега-4, конечно, но очень мил.

Они съехали с маленького холма и, миновав мост над рекой, оказались в Орвилле. Это был небольшой поселок с несколькими десятками домов, добрых две трети из которых составляли старые, изрядно обветшалые здания. Посреди круглой площади возвышалась позеленевшая от времени статуя какого-то воина. Рядом среди цветников на скамейках отдыхали старики, греясь на солнышке.

Биррел остановил машину около торговца, сидящего на ступеньках лавки, и стал расспрашивать о дороге к дому своего прадеда. Землянин путанно объяснял ему, как проехать к старой ферме, а затем, поднявшись, с изумлением посмотрел им вслед. Ему нечасто приходилось видеть таких странных гостей в тихом, сонном поселке: мужчину в серебристо-синей форме космофлота Лиры и ослепительно красивую вегианку.

— Неужели отсюда началось завоевание Галактики? — недоуменно спросила Лиллин, глядя на пустынные улицы и дремлющие дома.

— Да, отсюда все началось,— сказал Биррел, почувствовав нечто вроде укола обиды за Орвилл.— Согласен, этот поселок выглядит очень бедно. Но именно Земля некогда отдала другим планетам множество своих лучших людей, денег и других ресурсов. Вспомни, как выглядела твоя родная Вега до прибытия первых звездных кораблей. И какой она стала теперь! Галактика в большом долгу перед такими поселками и деревушками и что-то не спешит эти долги отдавать.

Лиллин промолчала, недовольно поджав губы.

Вскоре они выехали из Орвилла на сельскую дорогу, которая вела в обширную долину, окруженную грядами холмов. Впереди появились первые фермы, разделенные небольшими рощами. Поля были тщательно

ухожены, старые каменные дома утопали в зелени дубов и вязов, около обширных сараев стояли трактора и комбайны. Людей почти не было видно. Миновав шестую по счету ферму, Биррел свернул налево и, проехав пару сотен метров по грунтовой дороге, остановился.

Дом Биррелов напоминал небольшую мрачную крепость, сложенную из грубо обтесанных камней. Даже по сравнению с другими зданиями Орвилла он выглядел заброшенным и обветшалым.

Его окружали высокие деревья с пышными кронами — кажется, они назывались соснами. Лужайка перед фасадом заросла высокой пожухлой травой, среди которой едва была видна узкая дорожка, посыпанная песком. Налево от дома располагался фруктовый сад из узловатых деревьев, а направо возвышался большой дощатый амбар. Никаких признаков присутствия людей не было заметно.

— Ты уверен, что это то самое место? — недоуменно спросила Лиллин.

Биррел кивнул.

— Агент Фердиаса купил этот дом, чтобы мы могли встречаться без помех. Он должен ждать меня где-то здесь.

Супруги вышли из машины и направились в сторону дома. Поднявшись на открытую веранду, они подошли к массивной двери, сделанной, как ни странно, из дерева. Биррел нажал кнопку звонка, затем подождал и еще раз позвонил. Никто не вышел им навстречу, и тогда Биррел решительно толкнул дверь. Она открылась с легким скрипом. Супруги вошли в дом.

Пройдя через темный коридор, они оказались в довольно просторном и необычном холле — стены были отделаны деревом, мебель была также деревянной, обтянутой кожей, бросалась в глаза едва ли не музейная архаичность. Вокруг было удивительно тихо.

— Посмотри, Джей, что это? — с удивлением спросила Лиллин. Она коснулась рукой странного кресла, на ножках которого были закреплены полукруглые дуги, и оно закачалось взад-вперед.— Это кресло похоже на детскую игрушку, но, по-моему, слишком велико для ребенка.

— Понятия не имею, что это такое,— отозвался Биррел.— И где человек Фердиаса, тоже.

Он громко позвал хозяина. Никто не отозвался. Тогда, отбросив церемонии, командор обошел все комнаты и даже заглянул на обширный чердак, но везде было пусто.

Биррел почувствовал растущую тревогу. Может быть, он сделал какую-нибудь ошибку в плане, столь тщательно продуманном Фердиасом? Где Кэрш, который должен прояснить ситуацию и дать новые указания от имени губернатора? А если агент куда-то исчез, то кто сообщит ему о действиях Ориона?

Ответов на эти вопросы он не нашел и в конце концов с растерянным видом вернулся в холл, где Лиллин с любопытством разглядывала необычную мебель.

— Надо подождать,— после некоторого размышления сказал Биррел.— Человек Фердиаса должен появиться. Он оставил дверь открытой, зная, что мы придем. Значит, он где-то неподалеку.

— Ты хочешь сказать, что нам придется здесь ночевать? — вздрогнула Лиллин.— Но сда... кровати...

— Пойдем, посмотрим,— буркнул Биррел.

Они нашли в одной из комнат две старомодные кровати, на которых было постелено свежее, несмятое бельс и лежали теплые шерстяные одеяла. Затем заглянули на кухню и обнаружили во вполне современном холодильнике различные полуфабрикаты в пластиковых оболочках.

— Похоже, Кэрш основательно подготовился к нашей встрече,— глухо сказал Биррел, разглядывая этикетку на запотевшей бутылке вина.— Только почему-то сам забыл прийти. Мне это чертовски не нравится.

Лиллин успокаивающе улыбнулась ему и принялась готовить обед, а командор вышел из дома и обошел двор. Травянистая лужайка незаметно перешла в давно заброшенные поля, заросшие кустарником и невысокими деревцами. В старом амбаре сохранились остатки полусгнившего сена, сараи и другие хозяйственные постройки были пусты.

Расстроенный Биррел вернулся в дом и помог Лиллин справиться с древней кухонной мойкой, которая решительно не хотела мыть посуду. Кухонная мебель ему особенно не понравилась, и даже солнечные лучи, проникающие сквозь запыленные окна, не делали ее привлекательной.

Заметив кислую гримасу на лице мужа, Лиллин улыбнулась.

— Здесь не так плохо, Джей,— сказала она.— В старине есть свое очарование, но эта грязь... Пойдем пообедаем на веранде, там по крайней мере воздух почище.

Они устроились за круглым столом и стали не спеша есть, поглядывая на залитую солнцем лужайку, полную незнакомых цветов.

Сельскую идиллию, впрочем, довольно скоро разрушили крылатые насекомые, которые стали назойливо виться вокруг стола, норовя усесться прямо в тарелки. Биррел едва успевал отмахиваться от них, тихо ругаясь, а Лиллин, глядя на него, покатывалась от смеха.

Пообедав, супруги устроились в креслах и стали молча наблюдать за угасающим днем. Солнце быстро спускалось к гряде далеких холмов, окрашивая западную часть неба в пурпурные тона. Рядом громоздились розовые бастионы облаков — таких громад Биррел не видел ни на одной планете.

Когда воздух напитался серыми сумерками, из высокой травы появилось маленькое грациозное животное, черное как смоль, пушистое, с зеленоватыми глазами. Оно замерло возле амбара и стало с любопытством глядеть на людей.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин.— Неужели дикое существо?

Биррел порылся в памяти — животное было явно знакомо ему.

— Это кот, вот что это такое,— наконец сказал он.— На одном из моих кораблей одно время служил землянин. Так он однажды привез из

отпуска с Земли маленького котенка и держал его несколько лет на базе. Он называл зверька Томом.

Биррел взял кусочек ветчины и бросил его на ступеньки крыльца.

— Сюда, Том, кис-кис.

Кот осторожно двинулся вперед, не сводя с людей холодного взгляда. Схватив еду, он мигом исчез среди травы.

Пришел вечер, Кэрш так и не появился. Было ясно, что он сегодня не придет. А завтра? Биррел не сказал Маллинсону, сколько времени собирается пробыть в доме своего прадеда, но надолго эскадру оставлять было нельзя. Кто знает, где сейчас находится флот Ориона, не движется ли он к Земле? Но и уезжать из Орвилла, не встретившись с агентом Фердиаса, было невозможно. Так что же делать?

Биррел безуспешно ломал голову над этой задачей с двумя неизвестными, когда Лиллин неожиданно пришла ему на помощь.

— Быть может, этот человек ждет тебя в поселке? — сказала она, сочувственно глядя на мужа.— Мы могли разминуться с ним по пути.

Биррел с готовностью ухватился за эту соломинку.

— Да, ты права, милая, нужно съездить в Орвилл! — воскликнул он и поднялся из кресла.— По крайней мере, я смогу что-нибудь разузнать о Кэрше, не может быть, чтобы местные жители ничего о нем не знали. А ты останься в доме. Вдруг он еще придет?

— Хорошо,— сказала Лиллин, с сомнением оглядываясь по сторонам. Ее явно не радовала перспектива остаться глубоким вечером одной в пустом незнакомом доме.

— Тебе не будет страшно? Я оставлю на всякий случай шокер. Не беспокойся, я скоро вернусь,— сказал Биррел и, чмокнув жену в щеку, быстро сбежал по ступенькам. Сердце его сжималось от тревоги, но он не оглянулся, торопливо шагая к автомобилю.

Он обязан найти Кэрша, обязан!

Глава 11

Биррел ехал по темной пустынной дороге, направляясь к Орвиллу. Он даже не заметил, когда въехал в него — настолько вокруг оставалось тихо и безлюдно. Окна в большинстве домов были темными, и только уличные фонари рассеивали мрак безлунной ночи. Все магазины и лавки были закрыты, прохожие исчезли. Казалось, Орвилл уже спал в эту тихую летнюю ночь.

Проехав площадь с дремлющей статуей воина, Биррел свернул на первую же попавшуюся улочку и вскоре увидел неоновую рекламу небольшого бара. Из широко раскрытой двери доносились голоса.

Приободрившись, Биррел остановил машину. Вряд ли лучший агент Фердиаса коротает здесь время, сидя за кружкой пива, но этот бар был

единственным местом в поселке, где еще теплилась жизнь. Кроме того, Биррелу чертовски хотелось выпить, снять накопившееся напряжение.

Он вошел в серую от табачного дыма комнату и некоторое время простоял у двери, осматриваясь.

За столами сидели человек десять, неспешно беседуя и потягивая вино из высоких бокалов. Увидев незнакомца, они сразу же замолчали. Биррел пошел в сторону стойки бара, провожаемый удивленными взглядами. Бармен, худой сустливый человек с бесцветными глазами и коротко стриженным ежиком волос, встретил его любезной, но несколько настороженной улыбкой.

— Рад вас видеть, мистер. Чем могу служить?

Биррел скользнул взглядом по рядам бутылок с яркими этикетками. Названия вин ему ровным счетом ни о чем не говорили.

— Выберите сами, пожалуйста. Что-нибудь покрепче.

Бармен налил ему полбокала изумрудного ликера. Вкус Бireллу не понравился. Не отходя от стойки, он неспешно потягивал огненное вино и оглядывал сидящих в зале местных жителей. Кэрша, естественно среди них не было.

Большинство посетителей напоминали фермеров или механиков — загорелые, добродушные, с грубо вытесанными лицами. Среди них выделялось двое юношей, перед которыми стояли кружки с пивом, и маленький старик с морщинистым лицом и светлыми глазками. Он беззастенчиво оглядывал неожиданного гостя с головы до ног и ухмылялся.

Биррел не увидел ни одного недружелюбного лица, но интерес к нему у сельчан быстро пропал, и они, отвернувшись, продолжали свои неспешные беседы. Пора уходить, тем более что Лиллин одна в темном доме.

Он допил ликер, поставил бокал и, щедро расплатившись, направился было к двери, когда старик неожиданно встал из-за стола и, заметно прихрамывая на левую ногу, преградил ему путь.

— Прошу прощения, мистер, но не вы ли тот парень, который днем расспрашивал дорогу к дому старого Биррела?

Биррел кивнул.

— Да, я.

Старик продолжал стоять, словно ожидая объяснений. Случись подобное в городе, Биррел непременно бы вспылил и сказал что-нибудь типа: «А вам какое до этого дело?» Здесь, в сельской местности, нравы были другими, и каждый местный житель, по-видимому, считал своим исконным правом задавать любые вопросы незнакомцам, вторгшимся в их края. Уклонись сейчас Биррел от ответа, назавтра об этом будет говорить вся округа, а это ему совершенно ни к чему.

Добродушно улыбнувшись, он пояснил:

— Видите ли, моя фамилия тоже Биррел. Мой прадед был выходцем из этих мест. Я хотел взглянуть на наше старое родовое гнездо, только и всего. Простите, мистер, мне пора идти.

Биррел шагнул к двери, но из-за стола вышел коренастый мужчина и дружелюбно протянул ему руку.

— Выходит, вы наш земляк, мистер? Здорово! Рад с вами познакомиться. Меня зовут капитан Винсон.

— Командор Биррел. Очень приятно, однако мне пора...

— Куда спешить, приятель, ведь ночь только начинается! — прогудел Винсон и хлопнул гостя по плечу.— Присаживайтесь к нам, я угощу вас выпивкой. Не каждый день кто-то из наших возвращается из дальних краев, верно, ребята? А ведь вы, Биррел, судя по вашей форме, прилетели с Лиры? Надо за это выпить как следует.

Биррел не мог отказаться от такого радушного приглашения. Он присел за столик Винсона, и пошло-поехало.

Винсон познакомил его со всеми завсегдатаями бара, и с каждым Биррелу пришлось выпить. Он услышал много приятных слов, и его сердце потеплело. Вскоре в бар пришли еще двое мужчин и тоже, естественно, захотели выпить за «отличного парня из Орвилла, который теперь живет на Веге». Вслед за ними в зал вошел бородатый фермер, затем заявились двое пожилых рабочих с лесопилки...

Ему и раньше не раз приходилось видеть, как быстро земляне находят общий язык, встретившись где-нибудь на Бетельгейзе. Слово «земляк» было для них священным, и уже через пять минут совершенно незнакомые до этого люди вели себя, словно закадычные друзья. На других планетах все было иначе. Биррелу никогда не нравилась эта подчеркнутая клановость землян, но сейчас он был растроган, что его приняли за своего. Больше ста лет прошло с тех пор, как его прадед оставил Солнечную систему, а к правнуку отнеслись, словно к давнему приятелю. Это к нему, Биррелу, который до вчерашнего дня никогда не видел Землю!

Пора было уходить. Кэрша в баре не оказалось, Лиллин ждала его, но каждый раз, когда он пытался подняться, в дверях появлялся очередной посетитель, и Винсон заплетающимся языком представлял: «Мистер Биррел, поглядите на этого олуха. Это Джим Ховик, он живет в полумиле на север от вашего старого гнезда и корчит из себя скотовода. Да он овцу от козы отличить не может! Эй, Джим, познакомься с нашим земляком с Веги!»... «А этот долговязый старикан — сам Пит Парли, который помнит последних из Биррелов, живших в Орвилле». И так далее, в том же духе. Каким-то образом жители поселка прознали, что в баре сидит их земляк со звезд, и косяком валили поглазеть на такую достопримечательность. Не все эти люди были фермерами, а трое даже некогда совершали вояжи на ближайшие звезды по служебным делам, но Биррел был для них настоящей диковинкой.

Наконец, он собрался с духом и, поблагодарив своих новых приятелей, побрел к двери. Ноги его заплетались, но настроение было отличное. У выхода он обернулся.

— Прошу прощения, друзья, мне надо ехать. Жена ждет, сами понимаете!

Нестройный хор голосов пожелал ему доброй ночи. Винсон напялил ему на голову шляпу и поспешил вслед за Биррелом.

— Если не возражаете, мистер, я поеду домой с вами. Это чуть не доезжая до вашей фермы.

Биррел не возражал, хотя мысленно послал назойливого фермера куда подальше. Через несколько минут они уже ехали по улицам ночного поселка, но он уже не спал, нет! Окна почти всех домов светились, из распахнутых форточек лились звуки музыки, люди сидели на лавочках и о чем-то оживленно беседовали. Увидев машину Биррела, они приветливо махали ей вслед.

Биррел помрачнел. Весь хмель выветрился из его головы при мысли о том, как славно он начал свою секретную миссию в Орвилле. Кэрша не нашел, зато теперь каждая собака в округе будет знать его имя!

Дом Винсона оказался четвертым по дороге. Выйдя из машины, фермер долго и прочувственно тряс Биррелу руку, глядя на него слезящимися глазами.

— Даже не верится, приятель, что вы прилетели с одной из этих далеких звезд! И только для того, чтобы взглянуть на нашу маленькую планетку...

— Галактика тоже не так велика, как кажется со стороны,— вежливо ответил Биррел.

Винсон кивнул.

— Это верно. Выходит, наша старушка Земля кое-что значит, раз на нее слетелось столько важных птиц вроде вас! Ну, пока, рад буду видеть вас у себя в гостях. Доброй ночи!

Когда Биррел поехал дальше, из-за темной стены небольшого леска поднялось серебристое сияние. Не сразу он понял, что это была местная луна.

Издалека она выглядела не очень приятной — уж слишком была пятнистой, но именно она вдохновила древних поэтов на создание нетленных шедевров, известных ныне всей Галактике. В школе Биррел учил много прекрасных стихотворений, посвященных крошечному спутнику Земли, и вот теперь впервые увидел луну — нет, Луну! — своими собственными глазами.

Теплый ветерок дул в лицо, и вскоре он почувствовал запах каких-то чудесных цветов. Быть может, это те самые волшебные «розы», о которых ему приходилось столько читать? Или это аромат жасмина?

Биррел и сам удивился тому, как много знал о Земле, хотя, в основном, это были знания, вычитанные из книг. Ни на одной другой планете не росли розы, жасмин или сосны, но он знал о них, и теперь увидел или вскоре еще увидит. Причем не возникало ощущения, что это что-то чужое; нет, ему казалось, что он просто вспоминает то, о чем по каким-то причинам забыл. И эта дорога, залитая серебристым светом, казалась ему также знакомой. А почему бы и нет — ведь когда-то по ней ходил его прадед!

Наконец впереди появился знакомый поворот. Машина, качнувшись, въехала на грунтовую дорогу. Вскоре из-за деревьев выглянул старый дом. Он был окутан тьмой, и только на веранде светились две лампы.

Лиллин сидела в кресле, закрывшись теплым пледом. Биррел вздохнул с облегчением.

К его удивлению, жена не стала упрекать его за долгое отсутствие и, мягко говоря, не совсем трезвый вид. Казалось, она все поняла и без расспросов.

— Никто не приходил,— сказала она, ласково глядя на смущенного мужа.— Садись, ты же едва на ногах держишься.

— Прости, милая, мои земляки оказались слишком гостеприимными людьми,— объяснил Биррел, осторожно опустившись в кресло.— Однако они и слыхом не слыхивали о Кэрше.

— Что же нам теперь делать?

Биррел пожал плечами.

— Остается только одно — ждать. Брешник как-нибудь справится с Пятой, а что касается моей официальной роли посланника Лиры, то я сыт ею по горло. Уж лучше мы отдохнем здесь.

Лиллин ничего не ответила и только потеплее закуталась в плед. Они сидели молча, глядя во тьму, и думали каждый о своем. Через некоторое время Биррел заметил, что над землей летят какие-то искры. Не сразу он понял, что это какие-то светящиеся насекомые.

— Что это? — спросила Лиллин.— Ты видишь, Джей?

— По-моему, светлячки,— не очень уверенно ответил он и внезапно подумал: «Откуда я знаю это слово? Не помню, чтобы я где-то раньше слышал его».

Он едва не вздрогнул, когда из темноты вновь вынырнул черный зверек и, пробежав по лестнице, внезапно прыгнул ему на колени.

— А это еще что?

Кот глядел на него круглыми зелеными глазами и мирно урчал.

— Он, должно быть, ручной,— заметила Лиллин, с улыбкой глядя на забавного зверька.

— Наверное, принадлежал последнему хозяину дома,— согласился Биррел и погладил коту спину. Тот наполовину закрыл глаза и замурлыкал.— Нравится, Том?

В ответ тот растянулся на его коленях и широко зевнул. Лиллин рассмеялась и сделала вид, что хочет щелкнуть его по носу.

С невероятной быстротой кот спрыгнул на пол, недовольно блеснул глазами и исчез среди травы на лужайке.

— Каков чертенок, а? — рассмеялся Биррел и только тогда увидел, как исказилось болью лицо жены.

— Лиллин, что случилось? Кот поцарапал тебя?

Она покачала головой, едва сдерживая слезы.

— Нет. Но он... он боится меня и ненавидит,— прошептала она.— Зверек почуял во мне чужую.

Биррел вздохнул с облегчением.

— Только и всего? Кот просто очень осторожен и, увидев, как незнакомая женщина тянется к нему рукой...

— Но он же не испугался тебя! — почти истерично воскликнула Лиллин, закрыв лицо руками.— Нет, он почувствовал, что я не такая, как остальные люди. Не такая!

Биррел ласково обнял жену за плечи, мысленно проклиная Тома. Надо было угостить его не ветчиной, а хорошим камешком...

Он взглянул вслед коту и насторожился. Кот был уже на небольшой полянке возле амбара, направляясь к растущим неподалеку кустарникам. Внезапно он остановился и, повернувшись, помчался прочь, словно чего-то испугавшись.

«А ведь Том отшатнулся от кустов точно так же, как и от Лиллин,— подумал Биррел.— Быть может, там, в тени, прячется еще один чужак?..»

Он прислушался, но никакого подозрительного шума не было. Его мускулы напряглись. Кэрш не мог ждать встречи с ним, сидя в кустах возле амбара. Если же там действительно кто-то скрывается, то это может быть только...

Биррел встал и, потянувшись, беззаботно сказал:

— Дорогая, ты просто устала. Пойдем в дом, нам пора ложиться спать. А я, пожалуй, еще пропущу рюмочку-другую на сон грядущий.

Они вошли в дом, и Биррел тщательно закрыл за собой дверь. От его благодушного вида не осталось и следа. Приложив палец к губам, командор бросился в спальню, таща за собой недоумевающую жену, и, открыв шкафы, сбросил на пол постельное белье.

— Оберни одеяла вокруг головы, быстро!

Лиллин была своенравной женщиной и не привыкла повиноваться без вопросов. Она открыла было рот, но Биррел решительно набросил на нее одеяло и, торопливо обматывая его вокруг головы, тихо сказал:

— Кто-то прячется во дворе. Они наверняка используют соник, чтобы захватить нас без шума. Надо хоть как-то закрыться. Возьми еще одеяло...

Он толкнул жену на пол и лихорадочно закутал свою голову сразу в два шерстяных одеяла. Затем тоже упал на пол и стал ждать.

Ничего не происходило. Биррел покрылся потом. Он подумал, что скажет ему жена, если ничего так и не случится. Том, не исключено, испугался какого-то другого животного; тогда ситуация сложилась нелепая и смехотворная.

И все же рисковать было нельзя.

Серия отрывистых, едва слышимых звуков заполнила комнату. Зазвенели стекла в окнах, загремела посуда в кухонном шкафу. Звуковой луч соника медленно двигался вдоль дома, подбираясь к спальне. Наконец, он ударил по лежащим на полу людям. Лиллин издала болезненный крик и попыталась встать на ноги, но муж удержал ее силой. Они оба почувствовали болезненное головокружение и сильную тошноту.В мозг каждого из них словно бы вонзились тысячи игл. Ультразвуковой луч соника действовал непосредственно на нервную систему человека и бы-

стро приводил его в бессознательное состояние. Даже через многие слои плотной шерстяной ткани чувствовалось его парализующее действие.

Шок внезапно прошел. Биррел продолжал неподвижно лежать на полу, его рука удерживала Лиллин, не давая ей подняться. Жена корчилась от боли и всхлипывала, но он знал, что опасность еще не миновала. Он сам не раз использовал соник в критических ситуациях, и отлично понимал, что последует дальше.

Через несколько минут последовал еще один удар, и дом вновь наполнился возмущенным звяканьем посуды. Лиллин обмякла под его рукой, а сам Биррел едва не заорал от боли. Затем ультразвуковой луч погас.

Издалека послышался лай собак. Конечно же, они были взбудоражены соником и теперь не скоро успокоятся. Но никто из живущих по соседству фермеров даже не подозревал, что на старой ферме Биррелов пришельцы со звезд сошлись в невидимой, смертельно опасной схватке.

Глава 12

После третьего, самого болезненного удара соника Биррел сел и стал стягивать с себя одеяла. Он весь дрожал, сердце заходилось от бешеных ударов, пересохший рот жадно ловил воздух.

Освободившись, Биррел помог сделать то же самое жене.

Лиллин выглядела ужасно, но сознания, к счастью, не потеряла. Биррел слабо улыбнулся, и она ответила ему тем же.

— Где шокер? — еле слышно спросил он.

— В холле на столе. Будь осторожней, милый.

Он кивнул и пополз в сторону холла. Шокер действительно лежал на массивном столе из резного дерева. Взяв его, Биррел спрятался в темном углу за шкафом и стал ждать.

Вскоре со стороны веранды послышались шаги. Кто-то уверенно поднимался по ступеням лестницы. Входная дверь со скрипом распахнулась, и незнакомец вошел в холл, держа в руке шокер.

Это был Таунцер. Он был одет по земной моде в короткую куртку и широкие брюки, заправленные в высокие кожаные башмаки. Вслед за ним появился незнакомый Биррелу немолодой мужчина, коренастый, седой, с грубо вылепленным лицом и маленькими настороженными глазками. На его плече висела пухлая сумка. В отличие от Таунцера незнакомец выглядел далеко не так уверенно и настороженно озирался по сторонам, словно ожидая засады.

Биррел не дал нежданным гостям времени привыкнуть ко мгле, царящей в холле. Он поднял шокер и нажал на спусковой крючок.

Таунцер каким-то звериным нюхом учуял опасность, хотя и смотрел

в другую сторону. Он сделал отчаянный прыжок к двери, но Биррел тоже не был новичком и сумел срезать его первым же выстрелом.

Коренастый мужчина раскрыл рот от изумления и засунул руку в карман, однако вынуть оружие не успел — Биррел угостил его двумя парализующими выстрелами. Застонав, незнакомец рухнул на пол.

— Они... они умерли? — спросила Лиллин. Она появилась в проеме двери и с ужасом смотрела на неподвижные тела.

— Ты должна была остаться в спальне! — в ярости воскликнул Биррел.— Я же приказал тебе не двигаться с места!

Лиллин нахмурилась. Она не привыкла, чтобы на нее кричали, и Биррел сдержал свой гнев.

— Мы не на границе сектора,— уже более спокойным тоном сказал он. — Ох, до чего бы я хотел, чтобы эта схватка произошла там, где можно особенно не церемониться с врагом! Увы, мы на Земле, и эти люди всего лишь без сознания.

— Кто они такие?

— Агенты Ориона. Тот, кто повыше, недавно поймал меня в ловушку на одной из пограничных планет. Я тогда еле унес ноги, но этот тип пообещал со мной расквитаться. Как видишь, он не бросал слов на ветер. Жаль, что я ввязал тебя в это опасное дело.

— Какое дело? — спросила жена, пытливо глядя на него.— Ты же говорил, что мы прилетели сюда развлекаться на празднике.

— Вот мы и развлекаемся,— тихо ответил Биррел, сжимая ручку шокера.— Подожди здесь, я обойду дом на всякий случай.

Он вновь прошел все комнаты, но ничего подозрительного не обнаружил. На чердаке он нашел моток изолированной проволоки и, вернувшись в холл, связал руки сзади у обоих орионцев. Затем обыскал их карманы.

В кармане приземистого мужчины действительно оказался шокер. В объемистой сумке находился округлый прибор, напоминающий прожектор, со сложенным телескопическим треножником. Это был переносной вариант «детектора правды», который однажды Таунцер уже собирался использовать против командора.

Биррел протянул жене шокер.

— Следи за ними. Я скоро вернусь.

Выйдя во двор, он при свете карманного фонаря тщательно обыскал лужайку перед домом и в кустах около амбара обнаружил тяжелый соник, широкий раструб которого был наведен на дом.

Биррел постоял некоторое время, прислушиваясь, однако ничего не услышал, кроме монотонного стрекотания насекомых. Никого из людей видно не было. Очевидно, Таунцер и приземистый мужчина пришли вдвоем.

Но как они притащили тяжелый соник на своих плечах? Где-то неподалеку должен находиться флиттер или автомобиль. Странно, никакого шума ни он, ни Лиллин не слышали, значит, машина находится

неблизко. В любом случае в такой темноте бесполезно рыскать по незнакомой местности.

Биррел вернулся в дом, мрачный и задумчивый.

— Они приходят в себя,— нервно сказала Лиллин.

Она сидела в кресле и раскачивалась взад-вперед на его дугообразных опорах, так что доски пола тихонько поскрипывали.

— Джей, я поняла, это кресло-качалка. Очень приятная вещь, у нас на Веге таких нет.

— А меня этот скрип только раздражает,— внезапно сказал Таунцер, открыв глаза.

Биррел понял, что агент давно пришел в себя, только не спешил это обнаруживать, пока не изучил ситуацию.

— Что делать, Таунцер, видимо, ничего, кроме неприятностей, я принести вам не могу,— любезно сказал Биррел, усевшись на диване.— Давно пора это усвоить.

Таунцер с трудом сел, опираясь на связанные руки.

— Не могу понять, командор, как вы ухитрились уйти от удара соника,— глухо сказал он, спокойно глядя на Биррела.

— Меня предупредил один мой друг по имени Том,— пояснил Биррел, усмехаясь. Таунцер озадаченно взглянул на него, но промолчал.— А теперь, когда я удовлетворил ваше любопытство, Таунцер, мне тоже хочется кое-что узнать. Как вы меня выследили?

— Очень просто. Командир Пятой Лиры — заметная персона, даже в громадном Нью-Йорке. Мы следовали за вашей машиной до Орвилла, только и всего.

Биррел в сомнении покачал головой.

— Вряд ли вы говорите правду, Таунцер. Если бы дело обстояло так, вы давно уже напали бы на меня. И без труда могли бы захватить мою жену, которую я легкомысленно оставил одну на несколько часов. Нет, вы явно скрывались где-то неподалеку и пришли сюда к полуночи, рассчитывая, что я уже засну. Где-то рядом находится ваша база, но где? И как вы узнали про Орвилл?

Таунцер только усмехнулся в ответ.

Биррел задумался. Никто не знал о том, что эта старая ферма выбрана для его встречи с Кэршем, кроме Фердиаса и самого агента. Кэрш не пришел на свидание. Наверняка это агент пытался связаться с ним прошлой ночью, но что-то или кто-то ему помешал. И этот «кто-то» сидел сейчас на полу в холле с довольно спокойным видом, как будто его руки и не были связаны, а шокер не был направлен в его голову.

Кэрш мертв, это ясно. Биррел почти не знал этого седого, молчаливого человека и тем более не был его другом. Да и вряд ли у секретного агента Фердиаса вообще были друзья — его профессия не располагала к откровениям. И все же жаль, что он нашел свою смерть здесь, за десятки парсеков от родного дома, от руки безжалостного убийцы.

Пальцы Биррела сами собой сжались на спусковом крючке шокера.

Три выстрела подряд, и справедливость будет восстановлена. Око за око! Но он сдержался. Смерть Таунцера ничего ему не давала, кроме удовлетворения, а это было бы сейчас недопустимой роскошью. Таунцер должен много знать о планах Ориона, очень много...

Коренастый мужчина застонал, пошевелился и с явным трудом разлепил набрякшие веки. Он посмотрел на Биррела долгим, хищным взглядом, в котором читалась неприкрытая угроза. Этот человек был очень опасен, но сейчас фортуна от него отвернулась.

— Вы не имели права напасть на меня,— басисто сказал он и закашлялся.— Я... я гражданин Земли, а вы здесь чужак! Я буду жаловаться! Мой адвокат...

— Заткнись, Харпер,— процедил сквозь зубы Таунцер.

Землянин злобно взглянул на него, но промолчал.

Биррел внезапно спросил:

— Вы ведь поймали Кэрша прошлой ночью и убили его?

Таунцер и глазом не моргнул.

— Что, что мы сделали?

Но Харпер не умел так владеть собой, как орионец. На его лице на мгновение появилась жесткая улыбка, и Биррел заметил ее.

Сомнений не оставалось — Кэрш был мертв. Таунцер победил в очной схватке знаменитого агента Фердиаса. Наверняка он парализовал Кэрша сонником, а затем с помощью «детектора правды» выудил все, что мог.

Впрочем, вряд ли ему удалось много узнать. Кэрш блестяще владел искусством самогипноза и, по словам Фердиаса, мог в любой ситуации быть немым, как могила. Увы, теперь он в буквальном смысле замолк навсегда.

Биррел понял, что попал в катастрофическое положение. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем он предполагал. Флот Ориона мог нагрянуть в любой момент, а Кэрш погиб. Кто объяснит ему теперь, как действовать? Закрытой связи с Фердиасом нет — до Веги было слишком далеко, а пользоваться обычными линиями связи, даже с помощью шифрограмм, крайне опасно. Земляне явно не доверяли ему, и обмен такими посланиями мог обострить и без того сложные их отношения.

Оставалось одно — действовать на свой страх и риск. Таунцер не случайно напал так нагло, видимо, ситуация резко обострилась, и скоро Земле станет не до пропавшего командора Пятой Лиры. Но на что рассчитывал агент?

— Как видите, мы поменялись ролями,— произнес наконец Биррел.— На Гинее вы хотели меня кое о чем расспросить, теперь настал мой черед проявить любопытство.

Таунцер нагло улыбнулся.

— У меня нет желания с вами болтать, Биррел,— сказал он, не обнаруживая и тени тревоги.— И вам из меня ничего не выжать.

— Посмотрим,— с угрозой сказал Биррел, поднимаясь с дивана.—

Лиллин, ступай в соседнюю комнату, у нас с этим господином предстоит мужской разговор.

Жена с ужасом взглянула на него, будто видя в первый раз.

— И ты... ты способен на такое? — дрожащим голосом спросила она.

— Не беспокойтесь, миссис Биррел, ваш муж ничего нам не сделает,— с откровенной насмешкой сказал Таунцер.— Он хороший офицер и очень порядочный человек — такие пытать не умеют. Харпер ничего не знает, а я боли не боюсь. Так что сидите спокойно, все будет тихо и мирно.

— Напрасно вы так самоуверенны, Таунцер! — взорвался Биррел, пораженный безмятежностью агента.— Я вас оставлю в покое только в одном случае — если вы расскажете мне, где находятся эскадры Ориона. И еще об одном — каковы планы Соллеремоса по отношению к Земле?

Таунцер вздохнул.

— А вы злопамятны, Биррел,— с упреком сказал он.— Глядишь, сейчас вы начнете угрожать мне «детектором правды»... Только ничего у вас не выйдет, вы не умеете пользоваться этим прибором.

Биррел почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Таунцер был прав, кругом прав...

— Уговорили, я сначала потренируюсь на вашем помощнике,— после долгой паузы сказал он.

— И напрасно время потеряете. Харпер — обыкновенный грошовый наемник, каких полно на любой планете. Впрочем, можете использовать его в качестве боксерской груши, я не возражаю. Он парень крепкий, но и ваши мускулы вызывают уважение. Валяйте, Биррел, а мы с вашей супругой полюбуемся.

— Эй, Таунцер, что вы там болтаете? — побагровев, воскликнул Харпер.— Вам хорошо говорить, сидя в тихом уголке! Мистер Биррел, клянусь своей покойной мамашей, я действительно ничего не знаю. Миссис Биррел, урезоньте вашего дражайшего супруга!

— Джей, неужели ты превратишься в дикаря? — со слезами на глазах воскликнула Лиллин.— Не смей бить этих людей!

Махнув в огорчении рукой, Биррел вновь уселся на диван, провожаемый насмешливым взглядом Таунцера. Почему этот человек так спокоен? Каковы его намерения? Может быть, он рассчитывал, что убийство командора деморализует Пятую и та не сможет отразить внезапную атаку эскадр Соллеремоса?

Поднявшись, Биррел пошел в соседнюю комнату и, достав из кармана порто, связался с Брешником.

— Что-то надвигается, Род. От Фердиаса не было никаких сообщений?

— Нет, сэр. Должен ли я дать сигнал тревоги?

Биррел заколебался. Ему очень хотелось сказать «да». Но если эскадра придет в боевую готовность, расчехлит орудия, откроет шахты с пусковыми установками ракет, то скрыть это от землян будет невозможно. Чартерис поймет это как доказательство того, что эскадра Лиры прибыла

на Землю с недобрыми намерениями. Скандал будет грандиозным, а доказательств в его руках нет. Пока нет.

— Никакой «тревоги»,— отрезал он.— Немедленно пошлите ко мне в Орвилл человека, умеющего работать с «детектором правды».

Тишина в порто показывала, как глубоко было изумление Брешника, но вице-командор мужественно удержался от расспросов.

— Наверное, среди техников найдется такой человек,— сказал он не очень уверенно.— Где находится этот Орвилл?

Биррел объяснил, как найти его дом, и закончил словами:

— Поддерживайте постоянную готовность эскадры к возможным боевым действиям, Род. Полностью полагаюсь на ваш опыт. Мне придется, по-видимому, еще некоторое время пробыть в Орвилле. Скажите Маллинсону, что мы с женой решили взять небольшой отпуск и наслаждаемся вовсю отдыхом на природе. Удачи, Брешник.

Он выключил порто, а затем вернулся в холл и сказал, обращаясь к жене:

— Милая, мне придется задержаться здесь еще некоторое время. Я бы хотел, чтобы ты возвратилась в Нью-Йорк.

— Нет! — гневно воскликнула Лиллин, перестав раскачиваться в кресле.

Биррел рассердился, однако на лице его жены появилось хорошо знакомое ему выражение упрямства. Спорить сейчас было бесполезно.

— Хорошо, но ты создаешь для меня лишние проблемы,— хмуро сказал он.— Иди в спальню, я хочу поговорить с этими господами. *Мирно* поговорить.

Лиллин беспрекословно вышла из комнаты, довольная своей небольшой победой.

Таунцер сидел, привалившись к стене с прежним безмятежным выражением на лице, а вот Харпер выглядел растерянным.

— Держу пари, что вы только что вызвали техника, умеющего управлять «детектором правды»,— заметил агент.

Биррел вздрогнул. Как Таунцер мог узнать?..

Впрочем, ничего странного в этом нет, агент Ориона сделал только логичное предположение и попал в точку. И все же ему стало не по себе от того, что, даже став пленником, Таунцер не потерял инициативы. Да, это был опытный, бывалый человек, с ним всегда надо держаться настороже.

— Спасибо, что вы напомнили мне о вашей хитрости,— угрюмо сказал он.

Улыбка на лице Таунцера чуть-чуть погасла — агент понял, что сделал глупость, без всякой необходимости насторожив противника. Биррел заметил это, и на его сердце немного полегчало.

Он взвалил Таунцера на плечо и понес в одну из спален, где стояли две незастеленные кровати со старомодными металлическими спинками.

Без особых церемоний бросив на одну из них Таунцера, от тщательно привязал руки агента к каркасу кровати куском проволоки.

— Спасибо, командор, за заботу о моем комфорте...— начал было Таунцер и тут же тревожно замолчал.

Биррел молча привязал к кровати его ноги, а затем для надежности сделал несколько витков вокруг туловища. Таунцер оказался буквально прикованным к кровати.

— Надеюсь, вам так удобно,— угрожающим тоном сказал Биррел.— Если будет где-то жать, позовите, я охотно принесу вам кляп.

Ту же операцию Биррел проделал и с землянином. Харпер вырывался, как мог, но, получив пару увесистых оплеух, затих.

Впервые в глазах Таунцера промелькнул неприкрытый страх. Агент понял, что командор тоже может быть опасным человеком.

Затем Биррел вернулся в спальню к Лиллин.

— И как долго мы будем сидеть в этом доме? — недовольно спросила она.

— Возможно, еще несколько часов. Я попросил Брешника прислать ко мне человека, умеющего справляться с «детектором правды», но это не так просто сделать. Нам остается только набраться терпения и ждать.

Лиллин кивнула, хотя ее лицо оставалось хмурым.

— Пойди, милая, поспи,— сказал Биррел.— Если здесь тебе неуютно, поднимись на второй этаж, там тоже есть спальня.

Жена взяла с собой чистое белье с кровати и пошла к лестнице, даже не оглянувшись.

Биррел направился к пленникам. Харпер встретил его взглядом, полным ненависти; Таунцер, казалось, спал. Его спокойствие вызывало у Биррела неприятные предчувствия. Может быть, агент Соллеремоса рассчитывает на чью-то помощь?

До утра Биррел просидел в кресле, так и не сомкнув глаз. С первыми лучами солнца он сделал очередной обход по дому, заглядывая во все окна. Никого поблизости он не увидел. Несколько раз в небе проплывали флиттеры, а однажды со стороны дороги послышалось гудение автомобиля. И это было все.

Лиллин спустилась вниз часам к десяти утра. Вид у нее был усталым, под глазами лежали тени.

— Ты, наверное, совсем не спала,— сказал Биррел с упреком.

— Ничего, все хорошо,— бесцветным голосом произнесла жена и, не ответив на его поцелуй, пошла на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Через час они вновь сидели на веранде. Черный кот словно бы поджидал их и немедленно выскочил с урчанием из травы.

— Пошел отсюда, маленький чертенок,— недовольно сказал Биррел.

— Нет, Том голоден,— запротестовала жена.— И потом, он спас нам жизнь. Ведь это он предупредил о засаде в кустах, разве не так?

Биррел кивнул и бросил на ступеньку остаток бутерброда. Лиллин

оказалась более щедрой, угостив Тома жирным куском окорока. С довольным видом кот принялся за трапезу, но внезапно насторожился и смешно зашевелил усами.

Чуть позже со стороны дороги послышался шум автомобиля. Кто-то ехал к старой ферме.

— Это техник? — спросила Лиллин, но Биррел в сомнении покачал головой.

— Нет, мои люди не могли приехать так быстро. Пойду посмотрю...

Засунув руку в карман, где лежал шокер, он неторопливо стал спускаться по лестнице, переступив через поглощенного едой кота.

Глава 13

Автомобиль остановился посреди лужайки, из него вышел незнакомый мужчина крепкого телосложения. Биррел снял шокер с предохранителя и медленно стал вынимать его из кармана. Но затем из машины не без труда выбралась полная женщина, и Биррел вздохнул с облегчением. Этот мужчина с грубо скроенным лицом и добродушным взглядом был ему знаком. Они пили вместе в барс вчера вечером. Как же его звали? Винтон? Нет — Винсон. Фермер, живущий где-то по соседству.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин, подойдя к мужу.

Биррел успокаивающе улыбнулся.

— Наши соседи-фермеры. Иди, встреть их, а я скоро вернусь.

Он быстро поднялся по лестнице и побежал в комнату, где лежали его пленники. Глаза Таунцера были открыты, и в них не было обычной насмешки. Харпер же вовсю продолжал храпеть.

Биррел вышел и тщательно запер дверь. Если проводить Винсонов в гостиную, то вряд ли они услышат крики пленников — если тем, конечно, вздумается позвать на помощь. Стены в этом доме сделаны на совесть и создавали отличную звукоизоляцию. В крайнем случае можно будет объяснить, что его зовут подвыпившие друзья, и вместо вина угостить Таунцера и Харпера шокером. Но лучше обойтись без этого. После удара шокера пленники могли потерять сознание, и тогда никаким «детектором правды» их не возьмешь.

Когда он вышел на веранду, там уже стояли новые гости, дружелюбно беседуя с Лиллин.

— Немного рано для визита, командор, не правда ли? — басисто сказал Винсон, протянув ему руку.— Прошу прощения, мы сегодня днем уезжаем в город, а моя Эдит прямо-таки сгорает от любопытства. «Хочу увидеть этих Биррелов»,— заявила она. Ну как ей откажешь? Надеюсь, вы не будете сердиться, Джей.

«Я не сержусь,— подумал Биррел, дружелюбно пожимая руки неожиданным гостям.— Я просто в ярости. Но что делать, сам виноват".

Лиллин, казалось, была смущена этим визитом и не знала, как держаться. Слишком свежими были малоприятные воспоминания о косых, неприязненных взглядах земных женщин, с которыми она встречалась в Нью-Йорке. Их любезность была слишком искусственной, и даже от улыбок жены Чартериса веяло холодом наигранности. Но миссис Винсон быстро завоевала сердце вегианки. Она смотрела на нее с таким искренним восхищением, что Лиллин невольно рассмеялась.

— Да вы настоящая красавица, миссис Биррел! — сказала толстушка, без тени зависти, любуясь ее изящной фигурой.— Неужто вы на самом деле прилетели с мужем с Веги? Уму непостижимо. Я знаю нескольких жен астронавтов, но никто из них даже на Луне не бывал.

Биррел пригласил чету Винсонов в гостиную, Лиллин мигом накрыла стол.

Винсон предложил тост: «За отличного парня Биррела, который теперь живет на звездах»,— и атмосфера сразу же стала непринужденной. Следующий тост Винсона, посвященный Лиллин, был настолько замысловат, что вегианка расхохоталась, слегка покраснев.

У Биррела немного отлегло от сердца — кажется, Лиллин начинали нравиться земляне. Сам же он не мог расслабиться ни на минуту, помня о двух «гостях», находящихся в другом конце дома.

А тут еще Винсон, покончив с комплиментами, оседлал своего любимого конька и стал разглагольствовать о фермерских проблемах. Выяснилось, что цены на трактора стали немыслимо высоки, а их автоматика ненадежна и то и дело выходит из строя. Погодный контроль вообще никуда не годится, а гербициды идут на пользу только сорнякам, от которых спасения нет.

За полчаса Биррел узнал о сельском хозяйстве больше, чем за всю жизнь, но это его нисколько не заинтересовало. Видимо, фермерские гены предков до него не дошли.

Он с тоской подумал: «Пока я сижу здесь и слушаю болтовню этого славного малого, Орион и Лира могли уже вступить в войну...»

— Что вы сказали? — внезапно встрепенулся командор, краем уха уловив что-то важное в потоке слов, который обрушивал на него Винсон.

— Я говорил о том седом мастере, который месяц назад присзжал в этот дом. Он не больно-то хотел со мной разговаривать, да я все-таки подстерег его у дороги, загородив путь джипу своим трактором. Он сказал, что не собирается жить здесь и купил ферму для другого джентльмена. Я тогда ему не поверил — уж очень он нервничал. Выходит, он соврал и купил дом для одного из славного рода Биррелов!

Биррел насторожился. Да, конечно, Кэрш мог сказать нечто подобное. Понятное дело, соседи решили теперь, что пришелец со звезд горит желанием заняться выращиванием кукурузы и разведением породистых свиноматок. Теперь их уже не разубедишь, да он и не собирается тратить на них свое время.

— Так вот что я хотел бы сказать о вашей ферме,— задушевно продолжал Винсон, положив тяжелую руку ему на плечо.— Поля в дрянном состоянии, там разве еще дубы не растут. Удобрений они лет десять не видели, хотя это дело поправимое. Техника у меня не новая, можно сказать, латаная-перелатанная, но с вашей целиной справится. Если хотите, я по весне пригоню сюда всю свою механическую орду, и мы с вами мигом приведем все в порядок. Перепашем землю, а потом...

— Весьма благодарен, мистер Винсон, вот только мы скоро улетаем на Вегу...— начал было Биррел, поймав насмешливый взгляд жены, но фермер не дал себя сбить.

— Конечно, конечно, вам же нужно перевезти сюда вещи,— сердечно сказал Винсон.— Я подожду. Ясное дело, что вы собираетесь поселиться здесь, иначе не стали бы покупать старую, запущенную ферму. Уверяю вас, это выгоднос дельце! А теперь пойдемте, обойдем ваши владения и обмозгуем, как и что.

Биррел не знал, что и сказать. Губернатор Лиры, казалось, учел все в своих планах, но вот назойливого соседа-фермера в них не было. Конечно, если бы встреча с Кэршем состоялась, таких проблем не возникло бы. Таунцер разом смешал все карты.

Винсон неверно истолковал молчание командора и понимающе кивнул:

— Я не говорю, что этим надо заняться прямо сейчас. Тем более нам с женой пора ехать в город. Но, скажем, завтра я буду в вашем полном распоряжении. Пойдем, Эдит.

Фермер и его жена направились к двери. Биррел пошел их провожать, испытывая огромное облегчение.

— Мы будем рады, если вы с вашей очаровательной супругой приедете к нам как-нибудь отобедать перед отъездом,— сказал Винсон.

— О да! — улыбнулась толстушка.— Вы теперь наши знаменитости, все будут рады познакомиться с вами поближе. Кое-кто уже поговаривает, что надо устроить праздник в вашу честь. Прощайте, милочка, я жду вас у себя дома. Найдется о чем поболтать, пока мужья будут заниматься своими фермерскими делами.

Когда машина уехала, Биррел вернулся в дом в полном замешательстве.

— Подумай только, они хотят чествовать нас на деревенской пирушке! Только этого сейчас не хватало.

Лиллин стояла у окна и задумчиво глядела на облака, медленно плывущие по голубому небу.

— А мне понравились эти милые, сердечные люди,— сказала она.— Жаль, что чуть раньше их нас навестили совсем другие гости. Я пойду наверх, немного отдохну.

Биррел кивнул и торопливо направился в другой конец дома. Таунцер спокойно лежал на кровати, глядя в потолок и о чем-то размышляя, а Харпер, тяжело сопя, все еще безуспешно пытался высвободиться.

— Что-то у вас расстроенный вид, командор,— приветливо улыб-

нулся агент Ориона.— Что, дела идут неважно? Это только цветочки, самое худшее для вас еще впереди.

Биррел сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не ударить по этому самодовольному лицу.

— Кто должен прийти, Таунцер, кого вы ожидаете?

— Не понимаю, о чем вы толкуете, командор: кто должен прийти, когда? Харпер, ты кого-то звал в гости?

Улыбка Таунцера оставалась по-прежнему наглой, но в его глазах, казалось, пробежала тень тревоги. Это еще больше насторожило Биррела. Хлопнув дверью, он опять обошел все комнаты, а затем тщательно исследовал территорию вокруг дома. Никаких новых следов он не обнаружил. Было ясно, что Таунцер оставил свой автомобиль или флиттер где-то неподалеку, например в небольшом леске за полем, но стоит ли бродить по совершенно незнакомым местам, оставив жену наедине с бандитами? Да и Брешник мог скоро приехать... Что он копается так долго?

Настал жаркий полдень. На западе в небе появились кучевые облака. С соседнего поля доносился гул трактора. Черный кот выбрался из щели в стене амбара и улегся на ступеньках лестницы, словно хозяин.

Больше ничего не происходило.

Биррела изводило это бесконечное ожидание. Ему хотелось вызвать Брешника и узнать, в чем дело, но он не стал этого делать. Злоупотреблять открытой связью было нельзя, кто знает, может, люди Таунцера следят за домом и контролируют эфир.

Подул ветерок с севера, и небо быстро затянула серая пелена. Заметно похолодало, воздух стал влажным и насыщенным запахами зелени. Только грозы не хватало! В непогоду здесь флиттеры не летают, значит, Брешник будет вынужден ехать в Орвилл на автомобиле. Это займет куда больше времени, да и нетрудно заплутаться в пригородной паутине дорог.

Словно подтверждая худшие ожидания, на горизонте вспыхнула молния. Через несколько секунд в долине прокатился глухой раскат грома.

Лиллин вышла на веранду, кутаясь в шаль.

— Это гроза идет, Джей? — встревоженно спросила она.— Или буря?

Биррел пожал плечами, глядя на кота. Том вел себя беспокойно. Выгнув спину, он яростно скребся когтями о ступеньку, а затем подскочил к двери и замяукал, глядя на своих новых хозяев.

— Смотри, Том встревожен,— проворчал Биррел.— Эй, пошел прочь!

Лиллин возмущенно взглянула на него и открыла дверь. Кот чинно вошел в дом, подняв хвост трубой и недовольно урча,— мол, слишком долго его заставляли ждать. За ним последовали и Биррелы — на веранде стало неуютно.

Ветер заметно усилился, раскачивая ветви деревьев. Внезапно дом сотрясся до самого фундамента от могучего удара грома. Зашумел дождь, барабаня по стеклам окон.

«Все, Брешник сегодня не приедет»,— с раздражением подумал

Биррел, но тут же ему показалось, что сквозь удары грома доносится знакомый стрекот. На всякий случай он вышел на веранду и увидел, как на лужайку садится флиттер. При следующей вспышке молнии он заметил, как из кабины выскочили двое людей и побежали к дому, закрывая головы от хлещущих струй дождя.

Биррел поднял шокер, готовый ко всему, однако вскоре вздохнул с облегчением.

На веранду поднялся Джо Гарстанг, а за ним последовал молодой офицер. На его груди сиял значок техника первого класса. Стряхнув с себя воду, они подошли к Биррелу.

— Всякие я видел бури на других мирах, командор, но такой что-то не припомню,— пожаловался Гарстанг, вытирая платком мокрое лицо.— Нагрянула откуда ни возьмись, мы едва не сбились с пути.

— Капитан, почему вы оставили свой корабль? — негодующе прервал его Биррел.— Забыли мой приказ?

— Сэр, Брешник велел мне лететь в Орвилл. Он сказал, что вам необходима помощь. Познакомьтесь, это техник Рой Вахис. У него есть опыт работы с «детектором правды».

Молодой офицер вытянулся в струнку и отдал честь командору. Тот в ответ дружески протянул ему руку.

— Рад вас видеть, мистер Вахис. У меня есть для вас очень ответственная работа. как дела в Пятой, Джо?

— Все нормально, корабли приведены в боевую готовность согласно вашему приказу, сэр. Но в космопорту творится что-то непонятное.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Биррел.

— За последние сутки не прилетел ни один корабль, сэр. Зато крейсеры Объединенного флота один за другим покидают Землю. Брешник очень обеспокоен этим. Никаких официальных разъяснений ему получить не удалось, но он считает, что Совет принял решение эвакуировать флот в более безопасное место.

«Началось»,— мрачно подумал Биррел.— Если Чартерис получил известие о приближении эскадр Ориона, то он должен поступить именно так. Тогда и Пятой нельзя ни одной лишней минуты оставаться в космопорту, где она практически беспомощна.

Гарстанг выжидающе смотрел на него, явно ожидая приказа готовить корабли к отлету.

Но Биррел не мог действовать в слепую, не мог! Фердиас обязан был предупредить Пятую о приближении флота Ориона, однако не сделал этого. Чартерис же явно не собирался делиться своей информацией. Необдуманный шаг со стороны Лиры мог привести к самым печальным последствиям. А если это всего лишь провокация? Нет, сначала надо как следует расспросить Таунцера: этот человек должен многое знать о планах Ориона.

Биррел пригласил офицеров в дом. Пока Лиллин готовила им кофе,

он коротко рассказал об агенте Соллеремоса, а затем обратился к озадаченному Вахису:

— Пойдемте, я хочу побыстрее заняться этим человеком. Вначале взгляните на прибор. Надеюсь, он в порядке.

Они вошли в гостиную, где около окна стоял на треножнике «детектор правды". Кот тоже был здесь — забрался на кресло в дальнем углу и настороженно шевелил ушами, поглядывая на людей.

Вахис внимательно осмотрел приборы и затем сказал:

— Кажется, все в норме.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы привести его в действие? — спросил Биррел.

— Пятнадцати минут хватит,— не очень уверенно ответил Вахис.

— Даю десять,— сурово сказал Биррел.— Нет, даже пять. И минуту, чтобы выпить чашку кофе.

Лиллин молча поставила на стол дымящиеся чашки, тарелки с бутербродами и поднялась наверх. Ей не хотелось присутствовать при допросе Таунцера.

Не успел Гарстанг покончить с первым бутербродом, как со стороны веранды послышался протяжный звонок.

— Вы кого-то ожидаете еще, командор? — с удивлением спросил Гарстанг, наслаждаясь горячим кофе.

— Нет... О, боже, да это же мой сосед по ферме, Винсон! — простонал Биррел, вскакивая с кресла.— В жизни не встречал более настырного человека. Пойду, спроважу его.

Проклиная все на свете, он зашагал к двери. Но его ожидал сюрприз. Перед ним стоял Маллинсон, стряхивая воду с мокрого плаща.

Не обращая внимания на растерянного Биррела, дипломат уверенно вошел в дом и застал двух офицеров Пятой, изучающих «детектор правды».

— Я вижу, вы свили в этом старом доме хорошенькое шпионское гнездышко,— сказал Маллинсон, оглядывая комнату.— Очень мило с вашей стороны, командор. Миссис Биррел, наверное, сейчас сидит у передатчика и готовит шифровку для Фердиаса?

Оправдываться было бесполезно. Биррел нащупал в кармане шокер, но дипломат сказал, не оборачиваясь:

— Не делайте резких движений, командор. Дом оцеплен солдатами. Боюсь, они намокли под дождем. Может быть, пригласим их войти?

Глава 14

Биррел медленно вынул руку из кармана. Он понял, что завяз в болоте по пояс, и силой здесь ничего не добьешься. Да и в чем он виноват, черт побери!

Командор начал было рассказывать о ночном нападении агентов Соллеремоса, но Маллинсон, казалось, его не слушал. Он обошел гостиную, с интересом разглядывая архаичную мебель.

— Старый родовой дом в Орвилле,— сказал он наконец.— Как естественно, что вам, командор, захотелось увидеть его! Сентиментальность — это замечательное свойство, Биррел, но я уже вам как-то говорил: лучше бы вы, жители других звезд, испытывали чуть больше уважения к Объединенным Мирам. Я с самого начала не верил вам ни на грош. Когда ваши офицеры направились в Орвилл, я последовал за ними. Нисколько не сомневаясь, что вы прилетели на Землю, чтобы нанести ей предательский удар в спину.

— Никто из нас не собирается этого делать! — гневно возразил Биррел.— По крайней мере, никто из граждан сектора Лиры.

— Ах, да, я забыл, что Лира как всегда совершенно невинна,— с иронией сказал Маллинсон. Сняв плащ, он уселся в кресло, закинув ногу на ногу.— Это коварный Орион намеревается вторгнуться на Землю, а вы, естественно, хотите нас защитить. Именно поэтому вы и прислали на мирное празднование эскадру крейсеров, не так ли?

Биррел сдержал свой гнев. Лишние эмоции могли сейчас только навредить.

— Это не мои домыслы,— сказал он.— Мне удалось захватить Таунцера, одного из самых опытных и искусных агентов Соллеремоса. Я как раз собирался с помощью моих офицеров допросить его. Уверяю вас, Маллинсон, как только я получил бы необходимые доказательства, то немедленно известил бы вас.

— Доказательства чего?

— Истинных планов Соллеремоса. Таунцер должен многое знать.

— Мы сами допросим его в департаменте безопасности,— после некоторого раздумья сказал Маллинсон.— Но сначала разберемся с Пятой Лиры.

Холодок пробежал по спине Биррела.

— Что вы имеете в виду? — глухо спросил он.

— Разоружим вашу эскадру и арестуем экипажи крейсеров,— хладнокровно сказал Маллинсон.— Мы узнали, что вы недавно отдали приказ привести корабли в боевую готовность. Теперь у нас нет ни малейших сомнений насчет ваших действительных намерений. Взлетное поле уже окружено танками и тяжелыми орудиями. Скоро Брешник получит приказ: всем астронавтам выйти с поднятыми руками и сдаться властям Земли. Если они не подчинятся, то Пятая Лиры будет уничтожена.

— Пустая болтовня,— процедил Биррел, багровея от гнева.— Вы не рискнете пойти на этот безумный шаг. Война между Лирой и Объединенными Мирами станет тогда неизбежной.

— И вы еще имеет наглость рассуждать об этом? — вскричал

Маллинсон, с ненавистью глядя на командора.— Вы, приславшие на Землю вместо мирной делегации боевые звездолеты!

— Черт бы вас побрал, Маллинсон, о чем вы говорите? Неужели вы не поняли, что замыслил Орион? Его агенты успешно поработали на Земле, распуская самые грязные слухи, и вы на них клюнули! Фердиас хотел, чтобы Пятая стала гарантом безопасности Земли, а вы вместо того, чтобы сотрудничать с нами, разрушаете свой единственный надежный щит на радость Соллеремосу! И тогда...

Он не смог продолжать — перед его глазами вспыхнула кошмарная картина: космодром, охваченный пламенем, обрушившимся с неба. Горящие, как свечки, крейсеры, размолотые в пыль транспорты с женщинами и детьми. И все из-за этого кретина Маллинсона!

Молодой дипломат, казалось, был несколько смущен его словами, но не более.

— У нас нет никаких доказательств того, что вы говорите правду,— упрямо сказал он.— Совет не имеет права рисковать Землей. Пятая Лиры должна быть разоружена, а там будет видно. В конце концов, у нас есть Объединенный флот. Он вышел сейчас на боевое дежурство и в случае угрозы...

— Будет размолот в пыль первым же залпом с эскадр Ориона,— продолжил Биррел, недобро сощурившись.— Бросьте нести чепуху, Маллинсон! Если вы истинный патриот Земли, то не лишите ее последней защиты. Подумайте: если бы мы хотели захватить вашу планету, то давно бы уже сделали это.

На лице Маллинсона появилась озабоченность, но отступать он не желал.

— Мы не остановимся ни перед чем, чтобы отстоять Землю,— хрипло сказал дипломат.— Уверен, что в случае нападения Ориона другие секторы окажут нам поддержку. Однако сначала мы должны обезопасить себя от удара в спину.

Он вскочил на ноги и пошел к двери.

— Повторяю, командор, вы и ваши люди арестованы. Не заставляйте нас применять насилие. А с агентами Ориона мы побеседуем в Нью-Йорке, так же, как и с вами.

Биррел бросился вслед и едва успел схватить его за руку:

— Послушайте, Маллинсон! Забудьте хоть на минуту о своих предубеждениях. Ну поймите же: если то, что я рассказал,— правда, то вы, поехав с пленниками в Нью-Йорк, потеряете драгоценное время. Через несколько часов может быть слишком поздно чем-то помочь Земле!

Дипломат остановился на пороге, озадаченный этими словами.

— И что же вы предлагаете, командор?

— Надо немедленно допросить Таунцера. У нас есть «детектор правды», и человек, который может его использовать. Неужели вы не захотите узнать прямо сейчас о планах Соллеремоса?

Маллинсон нахмурился, впервые на его лице появилось выражение нерешительности.

— Дьявол, что вы теряете? — воскликнул Биррел.

После долгой паузы Маллинсон неохотно кивнул головой.

— Хорошо, я, пожалуй, готов допросить здесь людей, которых вы называете агентами Соллерсмоса. Но «детектором правды» будет оперировать мой человек.

Он открыл входную дверь и громко позвал кого-то. Гроза уже ушла на восток, еле слышно перекатываясь вдали, но облака все еще затягивали небо. Шел моросящий дождь.

На веранду поднялся крепкого телосложения мужчина в мокром плаще. Выслушав указания Маллинсона, он молча направился к двум автомобилям, стоявшим под деревьями невдалеке от амбара.

Маллинсон вернулся в гостиную.

— Покажите мне их,— процедил дипломат, не глядя на Биррела.

Таунцер встретил посетителей настороженным взглядом. Он мигом оценил ситуацию и не преминул ею воспользоваться:

— Слава богу, здесь наконец-то появился нормальный человек! Я видел вашу фотографию в газете. Вы — мистер Маллинсон, секретарь Совета ОМ. Помогите, прошу вас! Этот командор с Лиры, должно быть, совсем спятил: напал на нас с другом, когда мы мирно прогуливались по окрестностям, связал...

Дипломат прервал его:

— Мистер Биррел утверждает, что вы оба — агенты Ориона.

— Что мы шпионы? — На лице Таунцера появилось глубокое изумление.— В жизни не слышал такой чуши. Можете проверить мои документы, я просто турист...

Харпер не дал договорить.

— Вы не имеет права так поступать со мной! Я — землянин, гражданин Объединенных Миров! Маллинсон, вы обязаны защитить меня от произвола этого безумного пришельца!

Биррел помрачнел. Ему показалось, что под таким напором Маллинсон может дрогнуть. Однако молодой дипломат оказался весьма твердым человеком.

— Посмотрим,— хладнокровно ответил он, усаживаясь на стул.— Если вы оба невиновны, то немедленно будете отпущены на свободу. Но сначала я хотел бы убедиться в этом.

В комнату вошел невысокий землянин, неся в руках «детектор правды», и молча стал устанавливать его возле кроватей с пленниками.

— Сначала этого,— кивнул Маллинсон в сторону Таунцера.

— Я протестую! — завопил орионец, впервые теряя самообладание.— Этот прибор нельзя применять вопреки желанию испытуемого! Такое насилие над правами человека запрещено всеми кодексами законов в Галактике!

— Многое в Галактике делается в обход всех законов,— сухо ответил Маллинсон.— Давай, Кейн.

Землянин направил раструб «детектора правды» на голову побледневшего агента и включил прибор. В комнате разлилось тихое жужжание.

Таунцер был крепко привязан к кровати, но головой двигать мог. Он так закрутил шеей, что менее опытный оператор растерялся бы. Однако Кейн даже глазом не моргнул. Легкими касаниями рук он заставил раструб прибора следовать за движениями Таунцера.

Лицо орионца болезненно исказилось, глаза помутнели, из полуоткрытого рта раздался хрип. Вскоре Таунцер замер, глядя застывшим взглядом на «детектор правды», как кролик смотрит на змею.

— Сэр, испытуемый находится под контролем,— доложил Кейн.

— Таунцер, вы слышите меня? — спросил Маллинсон, не скрывая своего волнения.

— Да,— едва шевеля губами, ответил агент без всякого выражения.

— Планирует ли Соллеремос захватить Землю и включить в свой сектор?

Таунцер не ответил. Видимо, он так же, как и покойный Кэрш, владел методами самогипноза и заблокировал часть своего мозга, которая содержала наиболее важную информацию. Но Маллинсон был настойчив, а Кейн оказался мастером своего дела. Искусно оперируя ручками управления прибора, он постепенно увеличивал мощность сигнала, не допуская в то же время перегрузки мозга испытуемого, которая могла привести к коллапсу.

Биррел, затаив дыхание, наблюдал за этой беззвучной борьбой. Он знал, как тяжело пробить гипнобарьер, тем более такого великолепного агента, как Таунцер. Но землянам это удалось после почти получаса упорных попыток.

— Да,— наконец еле слышно ответил агент Ориона.— Да.

— Когда было принято это решение?

— Больше года назад.

— Флот Ориона сейчас движется к Земле?

— Да.

— Почему именно теперь?

— Соллеремос опасается, что если он не сделает этого, то губернатор Лиры сделает это первым,— бесстрастно ответил Таунцер.

Настала долгая пауза. Маллинсон повернулся и в упор посмотрел на Биррела покрасневшими от ярости глазами. Командор Пятой в ответ на это возмущенно воскликнул:

— Таунцер лжет! Вы не знаете, насколько опасен этот человек. Он мог даже специально спровоцировать эту ситуацию, чтобы выложить вам этот коварный ответ. Я слышал, что методами гипноза можно защититься даже от «детектора правды» и вложить в голову человека ложную информацию, которая...

— Чушь,— не выдержав, прервал его Кейн и поморщился.— Давно

доказано, что ошибка таких исследований составляет не больше одной сотой процента.

Маллинсон смерил Биррела презрительным взглядом и продолжил допрос:

— Как собирается действовать Соллеремос в ближайшее время?

— Губернатор намерен завладеть Землей прямой атакой своих космических сил. Флот ОМ в расчет не принимается. Пятая Лиры не сможет эффективно действовать в отсутствие своего командира.

— Отсутствие командира...— задумчиво повторил Маллинсон.— Вот почему вы оказались здесь?

— Да.

Маллинсон слегка наклонился вперед, задавая следующий вопрос.

— Каков план атаки Ориона? С какого направления нам следует ожидать нападения?

— Не знаю.

Биррел воскликнул:

— Он лжет! Я говорил, контроль над ним неполный. Таунцер должен знать...

Кейн упрямо возразил:

— Мистер, я умею управляться с этим прибором. Испытуемый находится под полным контролем.

— Но...— начал было Биррел.

Маллинсон отмахнулся от него.

— Позвольте мне, командор, самому вести допрос. Уж будьте так любезны.

Он вновь обратился к Таунцеру,

— Вы были посланы на Землю с разведывательными целями и говорите, что не знаете ничего о плане атаки на нее. Как такое могло случиться?

— Соллеремос посчитал, что я должен знать об этом как можно меньше. Есть риск, что меня могут захватить службы безопасности Земли, хотя я считаю это невозможным. Земляне слишком доверчивы и тупоголовы.

Биррел хохотнул, глядя на побледневшего от гнева дипломата.

— Чему всеелитесь, командор? — процедил тот сквозь зубы.

— Веселюсь? Нет, я просто подумал, что Таунцер на самом деле умный человек. Бесполезно его допрашивать о чисто военных вопросах, это не его дело. Но он собирался убить меня и оставить тем самым Пятую без командира. Как ему передать сведения об этом на флот Ориона? Спросите его.

Маллинсон, поразмыслив, повторил вопрос Биррела.

— У меня нет прямой связи с командованием флота,— по-прежнему бесцветным голосом ответил Таунцер.— Но скоро за мной должен прилететь скаут — тот, что привез меня на Землю. Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я...

— Скаут? Не может быть! — перебил его Маллинсон.— Как он мог скрыться от радаров околоземных станций наблюдения?

— Очень просто. Скаут прячется за астероидом Гермес. Это... Это...— Таунцер запнулся и, сильно побледнев, замолк.

— Сэр, я не могу гарантировать ответы испытуемого, если вы будете прерывать его на полуслове! — запротестовал Кейн.

— Извините, Рой,— поморщившись, ответил дипломат. Подождав минуту, он продолжил допрос: — Ну, как вы собирались выйти на связь с флотом Ориона?

Таунцер повторил свои недавние слова, а затем продолжил:

— Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я присоединюсь к оперативной группе.

«Так вот чего ожидал Таунцер»,— подумал Биррел. Он не выдержал и сам задал следующий вопрос:

— Как скаут сможет найти это место?

— Он будет следовать за сопроводительным лучом. На моем флиттере есть радиомаяк. Я... я был... я включил его ночью...

— Где находится флиттер? — насторожился Маллинсон.

— Он... он... под деревьями... рядом с поляной... мы едва затащили его... его туда...

Монотонный голос Таунцера стал затихать. На его лице развилась смертельная бледность.

— Таунцер, почему вы молчите?

— Сэр, испытуемый потерял сознание,— хмуро сказал Кейн, отключая прибор.— Он устал, и к тому же вы сами испортили дело, прервав его ответ на полуслове. Теперь его можно будет повторно допрашивать не раньше чем через несколько часов.

— Ничего, мы узнали вполне достаточно,— ответил Биррел, не дав дипломату и рта раскрыть.— Таунцер ничего больше нам не расскажет об эскадрах Ориона, но офицеры скаута наверняка знают о местонахождении флота! Если мы сумеем их захватить, то «детектор правды» выжмет из них все.

— «Мы»? — недовольно сказал Маллинсон.— Вот это славно. Забудьте это «мы». Вам не удастся сбить Совет с толку, переключив наше внимание на Орион. Пятая Лиры будет разоружена, а при сопротивлении — уничтожена. Ясно?

Ярость охватила Биррела.

— Вы... вы чертов глупец...— прошипел он, сжимая кулаки.— Ваша проклятая тупоголовость может стоить войны...

Гарстанг едва успел схватить его за руку, укоризненно глядя на командора. Биррел опомнился.

— Прошу прощения,— хрипло сказал он, весь дрожа от возбуждения.— Пожалуйста, послушайте меня еще минуту.. Если я сумею вам доказать, что все наши действия были направлены только на защиту Земли, вы позволите нам уйти?

— Мы только напрасно теряем время,— отрезал Маллинсон.— Слова — это только слова.

Тогда Биррел выложил свой козырной туз:

— А если я соглашусь на испытание «детектором правды», то вы поверите мне?

Маллинсон удивленно взглянул на него.

— Вы добровольно соглашаетесь на это?

— Я не знаю, как вас убедить в своей правоте,— с горечью в голосе ответил Биррел.

Дипломат задумался, с сомнением глядя на него.

— Хорошо,— согласился он после некоторого колебания.— Садитесь в кресло. Кейн, займись командором.

Биррел сел в кресло, словно на бочку с порохом.

При мысли о том, что скоро совершенно чужие люди начнут беззастенчиво шарить в его мозге, по его коже пробежали мурашки. Это был рискованный шаг. Он знал много секторов Лиры. Вдруг Маллинсон захочет воспользоваться случаем, чтобы выудить из него военные тайны? К тому же за те часы, когда он будет выключен из жизни, может произойти многое. Но что оставалось делать? Биррел мысленно проклял Маллинсона и всех остальных членов Совета.

Невидимый луч «детектора правды» обрушился на него. Как будто сильный ураган ворвался в мозг и унес все мысли и сомнения. Он видел окружающее, словно через красный туман, но почти ничего не сознавал. Кажется, в комнате появилась Лиллин и бросилась, крича, на Маллинсона, но Гарстанг удержал ее. Больше ничего он не помнил. Ветер, один только ветер...

Глава 15

В этом мире не было ни мыслей, ни ощущений, ни тревог. Полное ничто, и только тоненькая ниточка сознания еще связывала его с реальной жизнью. Время остановилось, пространство сжалось в крошечную точку.

Почему ничего не происходит? Пусть придет что-то в это небытие, пусть даже боль...

И боль пришла, затопив мозг. Чувства стали пробуждаться, откуда-то донесся тихий стон. Это был *его* стон! Значит, он вновь жив, жив, жив!

— Джей, ты меня слышишь? — кто-то сказал, обращаясь к нему.

Голос был знаком... Память постепенно вернулась к Биррелу. Он с усилием приоткрыл глаза и пробормотал:

— Слышу... О, моя бедная голова...

Он лежал на диване в гостиной. За окном сгустились сумерки. Лиллин

стояла рядом. Ее лицо было искажено гримасой отчаяния. Биррел никогда не видел жену такой заплаканной. Кто-то наклонился к нему и осторожно потряс за плечи. Это был Гарстанг.

Кейн суетился вокруг прибора, с виноватым видом поглядывая на Биррела.

— Сэр, я говорил, чтобы мистер Гарстанг оставил вас в покое еще хотя бы на час. Быстрое пробуждение грозит сильной головной болью, и вы...

— Вставайте, Джей, нам надо уносить отсюда ноги,— прервал его Гарстанг.

Биррел с ненавистью посмотрел на капитана — ему так хотелось продолжать лежать, не шевеля даже пальцем. Малейшее движение приносило сильную боль, разве Джо не понимает этого?

Затем до него дошло — Кейн предлагал ему валяться на диване еще целый час. Час! Нет, он не имеет права лежать так долго, словно бесчувственное бревно.

Напрягшись, Биррел попытался встать. Гарстанг помог ему. Не выдержав мучений мужа, Лиллин выбежала из комнаты, громко всхлипывая. Вслед за ней ушел мрачный Кейн, явно недовольный тем, что ему пришлось делать.

Маллинсон расхаживал вдоль комнаты, закусив губу и о чем-то размышляя.

Биррел вопросительно посмотрел на него.

— Ну что, вы пошарили в моем мозге?

— Да.

— Тогда вы убедились в правоте моих слов. Мы не собираемся захватить Землю, наша цель — спасти ее от эскадр Ориона.

Маллинсон кивнул.

— Да, *сейчас* вы действуете именно так.

— Сейчас? Что вы имеет в виду?

— То, что Фердиас может отдать вам совсем другие приказы, когда ему окончательно станут ясны намерения Ориона. Я доверяю ему ничуть не больше, чем Соллеремосу.

— Господи, до чего же вы упрямы! — простонал Биррел.— И на основании подобных догадок вы собираетесь разоружить мою эскадру? После всего того, что вы от меня услышали?

Маллинсон поджал губы.

— Да, вы говорили, что собирались отразить атаку Ориона, если тот осмелится напасть на Землю,— неохотно признал дипломат.— Это самое приятное, что я до сих пор слышал от вас. Но это не решает всех наших проблем.

— У вас совсем не останется проблем после того, как ваш флот встретится лицом к лицу с эскадрой Ориона,— заверил его Биррел.— И вы отлично это знаете.

Лицо Маллинсона вытянулось. После долгой паузы он глухо сказал:

— У меня нет полномочий принимать такие решения. Надо посоветоваться с Чартерисом после возвращения в Нью-Йорк.

Биррел вздрогнул.

— О каком Нью-Йорке вы говорите? — возмутился он.— Мы должны остаться здесь! Разве вы забыли, что скаут орионцев может прилететь в любой момент, чтобы забрать Таунцера?

Маллинсон добродушно улыбнулся.

— Я сам позабочусь об этом, Биррел. По возвращении в город я свяжусь с адмиралом Ланеем. Он вышлет навстречу скауту один... нет, даже два крейсера и перехватит его на подходе к Земле.

До сей поры молчавший Гарстанг не выдержал и громко выругался.

— Вы позаботитесь о них, Маллинсон,— закончил он, с ненавистью глядя на дипломата.— Не сомневаюсь в этом, ведь вы уже показали, как умеете поступать с гостями Земли.

— Чего вы оба хотите от меня? — ощетинился Маллинсон.— Наши корабли перехватят скаут, возьмут в плен его экипаж, и тогда мы допросим...

Биррел прервал его, стараясь на этот раз говорить спокойным тоном:

— Маллинсон, вы, бесспорно, знаете о хитростях дипломатии куда больше, чем все парни моей эскадры вместе взятые. Но в астронавтике вы ничего не смыслите, иначе не родили бы такой шикарный план.

— Чем же он плох?

— А тем, что в космосе невозможно незаметно подобраться к противнику. Сила здесь мало что значит. Радары скаута обнаружат два ваших крейсера еще легче, чем один, и за тысячи миль до встречи орионцы будут знать, что за ними охотятся.

— И что же они будут делать?

— Бороться всеми возможными средствами. Если капитан скаута на самом деле знает что-то о плане Соллеремоса, то он ни за что ни сдастся в плен. Если скаут не разобьют пушки крейсеров, то капитан взорвет его сам.

Маллинсон задумался. На его лице отразилась борьба. Молодой дипломат был крайне упрям и самолюбив, но логика Биррела его явно смутила. Наконец он сказал, не поднимая глаз:

— Что ж, вам лучше известна психология астронавтов, командор. Положим, я ошибся. Что вы предлагаете?

— Подождать, пока скаут приблизится к Земле. За это время мы найдем флиттер Таунцера — он спрятан где-то неподалеку. Мы с Гарстангом перестроим его сопроводительный луч так, чтобы скаут сел в окрестностях Орвилла. Тогда мы сможем захватить орионцев без особых хлопот. С вами приехало много людей?

— Шестеро,— ответил Маллинсон.— Я могу вызвать больше, но время сейчас позднее...

Биррел взглянул в окно — сумерки уже перешли в темноту.

— Боюсь, действительно поздно,— согласился он. — Ладно, десять

человек против пятнадцати или шестнадцати — тоже не так плохо. Главное для нас — действовать слаженно и неожиданно для противника.

— Пойду поговорю со своими людьми,— хмуро сказал Маллинсон и, поднявшись, вышел из комнаты. За ним последовал Кейн.

— Командор, можете сами встать? — заботливо спросил Гарстанг.

— Попробую,— пробормотал Биррел.— О-о, черт, как же все болит!

Услышав стоны мужа, Лиллин ворвалась в комнату, не скрывая слез отчаяния. Вместе с Гарстангом она помогла Биррелу встать на ноги, поддерживая его под руку. Поначалу он не мог и шагу ступить самостоятельно, но, сделав несколько кругов вдоль стен комнаты, почувствовал, как силы постепенно возвращаются к нему.

— Пойдем на веранду,— хрипло сказал он.— Мне нужен свежий воздух.

Было уж совсем темно. Сильный западный ветер изрядно растрепал пелену облаков, сквозь разрывы которых проглядывали дрожащие звезды.

Биррел постоял некоторое время на пороге, жадно вдыхая влажный прохладный воздух. Среди звезд он заметил голубую искорку Веги. Что бы подумал сейчас Фердиас, если бы узнал, какая каша здесь заварилась?

Внизу, на лужайке, о чем-то оживленно разговаривали Маллинсон и его люди. Через минуту дипломат бодро поднялся по лестнице.

— Мы готовы начать поиски флиттера,— сказал он.— Биррел, у вас есть еще шокеры или какое-нибудь другое оружие? Жаль... Миссис Биррел, а вам бы стоило уехать отсюда в более спокойное место.

Биррел в сомнении посмотрел в сторону полей, за которыми едва можно было разглядеть темную стену леса.

— Постойте, Маллинсон, не стоит пороть горячку,— сказал он.— Я уже достаточно побродил по окрестностям, знаю — ночью мы здесь ни черта не найдем. Все, что мы выудили из Таунцера, — это то, что флиттер спрятан где-то рядом с лесной поляной под деревьями. Я понятия не имею, где в местном лесу находятся поляны. Нам нужен проводник. Таунцер нам в этом деле не помощник, но с Харпером вполне можно договориться...

— Ничего не получится,— погрустнел Маллинсон.— Пока вы лежали без сознания, я отослал этих тайных агентов в Нью-Йорк. Откуда я знал, что вы сумеете уговорить меня остаться?

Биррел хотел было выругаться всласть и сказать, что он думает о молодом дипломате, но сдержался.

— Все равно без проводника нам не обойтись. Недалеко отсюда находится ферма моего знакомого по имени Винсон. Он должен отлично знать окрестности.

Опираясь на руку жены, командор спустился по лестнице и пошел к машине.

— Лиллин, ты поедешь с нами,— строго сказал он.— Останешься в доме Винсонов, пока опасность не пройдет.

Всего лишь несколько раз за их совместную жизнь он говорил с ней в подобном тоне, и никогда это ему не сходило с рук. Лиллин гневно взглянула на него, открыла было рот... но смолчала. Биррел вздохнул с облегчением. Он был рад, что супруга не закатила ему сцену. Впрочем, Лиллин могла сделать это позднее, при более удобном случае.

Маллинсон, рискуя, быстро вел машину по темной поселковой дороге. По обеим сторонам над волнистой линией деревьев сияли звезды. От облаков уже не осталось и следа. Погода на Земле была непредсказуемой, но ситуация в политических джунглях менялась еще быстрее.

«Что нас ждет этой ночью,— с тревогой думал Биррел.— Попадется ли скаут в ловушку, или сумеет уйти?»

— Поворачивайте налево,— сказал он, увидев чуть в стороне от дороги большой каменный дом.

Его окна были темными, но когда машина, скрипя тормозами, остановилась возле веранды, дверь распахнулась. Кутаясь в плащ, Винсон спустился по лестнице, с удивлением глядя на нежданных гостей.

— Ба, да это командор Биррел! — воскликнул он, увидев среди вышедших из машины знакомое лицо.— И вы, миссис, тоже приехали? Прекрасно! Заходите, друзья, будем очень рады...

Биррел крепко пожал руку гостеприимному фермеру.

— Простите за неожиданное вторжение, сосед, но у нас появились кое-какие проблемы. Вы не будете возражать, если Лиллин останется на ночь в вашем доме?

— Моя Эдит будет только рада,— удивленно сказал Винсон.

— Прекрасно. А к вам, Винсон, у меня не очень обычная прросьба...

Из дома вышла хозяйка дома, держа в руке фонарь. Увидев Лиллин, она радостно вскрикнула. Винсон объяснил ей, что миссис Биррел останется в доме на ночь, после того обе женщины ушли. Перед дверью Лиллин остановилась и, обернувшись, сказала:

— Будь осторожен, милый. Очень осторожен!

Биррел кивнул, провожая жену взглядом.

— Так чему могу служить, командор? — спросил нетерпеливо фермер.

— Сначала познакомьтесь с мистером Маллинсоном,— сказал Биррел, кивнув в сторону молодого мужчины.— Это секретарь Совета ОМ.

Винсон, потеряв дар речи, энергично потряс протянутую Маллинсоном руку.

— Вы, конечно же, знаете лесок, что расположен сразу же за моими полями? — спросил Биррел.

— Как свои пять пальцев,— заверил его Винсон несколько удивленным тоном.— На десять миль в округе мне знакома каждая травинка. А в чем дело?

Биррел коротко рассказал о флиттере агентов Ориона, стараясь не вдаваться в лишние подробности. Винсон слушал, кивая, и мрачнел на

глазах. Не дослушав до конца, он неожиданно вбежал по ступенькам веранды и забарабанил в дверь. Вскоре из дома вышла встревоженная жена.

— Что стряслось? — спросила она.— Мы с миссис Биррел уже...

Винсон бесцеремонно прервал ее.

— Эдит, эти господа утверждают, что скоро начнется война между Землей и Орионом. И первая битва состоится в Орвилле этой же ночью!

Миссис Винсон охнула и схватилась рукой за сердце.

— Не тревожьтесь, миссис, ваш муж сильно сгущает краски! — воскликнул Биррел, мысленно проклиная простодушного фермера.— Никакой войны нет, и неизвестно, будет ли она вообще. Мы попросили мистера Винсона проводить нас в лес и кое-что показать, только и всего. Уверяю вас, ему ничто не угрожает. Мистер Винсон сразу же вернется домой, я обещаю.

Фермер едва не подпрыгнул от возмущения.

— Дьявол, они собираются отправить меня домой, словно сопливого мальчишку! Послушайте, мистер Биррел, и зарубите себе на носу: этот мир в такой же степени мой, как и ваш. Если пришельцы со звезд собираются начать войну, то я отсиживаться в подвале не намерен. Пойду, возьму свой охотничий шокер. Подождите минуту...

Он исчез в доме, и за ним поспешила его растерянная супруга. В доме одно за другим зажглись несколько окон.

Маллинсон с иронией взглянул на командора.

— Вы слышали, что сказал фермер? «Этот мир в такой же степени мой, как и ваш!» Забавно, не правда ли?

Биррел пожал плечами.

— Это для вас я чужак, Маллинсон, а для простых жителей Орвилла я вроде блудного сына, вернувшегося на порог родного дома. Вам, политикам, не мешало бы иметь хоть толику их здравого смысла.

Вскоре Винсон вернулся, неся на плече видавший виды шокер, больше похожий на винтовку. Фермер был одет в теплый плащ и резиновые сапоги. От возбуждения он не мог вымолвить ни слова, но, когда машина выехала на поселковую дорогу, его словно прорвало:

— Я знаю три-четыре поляны в этом лесу, где мог бы запросто сесть флиттер. Однако возле одной из них нет больших деревьев, машину там не спрячешь. Остальные я вам покажу.

Возле дома их ждали Гарстанг, Вахис и люди Маллинсона. Фермер крепко потряс всем руки, затем приглашающе махнул рукой:

— Пошли парни, чего стоим. Только глядите себе под ноги, на полях мистера Биррела и трактор себе колесо запросто переломать может.

— Подождите,— остановил его Биррел.— Надо забрать тяжелый соник, который я отобрал у Таунцера.

— Мы захватили его с собой, мистер,— сказал один из людей Маллинсона.

— Отлично! Что ж, тогда пошли.

Биррел чувствовал себя более уверенно, чем час назад. Люди

Маллинсона были, без сомнения, агентами секретной службы — высокие, плотно сложенные парни, готовые к любым переделкам.

Винсон уверенно зашагал по едва заметной тропинке через поле, направляясь в сторону леса. Высокая трава была влажной от росы, так что Биррел быстро почувствовал, что промок чуть ли не до пояса.

Дальше — хуже. Вошли в заросли колючего кустарника, который Винсон назвал сжевикой. Маллинсон запретил включать фонари, они были и не очень-то нужны — высветлившееся звездами небо достаточно хорошо освещало все вокруг.

Вскоре со стороны леса послышался приглушенный лай.

— Лисица,— спокойно сказал Винсон, поправляя шокер на плече.— Давно хочу до нее добраться, да все руки не доходят. Сколько она у меня кур перетаскала, паршивка!.. Так, теперь сворачиваем направо, в заросли сумаха.

Кусты цеплялись за ступни, заросли дурмана царапали ноги до колен, ветви небольших деревьев больно хлестали по лицу. В темноте было нелегко ориентироваться даже Винсону. Несколько раз он останавливался, чтобы уточнить дорогу, и каждый раз Биррела поражала внезапно наступившая тишина.

«Я давно ожидал войны с Орионом,— думал он,— но всегда считал, что она начнется где-то в пограничной области, в каком-нибудь могучем звездном скоплении или обширной туманности». А она, похоже, начнется здесь, на старой планете, в ночном лесу. И его поведет в бой добродушный фермер, ни разу даже не видевший близко звездолета.»

Дорога была нелегкой, но хуже всего были крошечные насекомые, которые тысячами преследовали отряд, издавая воинственный писк. Кружась над головами людей, мошкара осыпала их лица и руки болезненными укусами, похожими на уколы игл.

— Проклятое комарье,— простонал Маллинсон, отчаянно потирая шею.

Винсон остановился. Стена леса уже была рядом.

— Мы почти уже пришли,— тихо сказал фермер, крутя головой по сторонам.— Погодите минутку, дайте оглядеться. Не часто приходится посещать эти места ночью... Так, одна поляна должна быть метрах в ста отсюда.

Он повел отряд через заросли жесткой травы. Под ногами захлюпало. «Этак мы забредем в болото»,— подумал Биррел, но Винсон вскоре уверенно вывел их на опушку леса. Пройдя между невысокими деревьями, они вышли на округлую поляну, кое-где заросшую кустарником. Осмотр ее не занял много времени.

— Ничего,— сказал Винсон глухо.— Ручаюсь, флиттер здесь не садился — трава совершенно не примята. Ладно, пойдем дальше.

Они продрались через густой кустарник, перешли через речку и поднялись по пологому склону.

— Подождите,— сказал Винсон, насторожившись.

— Что-нибудь нашли? — спросил Маллинсон.

— Сумах и молочай поломаны. Здесь кто-то проходил не далее, как прошлой ночью. Подождите, я сам посмотрю, что и как.

Ждать пришлось довольно долго. Люди стояли молча, отмахиваясь от полчищ комаров. К Биррелу вернулась недавняя головная боль, только увеличивающая его раздражение. Когда Гарстанг, отбиваясь от злобных насекомых, позволил себе тихо выругаться, Биррел готов,был заорать на него: как, мол, он смел нарушить тишину! Но тут послышались тяжелые шаги и треск раздвигаемых кустов.

— Нашел! — сказал Винсон восторженным шепотом.— Флиттер стоит здесь, под деревьями!

Маллинсон вздохнул с облегчением.

— Ведите к нему,— приказал он.

Действительно, рядом с обширной поляной, в тени деревьев, были смутно видны контуры флиттера.

— Кейн, где ты? — спросил Маллинсон.— Погляди, есть ли во флиттере радиомаяк?

Техник, который так умело управлялся с «детектором правды», поднял фонарь и, откинув прозрачный колпак кабины, осторожно полез внутрь. Через несколько минут изнутри машины донесся его голос:

— Да, радиомаяк есть. Он работает на частоте местного радиовещания. Хитро придумано, черт побери! Такой луч ни один прибор на наших спутниках не засечет... Но сейчас он автоматически выключен.

— Включи его,— приказал Маллинсон.

Через несколько минут Кейн выбрался из кабины.

— Все сделано, сэр,— отрапортовал он.

Маллинсон кивнул.

— Биррел, вы здесь?

— Да.

— Как вы считаете, скаут рискнет совершить посадку? Или он должен был получить от Таунцера какие-то особые сигналы?

— Вряд ли. Агент сказал бы нам об этом.

— Тогда надо рассредоточиться вокруг поляны. Не исключено, что скаут прилетит именно этой ночью. Винсон, расставьте людей так, чтобы их не было видно со стороны. А вы, Гарстанг, берите соник и спрячьтесь за флиттером. Не включайте оружие, пока противник не подойдет близко.

Гарстанг презрительно хмыкнул — мол, учи ученого — и, взвалив на плечи соник, тяжело зашагал к машине. А Биррел, достав из кармана шокер, устроился за опрокинутым пнем.

На поляне вновь воцарилась тишина.

Глава 16

Незадолго перед наступлением нового дня на поляну почти беззвучно опустился небольшой космолет с эмблемой Ориона на борту. Вряд ли кто-нибудь из окрестных жителей увидел быструю тень, мелькнувшую среди звезд, но фермерские собаки отозвались на ее появление дружным лаем. Скаут сел посреди поляны и выключил двигатель. Вскоре в округе вновь воцарилась тишина, нарушаемая только звоном цикад.

Биррел вышел из своего убежища и пошел не прячась через высокую траву. В такой темноте его вполне можно было принять за Таунцера. На всякий случай он включил карманный фонарик и стал им размахивать: мол, не беспокойтесь, свой идет. На сердце у него скребли кошки, каждую минуту он ожидал выстрела. Не исключено, что Таунцер должен был дать какой-то определенный сигнал, прежде чем подойти к скауту. Только какой? До сих пор ему, Биррелу, удавалось брать верх в этой многоходовой игре с Орионом; когда-то баланс мог сместиться в сторону проигрыша.

Последние шаги дались ему с огромным усилием, но смертоносного выстрела не последовало. Вместо этого послышался хорошо знакомый звук открываемого люка.

В лицо Биррелу ударил луч голубого света. Не тратя времени на спуск трапа, на землю выпрыгнул высокий мужчина в военной форме. «Наверняка командир скаута,— лихорадочно подумал Биррел,— вряд ли он мог поручить кому-то другому встретиться с такой важной птицей, как Таунцер». Еще один член экипажа стоял возле люка, наблюдая за своим командиром.

Биррел поспешил навстречу орионцу, стараясь все время держаться в тени и пытаясь имитировать голос Таунцера:

— Почему вы опоздали? Вы должны были прилететь еще прошлой ночью! — обрушился он сразу же на капитана.— Не включайте прожектора, мы немедленно взлетаем!

— Но вы же раньше говорили...— растерянно ответил капитан.

Биррел не дал ему закончить мысль — выхватив шокер, он выстрелил в упор. Капитан скаута упал, даже не охнув. Не теряя времени, Биррел ринулся к люку, скользя по росистой траве. Второй член экипажа высунул голову наружу, пытаясь разглядеть, куда же исчез его командир. После второго выстрела он застыл на месте с искаженным от боли лицом. Биррел отшвырнул орионца в сторону и прыгнул внутрь.

На этом его удаче пришел конец. В коридоре около люка стоял третий член экипажа, глядя в иллюминатор. Он все видел и уже поднимал свой шокер. Биррел торопливо выстрелил и промахнулся. Ответный выстрел

был точнее. Вся правая часть тела командора внезапно онемела. Биррел пошатнулся и едва не упал, однако успел опереться левой рукой о металлическую стену. Вторым выстрелом он уложил орионца, но было уже поздно. За стеной раздались встревоженные голоса. Дьявол, где Гарстанг и все остальные? Почему они не спешат ему на помощь?

Впрочем, со стороны леса уже доносился топот ног. Земляне не успели добежать до люка, когда со стороны кормы послышался тревожный рев сирены. Биррел застонал от отчаяния. Если скаут успеет взлететь, то все погибло! Надо немедленно бежать к кабине пилота, но как это сделать, если правая часть тела не слушается? Он был сейчас способен только на одно — держаться за стену,чтобы не дай бог, упасть на лежащего ничком астронавта.

К счастью, экипаж скаута замешкался, и первыми в коридор ворвались Гарстанг и Винсон. Они сразу же установили на турели тяжелый соник. Гарстанг действовал собранно и четко, ему не впервые было оказываться в критической ситуции, а вот фермер излишне суетился и не столько помогал, сколько мешал своему товарищу.

«Держите коридор под прицелом!» — хотел было крикнуть Биррел, но вместо этого только невнятно захрипел — голосовые связки тоже оказались частично парализованными. Однако Гарстанг и сам понимал, что стрелять в сторону отсеков корабля бесполезно — металлические стены служили хорошим экраном для парализующего луча.

— Командор, вы ранены? — воскликнул Винсон, заметив болезненную гримасу на лице Биррела.

Гарстангу же было не до сантиментов. Увидев, что коридор пока еще пуст, он принял решение пойти в атаку.

— Винсон, вперед! — заорал капитан.

Они дружно ухватились за ручки соника и побежали в конец коридора, едва не сбив с ног командора. Остановившись около двери, ведущей в салон, Гарстанг одним ударом ноги распахнул ее и начал «поливать» отсек корабля парализующими лучами. Биррел не мог разглядеть, скольких орионцев им удалось вывести из строя. Вряд ли весь экипаж находился в салоне... И тут же распахнулась соседняя дверь, и в коридор выскочили двое солдат с бластерами в руках. Гарстанг с удивительной для его массивной фигуры ловкостью сумел повернуть раструб соника. Не успев выстрелить, оба орионца упали.

— Стреляйте по другим каютам! — с усилием крикнул Биррел.— В корабле могут быть еще люди!

— Эта штука чертовски тяжела,— процедил сквозь зубы Гарстанг и потащил соник к соседней двери, одновременно разворачивая устройство. Винсон, похоже, толком не понял, что же делает его товарищ, и потому больше мешал ему. Биррел чертыхнулся и попробовал прийти на помощь Гарстангу, но его ослабевшие ноги внезапно подкосились, и он сполз на пол. К счатью, в этот момент в распахнутом люке появилось лицо одного из людей Маллинсона — это был Кейн. Он сразу же понял,

что надо делать. Побежав по коридору, землянин оттолкнул Винсона и схватился за свободную ручку соника. Вдвоем с Гарстангом они стали методично «поливать» парализующими лучами каюту. Тотчас до Биррела донесся грохот падающих вещей и дикие крики. Из двери выскочил высокий офицер с погонами лейтенанта, держась руками за голову. Лицо его было искажено от страшной боли. Винсон выхватил из кармана шокер, хотя выстрелить и не успел — офицер упал, даже не вскрикнув.

Сидевший на полу Биррел ощущал спиной, как дрожит металлическая переборка, попав под луч соника. Шум в отсеке корабля постепенно стих.

— Достаточно,— сказал Биррел, с трудом шевеля языком.— Винсон, помогите мне встать.

И только тогда в космолет вошел Маллинсон. По его бледному лицу было видно, что он впервые участвовал в бою и вовсе не стремился пасть смертью храбрых. Увидев, что орионцы лежат без движения на полу, он заметно приободрился и уверенным шагом пошел по коридору. На Биррела он даже не взглянул.

Винсон помог командору подняться. Лицо фермера светилось от восторга.

— Неужели мы сделали это? — прошептал он.— Захватили целый корабль?

— Пойдем быстрее,— раздраженно ответил Биррел, буквально повиснув на плече фермера.

Общими усилиями они добрались до радиорубки, где стоял, задумавшись, Маллинсон. Рядом с передатчиком лежали двое офицеров, осыпанные осколками осветительных ламп.

— Они наверняка пытались послать сигнал о помощи,— сказал дипломат, взглянув на Биррела.— Вопрос только в том, удалось ли им это.

В радиорубку вбежал улыбающийся Кейн.

— Мистер Маллинсон, корабль в наших руках! — воскликнул он.— Все орионцы, кроме двоих, лежат без сознания, да и те двое едва могут пошевелиться. Мы продолжаем поиски...

— Взгляни на передатчик,— прервал его Маллинсон.— Успели они послать сигнал тревоги или нет?

Кейн сразу же посерьезнел. Он подошел к пульту и внимательно изучил показания многочисленных приборов.

— Нет, сэр,— сказал наконец техник.— Передатчик даже не включен.

Лицо Маллинсона посветлело.

— Ну, и что мы теперь будем делать, командор? — спросил он.

— Для начала надо связать пленников, пока они не пришли в себя,— пробормотал Биррел и поморщился.— Черт, до чего болит нога. Винсон, помогите мне сесть в кресло... Спасибо. А вам, Маллинсон, я советую сходить в каюту командира и взглянуть на вахтенный журнал. Сомневаюсь, что там найдется что-то ценное, но проверить не мешает.

Дипломат ушел с недовольным видом — ему не очень-то по-

нравилось, что Биррел стал распоряжаться на корабле. В двери он едва не столкнулся с возбужденным Гарстангом.

— Как дела, командор? — спросил тот.

Биррел со страдальческой улыбкой на лице чуть-чуть приподнял правую руку, которая стала потихоньку его слушаться.

— Как видишь, жив,— сказал хрипло он.— Хотя я получил вполне достаточно, чтобы отправиться на тот свет. Джо, ради бога, помассируйте мне правый бок...

Гарстанг старательно стал разминать онемевшие мышцы командора, и через несколько минут тот очухался настолько, что смог самостоятельно встать.

— Вам еще повезло, сэр,— сказал Гарстанг.— У этих парней с Ориона шокеры были настроены на смертоносный уровень. Они не собирались шутить.

— Пойдем на воздух, Джо,— сказал Биррел, тяжело дыша.— Меня уже тошнит от этого корабля.

С помощью Гарстанга и Винсона он спустился на землю. Невдалеке лежал, как бесчувственное бревно, капитан скаута, и двое людей Маллинсона с шокерами в руках охраняли его, мужественно выпятив подбородки. Биррел оглядел темную поляну, залитую светом звезд, и подумал: «Опять обошлось. Снова я вышел сухим из воды. В такой пе-реплет я не попадал давно — сначала Таунцер, затем Маллинсон, и вот теперь эти парни со скаута. Многовато приключений для главы официальной делегации Лиры, которому полагается все время проводить на банкетах с бокалом в руке...»

Биррел достал из кармана порто и включил его. После окончания разговора он еще раз глубоко вдохнул прохладный воздух, насыщенный запахами трав, и нехотя пошел назад к скауту.

Маллинсон встретил его около люка, попыхивая сигаретой.

— Ничего я не нашел интересного в бумагах капитана. Но сам он должен знать немало. Мы отвезем его в Нью-Йорк и, когда придет в себя, допросим.

— Я поеду вместе с вами,— сказал Биррел.— Только что я отдал приказ своему заместителю готовиться ко взлету.

Маллинсон с проклятием выплюнул дымящуюся сигарету.

— Черт, вы не имеете права сделать это без разрешения Совета! С какой стати мы должны доверять Лире больше, чем Ориону? Да, я убедился, что вы ничего не знаете об агрессивных планах Фердиаса, но это не значит, что их нет.

— Плевать я хотел на ваш Совет! — не выдержав, взорвался Биррел.— Я не желаю, чтобы из-за вашего ослиного упрямства Пятую поймали в ловушку. Что бы вы ни говорили, наши скауты взлетят через час, а крейсера — через два!

Маллинсон помрачнел.

— Я уже предупреждал вас, командор, если ваши корабли попыта-

ются подняться с Земли, то заговорят наши орудия. Я надеюсь, их язык будет понят и без перевода.

— Они взлетят в любом случае,— уверенно ответил Биррел.— Зарубите это себе на носу, Маллинсон. Лучшее, что вы можете сделать — немедленно лететь к Чартерису и разъяснить ему эту простую истину. У Совета есть еще шанс дать приказ отойти своим батареям.

Дипломат покраснел от гнева.

— Неужели вы вздумаете сопротивляться? — пробормотал он.— Здесь, рядом с большим городом? Вы понимаете, к каким жертвам среди мирного населения это может привести?

— Если вы не отмените своего дурацкого решения, то так и будет,— безжалостным тоном ответил командор.— Пятая будет драться прямо в космопорту. Вы можете уничтожить наши корабли, но вам это дорого обойдется. Не говоря уже о том, что почти наверняка вскоре придут эскадры Ориона и разорвут вас на куски. Я могу в этом случае пожелать им только приятного аппетита!

— Вы еще смеете ставить нам условия! — взвился Маллинсон.

— Первым выставили ультиматум вы,— отрезал Биррел.— И я отвечаю вам той же монетой. Поймите одну вещь, глупец: Пятая вам не по зубам! Да и много ли чести для землян разбить своего единственного союзника?

Что-то в его словах наконец пробило броню недоверчивого упрямства дипломата. Маллинсон с затравленным видом посмотрел на Биррела и угрюмо кивнул:

— Хорошо. Я доложу Чартерису.

Он выпрыгнул из люка на землю и, не оглядываясь, пошел к флиттеру. Биррел тем временем подошел к изрядно растерявшемуся фермеру и спросил:

— Мистер Винсон, вы разрешите моей жене еще немного побыть у вас? Сами видите, ситуация непростая, а оставлять ее одну не хочется.

— Мы будем только рады,— сказал Винсон. Фермера явно раздирали противоречивые чувства.— Командор, я что-то не понял...

Вскоре Маллинсон вернулся. На его непроницаемом лице ничего нельзя было прочесть.

— Эй, Кейн! — крикнул он.— Собирай людей. Надо прикатить флиттер на поляну, чтобы на нем можно было взлететь.— Повернувшись к Биррелу, дипломат нехотя сказал: — Я рассказал Чартерису обо всем, что здесь произошло. Это озадачило его. Через час будет срочно собрано заседание Совета. Если решат, что Пятая Лиры представляет для Земли большую угрозу, чем эскадры Ориона, то ваши корабли будут уничтожены прямо на поле.

Подошедший к ним Гарстанг хрипло произнес:

— Черта с два! Кишка тонка у вас, землян, чтобы справиться с Пятой!

Маллинсон не обратил на него внимания.

— Я вызвал флиттеры сюда, на поляну. Вы полетите с нами в Нью-Йорк, командор.

Глядя на непреклонное лицо молодого дипломата, который явно не хотел с ним дальше разговаривать, Биррел засомневался,может быть, стоит вызвать Брешника и отменить приказ о взлете? Эти земляне, похоже, довольно упрямые парни и могли доставить Пятой массу неприятностей.

Но он даже не прикоснулся к порто. Где-то там, в глубинах космоса, к Земле сейчас мчались эскадры Ориона. Пятая должна была встретить их на рубежах Солнечной системы, даже если для этого ей придется уходить с боем.

Глава 17

Ни одного выстрела на космодроме не прозвучало. Первыми взлетели скауты, через час один за другим поднялись с ревом крейсеры, а огромные орудия, окружавшие поле, молчали. За орбитой Марса корабли построились в боевой порядок и направились к границам Солнечной системы.

Эскадра остановилась рядом с газовым гигантом, который земляне называли Сатурном, и стали ожидать приказов своего командора.

Сам же Биррел в это время находился почти неотлучно в здании Совета ОМ. Его голова раскалывалась от бесчисленных разговоров с местными чиновниками, которых приходилось убеждать, упрашивать, а порой и запугивать. Правая нога по-прежнему плохо слушалась, но он, скрипя зубами, продолжал свою одиссею по гигантскому бюрократическому муравейнику, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки. Держался на тонизирующих таблетках. Но хуже всего было то, что все его усилия пропадали втуне. Тупоголовость чиновников оказалась фантастической, и это могло стоить Земле большой крови.

После долгих попыток ему удалось-таки выйти на высший уровень. В кабинете Чартериса собрались люди, от решения которых зависело многое. Биррел сидел на одной стороне длинного стола, земляне — на другом. На их лицах читалось недоверие. Биррел еще мог понять Чартериса и Маллинсона, но адмирала Ланея и офицеров его штаба он оправдать не мог. Политикам было нетрудно рассуждать, сидя в своих уютных кабинетах, но военные-то были людьми ответственными, они обязаны думать прежде всего не о своих амбициях, а о безопасности планеты!

— ... повторяю еще раз, командор,— с каменным выражением на лице произнес Чартерис.— Пятая Лиры будет действовать только под командованием Объединенных Миров или вообще не вступит в бой.

— Да поймите же, вопрос здесь не в том, кто главнее — я или

адмирал Лансй,— усталым голосом ответил Биррел.— Это вопрос стратегии.

— Вот мы и будем определять стратегию,— хмуро ответил Чартерис.

Биррел отодвинул свое кресло и вышел из-за стола. Не обращая ни на кого внимания, он стал массировать онемевший правый бок. Командор с трудом сдерживался, чтобы не высказать этим людям все, что он о них думает.

Чтобы хоть как-то сохранить самообладание, он подошел к окну и стал смотреть на город, задернутый серой пеленой дождя. Нет, сейчас нельзя наломать дров, это может обойтись слишком дорого миллионам людей во всех секторах Галактики.

Было около трех часов ночи, и, несмотря на непогоду, улицы сияли разноцветными огнями и бурлили от толп людей. Никто из землян и их многочисленных гостей даже не подозревал, во что может вылиться этот многодневный праздник. Все информационные средства пока молчали о создавшейся тревожной ситуации.

И хорошо. Земляне могли не поверить в то, что им кто-то угрожает. Они слишком привыкли думать о своем мире, как начале всех начал, и не способны примириться с мыслью о независимости секторов. Конечно же, им и в голову не приходило, что кто-то из правнуков Земли может напасть на планету своих предков. Отсюда и упрямство и нелепая амбициозность высших должностных лиц Земли. Стоит ли на них сердиться?..

Успокоив себя подобными рассуждениями, Биррел подошел к большой объемной карте Солнечной системы и ее окрестностей. Огоньки звезд висели прямо в воздухе, так что он мог идти через созвездия, ощущая себя гигантом. Рядом с его лицом проходила линия красного цвета, берущая начало от Скорпиона и идущая в направлении Солнца. Она появилась на карте после того, как заговорил капитан скаута под действием «детектора правды». Большой компьютер Совета вычислил по его туманным показаниям ожидаемый курс двух эскадр Ориона, которые должны были напасть на Землю.

— Орионцы делают большой круг, чтобы напасть на Землю с направления, противоположного Ориону,— задумчиво сказал Биррел.— Они рассчитывают застать нас врасплох, со стороны, где мы должны ожидать их меньше всего...

Адмирал Ланей раздраженно перебил:

— Командор, я уже не раз говорил: мы готовы достойно встретить врага. От вашей помощи мы не откажемся, но при условии, что вы временно — повторяю, временно, войдете в состав Объединенного флота. Не понимаю, что здесь обидного для Пятой. Вы только гости в Солнечной системе, а мы здесь хозяева.

Биррел холодно посмотрел на старого адмирала.

— Сэр, лично я был бы рад сражаться под вашим командованием. Но факты — упрямая вещь. Флот Объединенных Миров, несмотря на свою славную историю, не может противостоять эскадрам Ориона. Чудес не бывает, адмирал. Более того, даже если ваш флот и Пятая встретят противника лицом к лицу на подходах к Солнечной системе, то мы

проиграем. У нас есть только один шанс — напасть на врага неожиданно! А вы предлагаете лобовую атаку и называете это стратегией.

Начальник штаба ОМ, сухощавый старик с седыми усами, презрительно хмыкнул.

— Неожиданность — в эпоху радаров дальнего действия? Да вы просто смеетесь, молодой человек. Все ваши «неожиданные» маневры противник увидит за миллионы миль до встречи. Я уже не говорю о разведывательных скаутах Ориона, которые словно мыши будут совать свои любопытные носы во все щели. Уничтожать их бесполезно, спрятаться от их радаров — невозможно...

— Все получится, если флот ОМ будет следовать плану, разработанному моим штабом,— уверенным голосом произнес Биррел, решив, что настала пора выкладывать на стол главный козырь.

— Вот как — *вашим* штабом? — усмехнулся Чартерис— Хорошо, мы готовы вас выслушать, командор.

Биррел указал рукой на полосу крошечных огоньков, лежащую между орбитами Марса и Юпитера.

— В Солнечной системе есть замечательное укрытие — пояс астероидов. Насколько я знаю, внутри него имеются вполне безопасные маршруты?

— Да,— кивнул Ланей.— На астероидах находятся шахты и исследовательские станции, к которым часто приходят грузовые корабли.

— Отлично. Ваш флот, адмирал, должен занять позиции рядом с поясом астероидов. Когда противник подойдет близко, ваши корабли должны войти в пояс, заманив туда крейсеры Ориона.

— Чушь,— поморщился Ланей.— Вы думаете, орионцы так наивны? Они ни за что не сунут головы в ловушку, зная, что где-то неподалеку находится ваша эскадра.

— Они не узнают этого,— спокойно ответил Биррел.— Более того, они увидят на экранах своих радаров, как Пятая в походном строю направляется в сторону Ориона, словно ожидая атаки именно с этого направления.

— Но...

— Но, конечно, это будет не Пятая Лиры,— быстро сказал Биррел.— К Ориону направятся торговые суда, транспорты, баржи — словом, все крупные корабли, которые вы сможете собрать за короткое время. Они будут только имитировать Пятую. Дальние радары не определят подмену. Что касается разведчиков Ориона, то половина наших скаутов будет сопровождать лжеэскадру, и сумеет защитить ее от любопытных взглядов. Что скажете, адмирал?

Ланей задумчиво пожевал губами.

— Такой вариант не исключен,— сказал он после долгой паузы.— Но я не вижу в этом никакого смысла. Где вы собираетесь спрятать настоящую Пятую? Если она будет находиться далеко от Солнечной систе-

мы, то не успеет прийти нам на помощь. У нас же ей спрятаться негде — радары обнаружат ее где угодно, даже на дне океана.

— Но не на дне *солнечного* океана,— сказал Биррел.

Как он и ожидал, его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Землянс изумленно уставились на него.

— Вы хотите сказать, командор, что собираетесь сесть на Солнце? — недоверчиво спросил Чартерис.

— Нет, конечно. Вполне достаточно будет войти в его протуберанцы,— пояснил Биррел, наслаждаясь растерянностью землян.— Наши крейсеры имеют повышенную теплозащиту — такой нет даже у орионцев. Самый подходящий момент использовать это преимущество. Никакие радары не смогут обнаружить корабли в океане плазмы.

Чартерис вопрошающе взглянул на Ланея. Тот пожал плечами.

— Ничего не слыхал о такой чудесной теплозащите,— признался старый адмирал.— Но вряд ли Биррел стал бы морочить нам головы — ведь нырять в протуберанец придется ему, а не нам. Ну, и как вы собираетесь действовать дальше, командор?

— Все очень просто. Вы заманите основную часть флота Ориона в пояс астериодов, а потом мы совершим марш-бросок на предельной для внутрисистемных перелетов скорости. Конечно, определенный риск в этом есть — ведь ваша система полна всяческого космического мусора. Но в случае успеха орионцы окажутся между двух огней. Это уравняет наши шансы на победу.

Чартерис пытливо смотрел на Ланея. На лице старого адмирала было написано сомнение.

— Если Пятая Лиры запоздает, то нам конец,— признался он после долгого молчания.— И все же попробовать стоит.

— Попробовать? — недовольно пробурчал Чартерис.— Скажите прямо, вы готовы предложить это как официальный план наших совместных действий?

На этот раз Ланей на стал колебаться.

— Да,— твердо ответил он.

— Что ж, хорошо,— после паузы произнес Чартерис.

Биррел вздохнул свободнее, однако председатель Совета сурово взглянул на командора.

— Это не меняет наших взаимоотношний, командор. Руководить операцией по-прежнему будет Совет ОМ, а от его имени — адмирал Ланей. Вы временно находитесь в его прямом подчинении.

Биррел мысленно послал Чартериса в преисподнюю, но... согласился. Он сделал все, чтобы вправить мозги этим упрямцам. Земляне приняли его план, на большее рассчитывать бесполезно.

Вдруг внезапно Ланей, насупившись, произнес:

— Нет, мистер Чартерис.

— Что «нет»? — опешил председатель Совета.

— Я отказываюсь возглавлять *всю* операцию,— пояснил Ланей, не

поднимая глаз.— Это невозможно. Пятая Лиры долгое время будет находиться на значительном расстоянии от моего флота. Я попросту не могу ими эффективно командовать. Кроме того, нельзя в такой сложной ситуации заранее просчитать все ходы. Биррелу все равно придется действовать практически самостоятельно.

Чартерис помрачнел.

— Вы убеждены, адмирал?

— Абсолютно.

Чартерис неохотно поднялся.

— Прошу прощения, господа, вам придется подождать. В зале заседаний меня ждут члены совета. Я должен получить у них одобрение нашего плана.

Он торопливо вышел. Биррел с благодарностью взглянул на адмирала, но глаза того были как никогда холодны.

— Не беспокойтесь, командор, Совет все одобрит,— презрительно усмехнулся Ланей.— Потратив, разумеется, не один час болтовни. Каждый из этих политиканов постарается выступить и за, и против, чтобы потом в любом случае оказаться правым. Я полагаю, господа, нам нет смысла терять здесь время. У нас полно неотложных дел.

Некоторое время спустя Биррел вместе с Гарстангом уже выезжали из города на лимузине с флажком Совета ОМ. Сейчас, под утро, город наконец заснул. Улицы потемнели, прохожих почти не было видно, за исключением влюбленных парочек. Автомобиль мчался по темным ущельям между скалами-небоскребами по направлению к реке, а вслед неслось звучное эхо.

Гарстанг дремал, привалившись к спинке сиденья; Биррел не мог даже сомкнуть глаз. Он не хотел верить, что давно ожидаемая война между Лирой и Орионом все-таки началась. Отсюда, с Земли, оба огромных сектора Галактики выглядели лишь невзрачными скоплениями дрожащих искр света. Что им делить? Звезды? Планеты? Оба сектора имели сотни необитаемых миров, вполне пригодных для жизни людей, и тысячи планет, на которые еще не ступала нога разведчиков космоса. Ни о переселении, ни об ограниченности ресурсов и речи не могло идти, и тем не менее, бронированные армады вскоре ринутся навстречу друг другу. Погибнут тысячи людей, но это будет только началом, первой искрой, которая вскоре воспламенит пол-Галактики.

И только ли властолюбивый Соллеремос будет виноват в этом? Кто знает, если бы он, Биррел, проявил характер и отказался подчиниться приказу Фердиаса, не полетел бы к Земле вместо мирной делегации, то ... То тогда полетел, кто-то другой. Тот же славный парень Брешник не колеблясь взял бы под козырек...

Биррел чувствовал себя предельно усталым и разбитым. Тонизирующие таблетки кончились, да и вряд ли они могли бы ему помочь сейчас. О сне даже речи не могло идти. Флагманский корабль ждал их с Гарстангом, а там, за орбитой Сатурна, барражировала Пятая, ожидая его распоряжений.

Вдали появились темные купола ангаров, среди которых одиноким великаном возвышалась башня «Старзонга». Машина беспрепятственно въехала на территорию космодрома, возле которого еще недавно стояли сотни тяжелых орудий, и помчалась по пустынному взлетному полю. В западной его части, предназначенной для посадки гражданских кораблей, царило непривычное оживление. Около торговых судов, транспортов и космобарж суетилось множество людей, то и дело подъезжали грузовики и автоцистерны с горючим. Лжеэскадра готовилась к старту.

Биррел легко вбежал по пандусу, не скрывая довольной улыбки. От его недавнего недомогания не осталось и следа. «Черт побери, все идет не так плохо",— думал он, торопливо шагая по коридорам звездолета.

На командном мостике его встретил Фрэнк Наллет, второй заместитель командора Пятой.

— Сэр, «Старзонг» готов,— отрапортовал он.— Только что со мной связывался мистер Брешник. Он доложил, что Пятая расположилась в боевом порядке невдалеке от Сатурна и ждет ваших распоряжений. Прикажете сделать марш-бросок к границе этой системы?

Биррел покачал головой.

— Как раз наоборот. Пятой придется вернуться. Совет принял план, разработанный нашим штабом.

— Вы имеете в виду идею нырнуть в хромосферу Солнца? — с оживлением спросил Наллет.— Замечательно!

— Свяжитесь с Брешником и отдайте ему приказ от моего имени немедленно возвращаться,— велел Биррел.— Пусть Пятая выйдет на орбиту Земли, и, когда, лжеэскадра стартует к Ориону, мы полетим к Солнцу. А пока я пойду, вздремну. Разбудите меня, когда придет сообщение из штаба ОМ,— им нужно время, чтобы приготовить свои посудины к полету.

Спустившись в каюту, Биррел, не раздеваясь, лег на кровать и моментально уснул.

На рассвете Лиллин вышла из дома Винсонов и пошла по влажной тропинке в сторону луга. Было прохладно, неяркое солнце нехотя поднималось за грядами холмов, окаймляющих долину. Легкие облачка плыли на запад. Однажды между ними деловито прожужжал флиттер, но это было все. Поеживаясь, Лиллин обхватила себя за голые плечи и стала терпеливо ждать.

Наконец, из-за горизонта послышался глухой раскат грома, за ним еще один и еще... В небе стали вспыхивать огненные факелы — это уходили в небо корабли, которым предстояло изображать Пятую Лиры. Слегка шевеля губами, вегианка считала: десять... пятнадцать... тридцать...

Не прошло и получаса, как лжеэскадра покинула Землю, направившись в сторону Ориона. Но Лиллин не уходила, ожидая совсем иного раската грома. И он пришел, сотрясая небо. Среди облаков вспыхнул ослепительный огненный столб. Лиллин инстинктивно сжала правую ладонь, в которой хранилась записка, переданная ей вчера вечером

Винсоном. В ней было всего три слова: «Жди меня, милая». Всего три слова, которые разом покончили с ее прежней спокойной жизнью. Да только ли ее одной? Сегодня телевидение и газеты наконец-то скажут правду, и вся Галактика встанет на дыбы.

Когда огненный вихрь погас, Лиллин еще раз взглянула на мирно дремлющую долину и медленно пошла к дому.

Глава 18

Космос пылал, подожженный неистовым излучением Солнца. На тысячи миль вокруг простиралась бурная река взбесившихся атомов, подстегиваемых вихрями чудовищных электромагнитных полей. Во все стороны летели тысячемильные брызги фиолетового кальция и желтого натрия. Ничто живое, казалось, не могло просуществовать в этом адском котле и мгновения.

Но над огненным океаном висела серебристая стая звездолетов. Ее сотрясали буруны магнитных полей, пронзали потоки безжалостной радиации, обжигало звездное сияние, фантастический жар проникал даже через мощные защитные поля крейсеров, раскаляя металические переборки. Пятая Лиры отчаянно боролась, чтобы сохранить свой строй. Ее радары прогибались под гравитационными ударами, корабли расходились, отброшенные друг от друга электромагнитными вихрями, но затем вновь сближались, используя всю мощь своих атомных двигателей.

Флагманскому кораблю было чуть легче. Он находился на самом кончике гигантского протуберанца, лишь слегка прикрытый плазменным щитом. Его радар дальнего действия функционировал, тогда как все остальные корабли эскадры были слепы и глухи. «Старзонг» был единственной ниточкой, связывающей Пятую Лиры с окружающим миром, но эту ниточку можно было обнаружить, если корабли Ориона направят свои радары прямо в сторону Солнца. Оставалось надеяться, что враги не догадаются сделать это...

Биррел сидел в радиорубке «Старзонга» и старательно жевал сэндвич. Ему вовсе не хотелось есть, более того, его желудок бурно протестовал против пищи. Воздух вокруг был раскаленным, насыщенным малоаппетитными запахами термопластмассы и разогретых металлов, так что трудно было не то что есть, но даже дышать. Нервное напряжение тоже не способствовало аппетиту. Однако, командор не имел права обнаруживать перед подчиненными хотя бы тень своего возбуждения, напротив, он должен был в любой обстановке вести себя так, будто все в полном порядке. Биррелу казалось, что его наигранное хладнокровие передается всем окружающим. По крайней мере, лица Гарстанга и Веннера, склонившиеся над экраном радара, были довольно спокойными. Но

вот экран в очередной раз мигнул и погас, и Гарстанг разразился отборной руганью.

— Мы снова ослепли, командор!

— Терпение, Джо, терпение,— пробурчал Биррел, с отвращением проглатывая очередной кусок.— Все идет нормально. Мы сидим по уши в плазме — чего вы хотите?

Экран вновь засветился, но на тусклом белесом фоне ничего нельзя было разглядеть. Это означало, что внешние сенсоры отреагировали на вспышку солнечной активности и временно отключили радар. Корабль содрогнулся раз, другой, а затем задрожал до боли в зубах.

— Относитесь к этим маленьким неприятностям философски, Джо,— нарочито небрежным тоном произнес Биррел, все-таки дожевав проклятый сэндвич.— Нашим парням там, в глубине протуберанца, приходится куда хуже.

«До чего я устал разыгрывать из себя спокойного, уверенного в своей правоте космического волка,— с раздражением подумал Биррел, заставляя себя приняться за очередной сэндвич.— Наверное, во всей эскадре не найдешь сейчас более нервного и растерянного человека. Ведь это я придумал безумный план нырнуть в хромосферу Солнца. Если бы я рисковал только своей жизнью! Увы, на карту сейчас поставлены миллионы жизней...»

Только доев сэндвич, Биррел позволил себе встать и подойти к экранам радара. Они вновь заработали, но что-то толком разглядеть на них было нельзя. На одном высвечивался сектор, расположенный в направлениях зенита и запада по отношению к плоскости эклиптики. На нем был виден рой искр, медленно двигающийся от Солнца в сторону Бетельгейзе. Даже для искушенного взгляда это выглядело эскадрой крейсеров, сопровождавшейся россыпью скаутов. Биррелу хотелось надеяться, что орионцы будут введены этой лжеэскадрой в заблуждение. Если же они пошлют на всякий случай своих разведчиков, и кто-то из них сумеет подойти к «Пятой Лиры» поближе, то... То для десятков сугубо гражданских судов этот полет будет последним.

На соседнем экране был виден край обширного поля астероидов. Рядом с ним барражировали пять крейсеров Объединенного флота, игравших роль приманки. Основная часть кораблей адмирала Ланея находилась внутри потока каменных глыб, так, чтобы их невозможно было обнаружить даже с близкого расстояния.

Третий экран, высвечивающий направление из Плеяды, выглядел как обычно — только бархатная чернота космоса и звезды. И ничего больше.

— Почему они не идут, командор? — раздраженно спросил Гарстанг.— Неужто этот чертов командир скаута ошибся? Или план атаки в последний момент изменили?

Экраны вновь дружно засветились белым огнем. «Старзонг» качнулся так, что все находившиеся в радиорубке едва удержались на ногах.

Вихрь солнечного магнетизма захлестнул корабль, и радары были опять автоматически отключены. Система стабилизации парировала возмущение, и через несколько минут дрожание корпуса прекратилось.

Только тогда Биррел смог ответить Гарстангу:

— Не беспокойтесь, Джо, мы скоро узнаем, надул нас командир скаута или нет.

Гарстанг взглянул на него мутными глазами.

— Вы замечательно рассуждаете, командор. Только не забудьте — наших парней на кораблях трясет посильнее, чем нас. Не могут же они вечно сидеть в этой адской печке! У меня уже начинают мозги плавиться, как же себя должны чувствовать остальные?

Биррел промолчал. Это было единственное уязвимое место в его плане. Никто не знал точно, когда появятся эскадры Ориона. Если командир скаута ошибся хоть на несколько часов, то все мои мучения окажутся напрасными.

Время шло, но на экране с далекими огнями Скорпиона ничего не изменялось. Дышать становилось все труднее и труднее. Биррел чувствовал, как его сердце начинает заходиться от бешеных ударов. Глаза застилал пот, во рту пересохло. Остальные чувствовали себя не лучше. «Черт побери, больше часа мы не продержимся,— с тоской подумал Биррел.— А что же происходит на других кораблях?..»

— Вот они! — неожиданно заорал Веннер, указывая руками на экран.

Со стороны Скорпиона выплыл рой искр. Пока он был слишком далеко и ничем не отличался от обычного метеорного потока. Но уже через несколько минут можно было твердо сказать, что две эскадры в боевом порядке двигались в сторону Солнечной системы. Серебристый клинок был нацелен прямо на Землю.

На другом экране стало видно, как пять кораблей Объединенных Миров развернулись и двинулись навстречу непрошеным гостям.

«Старзонг» в очередной раз сильно тряхнуло, и экраны погасли на несколько минут. Гарстанг и Веннер вопросительно смотрели на Биррела, ожидая команды. Командор молчал. При мысли, что вот-вот начнется первая галактическая война, его, несмотря на жару, пробирал озноб.

Когда экраны вновь вспыхнули, пять кораблей ОМ уже вышли на линию огня. Несколько орионских крейсеров отделились от общей колонны и помчались навстречу немногочисленным защитникам Земли. Силы были явно не равны, но корабли ОМ, казалось, и не думали вступать в бой. Развернувшись, они бросились назад, в сторону пояса астероидов. Не дойдя до него несколько тысяч миль, они совершили головокружительные виражи и вновь вышли на линию огня. Последовал дружный залп, и корабли ОМ двинулись к поясу астероидов.

Один из преследовавших их орионских крейсеров вдруг ярко вспыхнул и исчез с экрана.

— Отлично сработано! — восторженно воскликнул Гарстанг. И тут, как по команде, все экраны радаров погасли.

Биррел вытер пот, обильно струившийся по лицу. Что ж, маневр адмирала Ланея частично удался, но только частично. К поясу астероидов удалось отвлечь сравнительно немного кораблей Ориона, остальные же почти в два раза превосходили численностью Пятую. Сейчас Земля лежала совершенно беззащитной на пути захватчиков. Там, в маленьком поселке Орвилл, Лиллин наверняка с тревогой смотрит в небо. И вместе с ней миллиарды землян, которые, сами того не зная, вверили ему, Биррелу, свои жизни.

— Командор, не пора ли...— начал было Гарстанг, однако Биррел молча покачал головой, не отрывая глаз от экрана.

Пятерке крейсеров ОМ все-таки не удалось в полном составе скрыться в поясе астероидов.

В нескольких сотнях миль от сверкающей россыпи один из них вспыхнул и исчез навсегда. Остальные успели нырнуть в россыпь сияющих искр. Корабли орионцев через несколько минут последовали за ними.

— Сейчас начнется,— прошептал Гарстанг.— Вот сейчас...

В ловушку попали восемь орионских крейсеров. Они быстро поняли, что оказались в опасном лабиринте, путь через который им был неизвестен, тогда как корабли ОМ чувствовали себя как рыба в воде. Каким-то чудом крейсеры пришельцев сумели развернуться и выйти из хаоса огромных каменных глыб, но путь им преградили почти два десятка кораблей землян. Завязалась отчаянная схватка. Орионцы компенсировали свою меньшую численность мощью оружия, и все же чаша весов качнулась в другую сторону.

Когда клубящийся вихрь распался, стало ясно, что с экрана исчезли пять кораблей пришельцев и всего два — Объединенных Миров.

— Это разозлит врага,— прошептал Биррел и с силой сжал кулаки.— Теперь они у нас на крючке.

Они смотрели не отрываясь на серебристый рой, продолжавший свой путь к Земле. Изменит ли он курс, поверит ли, что единственный щит Земли находится рядом, возле пояса астероидов, а эскадра Лиры уходит совсем в другом направлении?

Биррел едва не закричал от радости, когда обе эскадры Ориона внезапно перестроили свои ряды. Сверкающая колонна в течение нескольких секунд превратилась в конус, нацеленный на флот ОМ. Впереди острия конуса роились скауты, словно гончие, готовые начать травлю зверя.

Гарстанг умоляюще посмотрел на командора, но тот только молча покачал головой. Рано, еще рано...

Он выждал, когда облако скаутов приблизилось к флоту ОМ на расстояние, в пять раз превышающее дистанцию стрельбы, и кивнул Гарстангу:

— Пора, Джо.

Капитан тотчас бросился к передатчику:

— Командор Биррел приказывает...

Корабли Пятой через несколько минут присоединились к своему флагману. Выйдя из протуберанца, они перестроились в маршевую колонну и по крутой дуге взмыли над плоскостью эклиптики, нацелившись в пояс астероидов.

Это был опасный маневр для кораблей, опаленных плазменным огнем, но двигатели выдержали. Выдержали и люди.

Фантастический суперброс через половину Солнечной системы позволил Пятой оказаться с поясом астероидов почти одновременно с потерявшими бдительность эскадрами Ориона. Агрессоры очутились между двух огней. Никогда еще в истории такие силы не вступали в открытый бой, до сих пор столкновения происходили лишь между одиночными кораблями, да еще в пограничных областях, вдали от посторонних глаз.

Сейчас же армады двигались навстречу друг другу, готовясь без колебания уничтожить противника.

Галактическая война началась. И завязался первый бой...

Глава 19

Биррелу казалось, что бой в поясе астероидов продолжался целую вечность.

Экраны «Старзонга» показывали темный космос, пронизанный потоками астероидов — редких громад, напоминающих маленькие луны, и бесчисленных глыб, похожих на рой взбешенных ос. Среди них бесшумно неслись серебристые искры кораблей Пятой, молниеносно уворачиваясь от каменных монстров и уничтожая лучами лазеров обломки помельче.

На одном из экранов бокового обзора на мгновение вспыхнула и погасла звездочка — какой-то корабль исчез в пламени атомного взрыва.

— Командор, еще один крейсер противника уничтожен,— через несколько секунд раздался в коммуникаторе хриплый голос Брешника.— Наш тридцать седьмой получил серьезные повреждения двигательной установки и вынужден выйти из боя.

Гарстанг выругался сквозь зубы.

— Дьявол, куда подевались эти бравые вояки из флота ОМ? Мы совсем заплутались в этих каменных джунглях. Невозможно драться, когда приходится наносить удары почти наугад. Еще удивительно, как мы не перебили друг друга!

— Старину Ланея здорово потрепали,— ответил Биррел.— Нам придется сдерживать орионцев, пока земляне не перестроят свои ряды. Они скоро пойдут, потерпи, Джо. Битва только началась.

Битва? То, что происходило сейчас в поясе астероидов, меньше всего напоминало боевые действия, к которым Биррел долгие годы готовил

свою эскадру. Ни о какой стратегии говорить здесь не приходилось, и даже тактические действия по перестройке рядов, по выходу на наиболее эффективные огневые позиции, были в этих условиях бессмысленными.

А начался бой очень эффектно. Совершив головокружительный прыжок над плоскостью эклиптики, Пятая, словно лезвие топора, вонзилась в смертоносный клин кораблей Ориона и рассекла его пополам. Лазерные орудия поработали на славу — три крейсера противника были уничтожены прежде, чем орионцы поняли, что происходит.

Перерезав боевые порядки Ориона, Пятая стремительно развернулась, перестроившись в небольшие, далеко отстоящие друг от друга колонны, и вонзилась в «брюхо» врага, подобно остро отточенным стрелам. Одновременно корабли ОМ вынырнули из пояса астероидов и молотом расплющили острие клина. Казалось, судьба битвы должна решиться в считанные минуты...

Но орионцы были опытными, прекрасно подготовленными воинами. Даже после огромных потерь — а эскадры Соллеремоса лишились почти трети своих кораблей — флот Ориона оставался более сильным, чем Пятая и корабли ОМ вместе взятые. Командир Ориона поступил мудро, обрушив всю мощь своего огня на более слабого противника — флот ОМ. За считанные мгновения земляне потеряли четыре своих крейсера и вынуждены были беспорядочно отступить к поясу астероидов.

Это позволило орионцам перестроить свои ряды и двинуться навстречу Пятой в лобовой атаке, которая обычно давала преимущество тому, кто имел больше кораблей.

Биррел попытался развернуть свои корабли в широко раскрытый конус, который, как бы «охватывая» клин противника, мог смягчить силу удара.

Но было слишком поздно. У Пятой оставался единственный выход — как можно шире раздвинуть колонны и сосредоточить огонь по флангам орионцев. И все же потери оказались значительными.

Неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, если бы в пылу боя оба флота не подошли к краю пояса астероидов. Здесь, в окружении каменных глыб, противники почти потеряли друг друга и вынуждены были больше думать о собственной безопасности, чем о победе. А Ланей попрежнему оставался в глубине потока и не спешил на помощь.

Взглянув на движущиеся среди глыб искры, Биррел сказал в коммуникатор:

— Внимание командирам эскадрилий. Сблизить корабли. Повторяю: немедленно сблизить корабли!

Через несколько секунд искры немного сблизились. Внезапно пол под ногами Биррела провалился — это флагманский корабль совершил маневр поворота, уходя от столкновения с крупной каменной глыбой.

— Сэр, двадцать второй в левой колонне поврежден,— с горечью доложил Веннер.

На экране почти ничего не изменилось, только исчезла одна из серебристых искр. Но перед мысленным взором Биррела возникла ужаса-

ющая картина — огромный крейсер с сотнями членов экипажа сгорал в бушующем атомном пламени.

Командор перевел взгляд на другой экран, на котором отображалось происходящее в передней полусфере. На нем можно было смутно различить корабли противника. Что-то изменилось в их рядах...

— Джо, взгляни-ка: орионцы перестраиваются, чтобы нанести удар по нашему правому флангу,— сказал он.

Гарстанг вопрошающе посмотрел на него, но Бирррел не спешил отдавать приказы. Маневр орионцев мог оказаться и ложным. Если усилить сейчас правый фланг, то эскадры противника в полной мере используют свое численное преимущество и нападут на левый фланг и на центр. Если же ничего не предпринимать, то правый фланг окажется под угрозой уничтожения.

«К дьяволу, что там копается старик Ланей?» — с тоской подумал Биррел. У землян было достаточно времени, чтобы перегруппировать свои силы.

Медлить больше было нельзя, и Биррел глухо сказал в коммуникатор:

— Внимание, третья и пятая эскадрильи. Перемещайтесь в сторону...

Веннер неожиданно выхватил у него из рук микрофон.

— Черт побери! — заорал в ярости командор.— Да как вы смеете...

— Прошу прощения, сэр,— запинаясь, сказал Веннер.— Посмотрите, появились корабли землян!

Действительно, на нижнем экране из плотного потока астероидов выплыл сноп сияющих искр. Пренебрегая опасностью, они шли наперерез правой колонне флота Ориона. Биррел понял — старый адмирал был готов пожертвовать своими кораблями, спасая Пятую от гибели.

На правом фланге Ориона произошли быстрые перемещения — корабли Соллеремоса готовились встретить нового противника. Но их залп запоздал, крейсеры землян первыми нанесли разящие удары. Два крейсера Ориона вспыхнули, и флот ОМ нырнул в образовавшуюся брешь.

Это была самоубийственная атака — слишком не равны были силы противников. Но даже булавочный укол бывает неприятным. Орионцы на минуту потеряли голову и, забыв о флоте Лиры, в бешенстве обрушили огонь на землян. В мгновение ока строй кораблей Ланея был развеян.

Биррел отлично понял, что земляне ценой своих жизней дали ему шанс. И его надо было использовать.

— Немедленно перестроиться в клин! — закричал он.

Серебристые искры на экране пришли в движение.

Каждый корабль отлично знал свой маневр, они множество раз отрабатывали его во время учений. Колонны распались, и через несколько секунд острие клина вонзилось в армаду Ориона.

Командование противника не успело предпринять ответные меры. Могучий флот оказался рассеченным на две части. Левый фланг, относительно слабый, был серьезно потрепан кораблями Лиры, а право-

му волей-неволей пришлось сдвинуться в более плотные слои пояса астероидов. Здесь на него набросились остатки флота землян — словно обозленные волки повисли на тяжелых, неповоротливых медведях.

— Командор, посмотрите на этих земляшек! — в восторге закричал Гарстанг.— Мой бог, как славно они дерутся!

Действительно, ситуация внезапно изменилась, и не в пользу Ориона. Здесь, в поясе астероидов, тяжелые крейсеры потеряли свое преимущество. Они были куда менее маневренными, чем легкие корабли землян, и им приходилось сосредоточить свое внимание на потоке несущихся на них каменных обломков. Земляне то и дело выныривали из-за астероидов, наносили разящие точные удары и вновь скрывались за очередной каменной громадой.

Все радарные экраны засверкали от атомных вспышек, которые даже затеняли свет звезд. Обе стороны несли больше потери.

Битва рассыпалась на десятки яростных единоборств. Гарстангу пришлось работать в поте лица. Две схватки «Старзонг» успешно выиграл, но третий крейсер орионцев скрылся среди крупных астероидов еще до того, как орудия «Старзонга» успели сделать первый залп.

— Не нравится мне это,— пробормотал Гарстанг, напряженно вглядываясь в экраны.— В этом угольном мешке даже собственного носа разглядеть нельзя. Я уже не говорю о том, что в любую минуту в тебя может врезаться небольшая луна...

Он запнулся. Один из крупных астероидов, летевших неподалеку от «Старзонга», внезапно вспыхнул как свеча и исчез. Выстрел крейсера орионцев пришелся на ложную цель. Флагманский корабль ответил залпом изо всех орудий левого борта и сокрушил им немало глыб.

Битва между эскадрами Ориона и Лиры шла с переменным успехом, а вот флот ОМ сумел всласть отыграться на захватчиках. Старые, архаичные корабли, как разозленные осы, роились вокруг тяжелых неповоротливых гигантов с Ориона и наносили один разящий удар за другим. Крейсеры Соллсремоса, пытаясь уйти от противника, порой предпринимали отчаянные маневры, но по крайней мере для двоих из них это окончилось плачевно — встречные астероиды превратили их в пыль.

— Орионцам надо бежать, пока они еще целы,— насмешливо заметил Биррел.

И враг бежал. На экранах будто бы ничего не изменилось, но Веннер внезапно крикнул:

— Командор, они поворачивают к зениту! Смотрите, они уходят!

Действительно, корабли Ориона в панике стали выходить из пояса, уже не пытаясь сохранить видимость организованных действий.

— Командирам эскадрилий! — приказал Биррел.— Преследуйте врага, не давайте ему перестроиться!

Флот Ориона, теряя крейсер за крейсером, все же смог построиться в колонну. Но он сделал это, уходя на все возрастающей скорости не только из пояса астероидов, но и вообще из Солнечной системы. Пятая Лиры и

остатки флота ОМ бросились ему вслед. Пройдя орбиту странной планеты, опоясанной большим кольцом — Биррел никак не мог вспомнить ее название,— они рискнули увеличить скорость до маршевой, используемой только при межзвездных перелетах. Тем не менее дистанция до незадачливых агрессоров все возрастала. Пятую сдерживали тихоходные крейсеры ОМ, и с этим ничего нельзя было поделать.

— Командор Биррел, вы слышите меня? — в коммуникаторе послышался голос адмирала Ланея.— Как вы полагаете, они уходят из Солнечной системы?

— Думаю, да,— ответил Биррел.— По расчетам компьютеров они уже вышли на предельный режим своих двигателей. Они просто не в состоянии сейчас совершить маневр разворота.

— Но враг по-прежнему превосходит нас в численности!

— Верно. Вот только орионцы не могут быть уверены, что мы где-нибудь не прячем резерв, который может однозначно решить исход боя в нашу пользу. Однажды мы уже обманули их лжеэскадрой. Да и потери они понесли ощутимые. Но им не удастся скрыться! Адмирал, надо выходить на режим аварийного разгона, иначе их не догнать!

— Нет,— решительно возразил Ланей.— У меня приказ вести боевые действия только в пределах системы. Я должен связаться с Чартерисом и получить его «Добро». Включите видеосвязь, Биррел.

Биррел разразился таким изощренным проклятием, что даже Гарстанг посмотрел на него с завистью. Дьявол, до чего тупоголовы эти земляне! Разве можно не использовать такой замечательный шанс? Конечно, Пятая могла бы сама броситься в погоню, но она понесла немалые потери и одна не справилась бы с противником.

— Джо, почему эти политиканы всегда путаются у нас под ногами? — простонал Биррел.

Через несколько минут на экране коммуникатора появилось лицо адмирала Ланея и чуть позже — Чартериса. Председатель Совета выглядел дурно, под его покрасневшими глазами весели мешки, губы посерели, щеки тряслись. Было ясно, что последние часы были не лучшими в его жизни. Но голос его звучал твердо и непреклонно:

— Поздравляю вас, командор, вы великолепно провели операцию. Однако вести боевые действия за пределами Солнечной системы я разрешить не могу. Следуйте за орионцами до той поры, пока не станет окончательно ясно, что они возвращаются в свой сектор.

— Выходит, мы позволим им уйти? — дрожа от ярости спросил Биррел.

Чартерис сурово кивнул.

— Мы должны это сделать, командор. Когда пушки умолкают, начинают говорить политики. И для Земли крайне важно, что они скажут о битве в поясе астероидов, да и для всей Галактики тоже. Я уже подготовил заявление Совета ОМ. В нем говорится о том, что некая неопознанная флотилия, предположительно из неисследованной области Га-

лактики, совершила дерзкое нападение на Солнечную систему, но была отброшена Объединенным флотом Земли и Лиры.

— Бога ради, что вы делаете? — закричал Биррел, теряя самообладание.— Вы же умышленно даете Соллеремосу шанс выкрутиться!

— Совершенно верно,— усмехнувшись, подтвердил Чартерис.

— Но почему?!

— Мы выиграли битву, командор, благодаря вашей славной эскадре. Но мы не желаем ни выигрывать, ни тем более проигрывать в галактической войне. Ее просто не должно быть, мистер Биррел. Не должно!

Глава 20

Все сорок восемь часов, в течение которых Объединенный флот наблюдал за отступающими силами Ориона, Биррел не находил себе места. Подчиненные, включая даже Гарстанга, старались не попадаться разъяренному командору на глаза. Время от времени он навещал радиорубку и с отвращением перелистывал поступившие сообщения.

Политики действительно заговорили, да еще как! В Нью-Йорк, в Совет ОМ шли телеграмма за телеграммой. Сектора один за другим выражали свое восхищение действиями Объединенного флота, возмущались наглым нападением «неизвестного агрессора» и предлагали свою помощь в случае повторной атаки пришельцев из глубин Галактики.

— «Неизвестные агрессоры!» — кричал Биррел, в бешенстве раздирая информационные ленты.— Чушь! Все в Галактике прекрасно знают, откуда они взялись. Читать противно эту галиматью!

Одним из первых в адрес Совета пришло послание... от Соллеремоса. Губернатор, оказывается, был потрясен дерзкими действиями таинственных пришельцев. Сектор Ориона использует все свои возможности, чтобы установить, кто посмел напасть на мирную планету. В случае повторной агрессии Соллеремос готов немедленно послать на помощь Земли все свои эскадры. И прочее... прочее... прочее...

Биррела трясло от гнева, когда он читал это сообщение. Но Гарстанг отнесся к нему по-философски.

— Кто знает, может быть, все к лучшему,— спокойно заметил капитан.— Мы оставили Соллеремосу путь к почетному отступлению, и тот мудро им воспользовался. Иначе весь мир мог бы полететь вверх тормашками.

Биррел смерил его презрительным взглядом.

— Так вы думаете, что Чартерис был прав, остановив нас в шаге от полной победы?

— Полной? Помилуйте, Джей, это стало бы только началом вселенской резни. Галактика еще не знала ни одной глобальной войны, и слава

Богу. Ради спокойствия тысяч обитаемых миров можно примириться даже с тем, что этот мерзавец Соллеремос унес свои немытые ноги.

Биррел был готов разорвать друга на куски за эти слова, но... но он понимал, что старина Джо был прав. Только согласится ли с этим Фердиас? Да, Пятая выполнила приказ и не дала Соллеремосу захватить Землю. Тем не менее Биррел упустил уникальный шанс серьезно ослабить силы Ориона, уничтожив две лучшие его эскадры. Вряд ли Фердиас будет от этого в восторге...

Биррела не покидала тревога. Даже после того, как Пятая по разрешению Совета направилась назад, на Землю, он не находил себе места. Но когда эскадра Лиры вслед за флотом ОМ совершила посадку в нью-йоркском космопорту, ее ожидал сюрприз.

Приближалось время заката. Крейсеры Пятой стояли, словно воины-титаны, покрытые многочисленными шрамами. Это были не следы вражеских снарядов — от попадания атомных зарядов корабль давно бы превратился в пыль. Глубокие рубцы оставили пыль и обломки астероидов, которых не смогли вовремя уничтожить лазерные пушки.

Выйдя на пандус «Старзонга», Биррел мрачно осмотрел иссеченный, покрытый вмятинами корпус корабля. «Черт побери,— подумал он,— еще одна такая победаи я останусь без эскадры".

Командор крепко пожал руку подошедшему Брешнику.

— Все было отлично. Оставьте на кораблях только дежурный состав, а остальные пускай возвращаются в свои гостиницы. Людям надо отдохнуть. Постройте экипажи.

Через несколько минут усталые, хмурые астронавты строевым шагом направились в сторону ворот космопорта. К радости победы примешивались горечь воспоминаний о погибших товарищах. Пятая потеряла почти четверть своих крейсеров и половину скаутов.

Но колонна не успела дойти до выхода из космопорта. Навстречу ей ринулась толпа людей в черных формах флота ОМ. Вопя от восторга, земляне стали обнимать своих товарищей по бою, подбрасывать их в воздух, хлопать по плечам. Восторженные крики, словно раскаты весеннего грома, звучным эхом прокатились между опаленными солнечным огнем кораблями Пятой.

— Это еще что такое? — недовольно сказал Биррел, наблюдавший со стороны за радостной кучей малой.— Я не давал приказов «вольно».

— Бросьте, командор, сейчас можно забыть на время о дисциплине,— улыбнулся во весь рот Гарстанг.— Эти парни еще несколько дней назад дрались плечо к плечу с ними, разве вы забыли?

От хваленой дисциплины Пятой вскоре не осталось и следа. Астронавты с Лиры потеряли свою чопорность и надменность. Да, земляне летали на старых, примитивных посудинах, но они славно дрались и ценой огромных жертв сумели спасти Пятую от неминуемой гибели.

Вскоре на космодроме не осталось ни одного мрачного лица — за исключением Биррела.

— Отлично же мои парни подчиняются приказам,— проворчал он.— Мало я их муштровал, мало!

Однако в его голосе не было осуждения. Вскоре к командному составу пятой подошли четверо офицеров в черной форме флота ОМ. Впереди шел адмирал Ланей. Его лицо было как всегда суровым, но в глазах плясали чертики.

Он дружески пожал руку Биррелу.

— Примите мои искренние поздравления, командор,— сказал он сердечно.— Пятая была великолепна!

— Благодарю, адмирал,— ответил Биррел.— Пятая действительно справилась со своей задачей, но должен признать, что ваши умелые действия *немного* упростили дело.

Оба расхохотались и, отбросив все церемонии, по-дружески обнялись. Побеседовать им помешал Веннер. Он примчался словно вихрь с флагманского корабля и, отдав честь, выпалил:

— Прошу прощения, командор, вам нужно срочно прибыть на «Старзонг».

Сердце Биррела екнуло. Он отлично понимал, что его могли позвать назад лишь по одной-единственной причине. Пришло долгожданное послание от Фердиаса. Продолжая по инерции улыбаться, Биррел обратился к Ланею:

— Прошу прощения, адмирал, я должен идти. Надеюсь, мы сегодня еще побеседуем с вами тет-а-тет.

Ланей кивнул.

— Я понимаю, командор, у нас с вами есть неотложные дела даже в минуты триумфа.— Он посмотрел на бушующую черно-голубую толпу и задумчиво сказал: — Может быть, нам все-таки стоит для порядка сказать своим парням «вольно»?

Когда Биррел торопливым шагом вошел в радиорубку, его ждало два послания от губернатора Лиры — одно открытое, а второе — в закрытом коде, известном на Пятой одному лишь ее командору.

Первое послание было таким, какое он и ожидал: «Хорошая работа, командор! Весь сектор Лиры и я лично гордятся подвигом вашей славной эскадры Фердиас».

Биррел демонстративно оставил эту бумагу на столе, а шифровку унес к себе в комнату. Тщательно заперев дверь, он достал из сейфа таблицу шифра и занялся кропотливой работой. Пальцы его невольно дрожали.

Он прекрасно знал Фердиаса — губернатор мог одной рукой похлопывать вас дружески по плечу, а другой — всадить кинжал прямо в сердце. Второе послание могло оказаться совсем иным. Например: «Настоящим приказом вы отстраняетесь от командования эскадрой. Обязан-

ности командора Пятой временно возлагаются на Брешника". Или что-нибудь в этом роде...

Он вздохнул, прочитав первую расшифрованную фразу. Его худшие опасения, казалось, начинали сбываться.

«Кто сказал, что вы не дипломат, Джей? Никогда не думал, что вы сумеете так ловко выполнить и одновременно не выполнить мой приказ».

Вторая фраза оказалась совершенно неожиданной и окончательно сбила Биррела с толку:

«Передайте временно командование Брешнику. Поезжайте отдыхать в Орвилл и ждите там моих дальнейших указаний».

«Черт побери,— растерянно подумал Биррел,— что мне делать в Орвилле?» Не означало ли это конец его карьеры? Но почему?.. Разве не он победил в первой битве с превосходящими силами Ориона? Неужели ему предстоит отставка по «состоянию здоровья»?

Все это было вполне вероятно. Непонятно лишь при чем здесь Орвилл?

При других обстоятельствах этот приказ Фердиаса можно было оценить как желание дать командору Пятой небольшой отдых после отлично выполненной работы. Разве ему, Биррелу, не хотелось бы пожить недельку наедине с Лиллин, побродить по лугам, позагорать на берегу лесной речки? Конечно, хотелось.

Но с Орвиллом у него были связаны свежие и не очень приятные воспоминания. Таинственное исчезновение Кэрша, ночное нападение агентов Ориона, не очень дружественная встреча с Маллинсоном, схватка с орионским скаутом... Право же, для отдыха на Земле можно найти и другое местечко.

Что хотел сказать этим Фердиас? Казалось бы, Орвилл в прошлом: Кэрш мертв, Таунцер в руках спецслужб Земли, и угроза с Ориона вроде бы отведена. Да, большая политическая игра между секторами за власть в Галактике продолжается, но Орвилл в ней уже ничего не мог значить. Глупо полагать, что Фердиас вновь использует это засвеченное местечко для встречи его, Биррела, с другим агентом. Разве что губернатор захочет убрать своенравного командора чужими руками.

«Чушь, я стал слишком мнителен,— устало подумал Биррел.— Фердиас доволен моими действиями и дает мне отдохнуть в доме предков, на лоне природы... Только вот почему Фердиаса заботит, где именно я должен проводить свой отпуск? Подобные мелочи губернатора никогда не интересовали. Его предложение звучит как приказ, и в этом чувствуется что-то угрожающее. Но что?»

Внезапно он вспомнил слова Таунцера, произнесенные под действием лучей «детектора правды»: «Если Соллеремос не сделает этого, то Фердиас захватит Землю первым».

Почему ему так запали в память эти слова? Мало ли что мог наговорить убийца... Фердиас же ясно сказал: он не собирается нападать на Землю.

Да, Фердиас сказал это. Но разве губернатор не мог держать в голове нечто совершенно иное? Разве он не послал Пятую на Землю, ни словом не обмолвившись о своих действительных планах?

«К дьяволу все... Я просто устал. Нужно выспаться как следует».

Но Биррелу не удалось это сделать. В каюту постучал Веннер и доложил:

— Простите, сэр, вас хочет видеть господин Маллинсон.

— Только его сейчас и не хватало! — в сердцах воскликнул командор.— Ладно, пусть войдет.

Разговор оказался коротким.

Секретарь Совета выглядел так, словно у него болели все зубы разом. С трудом выдавив из себя подобие улыбки, он первым протянул руку Биррелу:

— Примите мои извинения, командор. Мои подозрения, к счастью, не оправдались. Вы великолепно провели бой с «неизвестным агрессором».

— Рад слышать такую высокую оценку моим скромным усилиям,— сухо ответил Биррел.— Чему обязан вашим визитом?

Оказалось, что Чартерис жаждет видеть командующего Пятой Лиры, чтобы лично выразить ему благодарность от имени Земли и всех Объединенных Миров. Отказаться было невозможно, и Биррел, проклиная про себя все на свете, поплелся вслед за Маллинсоном к автомобилю.

По дороге в Нью-Йорк они говорили мало. Секретарь Совета не очень-то был расположен к тому, чтобы расточать комплименты своему недавнему пленнику, и Биррел его не осуждал. В конце концов, почему земляне должны доверять Лире больше, чем Льву или Ксипехузам? Да, мы сражались бок о бок в поясе астероидов, но это еще ничего не значит. Земляне не могли знать, что на уме у Фердиаса, и он, Биррел, тоже не знал.

Нью-Йорк был переполнен ликующими толпами. Люди, съехавшиеся в город для празднования юбилея первого звездного перелета, теперь бурно отмечали победу Объединенного флота над «таинственными пришельцами». Лимузин Маллинсона с флажком ОМ с трудом прокладывал дорогу через запруженные людьми улицы.

— Этой ночью Нью-Йорк принадлежит вам, командор,— сказал Маллинсон.— Теперь ваших людей здесь примут не как почетных гостей, а как кровных братьев.

Биррел в ответ пробурчал:

— Надеюсь, моих парней не перепоят сегодня в стельку. Я и раньше не очень-то любил праздники, а теперь и вовсе терпеть их не могу.

Маллинсон хохотнул:

— Могу поручиться только за то, что земляне не дадут вашим астронавтам умереть от жажды.

Около парадного входа здания Совета ОМ бурлило такое веселье, что Маллинсон предпочел провести гостя через одну из незаметных боковых

дверей. Чартерис ждал их в своем кабинете, стоя у окна. Его лицо выглядело непривычно старым и утомленным, но глаза сияли от радости.

— Отлично, отлично, командор! — воскликнул он, увидев Биррела. Пылко пожав гостю руку, он добавил: — В первый раз в жизни я не нахожу слов, чтобы выразить мои чувства. От всей души благодарю вас — что я еще могу добавить?

Биррел впервые увидел Председателя Совета таким взволнованным. Перед ним стоял не опытный, всегда владеющий собой дипломат, а обычный пожилой человек, много переживший за последние дни.

— Садитесь, мистер Биррел,— гостеприимно сказал Чартерис, улыбаясь.— Я понимаю, как вы устали. К счастью, до начала празднования еще осталось несколько дней, чтобы вы и ваша эскадра могли отдохнуть и произвести необходимый ремонт. Кстати, я сегодня получил послание от Фердиаса.

Биррел вздрогнул.

— Вот как?

— Очень теплое послание,— сказал Чартерис.— Я, знаете ли, не самый сентиментальный человек, однако, прочтя его, был растроган до глубины души. У меня даже появилось ощущение, что когда-нибудь сектора захотят вернуться в Объединенные Миры и мы вновь заживем большой и дружной семьей. Как вы полагаете?

Напряжение Биррела спало, но не совсем. Он подумал, что вскоре действительно произойдут большие перемены, однако вряд ли они будут такими идиллическими, как полагал Чартерис.

Председатель Совета неверно истолковал его молчание и поднялся с кресла:

— Простите, командор, что я отнимаю время у усталого человека своей болтовней. Не буду вас больше задерживать. Когда нам удастся собрать всех членов Совета, мы попросим вас еще раз почтить нас своим присутствием. Кстати, где вы намереваетесь провести отдых? У нас на побережье есть великолепные курорты...

Биррел покачал головой.

— Спасибо, но я хотел бы вернуться в Орвилл, на ферму моих предков. Там осталась моя жена, и вообще сельская природа мне по душе.

Чартерис поднял брови:

— Вот как? Вам действительно нравится эта ферма? — Его глаза заблестели.— Отлично! В таком случае мы выкупим эту ферму и подарим вам в знак своей благодарности.

Биррел начал было протестовать, но Чартерис дружески похлопал его по плечу.

— Не возражайте, командор. Конечно, этот подарок слишком скромен, учитывая то, что вы сделали для Земли, но он кое-что для вас может значить.

— Спасибо, мистер Чартерис,— растерянно произнес Биррел, а сам подумал: «Черт побери, да здесь все вознамерились сделать из меня фер-

мера! Впрочем, не исключено, что и Фердиасу пришла в голову эта милая идея...»

Самому Фердиасу, конечно, одной старой фермы было бы мало. Он бы захотел получить всю Землю.

Глава 21

На следующее утро, когда Биррел и Лиллин завтракали, сидя на веранде, к ним заявился в гости Винсон. Сосед пришел пешком через поля, и его брюки до колен были мокрыми от росы. Вид у фермера был таким, будто он потерял окончательно терпение и готов пахать земли Биррела хоть голыми руками.

Живо взбежав по лестнице на веранду, Винсон неуклюже поцеловал руку Лиллин и по-свойски обнял Биррела, похлопывая его по спине.

— Наслышался о ваших подвигах в поясе астероидов, Джей! — воскликнул он.— Здорово вы дали прикурить этим бандитам с Ориона!

Биррел пригласил его сесть и налил две рюмки крепкого земного бренди.

— Выпьем за ваше здоровье, мистер Винсон,— сказал он, улыбаясь.— А также за здоровье вашей чудесной жены. Она так трогательно ухаживала за моей Лиллин, что мы и не знаем, как вас благодарить.

— Э, бросьте, Джей,— протянул Винсон, с удовольствием опрокинув рюмочку и с вожделением взглянув на почти полную бутылку.— Все это пустяки по сравнению с тем, как вы дрались в космосе с захватчиками.

— Думаю, вы были бы разочарованы, если бы увидели, как «дрался» я,— сказал Биррел, усмехнувшись.— Я даже от экранов ни разу не отошел, а моим личным оружием служил голос и электронные мозги компьютеров. Вы, мистер Винсон, вели себя куда эффектнее во время той ночной схватки с экипажем скаута, помните?

Фермер покраснел от удовольствия — он и сам считал, что внес решающий вклад в победу на лесной поляне. И почти все его соседи на десять миль в округе, которым он по секрету рассказал о схватке с орионцами, были с ним согласны.

Заметив черного кота, который с независимым видом развалился на стуле рядом с Лиллин, фермер сказал:

— Вижу, вы подобрали этого сорванца. И правильно сделали, хороший кот нужен в каждом фермерском доме.

Биррел в сомнении посмотрел на Тома, который даже и ухом не повел при виде гостя. Зверек явно чувствовал себя здесь хозяином.

— Не понимаю, чем может быть полезен этот маленький чертенок,— заметил командор.

Лиллин засмеялась и погладила Тома по спине. Тот недовольно повел пышными усами, давая понять, что только терпит эти ласки, не более того.

— А ведь кот признал вас, миссис Биррел,— хохотнул Винсон.— Я вижу, это стоило вам несколько фунтов ветчины. Уж больно округлились у этого разбойника бока за последние дни! Кстати, Джей,— ведь вы позволите мне называть вас так, по-соседски, верно? Не пора ли нам обойти ваши поля? Надо продумать план осенних работ. Я уже прикинул, как соберу урожай, пригоню всю свою технику и перепашу вашу целину разок-другой. Удобрения тоже не помешает внести, хотя земля долго отдыхала и способна на чудеса. Уверяю вас, Джей, вы соберете такой урожай кукурузы, что все наши фермеры ахнут!

Биррел успел совершенно забыть об обещаниях Винсона. Теперь, когда угроза стала очевидной, он поспешно попытался увильнуть:

— Благодарю, сосед. Боюсь, ваша помощь мне не понадобится. Мы с супругой должны в скором времени вернуться на Лиру, так что времени на сельхозработы у меня просто не будет.

— О, не беспокойтесь, я сделаю все сам! — воскликнул Винсон, глядя на командора влюбленными глазами.— Мои машины сейчас наполовину простаивают, я хоть сейчас могу послать пару роботов, чтобы они очистили ваши поля от сорняков. Уверяю вас, когда вы вернетесь, все ваши угодья будут иметь вполне приличный вид.

Биррел сдался. Этот простодушный человек так хотел сделать ему приятное, что отказывать было неловко.

— Буду очень благодарен вам,— наконец сказал он со вздохом.— Пойдемте, посмотрим на мои плантации, раз уж вам так не терпится. Лиллин, дорогая, ты согласишься немного поскучать в одиночестве?

Вегианка только улыбнулась в ответ. Был яркий солнечный день, легкие облачка сколькили по небу, сильный ветер нес влагу и прохладу. Винсон бодро шагал чуть впереди и говорил почти без умолку. План работ у него был давно продуман до деталей. Амбар требует основательного ремонта, особенно его крыша, заявил он. Фруктовые деревья запущены до предела, часть из них одичала и должна быть вырублена, а остальные нуждаются в основательной обрезке. Теплицы надо...

Биррел делал вид, что внимательно слушает, хотя его мысли сейчас были далеки от проблем переналадки роботов-тракторов на осенний цикл работ, ошибок погодного контроля и прочих фермерских забот. Его сейчас волновало совсем другое: как скоро от Фердиаса поступят новые указания. Было ясно, почему губернатор не захотел на этот раз воспользоваться шифрограммой. Конечно, два послания подряд могли дать возможность службам безопасности ОМ проникнуть в тайну шифра. Если распоряжение Фердиаса касались судьбы Земли, то риск был неуместен...

Реплика Винсона вернула его к действительности. Они шли по краю одного из полей, густо заросшему кустами шиповника и молодыми деревцами.

— Прежде всего надо избавиться от этого сора,— сказал Винсон.— Я запрограммирую робот-бульдозер, и он живо выкорчует эти чертовы кусты.

На некоторых кустах Биррел заметил мелкие темно-красные ягоды. Он сорвал несколько и понюхал.

— Эти ягоды съедобны?

— Конечно,— с удивлением ответил Винсон.— Дикий шиповник очень полезен, хотя и мелковат. В сыром виде его почти не едят, но сушеный дает прекрасный отвар, богатый витаминами. Неужели вы никогда не пробовали шиповника?

Биррел покачал головой и попробовал на вкус одну из ягод. Она оказалась несладкой, довольно терпкой, но по-своему приятной. Казалось, в ней сконцентрировалось тепло солнца.

На западе поля старой фермы примыкали к лесу, в котором не так давно состоялась схватка с экипажем орионского скаута. Днем он выглядел совершенно иным — уютным, ухоженным, с тщательно прореженным подлеском и аккуратными дорожками, усыпанными сухой хвоей. Небольшая речка струилась среди мшистых валунов. Кое-где на ее пути были устроены запруды, и речка в этих местах разливалась довольно широкими омутами. По берегам густо росли веерообразные растения — по словам Винсона, папоротник.

Затем соседи вернулись к дому.

— Спасибо, Винсон, я узнал массу полезного,— сказал утомленно Биррел.— Значит, по осени надо перевернуть плугами дерн, чтобы за зиму он перепрел? Очень интересно... А это еще что?

Он остановился, увидев рядом с домом старомодную машину. Дверца ее распахнулась, и из машины вышла симпатичная женщина средних лет в скромном, мышиного цвета платье, так не соответствующем ее цветущему лицу и прекрасной фигуре. Она тут же стала помогать выйти очень пожилой женщине со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом, париком соломенного цвета и большими очками в роговой оправе. Биррел невольно вздрогнул.

— О, боже,— простонал Винсон.— Это же заявилась старуха Савьер! Она, конечно, довольно добродушная особа, но заговорит вас до смерти, Джей. Прошу прощения, я уношу ноги. Я слушал эту миссис слишком много раз. Увидимся позже, сосед!

Фермер поспешно шмыгнул за амбар. Биррел испытал могучее желание сделать то же самое, но положение хозяина обязывало. Изобразив радушную улыбку, он поплелся навстречу гостям. Тем временем старуха пронзительным голосом руководила разгрузкой автомобиля. Женщина в сером, тяжело дыша, достала с заднего сиденья несколько узлов с

большими книгами, которым на вид было лет сто. Увидев Бирелла, она застенчиво улыбнулась.

— Прошу прощения, мистер Биррел, за наш внезапный визит. Я — Нетта Савьер, ваша соседка. Мама очень хотела вас увидеть перед тем, как вы снова улетите на звезды. Надеюсь, мы не побеспокоили вас?

— Нетта, замолчи,— сказала старуха, с задумчивым видом разглядывая командора.— Ну, конечно, вы — истинный Биррел. У вас типичный для вашей породы уродливый подбородок.

— Вы мне льстите,— улыбнулся командор.— Пойдемте в дом, миссис Савьер, мы с женой всегда рады гостям.

Опираясь на его руку, старуха торжественно поднялась по ступеням на веранду. За ними шла несчастная женщина, согнувшись под тяжестью связок с книгами.

Лиллин встретила гостей приветливой улыбкой.

— Очень приятно...— начала было она, однако старуха только махнула рукой.

— Так вы его жена? — спросила она, бесцеремонно разглядывая вегианку с головы до ног.— Что ж, красива, красива, да только как-то не по нашему... Выходит, газеты не врут, что на других звездах тоже живут люди. Надеюсь, милочка, муж не поколачивает вас с пьяных глаз, как делал его предок Николас Биррел.

— Мамочка, что ты говоришь...— с несчастным видом вздохнула Нетта Савьер, но старуха не обратила на нее внимания.

— Николас? — удивленно повторил Биррел.— Это еще кто такой?

— Николас Биррел, брат вашего прадеда, молодой человек,— отрезала старуха.— Все в Орвилле говорили, что он бьет свою жену. Я тогда была совсем ребенком и все же отлично помню, как его все осуждали. Почему бы вас не пригласить меня в дом, а? Здесь, на веранде, слишком прохладно.

Биррел распахнул дверь и провел миссис Савьер в гостиную, а затем помог ее дочери принести туда же толстые книги. Расположившись в кресле, старуха решительно отказалась от предложенного Лиллин кофе.

— Я сюда не за этим приехала, милочка,— сурово отрезала она.— Биррел, а вы чего стоите? Распакуйте эти альбомы и разложите их на столе. Из-за них я приехала.

Биррел с озадаченным видом выполнил приказ властной старухи.

— Мама с детства собирает фотографии своих соседей и хочет, чтобы вы на них взглянули,— объяснила Нетта Савьер, поймав его удивленный взгляд.

— Рад слышать,— с натянутой улыбкой сказал Биррел.— Вы ведь моя родственница, не правда ли, миссис?

— Ничуть не бывало,— отрезала старуха, оценивающе глядя на него.— Во мне нет ни капли крови Биррелов. Но мать моего мужа была в девичестве Биррел, и от нее мне перешли кое-какие семейные фото-

графии. Нынешней молодежи они вовсе не интересны, а для вас, Джей Биррел, здесь найдется кое-что любопытное.— Она повернулась к Лиллин и добавила сочувственно: — Я понимаю, голубушка, сколько хлопот вам должен доставлять этот Биррел. Я-то знаю, какое это беспокойное племя! Мой Савьер был копией своей матушки. Попил он из меня крови, позвольте доложить!

— Ну, не так уж мой Джей и плох,— улыбаясь, ответила Лиллин, но старуха уже не слушала ее. Она впилась своими белесыми глазками, упрятанными под толстые линзы очков, в хозяина дома.

— Так я и думала — у вас типичный угрюмый взгляд Биррелов. Они все, даже женщины, глядели словно волки на божий свет, хотя зла в них было немного. Да вы сами посмотрите...

Старуха раскрыла один из альбомов и стала не спеша его перелистывать, указывая скрюченным пальцем на выцветшие от времени фотографии и едко комментируя их.

Биррел и Лиллин сидели по обе стороны от нее и, вытягивая шеи, пытались что-то разглядеть на старых черно-белых фотографиях. Миссис Савьер знала все и про всех, так что Биррел вскоре мысленно проклинал ее на чем свет стоит. Зато Лиллин, казалось, получала истинное удовольствие от этой дурацкой ситуации, в которую угодил ее муж.

— ... а вот и нечестивец Николас,— сказала старуха, перевернув очередную страницу.— Я смутно его помню, но не сомневаюсь, что он бил свою жену. Люди зря говорить не станут. А вот и его отец Джо Биррел... нет, кажется, Джеймс...

Мелькали десятки, сотни фотографий, и Биррел уже начал дремать, как вдруг вздрогнул от очередного комментария миссис Савьер:

— ... тот самый Клив Биррел, который улетел отсюда на Сириус или куда-то еще, уже не помню.

Биррел нагнулся, чтобы лучше разглядеть своего прадеда. На фотографии он увидел приятного юношу с добродушным лицом и глубоко посаженными, немного мрачными глазами. У его ног стоял саквояж, который как семейная реликвия ныне хранился в доме Биррела на Веге.

— Вы очень похожи на него, молодой человек,— почти осуждающим тоном сказала старуха.

Биррел не заметил у прадеда ни малейшего сходства с собой, но спорить не стал. Зато Лиллин, к его раздражению, кивнула в знак согласия.

— Да, есть что-то похожее в выражении лица...

— А я о чем говорю! — торжествующе воскликнула миссис Савьер.— Такой же уродливый, тяжелый, как у боксера, подбородок.

Просмотр семейных фотографий продолжался почти час. Гости со звезд узнали массу любопытных сведений о своих соседях, и соседях своих соседей, и даже о тех жителях Орвилла, кто уехал из этих краев полвека назад. Наконец, старуха неожиданно захлопнула очередной

фолиант и заявила: у нее нет больше времени для таких глупых пустяков, она должна ехать домой.

Биррел с облегчением проводил старую женщину и ее молчаливую дочь до машины.

— Я оставлю у вас мои альбомы на некоторое время, Джей Биррел,— сказала миссис Савьер напоследок.— Но затем я вновь заберу их. Не для того я столько лет их берегла, чтобы они улетели на звезды! А ведь вы улетите на звезды, Джей Биррел, что бы там ни болтал этот пустомеля Винсон.

Когда автомобиль выехал на поселковую дорогу, Биррел повернулся и пошел к дому, заложив руки за спину.

— Отлично,— бормотал он.— Теперь мне покоя не видать. Люди со всей округи будут приходить, чтобы подарить мне камень, о который некогда споткнулся мой прадед...

Лиллин, услышав стенания мужа, покачала головой.

— Ошибаешься, Джей,— сказала она успокаивающе.— Пока ты дрался с орионцами, я немного узнала этих людей. Они по-своему деликатны и не будут нам мешать, хотя от всей души хотели бы устроить в твою честь праздник на всю долину.

Ее прогноз оправдался. До конца дня больше никто их не беспокоил.

Биррелу это тоже не понравилось. Вернулись все прежние тревоги. Его будущее окутывал туман, и расслабиться было невозможно. Малейший шум раздражал командора, но и сонное спокойствие, разлитое в окрестностях старой фермы, тоже действовало угнетающе.

Под вечер он не выдержал и связался с Брешником.

— Сэр, ничего нового нет,— доложил заместитель.— Идет работа по исправлению повреждений, и довольно быстро.— Он подробно остановился на ходе ремонтных работ, а затем добавил с раздражением: — К сожалению, у нас полно хлопот с личным составом. Нью-Йорк празднует победу и днем, и ночью, и наши парни тоже гудят вовсю. Дисциплина совсем расшаталась, я не знаю, что делать.

— Я ожидал этого,— сказал угрюмо Биррел.— У Гарстанга, должно быть, особенно много хлопот.

Брешник фыркнул.

— Еще бы. Не далее как прошлой ночью я сам помогал ему раздеваться, когда его принесли в каюту.

Биррел нахмурился.

— Передайте всему командному составу, что командование флота решило частично возместить наши потери в боевой технике.

К Земле сейчас должны приближаться четыре скаута из Второй эскадры.

— Сообщите немедленно, как только они прибудут,— сказал Биррел и отключил порто.

«Все ясно,— думал он, бесцельно бродя вокруг дома.— На одном из скаутов летит человек с посланием Фердиаса, которое губернатор не рискнул передавать даже секретной шифрограммой. Но что в этом послании?..»

Ночью Биррел почти не спал. Следующим вечером ему позвонил неугомонный Винсон. Он попросил Биррела навестить его. «У меня все готово, сосед,— с гордостью доложил фермер.— План работ по восстановлению вашего хозяйства продуман до деталей. Надо обсудить только кое-какие мелочи. Если сможете, приезжайте с вашей очаровательной супругой, моя Эдит будет очень рада».

Лиллин ехать отказалась, она себя неважно чувствовала, да и на кухне накопилось дел.

Вечер был тихим, ласковым, и Биррел к своему удивлению, решил пойти к Винсонам пешком. Солнце уже склонялось к волнистым холмам, висевшие на востоке многоэтажные облака окрасились в оранжевый свет. Небо было непривычного лимонного цвета. Очертания каждого дома, каждого дерева там, на горизонте, стали четкими, словно вычерченные рейфедером.

Солнечный свет постепенно менял свою окраску, и Биррел остановился посреди поля, завороженный удивительным великолепием земного заката. Кусты шиповника вокруг казались обгрызанными красными каплями крови. Со стороны лесной речки потянулись белесые слои низко стелющегося тумана. Над вершинами сосен медленно кружили две хищные птицы, выглядывая добычу.

Все вокруг казалось Биррелу чужим и одновременно хорошо знакомым. Что-то пробуждалось в его душе, какие-то давно молчащие струны тронул этот феерический закат.«И все-таки Винсон прав, я землянин в душе. С каждым днем я прикипаю сердцем все сильнее к этим деревенским местам. Да, мои корни были давным-давно обрезаны, но здесь, в Орвилле, они ожили. Это мой мир, каким бы архаичным и провинциальным он ни казался. Конечно, фермером я никогда не стану, но...»

— Эй, Биррел! — раздался чей-то знакомый голос.— Что-то вы засмотрелись на эти поля, старых друзей узнавать не хотите.

Он повернулся и увидел, как по направлению к нему идет человек, слегка припадавший на правую ногу. И хотя солнечный лучи слепили его, Биррел узнал гостя.

Нахмурившись, он пошел навстречу Фердиасу.

Глава 22

Косые багряные лучи не давали Биррелу как следует разглядеть лицо губернатора Лиры. Но глаза Фердиаса казались весёлыми.

— Прекрасное местечко этот Орвилл,— сказал губернатор, обняв Биррела.— Я глазам не поверил, когда нашел вашу гордую красавицу Лиллин, подметавшую пол на кухне под мурлыканье какого-то черного зверька. Никогда бы не подумал, что вегианке аристократических

кровей может понравиться жить в таком захолустье, а вот ей понравилось. Да и вы, Джей, смотритесь среди этих полей словно завзятый фермер.

Фердиас огляделся. Его золотистые цепкие глаза, казалось, впитывали каждую деталь пейзажа.

— Так вот на что похожа Земля вдали от города и космопорта,— задумчиво произнес он.— Любопытно, любопытно. Видите этих двух птиц? Ястребы! Об этом мне рассказал деревенский парнишка, у которого мы уточняли дорогу. На Веге нет таких птиц, Джей.

— Я так понимаю, ваш визит на Землю носит неофициальный характер? — осторожно спросил Биррел.

Фердиас покивал головой, не отрывая глаз от темной стороны леса.

— Вы правильно понимаете, Джей. Мой визит не только неофициальный, но и в высшей степени секретный. Эти подозрительные чинуши из Совета ОМ могли поднять тревогу, если бы я заявился сюда открыто. Я прибыл на Землю на одном из разведывательных скаутов и попросил Гарстанга сразу же привезти меня в Орвилл. Сюрприз для вас, верно?

— Конечно,— сказал Биррел.— Я думал, что вы никогда не покидаете Вегу-4.

— Да, я стараюсь, чтобы так думали все в Галактике. Для политика моего уровня совсем неплохо прослыть завзятым домоседом. Признаюсь вам, Джей, я чертовски люблю путешествовать и инкогнито побывал на многих мирах, и не только в секторе Лиры. Вот и сейчас почти никто в столице даже не подозревает, что я нахожусь на Земле. На подобные случаи у меня всегда есть под рукой парочка двойников... Впрочем, это все неинтересные для вас детали. Я хочу еще раз поблагодарить вас за победу в поясе астероидов. Дела идут совсем неплохо, командор!

— Они шли бы еще лучше, если бы мы догнали остатки эскадр Ориона,— с горечью ответил Биррел.

Он рассказал Фердиасу обо всем, что произошло после бесславного бегства противника. Губернатор внимательно выслушал его, а затем покачал головой:

— Чартерис ошибся. Нам не избежать войны. Соллеремос через некоторое время непременно попробует вновь атаковать Землю. А может быть, это сделает кто-то другой. Такова цена безнаказанности.

— Политика, опять политика,— вздохнул безнадежно Биррел.— Я чертовски устал от всего этого, Фердиас. К счастью, Пятая уже завершает ремонтные работы и на днях сможет отбыть домой.

Фердиас долго молчал, задумчиво глядя на багровое предзакатное небо. Сумерки быстро сгущались. Подул прохладный ветерок, насыщенный густыми запахами зелени.

— Нет, Джей,— наконец сказал он.— Пятая не полетит к Веге — по крайней мере, в ближайшее время.

Как ни странно, Биррела эти слова ничуть не удивили. Он подсознатель-

но ожидал этого с тех пор, как услышал о приближающихся к Земле скаутах. Взглянув на фермерские дома, в которых уже засветились окна, он подумал: «Жаль, соседи, что все так оборачивается. Вы не заслужили этого».

— Впрочем, транспорты с небольшой охраной надо отослать назад сразу же после окончания праздника,— хладнокровно продолжал Фердиас.— Но Пятая останется здесь, пока мы не убедимся, что Соллеремос не предпримет вновь попытку захватить Землю.

Биррел недоверчиво спросил:

— Губернатор, вы на самом деле считаете, что Орион попытается сделать это? После такого сокрушительного поражения, с потрепанными в бою эскадрами...

Фердиас резко прервал его:

— Попробует, можете не сомневаться. Не сегодня, так завтра. Не Соллеремос, так пройдоха Гианей, или скареда Стров, или кто-то другой из губернаторв. Если мы сейчас безответственно уйдем с Земли, то оставим ее практически беззащитной. Вы же сами знаете, что от ее флота остались лишь жалкие лохмотья. Мы не сможем гарантировать Объединенным Мирам безопасность.

— Но Совет может не согласиться...

— Согласится, Биррел. Я собираюсь заключить с ними оборонительный союз. Это ничуть не ущемит ни права Земли, ни самостоятельности ее действий.

— Да они швырнут вам договор в лицо, губернатор!

— Кишка тонка,— сухо сказал Фердиас.— Они видели, на что способна Пятая. В крайнем случае, у меня найдутся еще четыре эскадры.

Биррел почувствовал, как почва уходит у него из под ног.

— Простите, губернатор, я мало разбираюсь в политике, но все же рискну возразить вам!Я знаю этих людей, они никогда не согласятся на такой «союз». Земляне будут бороться за свою независимость!

— Чушь, полная чушь,— презрительно поморщился Фердиас.— Что вы несете , Джей? Не будет никакой борьбы. Конечно, чиновники из Совета ОМ поначалу поднимут крик, но я смогу с ними договориться. Если надо, не побрезгую даже взяткой, говорю вам откровенно. Ради мира в Галактике я готов пойти на все!.

Многого мне не надо. Земля должна будет со временем предоставить постоянную базу вашей эскадре, только и всего. Ну и, конечно, наша внешняя политика отныне будет скоординирована. Вот и все. Ни один другой сектор не мог бы предложить Земле лучшие условия. Теперь, когда эта планета получила жестокий урок, чиновники Совета будут куда уступчивее, чем вам кажется. Кстати, не пора ли возвращаться? Что-то я продрог.

Он пошли по узкой тропинке среди высокой травы, над которой уже сгущался туман. Кусты шиповника окатывали их брызгами холод-

ной росы, но Фердиас, казалось, даже не замечал этого. Он был весь во власти своих планов.

— Командор, как долго Пятая может продержаться здесь на собственных запасах?

— Где это — здесь? — мрачно спросил Биррел.— На Земле?

— Нет, пока нет. Не будем торопить события. Если Пятая останется на космодроме, кое-кто может воспринять это как попытку военного шантажа. Пока будут договариваться дипломаты, ваша эскадра должна отойти за пределы Солнечной системы. Но недалеко.

— Если Пятая остановится в парсеке или двух от Земли, то три или четыре недели мы продержимся,— задумчиво ответил Биррел.— Иначе без дозаправки в космосе нам до Веги не долететь.

— Три или четыре недели... Что ж, этого может и хватить для заключения Союза,— сказал Фердиас.— А в случае необходимости вы сможете растянуть этот срок хотя бы до двух месяцев?

Биррел раздраженно возразил, мысленно проклиная всех политиканов на свете:

— Разумеется, кислорода, воды и еды нам хватит и на больший срок, губернатор. Однако наши энергоресурсы почти исчерпаны. Если вновь придется вступить в бой, то...

— Об этом не беспокойтесь, о боевых действиях и речи идти не может! — нетерпеливо прервал его Фердиас.— Ладно, остановимся на четырех неделях. Если все пойдет нормально, то вы через некоторое время вернетесь на Землю, уже на собственную базу, и земляне сами снабдят вас всем необходимым. Я договорюсь об этом. О, да мы уже пришли.

На лужайке возле дома их встретил Гарстанг. Он с несчастным видом дежурил около автомобиля, поеживаясь от вечернего ветра. Увидев губернатора, капитан отдал честь с неожиданной для его массивной фигуры ловкостью.

— Вольно, вольно,— добродушно сказал губернатор.— Что это вы здесь скучаете, Джо? Шли бы в дом, помогли бы очаровательной миссис Биррел накрыть на стол. Мы с командиром вдоволь налюбовались местными красотами, и теперь у нас разгулялся аппетит. У вас есть земные вина, Джей?..

В гостиной они застали Лиллин, которая сервировала стол к ужину. Фердиас почтительно поцеловал ей руку и рассыпался в комплиментах, которые он закончил довольно неожиданно:

— ...А вам пошел на пользу воздух Земли, Лиллин. Надеюсь, вы им еще вдоволь подышите.

Вегианка изумленно взглянула на мужа, но тот только крякнул с досадой и пошел на кухню за бутылкой земного бренди.

Когда он вернулся, губернатор с задумчивым видом ходил по комнате, разглядывая старинную мебель и картины.

— Приятная обстановка, Джей, не правда ли? — сказал он, слегка касаясь кончиками пальцев резной дверцы книжного шкафа.— В этом

домс все дышит прошедшими веками. Пожалуй, жизнь в Галактике слишком стандартизировалась, все планеты стали на одно лицо. А Земля осталась сама собой и ничуть не стыдится своего архаизма. Нам просто жизненно необходим этот союз, Джей!

Ужин прошел очень весело. Губернатор был в отличном настроении и буквально сыпал остротами. Казалось, он решил во что бы то ни стало добиться руки и сердца Лиллин, и та, польщенная вниманием Фердиаса, сияла от удовольствия. Но губернатор, как всегда, был непредсказуем.

Посреди очень забавной истории из времен своей юности он внезапно посуровел и совершенно другим голосом закончил:

— ...Впрочем, все это пустяки. Мы уже, наверное, утомили миссис Биррел своей болтовней. Да и время позднее. Гарстанг, проверьте, не увели ли аборигены наш автомобиль.

Лиллин, пожелав гостям приятной ночи, стала подниматься наверх. Посреди лестницы она обернулась, и в ее глазах Биррел прочел тревогу.

— Итак, о наших планах,— как ни в чем не бывало продолжил губернатор, глядя прищурившись на бокал с вином.— Празднование этого дурацкого юбилея начнется послезавтра и продлится три дня. Пятая улетит сразу же после его окончания вместе с транспортами, а я, пожалуй, все-таки прибуду на Землю с официальным визитом. Я выступлю на Совете ОМ с предложением создать оборонительный союз. В двух парсеках от Солнечной системы вы, Биррел, выделите для сопровождения транспортов два крейсера и несколько скаутов, а сами будете барражировать в космосе до получения дальнейших моих распоряжений...

Поначалу Биррел внимательно слушал, стараясь по привычке не упускать ни одной детали, но затем почувствовал, что в его душе происходит нечто непонятное. Что-то родилось там, в глубине его подсознания, и с неистовой силой рвалось наружу, сметая все на своем пути. Наконец, он почувствовал, что его губы задвигались как бы сами по себе, произнося нечто совершенно немыслимое:

— Прошу прощения, губернатор, я не могу выполнить ваш приказ.

Никогда прежде ему не приходилось видеть на лице Фердиаса такого изумления.

— Что? Я не понял, Джей, повторите,— медленно сказал губернатор.

Биррел осторожно поставил недопитый бокал вина на стол и глухо продолжил:

— Я никогда не буду участвовать в ваших планах по захвату Земли, Фердиас.

Губернатор Лиры с проклятием вскочил на ноги. Его лицо побелело от гнева, губы мелко тряслись. Он не привык к возражениям. Более того, давным-давно он сумел добиться того, что даже самоубийцы ему не осмеливались перечить.

— Что с вами, Джей? — ледяным голосом спросил он.— Пере-

грелись на земном солнце? Кто говорит о захвате Земли? Я же не раз вам объяснял...

— Да, вы мне не раз объясняли свою политику по отношению к этой планете,— осмелился перебить его Биррел.— И каждый раз немного иначе: «Мне не нужна Земля, я хочу только того, чтобы ее не захватил Соллеремос»,— говорили вы. А сами, по сути дела, спровоцировали нападение эскадр Ориона, послав на Землю Пятую Лиры. Вы знали, что Соллеремос держит на границе Объединенных Миров две эскадры, и отлично понимали, что я в состоянии с ними справиться — конечно, при помощи флота адмирала Ланея. Вы все рассчитали до деталей, Фердиас! Теперь в глазах Галактики вы — спаситель Земли, а Соллеремос — агрессор, хотя прямо об этом не говорится. Флот Земли почти разгромлен, потому Совет должен стать уступчивее и согласиться на ваш замечательный «оборонительный союз». Но что за союз может быть у титана с карликом? Скоро вы добьетесь того, что большинство в Совете будут составлять ваши люди, а остальных сумете купить. Да, это будет мирный, бескровный захват Земли, но все равно захват! Я не желаю в нем участвовать.

— Чушь, Биррел, полнейшая чушь! — воскликнул Фердиас, трясясь от гнева.— А если бы даже это было бы правдой, то кто бы мог бросить в меня камень? Земля стала яблоком раздора между секторами, рано или поздно кто-то все равно захватит ее силой, и тогда галактической войны не избежать. Я же спасаю Вселенную, проделав то же самое мирным путем! Все жители звезд должны целовать мне руки, а вы объявляете меня едва ли не пиратом. И я знаю, почему вы это делаете, Джей.

— Почему же? — едва шевеля пересохшими губами, спросил Биррел.

— Потому что единственными, кто проиграл бы в случае выполнения моего плана, были бы земляне. Получив безопасность и стабильность, они частично утратили бы прежнюю архаичную самостоятельность. Небольшая потеря, но для этих нищих гордецов некоторое ущемление их прав действительно может быть неприятным. И вы, Биррел, в штыки восприняли мой план именно потому, что сами по крови землянин!

— О, дьявол...— пробормотал командор, изумленно глядя на взбешенного Фердиаса.— О чем вы толкуете? Если вам кажется, что именно из-за своего прадеда я...

— Бросьте, Джей, бросьте. Кого вы хотите обмануть? С вами все ясно.

Биррел хотел было возразить и не смог. Предположение Фердиаса было нелепым, смешным, но... разве Земля для него была чужой, как прежде?

Дни, проведенные в Орвилле, многое изменили в его взглядах на мир. Ни на одной из сотен планет он не встречал такого замечательного неба, таких пышных облаков и такого красочного заката. А тихий лес, ручей, струящийся между мшистыми валунами, ястребы, планирующие под кро-

нами осин? А простые, добродушные жители Орвилла?.. Даже пострел Том стал для него своим. На этой планете он впервые обрел *свой дом*.

И теперь все это он должен принести в жертву амбициям Фердиаса?

— Не понимаю, о чем вы говорите, милорд,— наконец сказал Биррел, твердо глядя в раскаленные глаза губернатора.— Но я никогда не стану запугивать орудиями Пятой ни Землю, ни ее славный космофлот.

Фердиас долго молчал, изучающе глядя на своего взбунтовавшегося командора, затем почти спокойным тоном произнес:

— Все ясно. С этого момента вы отстраняетесь от командования Пятой. Ваше место займет Брешник.

Бомба взорвалась, но Биррел, к своему изумлению, никаких особенных эмоций не почувствовал. Когда-то это должно было произойти.

— Брешник — хороший офицер,— кивнул Биррел.— Он будет повиноваться любым вашим приказам. Но подчинится ли ему Пятая, если вы прикажете начать боевые действия против Земли?

Губернатор Лиры нахмурился и, вновь усевшись за стол, нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Опять вы несете чушь,— нервным голосом произнес он после долгой паузы.— Не все мои астронавты так сентиментальны, как вы. Они выполнят любые мои приказы, можете не сомневаться.

— Вы так уверены, милорд? Почему бы вам не спросить, скажем, Гарстанга. Хотите, я позову его?

Губернатор нехотя кивнул. Биррел подошел к двери и подозвал капитана «Старзонга», который мерил шагами веранду. Выслушав вопрос Фердиаса, Гарстанг окаменел.

— Милорд...— пробормотал он, жалко улыбаясь.— О чем вы говорите... Да мне и в голову такое прийти не могло! Выступить против Земли...

— Не валяйте дурака, Гарстанг,— сурово сказал Фердиас.— Не такой вы простак, каким пытаетесь казаться. Думаете, я не знаю, какие разговоры вы вели с офицерами еще во время полета на Землю? Отвечайте прямо, иначе я разорву вас на куски, черт побери!

Гарстанг затрясся. Собрав всю свою волю, он с трудом выдавил:

— Не могу, конечно, ручаться, милорд, однако... Мы дрались с землянами плечо к плечу... Они сделали куда больше, чем было в их силах, больше того, они спасли Пятую от гибели... Я уже не говорю о том, как радушно наших парней встречали горожане... Конечно, приказ есть приказ...

— Что вы мычите, Гарстанг, говорите прямо! — прорычал губернатор, с силой ударив кулаком по столу.

— Милорд, что вы от меня хотите? — простонал Гарстанг.— Я не могу отвечать за всю эскадру, мне никто не поручал этого! Но я осмелюсь заметить, что немало астронавтов имеют корни на этой планете, и они испытывают к ней...

— Капитан, я хочу услышать прямой ответ: выполнит Пятая мой приказ выступить против Земли или нет?

Лицо Гарстанга заблестело от пота. Он выглядел как никогда жалко и все же нашел в себе мужество ответить:

— Клянусь Господом, я не знаю, милорд! Очень может быть, что и нет.

Фердиас мрачно кивнул, налил себе полный бокал и не спеша выпил. Его еще недавно пылающее от гнева лицо теперь казалось оледеневшим.

— Что ж, похоже, я ошибся в своих расчетах,— сказал он словно самому себе.— Я учел то, что Земля важна в галактической политике, но не учел, что она может оказаться важной и для рядовых людей. Да, об этом я не подумал...

Он замолчал, глубоко задумавшись. Биррел с Гарстангом обменялись тревожными взглядами. Оба понимали, что их судьба висит на волоске. Поймет ли губернатор, что оба немного блефовали? Они отлично знали, что на Пятой служат разные люди. Найдется немало и таких, которые готовы будут без колебаний сжечь Землю атомным огнем, даже не поморщившись.

Наконец Фердиас поднялся с кресла. Его лицо было непроницаемым.

— Забудьте все, о чем я говорил, господа. Как и намечалось прежде, Пятая примет участие в празднике и сразу же вернется на Вегу. А там видно будет. Игра еще не закончена, нет...

Он зашагал было к двери, даже не взглянув на обоих офицеров, но Биррел решительно преградил ему путь.

— Простите, милорд, если я разгневал вас,— грустно промолвил командор.— вы же знаете, я не дипломат, а обычный вояка, у меня все, что на уме, то и на языке. Я сегодня же передам дела Брешнику.

Фердиас пронзительно посмотрел на него, словно пытаясь проникнуть в душу своего бывшего друга.

— Джей, вы служили мне долгие годы верой и правдой, и я не могу этого забыть,— сказал он тихо.— Жаль, что вы проявили непростительное малодушие, жаль... Я не хочу, чтобы на вас тенью легло увольнение из космофлота. Так и быть, вы вернетесь на Вегу командором, а затем сразу же подадите просьбу об отставке по состоянию здоровья. Вы заслужили уход с почестями.

Сердце Биррела сжалось от боли.

Долгие годы они были друзьями с Фердиасом. Этот человек был безжалостным в гневе и никогда прежде не мог переступить через свою гордыню. Даже самые близкие ему люди, попав в опалу, не могли рассчитывать хоть на толику его великодушия. И все же губернатор Лиры сейчас поступился ради него, Биррела, своими принципами. Почему бы и ему не наступить себе на сердце и не склонить голову перед человеком, которого он почитал больше всего на свете?

Он уже хотел было протянуть Фердиасу руку, но лицо того внезапно вновь исказилось от гнева.

— К дьяволу все это,— процедил он сквозь зубы и, выскочив из гостиной, быстрым шагом направился к автомобилю. Гарстанг молча последовал за ним, даже не попрощавшись со своим командиром.

Вернее, своим без пяти минут бывшим командиром. Биррел стоял посреди гостиной, ошеломленно покачивая головой. Он никак не мог до конца осознать то, что только что произошло. За какие-то считанные минуты рухнула вся его карьера. Он остался один — без друзей, без своей эскадры, без Веги. Возможно, он потерял даже Лиллин.

И все же командор не чувствовал себя побежденным. Он посмотрел на старую комнату, на потемневшую от времени мебель, на ветки деревьев, колеблющиеся за окном. Что сделало с ним это место? Как он мог допустить такую глупость?

Лиллин медленно спустилась по винтовой лестнице, сочувственно глядя на мужа.

— Ты все слышала? — глухо спросил Биррел.

— Да.

Он подумал о вилле Лиллин на берегу моря, о ее многочисленных родственниках и друзьях, к которым она была так привязана, и с тревогой спросил:

— И что ты думаешь обо всем этом?

— Что я могу сказать? — усмехнулась жена и, подойдя к нему, положила ему на плечи руки.— Ты сделал самую большую глупость в своей жизни и одновременно самый мужественный и благородный поступок.

— Но я разом потерял все, что имел...

— Если бы ты поступил иначе, то потерял бы меня,— спокойно сказала Лиллин.— И не смотри на меня таким жалким взглядом. Все равно через несколько лет ты был бы вынужден уйти в отставку. Неужели тебя устроило бы тихое местечко в каком-нибудь министерстве? Так что жалеть особенно не о чем.— Она задумчиво осмотрела гостиную.— Я думаю, нам понравится здесь. Когда мы вернемся сюда — окончательно вернемся,— то сможем кое-что переделать по своему вкусу. Я не против старинной мебели, Джей, но только не на кухне! Да и обстановку спален надо сменить. Словом, дел у меня будет много.

— А что буду делать я? — мрачно спросил Биррел.

— Вряд ли из тебя получится фермер,— рассмеялась жена, взъерошив ему волосы и с любовью заглядывая в глаза.— Ты слишком ленив для такого кропотливого дела. Но флот ОМ будет, без сомнения, рад заполучить такого специалиста.

Биррел растерянно кивнул. Конечно же, Лиллин права, тысячу раз права, и все же...

— Я не могу оторвать тебя от твоего мира, милая! — воскликнул

он.— Ты будешь тосковать по родине и ревновать меня к Земле. Ты не будешь счастлива здесь, в нескольких парсеках от Веги!

Жена только улыбнулась в ответ.

— Да, мне придется нелегко, особенно поначалу,— призналась она.— Но ведь ты поможешь мне, верно? А что касается Веги... Признайся, Джей, ты не был там полностью счастлив. Планета моих предков так и не стала родной для тебя. Но здесь, на Земле, ты наконец обрел свой дом, а я уж постараюсь, чтобы он стал и моим тоже.

— Дьявол, почему, ну буквально все решают мою судьбу, даже не спросив моего мнения? — простонал Биррел, поглаживая жену по плечам.— Кто сказал, что я хочу провести остаток своей жизни именно здесь?

— А разве это не так, Джей? — тихо промолвила Лиллин, серьезно глядя на него, и Биррел не смог ответить «нет».

Он вновь взглянул в сторону окна, за которым бушевали на сильном ветре ветви деревьев, и выдавил в ответ только:

— Не знаю, милая. Посмотрим.

И грянул праздник.

Три дня над Нью-Йорком небо цвело от фейерверков, на улицах играли духовые оркестры, толпы людей со всей Галактики веселились и днем, и ночью. На космодроме бурлило людское море — всем, особенно детям, хотелось побывать на борту крейсеров Пятой Лиры, которая недавно спасла их мир.

Апофеозом праздника был полет первого звездолета. Прославленный ветеран вопреки скептикам все-таки сумел подняться в космос. С натугой облетев вокруг планеты, старый корабль каким-то чудом ухитрился сесть на космодром целым и невредимым.

На следующий вечер Винсон с женой вышли в поле, но не для того, чтобы по своему обыкновению полюбоваться закатом.

Было прохладно, западный ветер гнал рваные облака по быстро темнеющему небу. В разрывах между ними уже кое-где вспыхивали дрожащие звезды. Наконец, ветер принес издали первый раскат грома, который ждали Винсоны. За ним последовал второй, третий... Пятая Лиры улетала с Земли.

— Пойдем, милый, мне грустно смотреть, как улетают на эти ужасные звезды наши соседи Биррелы,— сказала миссис Винсон.— Особенно мне жаль бедную Лиллин. Ну скажи, что такой хрупкой и слабой женщине делать в космосе? Ума не приложу, почему она не захотела остаться.

Винсон хохотнул и добродушно хлопнул свою супругу по пышному заду.

— Не беспокойся, Эдит, прилетит твоя подруга назад, и очень скоро. Не случайно же они взяли с собой этого черного разбойника Тома. Кот будет страшно рад, когда его хозяева окончательно вернутся домой. В космосе небось за цыплятами к соседям не полазаешь.

Дождавшись последнего удара грома, чета Винсонов неторопливо вернулась домой. Поднимаясь по лестнице на веранду: фермер обернулся и посмотрел на дом Биррелов, едва различимый среди деревьев на другом конце поля. Окна в доме были темными.

Пока еще темными.

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

ГЛАВА 1

Вы — обычный человек, нормальный индивидуум. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня вокруг вас все рушится, расползается, как промокашка под дождем, и вы обнаруживаете, что шагнули прямо отсюда в бездонные черные глубины космоса, не имеющего ни начала ни конца, ни одной знакомой истины — соломинки, за которую можно было бы ухватиться.

Это и произошло с Нейлом Беннингом. Ему исполнился тридцать один год, он работал коммивояжером Нью-Йоркского издателя, был здоров, хорошо сложен и доволен своей работой. Он ел три раза в день, беспокоился из-за налогов и временами подумывал о женитьбе. Но все это было до его поездки в Гринвиль.

Все вышло совершенно случайно. Коммерческое путешествие по западному побережью, понимание того, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя сияющим весенним днем Нейл Беннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубую равнину неба с пятнышками облаков, перевел взгляд на широкую сонную главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвиль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло одно такси. Водитель, скуластый молодой человек с неописуемой кепкой на затылке, положил багаж Беннинга в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший.

— Отвезите туда багаж. Я пройдусь пешком,— ответил Беннинг.

Молодой человек посмотрел на него.

— В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Беннинг заплатил водителю.

— И все-таки я пойду пешком.

— Деньги ваши, мистер,— пожал плечами водитель, и машина отъехала.

Беннинг зашагал по улице, а свежий ветер прерий трепал полы его пальто. Бакалейная лавка, дом лесозаготовительной компании, железоскобяные изделия старого Хортона, парикмахерская Бела Паркера. Тяжеловесный параллелипипед мерии. На молочной закусочной появилась новая реклама — колоссальное изображение конусообразного стаканчика мороженого, а Хивей — гараж стал больше, добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Беннинг шел медленно, растягивая время, встречные смотрели на него с открытым дружелюбным любопытством жителей среднего запада, а сам он вглядывался в их лица, но ни одно не казалось знакомым. Да, десять лет отсутствия — это много. Однако, должен же встретиться хоть один знакомый, должен же кто-то поприветствовать его в родном городе! Десять лет — это все-таки не так уж много.

Он повернул направо у здания старого банка и пошел по Коллинстрит. Два больших, редко застроенных квартала. Дом-то в любом случае должен по-прежнему стоять!

Дома не было.

Беннинг остановился, огляделся по сторонам. Все верно. То же самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря.

«Сгорел,— подумал он.— Или перенесен на другое место.»

Но он с беспокойством чувствовал, что здесь что-то не так. Дом не так-то просто стереть с лица земли. Всегда что-нибудь остается — груда булыжника в том месте, где засыпан подвал, контуры фундамента, следы старых дорожек, деревья и цветочные клумбы.

Здесь же ничего похожего — лишь заросший сорняками пустырь. Казалось, здесь и не бывало ничего другого. Беннинг огорчился — дом, в котором ты вырос, становится частью самого тебя, это центр мира твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но кроме огорчения он чувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Грегги должен знать,— думал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца.— Если только они все еще живут здесь.»

На стук из-за угла с заднего дворика вышел незнакомый старик — розовощекий, веселый маленький гном, держащий в руках садовую мотыгу. Он был непрочь поговорить, но похоже, совершенно не понимал вопросов Беннинга. Продолжая покачивать головой, он, наконец, сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил никакой Джесс Беннинг.

— Это было десять лет назад,— объяснил Беннинг.— Наверное, до вашего приезда сюда...

Старик перестал улыбаться.

— Послушай, я — Мартин Уоллейс. Я живу в этом доме сорок два года,— спроси кого хочешь. И я слыхом не слыхивал о каком-то Беннинге. К тому же на этом пустыре никогда не было дома. Я то уж знаю, этот участок принадлежит мне.

Холодок неподдельного страха коснулся Беннинга.

— Но я жил в этом доме, который там стоял! Я провел в нем свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Греги, у них была дочь с двумя соломенного цвета «поросячими хвостиками » на голове, и мальчик по имени Сом. Я играл...

— Слушай,— прервал его старик. Вся его дружелюбность исчезла, теперь он выглядел наполовину рассерженным, наполовину встревоженным.— Если это шутка, то она не смешная, а если ты не шутишь, значит, ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Беннинг глядел на старика и не двигался.

— Как же так, вот и яблоня на краю вашего участка,— сказал он,— я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье. Такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился в дом.

— Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию,— с этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Беннинг свирепо смотрел на дверь, злясь на себя из-за того, что холодные иглы страха стали острее и вонзались в него все глубже.

— Тот старый маразматик просто свихнулся,— пробормотал он и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом через улицу, и направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Лькисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что же случилось.

— Лькисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок.— Нет, Лькисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Беннинг.— Здесь тогда жили они, а там, где теперь пустырь, — Беннинги.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я сама тут живу шестнадцать лет, а до этого жила в том сером доме — вон, третий отсюда. Я в нем родилась. Я здесь никогда не слышала ни про Лькисов, ни про Беннингов. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Беннинг. Тогда она пожала плечами и закрыла дверь. Беннинг еще некоторое время смотрел на эту

дверь, готовый грохнуть в нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую женщину и потребовать объяснений, что это значит — ложь, безумие или еще что-нибудь. Потом он подумал, что нелепо выходить из себя. Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! Может дело в дядюшкином участке, может, они боятся, что я имею на него какие-то права. Возможно, поэтому мне и лгали, пытаясь убедить в том, что я ошибся.

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Беннинг быстро пошел обратно к главной улице и по ней — к мэрии.

Там он объяснил служащей, чего хочет, и стал ждать, пока они просмотрят записи. Девушка не слишком торопилась, и Беннинг нервно закурил. Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, она раздражена.

— Дома рядом с номером триста тридцать четвертым никогда не было по Холлин-стрит,— сказала она.— Вот выписка о владении...

Беннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У.Уоллейс приобрел дом и участок номер 346 по Холлин-стрит вместе с прилегающим пустырем у Уотера Бергстрандера, сделка тогда же и была юридически оформлена. Пустырь так никогда и не застраивался.

Беннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте,— обратился он к девушке.— Посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве.— Он нацарапал на бумажке имена.— В списках умерших. Джесс Беннинг и Илси Робертс Беннинг.— Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, то уже не казалась раздраженной. Она казалась очень рассерженной.

— Вы что смеетесь? —спросила она.— Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок перед Беннингом и отвернулась.

Дверца в барьере была рядом. Беннинг толкнул ее и прошел внутрь.

— Посмотрите снова,— сказал он.— Пожалуйста... Они должны быть там.

— Вам сюда нельзя,— пятясь от него, сказала девушка.— Что за дела у вас? Я же сказала вам, что там нет...

Беннинг схватил ее за руку.

— Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Беннинг не пытался ее удержать, и она выбежала в холл, вопя:

— Мистер Харкнес! Мистер Харкнес!

Беннинг, стоявший в архиве, беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми книгами. Не понимая значения маркировки на

них, он решил свалить все книги с полок и искать в них доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги и на его плечо легла рука. Рука принадлежала невозмутимому крупному мужчине, сжимавшему в зубах сигарету. Вынув сигарету изо рта, мужчина сказал:

— Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Беннинг сердито начал:

— Слушайте, кто бы вы ни были...

— Харкнес,— прервал его невозмутимый мужчина.— Меня зовут Рой Харкнес, и я — шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Беннинг сидел в офисе шерифа и рассказывал свою историю в третий раз.

— Это заговор,— устало сказал он.— Не понимаю, почему, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощник, ни фоторепортер из городской газеты не засмеялись открыто. Но Беннинг видел усмешки, которые они не слишком скрывали.

— Вы обвиняете,— сказал шериф,— всех жителей Гринвиля в том, что они собрались и умышленно фальсифицируют записи в архиве, это серьезное обвинение. И какая же у нас была для этого причина?

Беннинг почувствовал тошноту. Он знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему бессмысленным кошмаром.

— Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? Он потряс головой.— Не знаю. Но я знаю, что этот старый маразматик Уоллейс лгал. Может быть, за всем этим стоит именно он.

— Только есть еще одно,— произнес шериф.— Дело в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И я могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года и что там никогда не было сооружения крупнее куриной клетки.

— Выходит, я вру? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами.

— Может, вы разработали какой-то план для вымогательства. Может, вам по какой-то причине нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Беннинг вскочил на ноги.

— Значит так — подтасовывать все факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — И он кинулся к двери.

Шериф подал знак, и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Беннинга и сноровисто за-

тащил его сначала в тюремную пристройку, примыкавшую к офису, а потом в камеру.

— Псих,— сказал репортер, глядя на Беннинга через прутья решетки.— Ты и сам не можешь придумать ничего правдоподобного, верно?

В каком-то оцепенении Беннинг смотрел на людей по ту сторону решетки, неспособный поверить в случившееся.

— Обман,— хрипло сказал он.

— Здесь нет обмана, сынок,— сказал шериф.— Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас — хорошо, тогда вам придется остаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой.— Он повернулся к помощнику.— Телеграфируйте этому Нью-Йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание — рост шесть футов, волосы черные, ну и так далее, как всегда в таких случаях.

Он вышел, а за ним и остальные. Беннинг остался один в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Беннингу все вокруг казалось мрачнее, чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И вот перед ним стоит вопрос: кто же лжет? Кто же сошел с ума? И он не может ответить.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Беннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа, шериф не приходил. Беннинг спросил об адвокате, ему ответили, чтобы он не беспокоился. Он снова сел и продолжал ждать. И беспокоиться.

Не имея других занятий, он перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были провалы и смутные, неопределенные воспоминания, но они есть у каждого. Кто запомнит все будничные дни своей жизни, в которые ничего не случалось. Его зовут Нейл Беннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвиле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнес.

— Я получил ответ из Нью-Йорка,— сказал он.— Здесь с вами все ясно.— Он внимательно рассматривал Беннинга через решетку.— Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почему бы вам не рассказать, что все-таки это значит?

— Если бы я сам знал...— хмуро отозвался Беннинг.

Харкнес вздохнул.

— Правда, вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

— До чего?

— Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Беннинги. Не было никогда и Греггов. А единственные Лькисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слышали о вас.— Шериф развел руками.— Что же я должен думать?

Беннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете,— сказал он.— Убирайтесь.

— О'кей.— Харкнес сунул что-то сквозь прутья.— В любом случае это должно вас заинтересовать.— И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Беннинг решил поднять брошенное Харкнесом. Это была местная газета за вчерашний день, вечерний выпуск. Там видное место занимал веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Беннинг знал — можно быть уверенным, что ее перепечатают и другие газеты.

Перечитав рассказ три раза, Беннинг начал думать, что скоро ему действительно понадобиться психиатр, а может быть, и смирительная рубашка.

Перед самым заходом солнца к камере подошел шериф и сказал:

— К вам посетитель.

Беннинг вскочил на ноги. Кто-то его вспомнил и докажет, что все рассказанное им правда!

Но человека, вошедшего в коридор, он не знал. Это был смуглый, крепко сложенный, массивный мужчина средних лет; одежда плохо сидела на нем, и, казалось, он чувствует себя в ней неловко. Мужчина шагнул через порог камеры, двигаясь удивительно легко для обладателя такого большого тела. Его очень темные глаза напряженно всматривались в Беннинга.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины не меняло своего выражения, но тем не менее, что-то неуловимое менялось во всей его массивной фигуре, по мере того как он изучал Беннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидавшего чего-то долгие годы, а теперь, наконец, увидевшего то, что он так долго ждал.

— Валькар,— тихо сказал он, скорее не Беннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба.— Кайл Валькар. Ушло много времени, но я нашел тебя.

Беннинг удивленно смотрел на незнакомца.

— Как вы назвали меня? Кто вы? Я никогда раньше не встречал вас.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я — Рольф, а ты — Валькар. И горькие годы миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руки через решетку и, взяв правую руку Беннинга, положил ее на свой, склоненный лоб жестом глубокого почтения.

ГЛАВА 2

Несколько секунд Беннинг, слишком изумленный, чтобы двигаться, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

— Что вы думаете? — спросил он, отскочив в сторону.— В чем дело? Я не знаю вас. И я не тот — как там вы меня назвали? Меня зовут Нейл Беннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Беннинга. Его лицо выражало любовь, такую, какую мог бы испытать отец к сыну или старший брат к младшему. Глубокую любовь, странно смешанную с почтением.

— Нейл Беннинг,— сказал человек, назвавший себя Рольфом.— Да, рассказ о Нейле Беннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация — человек, у которого украли прошлое.— Он тихо засмеялся.— Жаль, что они не знают правды.

У Беннинга появилась дикая надежда.

— Вы знаете правду? Скажите мне, скажите им, зачем это сделано?

— Я могу сказать тебе, — Рольф подчеркнул местоимение,— но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

— Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это? — Беннинг испытывающе посмотрел на Рольфа.— Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

— Да,— ответил Рольф,— я знал тебя ребенком и взрослым мужчиной. Но не сможешь ты меня вспомнить.— Выражение мрачного гнева появилось на его лице, и с дикой яростью он воскликнул: — Твари! Из всех зол, что они смогли причинить тебе, — лишение памяти...— Он прервал себя.— Нет, они могли сделать и худшее. Они могли убить тебя.

Беннинг от изумления раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились в его мыслях — старый Уоллейс, Харкнесс, краснолицая женщина...

— Кто мог убить меня?

Рольф произнес два имени очень тихо. Это были очень странные имена:

— Тэрэния. Джоммо.— Рольф внимательно наблюдал за Беннингом.

Внезапно Беннинг понял и отскочил от двери.

— Вы,— сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка,— вы безумны, как Шляпник.

Рольф усмехнулся.

— Естественно, что ты думаешь так,— так же думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, в одном он прав, — Нейл Беннинг не существует.— Он склонил голову в удивительно гордом поклоне и повернулся.— Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если ты не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Беннинг успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Беннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут у него была надежда, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем больнее было убедиться в собственной ошибке.

«Пожалуй,— саркастически подумал он,— теперь все лунатики страны будут набиваться мне в братья».

Вечером ничего не было слышно о том, чтобы кто-нибудь собирался внести за него залог. Впрочем, Беннинг на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Беннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасное. Теперь он мрачно думал о всей этой дьявольской подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец, Беннинг забылся беспокойным сном.

Его разбудило металлическое лязганье открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь, и только коридор был освещен. В дверях, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

— Идем,— сказал он.— Путь свободен.

— Как вы сюда попали? И где взяли ключ? — спросил Беннинг и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Беннинг закричал:

— Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен? — Он бросился к двери, пытаясь вытолкать незнакомца и закрыть ее снова.— Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! — Беннинг начал звать на помощь.

С сожалением на лице Рольф разжал левую ладонь, обнаружив маленький яйцеобразный предмет с линзой на конце.

— Прости меня, Кайл,— сказал он,— но на объяснения нет времени.

Линза засветилась тусклым мерцающим светом. Беннинг не ощутил боли, лишь легкий толчек и начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти. Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Беннинг пришел в себя в автомобиле. Он полулежал на сидении, а

рядом смотрел на него Рольф. Автомобиль мчался по степной дороге, и все еще была ночь. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, а снаружи была лишь безграничная тьма, которую не только не рассеивал, а наоборот, казалось, еще больше сгущал свет далеких звезд.

На заднем сидении тоже было темно, и Беннинг лежал, не шевелясь. Он подумал, что, возможно, Рольф не заметил, как он очнулся. Беннинг решил, что если нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

— Мне бы не хотелось делать это снова, Кайл,— сказал вдруг Рольф.— Не вынуждай меня.

Беннинг заколебался. Со своего места ему было видно, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив металлическое яйцо, он решил подождать, пока появится другая возможность. Беннинг почувствовал разочарование: с каким бы удовольствием стиснул бы он на горле Рольфа руки.

— Вы убили помощника шерифа, а может быть, и других,— сказал он.— Вы не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

— Ты ведь не умер?

— Да, но...

— Никто из тех людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам, и было бы бесчестно убивать их.— Рольф усмехнулся.— Терения удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Беннинг сел прямо.

— Кто такая эта Терения? Что это за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете — и вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Беннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешенной скоростью по ночной прерии — похититель — лунатик и его сообщник.

— Пожалуй,— сказал Рольф,— ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг, и что тебе нечего бояться.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал,— вздохнул Рольф.— И боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джеммо поработал над тобой слишком хорошо — он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Беннинг вцепился в край сидения, пытаясь взять себя в руки.

— А кто такой Джеммо?

— Правая рука Терении. А Терения — верховная и единственная

правительница Новой Империи... А ты — Кайл Валькар, а я Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был...— Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Беннингу.— Что толку?

— Новая Империя,— повторил Беннинг.— Ясно. Мания величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас.

— Цереброшокер,— произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремушка ». Не сводя глаз с Беннинга, он заговорил с водителем на том непонятном иностранном языке. Скоро вновь воцарилось молчание. Дорога стала хуже. Автомобиль замедлил ход, но недостаточно для планов Беннинга. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Беннинг сомневался в действенности металлического яйца. Цереброшокер, как же. Скорее всего в камере его ударили сзади чем-нибудь, вроде ружейного приклада или кастета. Сообщник — водитель — легко мог войти внутрь и встать за спиной Беннинга, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнул сильный порыв ветра.

Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение.

Беннинг чутко улавливал движение машины и, когда она помчалась по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Оно действовало.

Но на этот раз Беннинг не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было регулировать, и Рольф не хотел, чтобы Беннинг совсем лишился чувств. Беннинг по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя и не как обычно. Все, что он видел и слышал, было словно бы за кадрами кинофильма, никак не связанного с ним.

Он видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец машина остановилась, и он услышал голос Рольфа, мягко уговаривающего его выйти. Беннинг ухватился за руку Рольфа, словно ребенок за руку отца, и позволил вести себя. Тело его двигалось, но сейчас оно не было его собственностью.

Снаружи дул холодный порывистый ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете стал виден автомобиль и трава прерии. Стали видны водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. Стала видна металлическая стена, блестевшая, как зеркало. Она тянулась футов на сто по горизонтали и выпукло поднималась вверх.

В стене были отверстия, которые являлись иллюминаторами и дверью корабля.

Из него вышли люди, одетые в странные одежды и говорившие на

странном языке. Они шли вперед, а Рольф, водитель и Нейл Беннинг двинулись им навстречу. Вскоре они встретились на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Беннинг смутно понял, что все смотрят на него, и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар! » Как бы ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу Беннинга при звуке голосов, повторявших это слово тоном, в котором дико смешались почтение и ярость, отчаяние и надежда.

Рольф подвел его к открытому люку.

Он тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Нейл, я везу тебя домой.

ГЛАВА 3

Комната, в которой оказался Нейл Беннинг, была больше и немного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем не менее, это тоже была тюрьма. Он обнаружил это, как только полностью очнулся — кажется, он снова на некоторое время терял сознание, но не был вполне в этом уверен. Так или иначе он поднялся и обследовал двери. Одна вела в довольно странную комнату, оборудованную под ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не было вовсе. Металлическая стена была цельной и гладкой. Комната освещалась сверху каким-то невидимым источником света.

Несколько минут Беннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и пытаясь думать. Он вспомнил загадочный кошмар, свет в прерии и огромный серебряный корабль. Кошмар, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, который называет себя Рольфом. Черт возьми, кто же этот Рольф, и почему именно он, Беннинг, стал жертвой его мании.

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как? Что за имя там было? — Да, как Валькара. Наверняка сон. Правда, яркий, но все-таки сон.

Или все же это было наяву?

Нет, все это не сон. Нет окон. Нет ощущения движения. Нет ни звука — впрочем, если прислушиваться, один можно различить. Скорее это была едва заметная вибрация, словно где-то билось огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате.

Внезапно все чувства Беннинга ненормально обострились, и он понял, что все в комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы — все,

начиная с водопровода и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже его собственное тело казалось незнакомым — его вес изменился. Беннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-водитель поклонился Беннингу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Беннинг не мог напасть на обоих сразу или обойти их. Теперь на них были такие же одежды, как на людях из кошмара — нечто вроде туники, а на ногах — облегающие гамаши. Одежда выглядела удобной, функциональной, если угодно,— и совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив другого снаружи. Беннинг успел увидеть узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в конце комнаты прежде, чем Рольф закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Беннинг.

— К настоящему моменту,— ответил Рольф,— мы преодолели довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют значение для тебя.

— Я этому не верю,— сказал Беннинг. Он и в самом деле не верил. Но в то же время он подсознательно понимал, что это правда. Сознание этого было ужасно, и мысли его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл,— сказал он,— ты должен поверить мне. И моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал скрытую кнопку, и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

— Это окно не настоящее,— продолжал Рольф,— это видеоэкран, на котором очень сложное и умное устройство репродуцирует картину, которую невооруженный глаз не в состоянии разглядеть.

Беннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которую с воплем падал его корчившийся мозг, затерявшийся в равнодушной бездне. Но свет...

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их сочетания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове Беннинга громовыми раскатами, он падал и падал в глубины блеска и тьмы, он...

Беннинг зажал ладонями уши и отвернулся. Он упал на постель и остался лежать, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор.

— Теперь ты мне веришь?

Беннинг что-то простонал.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логически

ты должен поверить и в существование цивилизации, способной строить такие корабли, и в культуру, для которой звездные корабли обычны и необходимы.

Беннинг, чувствующий себя больным и разбитым, сел на постели, цепляясь за ее успокаивающую неподвижную поверхность. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул свой последний аргумент:

— Мы не движемся... Если бы мы двигались быстрее света — а это само по себе невозможно, уж настолько-то я разбираюсь в физике! — то было бы ощущение ускорения.

— Это не механическое движение,— ответил Рольф, становясь так, чтобы ему было видно лицо Беннинга.— Тут нечто вроде силового поля, и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности...— Он усмехнулся.— Пока я искал тебя на земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, провозглашавшей скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики замечали частицы, движущиеся быстрее света, их объяснения — отговорки, что, мол, это только фотоны, не имеющие массы,— лишь попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Беннинг недоверчиво воскликнул:

— Но звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю, и тем не менее никто на Земле не знает об этом — такое невозможно!

— Просто,— сухо сказал Рольф,— в тебе говорит земной эгоизм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения — сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотку. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами — слишком много хлопот, а толку почти нет никакого.

— Ладно,— сказал Беннинг, поднимая руки,— сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая — как вы сказали? — Новая Империя. Но я-то тут причем?

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл,— сказал он,— ты должен поверить мне. И ты — часть всего этого. Очень важная, я бы даже сказал, самая важная.

— Вы ошибаетесь,— устало произнес Беннинг.— Говорю вам: меня зовут Нейл Беннинг, я родился в Гринвиле, штат Небраска.

Он умолк, услыхав смех Рольфа.

— Ты провел веселенькие два дня, пытаясь доказать это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар. И родился ты в Катууне, древнем городе Королей, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память,— ответил Рольф.— Ученые Новой Империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки, тебя, пленного, привезли туда уже

со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он тщательно имплантировал синтетическую память в твой мозг, и когда тебя отпустили, у тебя уже было новое имя, новый язык, новая память и жизнь! Кайл Валькар исчез навсегда, остался землянин Нейл Беннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

— Угрозы? — протянул Беннинг.

— О, да,— глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем.— Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой Империи.— Он начал нервно ходить, словно не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Беннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил много потрясений, одно за другим и теперь его уже ничто не удивляло.

— Новой Империи,— повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство.— У власти эта кошка Терения, и искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар — угроза для них.

— Но почему?

Рольф загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой Империи — Звездной Империи, правившей половиной Галактики, девяносто тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих повелителей.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя такое воспринимать и дальше.

— Итак, я не земной Нейл Беннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я император?

— Нет, Кайл, еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором.

Беннинг решительно сказал:

— Я Беннинг. Я это знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились.

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

— Ничего ты не расскажешь,— смуглый гигант говорил сквозь зубы.— Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они также считают, что память вернулась к тебе, и в этом они ошибаются.

— Тогда вы признаете, что обманываете их?

— Только в этом, Кайл, они не отважились бы на это предприятие,

зная, что к тебе еще не вернулась память! Они не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

— К Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову — если они узнают, что ты не помнишь, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джеммо. Но на этот раз тебя не отправят в изгнание — тебя убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Беннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да, Джоммо проделал с тобой дьявольски чистую работу.

— Тогда как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл,— уклончиво ответил Рольф.— Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду и я.

Несколько мгновений Беннинг не мог понять, потом уловил суть.

— Вы имеете в виду, что я узнаю язык от вас?

— ВСПОМНИШЬ, да.

— Хорошо,— после секундного раздумья сказал Беннинг.— Если это все, что я должен сделать...

Говоря эти слова, он поворачивался и, внезапно прыгнув, оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

— Извини, Кайл,— задыхаясь сказал Рольф, и тогда массивные мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямившимся тугим пружинам, и Беннинг обнаружил, что летит к стене. От удара у него перехватило дыхание, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Прежде чем выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем городе Королей с меня бы заживо содрали кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь.— И он вышел.

Оставшись один, Беннинг сел, долго так сидел у металлической стены, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что рассудок мутится, пытаясь вырваться из тисков окружавшей действительности.

«Я — Нейл Беннинг, и я сплю, а все, что я вижу, — только сон... »

Он с размаху ударил по стене кулаком. Боль в костяшках была достаточно убедительной, и на них показалась кровь. Нет, это не помогало.

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальна и эта Новая Империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но все-таки я — Нейл Беннинг.

Не Кайл Валькар — о нет! Если он только позволит себе поверить в то, что он был совершенно другим человеком, человеком со звезд, с

прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное «я» заколеблется и исчезнет, как дым, и он станет никем...

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о звездной империи, но о Земле знают, знают земные обычаи... языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такое тайное посещение. Они прилетели, захватили Нейла Беннинга, а теперь летят обратно. Все это делается с какой-то определенной целью...

Для какой-то грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных королей. И он, Нейл Беннинг, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром, пошел на эту роль. Он стал пешкой в этой игре, а для того, чтобы эта пешка была как можно лучше, Рольф пытался доказать, что он и е с т ь Кайл Валькар!

Беннинг тщательно пытался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от столкновения, от открытой вселенной, от понимания того, что он и в самом деле находится на космическом корабле. Но он должен даже и в этом невероятном положении драться за себя.

«Сначала — как можно больше узнать,— подумал он. Прежде чем что-нибудь предпринять, надо узнать, куда они доставят меня, что собираются со мной делать. Мне нужно знание... »

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную. Белая туника была изготовлена из великолепной материи, драгоценные камни образовывали на груди стилизованный рисунок — ярко пламенное солнце. Беннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном — надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара,— довольно проворчал Рольф.— Ты должен и говорить, как он. Ну, время пока есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в каюте на своем языке. Затем Беннинг выучил слова, означавшие «звезда», «король», «империя».

— Рольф.

— Да?

— Это самая Старая Империя, которой правили Валькары... Вы говорили, что это было девяносто тысяч лет назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впавших в совершенную дикость, как, например, Земля.

Беннинг вздрогнул.

— Земля? Она была частью Старой Империи?

— Да. Как и половина Галактики,— хмуро ответил Рольф.— Когда произошла катастрофа, когда пала Старая Империя, контакты с отдален-

ными окраинами мира совершенно прекратились. Не удивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьянник. Так было на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в эти и следующие визиты, начали складываться для Беннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя! Империя Валькаров! Они правили из Катуука на Антарссе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти галактических лордов и не однажды захлебывались неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части Галактики Валькары готовят таинственное ужасное средство, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва называла его Молотом Валькаров и утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в Галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнью и смертью. Разгорелось восстание, а потом гражданская война, которая уничтожила Старую Империю. Множество далеких систем и миров, в которые не приходили больше звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако несколько звездных миров сохранили свою цивилизацию и технику. У них оставалось несколько исправных звездных кораблей и эти несколько миров, центром которых была система Ригеля, они стремились соединить вновь все больше и больше миров в единую цивилизацию. Это было началом Новой Империи, которая провозгласила отказ от помпезности и гордости воинственной Старой Империи и наступление новой эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул:

— Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое-кто все же помнит древних королей-Валькаров, которым звезды были как подставки для ног!

— А эта штука, из-за которой началось восстание,— спросил Беннинг,— то, что вы назвали Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него.

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты — единственный, кто ее знает.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа.

— Так вот почему Кайл Валькар — такая важная фигура!

— Именно так! — сурово ответил Рольф.— Ты рассказал мне, толь-

ко мне, что Молот находится на одной из планет, затерянных в скоплении Лебедя. Ты сказал, что, имея карты девяностотысячелетней давности, ты сможешь найти эту планету.— Переводя дыхание гигант угрюмо продолжал: — Ты почти добился успеха, Кайл, ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле, и отправился в скопление Лебедя. Но Терения и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую звезду. И теперь никто не знает тайны, где спрятан Молот.

Для Беннинга все это звучало дико и неправдоподобно. Он так и сказал, и добавил:

— Почему же они, для пущей надежности не убили человека, знающего такой секрет?

— Джоммо так бы и сделал, и с радостью,— саркастически ответил Рольф,— но Терения не решилась. Женщина, даже такая, как Терения, не может править Империей.

— И ты пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? —решил прозондировать почву Беннинг.— С той горсткой людей, что на этом корабле?

— Будут и другие, Кайл. Мы отправили им послание, и они соберутся у Кауутуна. Немного, но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

— Но его у нас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл, но, возможно, скоро будешь знать!

Когда Беннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже, а пока, прежде всего, ты должен выучить язык. Я рассказал, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю. И что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое,— напомнил Беннинг.

— Ивайр? Он не опасен, это мой человек, но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты должен показаться перед ними скоро, как Кайл Валькар.

Язык давался Беннингу легко. Слишком легко. Потому что язык был страшно сложен, выдавая каждым словом свой возраст. Тем не менее, Беннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для произношения звука, словно знания были уже в его мозгу, дремлющие и лишь ожидающие пробуждения.

Беннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвиле говорили правду, что Нейл Беннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то трюк, Рольф как-то сумел загипнотизировать людей в городке — только умный план, вот и все.

На корабле для Беннинга не существовало ни дня ни ночи. Он ел, спал, обучался; наконец Рольф сказал:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди, твои люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я им сказал, что ты выздоровел.

Беннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой камере, то он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

— Вперед! — сказал он себе.— Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-то предпринять.

Дверь открылась. Рольф встал в стороне, пропуская его вперед. Беннинг вышел в коридор.

— Сюда,— прозвучал в его ушах голос Рольфа.— Направо. Подними голову. Веди себя, как подобает сану королей.

Коридор вел в офицерскую кают-кампанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф объявил:

— Валькар!

Они глядели на Беннинга голодными, отчаянными глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде, чем успел произнести хоть одно слово, человек с лицом, напоминающим волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Беннингу:

— Ты не Валькар.

ГЛАВА 4

Тишина, последовавшая за этими словами, длилась, казалось, вечно. И в этой тишине Беннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося... Ну вот и все. Его раскусили. Что же теперь? Беннинг вспомнил предостережение Рольфа — плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что если сумеет наболтать что-нибудь высокопарное, то, может, удастся выкрутиться, но язык отказывался повиноваться. Он еще не мог заставить язык произнести хоть какой-то звук, как волчьелицый поднял бокал с вином и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя прежде, мы будем сражаться за тебя снова! И на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащим тебе по праву.

— Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели в металлических стенах. Напря-

жение покинуло Беннинга, но зоркие сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение, и вновь раздались восторженные приветствия. Из потайных уголков сознания Беннинга неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может и быть иначе, что эти люди по праву и чести приветствуют его как своего вождя. Беннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях...— Он запнулся. Прошло несколько секунд, и он увидел, как на лице Рольфа выражение удовлетворения быстро сменяется тревогой. Неожиданно Беннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучится, пусть попотеет, пусть преданно и верно послужит Валькару.— Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Беннинга бокал.— Господа! Я дам вам в ответ Старую Империю и свободу звездам!

Гром новых приветственных криков едва не оглушил его. Беннинг повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

— Коротко, но эффектно, не правда ли? — и осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Беннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него нечто приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасными. Несмотря ни на что, Валькар остался Валькаром. Я знаю, я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Рольф одного за другим представил Беннингу офицеров. Скраны, Ландольф, Крист, Фельдер, Бурри, Тавн — они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Беннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Беннинг из штата Небраска. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогая находить умные слова и держаться властно. Беннинга изумило, как легко ему давалось быть гордым и властным.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-кампанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Беннинг чуть ли не слышал, как у юноши лопаются жилы от напряжения.

— Капитан Бехрент шлет свои приветствия,— сказал ординарец,— и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в облако...

Резкий свист, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене громкоговорителя, заглушил последние слова. Голос, раздавшийся после свистка, приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться, смеясь и говоря:

— Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через облако пройдем легко, раз у руля будет Валькар.

— ... будем входить в облако,— повторил ординарец,— и капитан уступает...

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали ему заговорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Беннинга, сказал просто:

— Сэр, все мы будем чувствовать себя увереннее в своей безопасности, если сейчас вы будете нашим пилотом.

«О, Господи»,— подумал Беннинг в отчаянии и взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся, когда ординарец шагнул назад, сказав:

— О, да, ты один из величайших космических пилотов. Для того чтобы стать королем звезд, ты должен быть хозяином космоса, и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу...— пробормотал Беннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь, и времени на разговоры не оставалось. Беннинг вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку.

Они вошли в рубку.

Здесь впервые цельная и обыденная подлинность космического корабля, подавляя, навалилась на него. Раньше, в каюте, был всего лишь беглый взгляд в это невероятное окно и принятие того рассудком, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой люди жили и работали.

Невысокое большое помещение было буквально забито приборами, за показаниями которых наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, склонившийся к большому экрану, через который непрерывным потоком бежал ручеек цифр и символов. Перед офицером стоял предмет, похожий на клавиатуру органа, и Беннинг догадался, что это и есть сердце и мозг корабля. Беннинг надеялся, что этот мужчина хорошо умеет «играть» на «органе». Он очень надеялся на это, потому что вид межзвездного пространства, который шел по двум боковым и передней стенами рубки, внушал тревогу даже такому зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом и коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Беннингу. На нем была темная туника со знаками его ранга на груди, и, судя по виду, навряд ли он привык доверять кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее, в его голосе не было ни слова иронии или недовольства, когда он сказал Беннингу:

— Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Беннинг покачал головой; он по-прежнему смотрел на видеоэкран. Корабль мчался под острым углом к облаку, протянувшемуся через все

пространства. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него просвечивали мерцающие точки света, танцующие искры, и Беннинг понял, что это, должно быть одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях по астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. Тут его осенило — они направляются туда!

Капитан глядел на него. Офицеры за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Беннинга начало подташнивать, и он очень боялся.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту:

— Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас кого бы то ни было из них.— Беннинг сделал вид, что изучает положение приборов, цифры на экране, пульт, словно ему давно все знакомо.— И пусть даже я сяду за пульт,— продолжал он, все равно я не сделаю больше, чем вы уже делаете.— Он шагнул назад, делая неопределенный снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно. Беннинг надеялся, что дрожь в его руках не слишком заметна.

— Вне сомнения,— сказал он,— капитан Бехрент не нуждается в моих инструкциях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Глаза его ярко сверкнули.

— По крайней мере,— сказал он,— окажите мне честь, останьтесь.

— Только как зритель.— Благодарю вас.— Беннинг сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеоэкраном, а Рольф встал рядом. Беннинг заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на видеоэкран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но потом он подумал: «Нет, уж лучше остаться здесь, где, по-крайней мере, можно увидеть как все происходит.»

Они приближались к темному облаку, в котором виднелись лишь блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть из сети имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не слишком хочется объяснять свои дела.

Черная волна Облака, казавшаяся твердой стеной мрака, нависла над ними. Беннинг крепко стиснул челюсти, сдерживая вопль.

Они врезались в стену.

Удара не последовало. Естественно. Ведь это была всего лишь пыль с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, вовсе не похожая на пыль, поднятую в воздухе ураганом.

Потемнело. Небо, до того сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Беннинг, напряженно всматривающийся в видеоэкран, внезапно увидел слабое мерцание — скала, размерами с небольшой

дом, кувыркаясь, неслась на них. Он вскрикнул, но на пульте шевельнулась рука офицера и обломок пролетел мимо, точнее — корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции — ее погасило силовое поле.

— Что тот мальчик говорил правду, ты знаешь,— спокойно сказал Рольф.— Ты здесь лучший пилот.

— О, нет,— прошептал Беннинг,— только не я.

Он вцепился в подлокотники потными руками. Казалось, что в течение долгих часов он наблюдал, как корабль, уклоняясь от обломков и от облаков и петляя, чуть не ощупью шел сквозь Облако, проносясь мимо одинаково смертельных при столкновении — были ли они меньше пули или больше Луны — обломков. Но ни один из них не столкнулся с кораблем, и страх Беннинга сменился благоговейным трепетом, если капитан Бехрент может вести здесь корабль и тем не менее преклоняется перед Валькаром, как перед космическим пилотом, то действительно Валькар мог совершать нечто необыкновенное.

Наконец, они вышли из облака на «тропу» — чистую полосу между двумя протянувшимися щупальцами космического мусора. Подошел Бехрент и остановился перед Беннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо сделано,— ответил Беннинг. Эти слова слабо отражали то, что он думал. Он готов был простереться ниц перед этим невероятным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, нам следует отдохнуть,— сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Беннинга и коротко кивнул.

— Ты совершишь это. Я боялся, что Джоммо вместе с твоей памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что это ему не удалось.

— Ты ужасно рисковал,— сказал Беннинг,— тебе надо было хоть немного подготовить меня...

— Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Нет, я должен был выяснить, остались ли у тебя прежняя выдержка и ум. Ты доказал это.— Собираясь выйти, он повернулся к двери с полупечальной улыбкой.— Теперь тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, а тебе следует быть там отдохнувшим.

— Почему? — спросил Беннинг с внезапным предчувствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно.

— Одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Беннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов Беннинг вновь стоял с Рольфом в рубке, наблюдая за своей первой посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизвестностью. Вид Антареса подавлял его — огромное красное солнце,

рядом с которым совершенно затерялся его спутник, звездный карлик. В этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившем четверть неба, казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны кровью, и Беннинг внутренне содрогнулся. Он мечтал побыстрее приземлиться в Катууне.

Беннинг захотел этого еще больше, когда, наконец, увидел планету, летящую к ним через мрачный свет — тусклый призрачный мир, выглядевший так, словно люди оставили его давным-давно.

— Когда-то это был могущественный мир,— как будто прочитав его мысли, тихо сказал Рольф.— Сердце и мозг Старой Империи, которая правила половиной Галактики, тронный мир Валькаров. Он может стать таким снова.

Беннинг взглянул на Рольфа.

— Если вы найдете Молот и используете его против Новой Империи, не так ли?

— Так, Кайл. Это то, что ты должен сделать.

— Я?! — воскликнул Беннинг.— Ты безумец. Я не ваш Валькар! Даже если бы я и был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо,— свирепо сказал Рольф,— он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Беннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, все более густой и плотный туман. Беннинг почувствовал удушье.

Начали появляться детали планеты. Горные хребты, черные леса, сплошь покрывавшие континенты, угрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти совсем пустынен, но человеку с Земли трудно представить картину целого мира, совершенно лишенного городов, звуков, людей. Глядя вниз, пока корабль спускался по длинной спирали, он нашел этот мир невыразимо суровым и печальным, то ощущение возросло еще более, когда он увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов; обширные проплешины в лесах, где деревьям мешали мостовые и могильники поваленных камней. Одно такое огромное бесплодное пятно, он знал это инстинктивно,— когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд. Впереди выросла горная цепь, вздымающая к небу острые пики. Корабль снижался, теряя скорость. И, наконец, без всякого толчка или сотрясения замер на плато, тянувшемся у подножия гор, служившим естественной посадочной площадкой.

Казалось, все ждали от Беннинга, что он первым выйдет наружу, в свой мир. Он, сопровождаемый Рольфом, так и сделал. Беннинг шел медленно и снова ему казалось все сном. Небо, прохладный свежий ветер,

несущий странные запахи, почва под ногами — все кричало о том, что здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ним, и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

— Других еще нет,— сказал он.

— Скоро будут,— отозвался Рольф.— Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время.— Он повернулся к Беннингу.

— Отсюда,— сказал он по-английски,— мы пойдем одни.

Беннинг посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу — город. Лес вырос вновь где только можно — чащи чужих деревьев, увитых неземными лианами, заросшие кустарником. Но он все же не мог спрятать огромный город. По-прежнему возвышались колонны ворот, а за ними виднелись проспекты и площади, дворцы с развалившимися крышами, мощные арки и стены — безмолвные в красном свете на берегу спокойного, печального озера.

Они молча шли по дороге. Когда они спустились с возвышенности, ветер стих, и только звук шагов нарушал тишину. Антарес тяжело нависал над горизонтом, «на западе », как определил для себя Беннинг. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромождающим небо.

В долине было теплее. Он ощущал запахи леса, но в них не было и признака чего-либо, сделанного человеком. Город теперь был гораздо ближе. В нем не было заметно ни малейшего признака движения, не доносилось ни звука.

— Судя по твоим словам,— сказал Беннинг,— я считал, что кто-то здесь живет по-прежнему.

— Идем через ворота,— только и ответил Рольф.

Беннинг повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего-то боишься.

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за воротник туники, едва не задушив.— Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершенно белым. Он не поднял руку, не напряг мускулы, чтобы освободиться от хватки Беннинга. Он только сказал голосом чуть громче шепота:

— Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради бога, дай мне пока еще идти.— Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Беннинга.— Будь осторожен во всем, что станешь делать, Кайл, иначе мы оба пропали.

ГЛАВА 5

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Беннинга поверить, что это не трюк. Он ослабил хватку, чувствуя, как по спине бегут мурашки от сознания того, что сзади кто-то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф сказал:

— Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они видели тебя в последний раз. Дай им время и ни в коем случае не беги.

Беннинг и не думал бежать. Оцепеневший, он неподвижно стоял и смотрел на существа, выходящие из городских стен. Существа двигались очень тихо, пока он занимался с Рольфом, и теперь за их спинами стояла целая толпа, делая бесполезной любую попытку к бегству. Это были не люди. Однако это были и не животные. Они не походили ни на что, что Беннингу приходилось видеть в кошмарах или наяву. Но они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека они смогли бы без особых усилий.

— Они твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров,— прошептал Рольф.— Заговори с ними.

Беннинг во все глаза смотрел на них. Существа были ростом со взрослого человека, но форма тела не была человеческой. Узловатые горбатые тела, несколько ног. Больше всего они походили на гигантских быстрых пауков. Они были безволосы, только на гладкой сероватой коже ярким цветом выделялся прихотливый узор — не то естественный, не то татуировка. Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только ее показать. Почти во всем...

— Что мне сказать?

— Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и лица — детские лица с круглыми подбородками, небольшими носами и огромными круглыми глазами. Что было во взглядах этих устремленных на него глазах? Существа зашевелились и подняли свои тонкие руки. Беннинг мельком заметил, что руки заканчивались безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди, как предводитель, заговорил неожиданно мелодичным, свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота, вы умрете.

И Беннинг отвстил:

— Смотри внимательно, или твоя память так коротка?

Что было в этих взглядах? Мудрость? Жестокость? Мысли иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Молчание. Огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымали вверх разрушенные верхушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей-пауков, что окружали их теперь.

Они с сухим клацаньем зашевелились, множество рук тянулись к Беннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут разорвать его на конфетти с невероятной быстротой. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось одно — продолжать вести эту отчаянно бесполезно-опасную игру. Беннинг заставил себя приветственно раскрыть объятия.

— Мои верные слуги,— сказал он.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, лежавшего за их спинами, и сейчас Беннинг совершенно ясно увидел, что за чувство было в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. И их вид вдруг перестал казаться таким отвратительным и чуждым. Вождь схватил руку Беннинга и прижал ее к своему прохладному любу, прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в Беннинге никакой брезгливости. Но, с другой стороны, именно это испугало его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски. Рольф облегченно рассмеялся.

— Сомхсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине. Почему ты боишься его?

— Нет,— упрямо сказал Беннинг,— нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас можешь сомневаться; но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда Арраки с далеких окраин Галактики, из мира умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам и только им. То, что в эту минуту ты все еще жив, доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сомхсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Беннингу:

— Я знаю этого, называемого Рольфом. Будет ли на то твоя воля, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля,— ответил Беннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он освоил язык, инстинктивное знание, как вести себя, приходившее временами из подсознания, загадка Гринвиля — так, может, все правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города, повелитель павшей империи, которая некогда правила милиардами звезд?

«Но нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе я погиб. Настоящим был Нейл Беннинг, настоящей была его жизнь. Пусть Арраки не люди, но их так же, как и людей, могло одурачить внешнее сходство. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.»

Он высказал эти соображения по-английски, но Рольф покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком,— сказал он.— Спроси хоть у Сомхсея.— Перейдя на свой язык, он продолжал:

— Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Остальные скоро прибудут, и я должен встречать их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал Арраки и пошел обратно по разрушенной дороге. Беннинг не долго смотрел ему вслед и, отвернувшись, тут же забыл о Рольфе. Все его страхи исчезли, и он страстно захотел осмотреть город.

— Ты пойдешь сейчас домой, господин? — негромко спросил Сомхсей.

— Да,— ответил Беннинг.— Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сомхсеем, который шел по правую руку. Их окружала шумящая, обожающая толпа, и Беннинг почти физически ощущал это обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей — верных и преданных. Насколько, это он выяснит позже.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Беннинга проплывали бесчисленные картины: посольства, идущие вниз по этой теперь разрушенной дороге, принцев Цефея, Королей Бетельгейзе, вождей наполовину варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса, спешащих преклонить колени в городе Королей, в городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет,— прошептал Сомхсей.— Теперь ты дома.

И Беннинг коротко ответил:

— Да.

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Беннинг шел впереди, ступая по вдавленным плиткам, а ноги его свиты клацали и шаркали по камням. В конце проспекта, у самого озера, возвышался дворец из белого мрамора, подавляя своими размерами и мощью. Беннинг шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Беннинга. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшиеся стоять изувечила жестокая рука времени. Но когда они стояли здесь — целые и невредимые, мощные фигуры, устрем-

ленные к звездам, держащие солнце в своих могучих руках,— их вид должен был внушать трепет, доказать посольствам их ничтожество перед непреодолимой мощью Империи.

Теперь руки статуй сломались, а их глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью веков и слепы.

— Господин,— обратился Сомхсей к Беннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице,— за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась, мы пойдем тут.

Он повел Беннинга к меньшей боковой двери, за ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки попадали, обрушился и главный свод, над головой было теперь открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. «Главный зал,— подумал Беннинг,— мог бы вместить не менее десяти тысяч человек.» В дальнем конце зала в тусклом кроваво-красном свете он разглядел трон. И изумился, ощутив, как от вида этого запустения в нем поднимается горячий гнев.

Сомхсей быстро шел впереди, и Беннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Беннинг догадался, что здесь располагались личные аппартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, как если бы долгие усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду было чисто, все заботливо прибрано, обстановка на месте, металлические орнаменты и детали сверкали.

— Мы хранили все наготове,— сказал Сомхсей.— Мы знали, что придет день и ты вернешься.

Беннинг медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо еще в городе, он ощутил груз столетий непрерывного правления, гордости и традиций, неизгладимый отпечаток человеческих индивидуальностей мужчин и женщин, создавших все это. Ощущение усилилось при виде безделушек, портретов, антикварных вещиц и всевозможных коллекций, собранных на других мирах. Их вид, заброшенных и забытых всеми, за исключением охраняющих их Арраки, наводил грусть...

Из высокого окна одной из комнат открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без излишеств: книги, карты — обычные и звездные, модели кораблей и многое другое.

Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Беннинг опустился в кресло и изношенная обивка приняла его тело со знакомым удобством. Через дверь в правой стене он увидел в другой комнате высокое ложе, на пурпурном пологе был изображен символ солнца. На левой стене

между книжными полками висел портрет человека в полный рост, его портрет...

Ужас охватил Беннинга. Он почувствовал, как Нейл Беннинг начинает исчезать, словно снимает маску, скрывающую чужое лицо. Он вскочил и отвернулся от портрета, слишком удобного для него кресла, ложа с королевским пологом. Он с трудом удерживал Нейла Беннинга, вышел на террасу за окном, где смог дышать свободней и думать яснее.

Сомхсей последовал за ним. Беннинг смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сомхсей заговорил:

— Ты пришел домой, как когда-то твой отец, и Стражи возликовали, ибо многие поколения наши повелители не были с нами, и мы были так одиноки.

«Одиноки?» — Странный пафос этих слов тронул сердце Беннинга. Эти полулюди-полупауки, пронесшие преданность своим повелителям Валькарам через все мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения Империи, ждавшие в своем разрушенном мире, ждавшие и надеявшиеся. И наконец, Валькар возвращается. Рольф рассказал ему, как отец Кайла вернулся в древний тронный мир, который другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии Валькаров.

— Господин,— продолжал своим свистящим шепотом Сомхсей,— в ночь твоего рождения твой отец положил младенца в мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сомхсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сомхсей.

— Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе, я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим искусствам, а я нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Беннинг взглянул на него.

— Другой?

— Да, господин. Твое тело то же самое. Но разум не тот же самый.

Беннинг смотрел в темные странные глаза, нечеловечески мудрые, любящие глаза. И дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху раздался какой-то звук. Он взглянул на небо и увидел сверкающую искорку, пересекавшую огромный диск Антареса и снижавшуюся к западу. Искорка, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Беннинг знал, что корабль опустился на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

— Сомхсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился,— прошептал он.— Если это узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато и еще один. Быстро темнело.

— Они не узнают,— сказал Сомхсей.

Беннингу по-прежнему было холодно. Эти Арраки, не обладают ли

они какими-либо парапсихологическими особенностями? И может благодаря им Сомхсей ощущает, что он не Валькар?

Вскоре в темнеющую комнату быстрыми шагами вошел еще один Арраки. Он был меньше и светлее Сомхсея, с более тусклым узором на коже.

— Это Киш, мой сын,— сказал Сомхсей,— он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин,— сказал Киш и поклонился.— Человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должны ли стражи позволить им войти?

— Пусть войдут,— ответил Беннинг,— веди их сюда.

— Не сюда,— возразил Сомхсей.— Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на троне.

Киш умчался прочь. Сомхсей провел Беннинга через темные комнаты и развалины. Беннинг радовался, что у него есть проводник, иначе он бы непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные плиты. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили Арраки с факелами.

Неровный багровый свет факелов почти не освещал мрачные руины, но через большой пролом в стене две желтые луны лили призрачный свет. В этом обманчивом свете Беннинг последовал за Сомхсеем к черному трону. На нем совершенно не было резьбы — и это отсутствие украшающего арнамента говорило о гордости, слишком большой, чтобы ее подчеркивать. Беннинг уселся на трон, и среди Арраки раздался свистящий восторженный шепот.

«Пожалуй»,— подумал Беннинг,— легко сидя здесь, на троне, вообразить себя королем. Он смотрел через разрушенный вход на широкий проспект коллосов и видел факелы других Арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было вообразить, что это идут великие принцы далеких звезд, аристократы и купцы могущественной галактической империи далеких времен, несущие дань из далеких миров своему повелителю...

Повелителю? Повелитель теней этого мертвого города в разрушенном, затерянном мире. Его подданные — лишь Арраки, собаки Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за это время родились и умерли звезды. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя...

Руки Беннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком много думал так, как по его мнению, думал бы Валькар.

«Ты-то не король из рода королей,— свирепо сказал он себе.— Ты — просто человечишко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах, если ты это позволишь.»

В огромный зал вошли Рольф и по крайней мере еще человек двадцать, сопровождаемых факелоносцами. Вошедшие искоса поглядывали на Арраки. Страх перед стражами по-прежнему был жив, и нетрудно

было догадаться, почему этот древний королевский мир так редко посещается.

Сейчас Беннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все остальные были ему незнакомы и представляли собой довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели честными вояками, солдатами, служащими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды продать кого угодно и что угодно. Все они остановились в шагах десяти и устремили вверх взгляды на черный трон, где сидел Беннинг, а рядом с ним укрылся в тени Сомхсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Беннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю,— спокойно ответил Рольф.— Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Беннинга ошеломила невероятная дерзость задуманного Рольфом. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи, — да это же совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль — раз Рольф предложил такой план, значит, он все-таки... Впрочем, возможно, что Рольф ведет более тонкую игру, чем он думал...

Рольф церемонно поклонился Беннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись! — внезапно прошептал Сомхсей.— Среди них — предательство и смерть.

Беннинг вздрогнул. Он вспомнил странные парапсихологические способности Арраки и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загремел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоем замысле, Кайл! И уверен, что каждый, присутствующий здесь капитан, последует за тобой!

ГЛАВА 6

Слова Рольфа вызвали рев одобрения, и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил ко-

лено перед троном с улыбкой на лице, настолько явно выдающей порочность ее владельца, что это прямо-таки очаровало Беннинга.

— Я последую за любым, кто поведет меня похитить Императрицу! Джоммо сам по себе — немалая задача, но Терения! Если ты справишься с этим, Валькар, ты можешь легко сесть на трон!

Лишь благодаря настороженности, разбуженной в нем шепотом Сомхсея, Беннингу удалось скрыть свое изумленное лицо. Одно дело — совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать, но совсем другое — поднять руку на суверена. А из темных уголков сознания выплыла другая мысль: «Терения — вот ответ! Получить ее — значит получить звезды! » Беннинг решил, что какие бы ни были у Рольфа недостатки, в отсутствии смелости его упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножия трона поднялся.

— Я — Хорин, и я командую легким крейсером «Звездный поток », команда — сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Беннинг взглянул на Сомхсея:

— Этот?

Арраки покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Беннинг наклонился и сказал Хорину:

— Положим, я захватил власть в Империи. Что ты потребуешь за свою помощь?

Хорин расхохотался.

— Во всяком случае — не благодарность. Я следую за тобой не по зову сердца, а по зову золота. Это понятно?

— Достаточно честно,— ответил Беннинг и пожал протянутую руку.

Хорин отступил обратно, и Беннинг обратился к Рольфу:

— Ты не говорил им о деталях плана?

Рольф отрицательно покачал головой.

— Это отложено до окончательного совещания, которое состоится после того, как они свяжут себя обязательствами.

— Мудро,— цинично сказал Беннинг.

Рольф взглянул на него.

— Я мудр, Кайл. И немного времени понадобится, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

— Конечно, я его помню,— солгал Беннинг.— Добро пожаловать, Вартис.— И он протянул руку.

Вартис был одним из выглядевших честно капитанов, старых солдат, верных до последнего дыхания, Беннинг вспомнил о Добром Принце

Чарли и понадеялся, что его собственная участь будет иметь лучший исход, потому что сейчас это была его авантюра, нравилась она ему или нет. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Терения, Джоммо, Новая Империя — в конце концов, для Беннинга это всего лишь слова.

Ему начинало нравиться это восседание на троне. Капитаны подходили один за другим и пожимали его руку. Некоторые выглядели негодяями, другие честными людьми, и каждый раз Беннинг бросал взгляд на Сомхсея, который наблюдал за подходившими и как-будто к чему-то прислушивался. Наконец, осталось только четверо. Беннинг вглядывался в их лица — трое, судя по виду, могли продать родную мать, и Беннинг решил, что предатель один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике, уже преклонил колено, и Рольф говорил:

— Зурдис прикрывал твое отступление у...

Внезапно Сомхсей прыгнул вперед с пронзительным криком, от которого кровь стыла в жилах, и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале раздались восклицания ужаса, и люди подались к трону. Арраки в темных нишах тоже зашевелились и двинулись вперед. Беннинг встал.

— Спокойно! И вы, мои верные стражи, стойте!

Воцарилась напряженная, как тетива лука, тишина. Беннинг слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис. Сомхсей улыбнулся:

— Господин, вот он!

— Пусть он встанет,— приказал Беннинг.

Сомхсей неохотно убрал руки. Там, где когти прокололи кожу, на толстой загорелой коже капитана выступили капельки крови.

— Так,— сказал Беннинг,— значит один из моих людей, честных капитанов, предал меня.

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сомхсея, на далекую дверь и снова на Беннинга.

— Рассказывай,— приказал Беннинг,— рассказывай и побыстрее, Зурдис.

— Это клевета! — воскликнул тот.— Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право...

— Сомхсей,— мягко сказал Беннинг.

Арраки протянул руки, и Зурдис с воплем скорчился. Он снова упал на колени.

— Ладно,— заговорил он.— Ладно, я вам все расскажу. Да, я продал тебя, почему и нет? Что я могу получить здесь, кроме ран и изгнания?

Когда я получил от Рольфа известие об этой встрече, я обо всем известил Джоммо. И теперь над Катууном летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто с тобой, и кроме того, в самом ли деле вернулся истинный Валькар или ты самозванец, марионетка, нити которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Беннинг. Его сердце внезапно забилось быстрее.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и свирепое, исказилось пародией на улыбку.

— Ты Валькар, все верно. И, полагаю, ты доставишь удовольствие своим грязным Арраки поиграть со мной живым. Но это мало что даст тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но если его не будет, они все-равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса А. Не думаю, что вам удастся сильно ему повредить.

Среди капитанов раздались возгласы, в которых изумление смешивалось со страхом. Беннинг услышал, как Рольф ругается сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

— Надо попытаться по тихому убраться, пока на крейсере ждут его рапорт!

Началось общее движение к двери. Беннинг понимал, что если они уйдут, за его жизнь нельзя будет отдать и ломаного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен в совершенстве играть роль Валькара. Он закричал, останавливая капитанов:

— Погодите! Вы что, хотите, чтобы за вами охотились по всему космосу?! Слушайте, у меня есть идея.— Он повернулся к Рольфу.— Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно, вы, идиоты, называющие себя капитанами! Мы хотели проникнуть в самое сердце империи. Мы хотим добраться до самого трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, нежели проделать все это на их собственном корабле?

Понемногу они начали понимать идею Беннинга. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравилась ее неожиданность и смелость. Зурдис недоверчиво смотрел на Беннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесения,— продолжал Беннинг, — и они его получат! — Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдиса, указал на него:— Тащи его, Сомхсей! Живого! Ты и другие Арраки, следуйте за мной, и я объясню, как вы сможете услужить Валькару.— Он повернул голову и вызывающе ухмыльнулся в лицо Рольфу, все еще стоящему на ступенях трона.— Ты идешь?

Из груди Рольфа вырвался ликующий смех.

— Я последую за тобой как тень, господин,— сказал он. Впервые он назвал Беннинга так.

Хорин, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно заорал:

— Мы — твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительно закричали, поддерживая Хорина и, следуя за Беннингом, вышли на ночные улицы, сопровождаемые факельщиками-Арраки. И у Беннинга, глядевшего на руины и поваленные колоссы, залитые тусклым светом бледных лун, слышавшего шаги и возгласы, готовившегося к предстоящей схватке, невольно мелькнула мысль: «Это безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока...»

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

— У тебя был план?

— О, да! Тщательно разработанный и умный, который, возможно, и удался бы, но мы бы потеряли много кораблей.

— Рольф!

— Да?

— Что им рассказывал, чтобы втянуть в такое?

— Полуправду. Я сказал, что у Джоммо ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть этот ключ. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ — твоя память, уже вернувшаяся к тебе по их мнению.

— Гмм... Рольф!

— Что еще?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Теперь не буду,— спокойно сказал Рольф.— Пожалуй, я могу довериться твоим способностям.

«А пока,— подумал Беннинг,— самозванец я или нет, я должен играть роль Валькара, если хочу спасти от смерти Нейла Беннинга.»

Они прошли главные ворота города. За воротами Беннинг остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, освещенного светом многих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца, и пламя факелов казалось мрачным издевательским напоминанием о жизни в этом мертвом заброшенном мире. Беннинг кивнул и заговорил, отдавая приказы Арраки и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в джунглях. Наконец рядом с Беннингом остались лишь Рольф, Бехрент, Хорин и двое Арраки — Сомхсей и Киш, державшие Зурдиса.

Они пошли вверх по плато, по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Беннинг инструктировал Зурдиса, который очень внимательно его слушал.

— Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его,— сказал Рольф, и Беннинг кивнул.

— Бехрент и Хорин справятся с этим. За нами будут и все другие команды. Немногим нравятся предатели,— сказал он.

— Я действовал один,— угрюмо произнес Зурдис.— К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

— Хорошо,— сказал Беннинг и повернулся к Бехренту.— Но ты это проверь!

На плато Беннинг, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя Арраки, прошел прямо в радиорубку своего корабля. Дремавший радист испуганно вскочил и начал бешенно работать. Беннинг посадил Зурдиса за микрофон. За спиной капитана встал Сомхсей и прижал когти к его горлу.

— Сомхсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух,— сказал Беннинг.— Если ты задумаешь измену, то умрешь, не успев сказать ни слова.— Он сделал повелительный жест.— Начинай.

Голос уже подтвердил получение вызова. Немедленно очень ровным голосом Зурдис заговорил в микрофон:

— Здесь Зурдис. Слушайте, Рольф привез не Валькара и половина капитанов поняли это. Сейчас они спорят в Тронном зале Дворца. Они дезорганизованы, и охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете в джунглях у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо. Ты уверен,— ответил голос,— ты уверен, что этот человек не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо, — это успокоит его. Но, пожалуй, мне слегка досадно. Для меня было бы большой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все заговорщики — тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Ты держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Зурдис посмотрел на Беннинга, и тот обратился к Сомхсею:

— Что в его мыслях?

— Господин,— ответил тот,— он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и нет среди этих мыслей хороших.

— Убрать его,— резко приказал Беннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Беннинг круто повернулся к Рольфу.

— Я не желаю убийств без необходимости, когда появится крейсер! Запомни это!

Когда они вышли из рубки, Рольф вручил ему оружие. Цереброшокер не годился для такого горячего дела — у них был слишком ограничен радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, напоминало кургузый пистолет и стреляло разрывными пулями. Беннинг был вполне уверен, что сможет стрелять из пистолета, хотя Рольф не объяснил как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Киш и Сомхсей заняли свои места за спиной Беннинга. Они вернулись одни.

— Прекрасно,— сказал Беннинг.— Быстро сделано.

Отряд в призрачном лунном свете углублялся в темную чащу долины. Вдруг Беннинг крикнул:

— Скройтесь! Они спускаются!

Не успели люди скрыться в черных зарослях, как и над их головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Беннинга охватила паника — ему показалось, что огромная масса спускается прямо на них, грозя раздавить и его самого, и его людей. Потом он понял, что это только оптическая иллюзия — крейсер, ломая деревья, спустился в зарослях несколькими ярдами дальше, как Беннинг и планировал, как раз между двумя его отрядами. Порыв ветра обрушился на лес, хлестнули ветки над головами и перед их лицами закружились листья и прутья. Потом воцарилась тишина, и Беннинг во главе отряда двинулся дальше.

Люди из крейсера в полном вооружении уже вышли наружу и построились, но, не ожидая здесь ничего опасного, больше были озабочены тем, как в темноте, через завалы добраться до цели. И когда внезапно появившиеся отряды Беннинга ударили по ним, они оказались словно между молотом и наковальней. Из крейсера выскакивали новые люди и началась стрельба, пули взрывались как маленькие звезды, и многие остались лежать мертвыми среди деревьев. Вспыхнули прожектора крейсера, превратив ландшафт в путанный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантасмогорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и Арраки. Сомхсей издал долгий завывающий вопль, и все больше Арраки появлялись на этот зов. Они мчались как дети, которых позвали играть, и их странные глаза ярко сверкали.

С Беннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше в коридоры, гоня перед собой перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выметая их, как метлой. Нескольких Арраки убили, нескольких ранили. Но теперь Беннинг знал, что его предположения оказались правильными, что его слуги-полулюди-полупауки были сильнейшим орудием против людей, которые слышали о них только в легендах и старых бабьих сказках. Внезапное появление из мрака народа Сомхсея, их вид и вопли — этого оказалось достаточно, чтобы деморализовать всех, кроме самых храбрых; но и храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Арраки, повинуясь приказу Беннинга, избегали убивать, если в этом не было необходимости, но вымели они корабль чисто, и Сомхсей с Кишем ворвались в радиорубку прежде, чем радист понял, что происходит.

Беннинг вернулся к люку. Он тяжело дышал, пустяковая рана слегка

кровоточила, а голова кружилась от такого дикого возбуждения, о котором он и не подозревал в старые дни на Земле. Подошел тоже с трудом переводящий дыхание Рольф, и Беннинг сказал:

— Здесь все сделано.

Рольф, вытиравший кровь, сочившуюся из уголка рта, усмехнулся:

— И здесь тоже. Мы как раз заканчиваем.

Беннинг засмеялся. Он протянул руку Рольфу, и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

Арраки начали выгонять людей из крейсера, присоединяя их к тем, которые были захвачены среди деревьев. Пленники выглядели сбитыми с толку и возмущенными, как будто они до сих пор еще не поняли, что же произошло.

— И что теперь? — спросил Беннинг.

— Теперь,— ответил Рольф,— перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, а в твоей руке будет Молот.

Беннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не подозревающая планета — сердце Империи — шла извечным путем вокруг своего светила.

ГЛАВА 7

Тяжелый крейсер «Солнечное пламя» через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, что и был всегда — одним из самых быстрых и мощных космических кораблей со знаками Империи, блестевшими на борту, с полной командой, одетой в имперскую форму и вооруженную имперским оружием. На самом деле это было всего лишь уловкой.

— Вот руководство,— сказал Рольф.— Сигналы, коды и прочее. Немного везения и...

Тщательно составив послание, Беннинг отправил его почтой, мгновенной гиперпространственной связи.

«ВОЗВРАЩАЮСЬ С ЗАГОВОРЩИКАМИ, ПОЧТИТЕЛЬНО ПРОШУ ПОЛНОЙ СЕКРЕТНОСТИ. ЖДУ ИНСТРУКЦИЙ.»

Он подписался именем капитана «Солнечного пламени », который остался на Катууне под охраной Арраки. Ответ пришел быстро:

«СЛЕДУЙТЕ ПРЯМО К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.»

И подпись: «Терения.»

Рольф зло усмехнулся.

— Зимний дворец — лучше и не придумаешь! Это там они, по их

мнению, уничтожили Валькара, и теперь они его увидят! Дворец в отдаленном тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

— И очень прочные темницы,— заметил Хорин,— не забывай об этом.

— Тебе лучше остаться на корабле,— сказал Беннинг.

— Если увидят твое честнейшее лицо, то все мы останемся под замком. И он рассмеялся. Его возбуждение росло с каждой пройденной звездной лирой. Сама авантюра была достаточно дикой, чтобы привести в возбуждение любого человека, но было еще что-то — предчувствие и имя — Терения. Беннинг не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и движется.

— Дерзость побеждает,— тихо проговорил Рольф.— Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться, настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему, как главе Совета, это не было бы обязательно, он все равно бы пришел. У него есть свои причины. Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду.— Рука Рольфа сделала хватательные движения.— И у нас будут оба.

Воспоминания о Джоммо заставило Беннинга вздрогнуть. Он не хотел встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор — реален или нет Нейл Беннинг, а Беннинг этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он — настоящий Нейл Беннинг, и никто не сумеет отнять его «я». Но страх оставался.

Хорин улыбнулся, как человек, подумавший о чем-то приятном.

— Когда они будут у нас,— сказал он,— у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им...— и он жестом показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Беннинг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и наводящиеся гиперпространственными радарами. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему ужасным. Так насколько ужаснее был таинственный Молот, которого боялась целая Галактика?

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло напряжение. Бехрент, который служил когда-то в имперском флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды управлять оружием корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их умения. Беннинг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хорином и другими капитанами. Часто он бывал и в рубке. И всегда за его спиной были Сомхсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

— Господин,— сказал Сомхсей,— однажды ты ушел без меня, годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой Империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, и каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбуди подозрение малейшая деталь. Но каждый раз, как они называли себя, корабль получал право на проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель, и корабль, сбрасывая скорость, с таким расчетом, чтобы попасть к Зимнему Дворцу вечером, мчался к третьей планете системы.

— Нам нужна темнота,— заметил Рольф.— Это даст нам определенные преимущества.

После того как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Беннинг отправил послание:

« «СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ » СЛЕДУЕТ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ. СИГНАЛ ОДИН!»

Ответ не заставил себя ждать:

«ПРОХОДИТЕ, «СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ », ВСЕМ ДРУГИМ КОРАБЛЯМ ОЖИДАТЬ КОНТРОЛЯ.»

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из вида.

Нервное возбуждение Беннинга достигло предела и исчезло, оставив его странно невозбудимым и спокойным. Нейл Беннинг или Кайл Валькар — он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу люди, все вооруженные, были наготове.

— Дежурные офицеры и команда остаются на борту,— сказал Беннинг,— готовые к немедленному взлету. Повторяю: к н е м е д л е н н о м у, в любую минуту, секунду по сигналу.— Он повернулся к Рольфу, Хорину и другим заговорщикам, Ландольфу с Тавком, игравшим роль офицеров охраны.— Я дал вам все необходимые распоряжения, остается их выполнить, когда мы выйдем. Да сопутствует нам удача!

— Приготовиться к посадке,— сказал металлический голос из репродуктора.

Беннинг смотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу тянулся огромный город, сверкавший разноцветными огнями и занимавший, казалось, половину континента. В стороне от города, среди окружающей тьмы виднелось еще одно пятно света.

— Зимний Дворец,— сказал Рольф, и сердце Беннинга бешено застучало. ТЕ-РЕ-НИЯ!

Он негромко сказал:

— Вы должны быть наготове. Всем проверить оружие и хорошенько его спрятать. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Терения и Джоммо нам нужны живые и невредимые.— Обращаясь к Арраки, он продолжал: — Вас не должны заметить сразу. Оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тавк и Ландольф вызвали охрану, сильную охрану, необходимую для

таких важных пленников. Беннинг накинул на голову капюшон и ждал. Его сердце билось учащенно, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Быстро, под звуки четких команд и ритмичный топот ног, охрана вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились «пленники». К ним присоединились отряды дворцовой охраны, и все двинулись через открытое посадочное поле к воротам Дворца. Беннинг с удовлетворением отметил, что других кораблей нет ни на поле, которое, очевидно, освободили для их большого крейсера, так что явных препятствий для бегства не было.

Их двойной эскорт быстро последовал через открытый участок прямо к белому портику, где был вход во Дворец — великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Беннинг оглядывался по сторонам, чувствуя нервное возбуждение.

Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука Джоммо лишила памяти. Сейчас, через десять лет сюда пришел другой человек, Нейл Беннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но все же...

Хоть ночь и была теплой, дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо,— наклонившись к Беннингу шепнул Рольф,— в западном крыле, вон там.

— Прекратить болтовню, приказал Ландольф и Хорин грубо выругался.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Беннинг бросил взгляд через плечо и ему показалось, что он заметил две тени, скользившие между деревьями.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивала облицовка из светлого камня, пол из полированного мрамора, черного, словно горное озеро зимой и казавшегося таким же глубоким. Через равные промежутки в стенах виднелись высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом извивалась вверх роскошная лестница... В зале их ожидал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

Беннинг увидел сначала охрану — мужчину, и внезапно острая ненависть вспыхнула в нем. Лицо Беннинга по-прежнему закрывал капюшон, и он смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь тому, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, сгорбленного годами и званиями ученого. Этот человек был высок и мускулист, с широкоскулым лицом, ему больше подошел бы меч, чем пробирка.

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж и ученый. Глядя в эти серые, пристально смотревшие глаза, Беннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом вполне, возможно, далеко превосходящим его собственный.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Беннинга шепнуло: «Посмотрим!»

Охрана отсалютовала, клацая оружием и грохоча ботинками по мраморному полу. Беннинг перевел взгляд на женщину. Он забыл о Джоммо, забыл об охране, о плане, вообще о том, зачем он здесь. Он забыл обо всем, кроме Терении.

Беннинг рванулся вперед так внезапно, что едва не порвал цепь дворцовой охраны прежде, чем они его удержали. Беннинг сбросил капюшон, скрывавший его лицо и услышал короткий вскрик Джоммо. Терения шагнула вниз по лестнице и назвала имя.

Она была прекрасна. Она вся горела от гнева и гордости. Казалось, внутри ее пылал костер, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же Беннинг почувствовал, что кроме ненависти было что-то еще...

Терения спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Беннинг, свободно и грациозно. Он двинулся было вперед — встретить ее, но охрана не пустила, и он сам тоже почувствовал гнев и ненависть. Впрочем, ненависть его была смешана с совершенно другим чувством.

Но ведь он Нейл Беннинг, и что могла значить для него Терения со звезды?

— Глупец,— сказала она.— Я подарила тебе жизнь, почему ты не захотел довольствоваться этим?!

Беннинг мягко спросил:

— Найдется ли человек, который смог бы в моем положении довольствоваться этим?

Она смотрела на него, и Беннинг подумал, что, если бы у нее в руках был кинжал, она немедля заколола бы его.

— На этот раз,— сказала она,— я не могу спасти тебя. И на этот раз я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подошел Джоммо, встал рядом с Терением, и Беннинг вдруг вспомнил рассказы Рольфа — достаточно, чтобы представить, как обстояли дела с ними, всеми тремя, не в деталях, но в общих чертах, общую ситуацию. И он рассмеялся.

— Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хотя и не должна была. И ты ждала меня все эти годы, не так ли, Джоммо? Несмотря на все твои уговоры — взять тебя в супруги, за все эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее или на ее трон?

Даже не глядя в полные холодной ярости глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. Но все же не совсем точно — что-то было в этом человеке, поражающее и неизбежное. И Беннинг понял, что это. Это была честность. Джоммо был искренен. Не троном он хотел владеть, а Терением.

Беннинг бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Он сделал это

так быстро и с такой яростью, что охрана не успела помешать, и люди Беннинга тоже набросилась на охрану. Беннинг закричал, и дикий крик, подхваченный его охраной, отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!» Дворцовая охрана, пленники и люди с крейсера смешались в дикой схватке. Беннинг увидел на лице Джоммо выражение изумления, впрочем, тут же исчезнувшее. Джоммо закричал:

— Беги, Терения! Им нужна ты, мы задержим их, зови подмогу!

Беннинг сдавил его горло, и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Терения повернулась и словно лань помчалась к лестнице. Ее лицо стало белым, но она не боялась. Она бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В стенных нишах, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы. Терения на бегу сбросила вниз одну, потом другую. Беннинг расхохотался. Ее волосы, цвета пламени, выбились из-под удерживающей их тонкой сетки и теперь метались по плечам. Беннинг хотел ее. Он хотел поймать ее сам, поскорее, до того как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. А пока он должен покончить с Джоммо.

Но Джоммо был силен. У него не было оружия, и он понимал, что ему нельзя допустить, чтобы Беннинг воспользовался своим. Сейчас они боролись за шокер, который Беннинг пытался вытащить из-под туники, и боролись на равных, особенно после того, как Беннинг выронил шокер. Вокруг них кипела битва, дробясь на отдельные группы сражающихся, и Беннинг увидел, что эти группы отрезают его от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавших, что главные силы Беннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он даже мог надеяться, но им необходимо заполучить Терению. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать весь Дворец, и кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о том, чтобы всегда была возможность ускользнуть.

Но сильные руки Джоммо держали его, и Джоммо свирепо рычал прямо в его ухо:

— Ты безумец, Валькар! Тебе ее не догнать!

Беннинг внезапно резко нагнул спину и ему удалось освободить руку. Он сильно ударил Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь и ноги подкосились, но все же Джоммо устоял. Терения уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл,— выдохнул Беннинг.

Взбешенный, он снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой и Беннинга, а упав, вцепился в его горло. Они покатились по полу под ногами сражающихся. Слепая ярость охватила Беннинга, наружу вырвалось что-то настолько примитивное, чего он в себе никогда и не подозревал. Его руки сомкнулись на шее

Джоммо и они боролись насмерть на мраморном полу, пока Рольфу и Хорину не удалось их растащить.

Сейчас зал был полон людьми Беннинга. Дворцовая охрана сложила оружие. Беннинг вздохнул и вздох болезненно отозвался в груди. Он посмотрел на лестницу — Терения исчезла.

— Нам необходимо найти ее,— сказал Рольф.— И быстро.

— Арраки помогут,— отозвался Беннинг. И хрипло позвал. Снова обернувшись к Рольфу, он продолжал:

— Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может нам пригодиться.

Беннинг побежал вверх по лестнице. Там его догнали Арраки.

— Ищите ее! — приказал он,— ищите! — И они, как две большие гончие, бросились вперед по следу императрицы.

В верхних коридорах было тихо. Здесь должны были находиться стражи, слуги и вообще бесчисленные безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Беннинг бежал, напряженно вслушиваясь в тишину, и Киш и Сомхсей, бегущие гораздо быстрее его, многоногими тенями метались во все ответвляющие проходы.

— Не здесь,— резко бросал Сомхсей на бегу.— Не здесь, не здесь, не... да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как все остальные. Беннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

— Они ждут,— сказал он.— Внутри.

Беннинг вынул пистолет, от души надеясь, что не придется воспользоваться им. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянул наружу. Внизу все было спокойно. Крейсер мирно лежал на посадочной площадке; футах в двадцати от Беннинга в стене было другое окно. Он подумал, что окно может вести в ту комнату и указал на него Сомхсею.

— Сможешь добраться туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом.

— Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде, чем ломать дверь. Киш!

Оба Арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карнизу. Беннинг слышал доносившееся снаружи дробное клацанье когтей по камню. Он начал считать. Как раз подбежали Рольф и Хорин, державшие Джоммо, и с ними еще шесть-семь человек. Беннинг встал перед дверью.

— У нас здесь Джоммо! — крикнул он.— Вы, там, не вздумайте стрелять, если не хотите его смерти!

— Нет,— завопил Джоммо.— Стреляйте!

Рольф ударил его в зубы. Беннинг наклонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же, как и наши.—

Ему показалось, что он услышал голос Терении, отдающей какой-то приказ. Тридцать. С е й ч а с.

Он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не последовало ни одного выстрела. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной, потом нескольких женщин. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины дворцовых стражников, вооруженных, но державших оружие опущенным. А теперь Киш и Сомхсей ворвались с тылу через окно, и охрана была ошеломлена воплями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от Арраки. Терении среди них не было.

За группой перемещавшихся слуг и стражников была дверь, ведущая во внутренние покои. Беннинг ударами и пинками расчищал к ней дорогу, но Арраки были ближе и достигли ее первыми. Они широко распахнули высокие белые створки и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, занавешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу и удобная мебель. Стены были белыми, с высокими панелями, отделанные желтой парчей под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась — она только что была открыта, а теперь закрывалась.

Ни один человек не успел бы достичь этой суживающейся щели до того, как она закроется, но Арраки не были людьми. К тому времени, когда Беннинг с трудом пробивался в комнату, они вновь открыли панель и скрылись в проходе, тянувшемся за ней. Беннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сомхсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Терении. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин,— сказал он.— Мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое часто случается.

Беннинг улыбнулся.

— Она скоро придет в себя,— сказал он и протянул руки.— Прекрасная работа, Сомхсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход,— ответил Сомхсей, осторожно передавая Терению Беннингу.— Он почувствует, если там есть что-то опасное.

Беннинг кивнул, на его руках лежала Терения. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и сильной, огненные волосы тяжелой массой свисали с рук Беннинга, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он хотел только одного: стоять так и держать Терению на руках.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной:

— Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать.

Вернулся тяжело дышащий Киш.

— Ничего,— сказал он.— Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся Арраки, Кайл,— сказал Рольф.

Беннинг вздрогнул и холодок пробежал по его спине. Пришло время — время, прихода которого он так боялся.

ГЛАВА 8

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Беннингом прежде. Машины и оборудование были упрятаны под щиты и кожухи и можно было только догадываться об их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было чисто и тихо. Беннинг понимал, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в этой огромной империи звезд.

Сейчас Рольф быстро и резко говорил что-то этому человеку. Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отослал Хорина проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба Арраки стояли здесь. Они, держась наготове, внимательно смотрели по сторонам.

Терения уже очнулась. Она сидела в кресле, и на ее совершенно белом лице горели раскаленные глаза, смотревшие на Беннинга. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и только Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

— Нет,— сказала Терения и с силой добавила:— О, нет! Мы не вернем вашему Валькару память, он может уничтожить Империю!

— Ваш выбор ограничен,— зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Терении не отрывался от лица Беннинга. Она гордо заговорила, обращаясь к нему.

— Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

— Я?

— Ты, ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

— Терения...— начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть-чуть промедлил. И это чуть-чуть спасло Империю! Мы схватили тебя, и Джоммо стер твою память. Нам следовало стереть тебя.

— Но вы этого не сделали,— сказал Беннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидим убийство. Этого не понять сыну Старой Империи. Мы были настолько глупы, чтобы дать тебе ложную

память, отправить на окраинную планету — Землю — и решить, что ты убран с пути и безопасен. Я была настолько глупа!

Рольф сердито сказал:

— Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Терения медленно перевела взгляд на мрачного гиганта.

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполучить его память, а потом и Молот?

— Да,— отрезал Рольф, словно волк клацнул зубами.— Слушай, Джоммо,— повернулся он к ученому. Ты можешь восстановить его память. И ты это сделаешь. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Терению мертвой.

— Я знал, что ты это скажешь,— ответил Джоммо.

— Так, как?

Джоммо посмотрел на Терению. Через несколько минут его плечи опустились, и он склонил голову.

— Ты сам сказал, мой выбор ограничен.

Беннинг похолодел, а сердце его бешенно застучало, он хрипло сказал:

— Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить «я» человека?

Предположим, что весь этот невероятный сон — правда, и Нейл Беннинг всего лишь имя, воплощенная ложь? Что остается от него? Сохранится ли память человека, в действительности не существующего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом, он ответил:

— Час, возможно, и меньше.

Терения недоуменно смотрела на него. Казалось, она не верит своим ушам. Потом она яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю , Джоммо, слышишь? Я запрещаю! Пусть они...

Сомхсей легонько положил когтистую руку на ее плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А Арраки сказал:

— Господин, пока ее рот кричит гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Здесь притворство между ними двумя.

Рольф с неприятными цыканьем втянул воздух между зубами.

— Я так и думал, что Джоммо слишком легко согласится.— Он поочередно посмотрел на них.— Прекрасно, все равно все выйдет наружу.С Арраки ложь бесполезна.

Терения отпрянула от Сомхсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало.

Беннинг восхищался его выдержкой.

— Арраки,— сказал Джоммо,— вне сомнения, хорошие слуги, но

слишком уж они усердствуют.— Он посмотрел на Беннинга.— Ты хочешь вернуть память: Я согласен. Я не могу сделать большего.

— Час?— сказал Беннинг.— Возможно и меньше.— Он шагнул к Терении.— Что может случиться в течение следующего часа? Чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? И прошу, прикажи существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что-то должно появиться,— задумчиво сказал Беннинг.— Что-то достаточно сильное, чтобы помочь.

Сомхсей тихо сказал:

— Мысли ее скачут, язык ее не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Беннинга. Он тряхнул Терению за плечи.

— Что должно появиться?

— Подожди и увидишь!

— Терения,— предостерег Джоммо, и Сомхсей усмехнулся.

— Они думают о корабле.

Рольф выругался:

— Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решать нашу судьбу. И если только обычаи не изменились, это означает тяжелый крейсер класса А, под командованием адмирала.— Он повернулся к Джоммо.

— Скоро?

— Пять минут, час — я не могу ответить точно.

— Но вы по-прежнему остаетесь заложниками,— свирепо сказал Рольф.

Джоммо кивнул.

— Это должно сделать ситуацию забавной.

— Но не благоприятной,— откликнулся Беннинг.— Рольф, нам надо убраться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него.

— Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо,— решительно произнес Беннинг,— может сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим! — Он повернулся.— Киш, передай приказ Хорину и остальным — готовиться к отлету. И приведи сюда несколько человек поскорее. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы.

Складка у губ Джоммо стала глубже и впервые за все время он ослабил свой железный самоконтроль. Он посмотрел сначала на Сомхсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Беннинга взглядом, горящим с такой силой искренней ненависти, что Беннинг чуть не вздрогнул, и, наконец на Терению.

— Не берите с собой хоть ее,— сказал он.— Умоляю вас!

— Она будет в такой же безопасности, как и мы,— сказал Беннинг и добавил, обращаясь к Терении: — Поверьте, я сожалею. В план это не входило.

Терения прошептала:

— Не думаю, чтобы я отказалась, если бы мне предложили сначала посмотреть на твою смерть, а потом умереть самой.— Похоже, она говорила то, что думала.

Внезапно сомнение и чувство вины охватило Беннинга. Он позволил идти себе к нему напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные императоры и императрицы, Валькары и Молоты, все эти интриги чуть ли не стотысячелетней давности, в конце концов, казались не более, чем невероятным сном, а человек не слишком-то задумывается о своем поведении во сне. Но теперь слова перестали быть словами. Слова превратились в людей, живых реальных людей. Это были и Терения, и Джоммо, и он сам стал реальной силой — Валькаром, если даже он лишь его тень. Его действия могли повлечь невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллиардов людей, обитающих в мирах, о которых он никогда не слышал.

Беннинга испугала тяжесть легшей на него ответственности и теперь, в эту последнюю минуту он понял, что такая ноша ему не под силу.

— Рольф,— начал он,— я...

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

— Сообщение, господин. Радар «Солнечного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, что бы мы поторопились вернуться на борт.

Беннинг беспомощно оглянулся на Терению. У него не было выбора. Терения необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через космические патрули! Позже, может быть, у него появится время подумать об этике.

— Ладно, резко бросил Беннинг.— Передай это капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь.

— Хорошо,— он повернулся к Джоммо.— Поторопись, не пытайся умничать. Сомхсей будет наблюдать.

Беннинг снял накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Терении.

— Сейчас я отведу тебя на корабль.

Теперь она уже не смотрела на него и ничего не сказала.

Когда Беннинг взял ее за руку и повел вперед, Тэрэния пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было — правда, Беннинг чувствовал, как она вздрагивала, когда он касался ее почти обжигающего тела.

В нижних залах дворца и снаружи царила напряженная, но не

сустливая спешка. Люди Беннинга длинными колоннами бегом возвращались на корабль, а разоруженная дворцовая охрана беспомощно и угрюмо толпилась в стороне. Они зашевелились, несмотря на угрожающее им оружие, когда увидели Терению, но Хорин окружил ее и Беннинга сильной охраной и они без помех прошли мимо.

Свежий ночной воздух охлаждал щеки Беннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что там, вдали, к ним, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Терению. Деревья и фонтаны остались позади, и они вышли на посадочную площадку, где лежал крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Беннинг, крепко державший Терению, тревожно думал: «Начал ли Рольф, найдут ли все нужное оборудование, близко ли вражеский корабль и сколько минут у них осталось.»

В воздушном шлюзе дежурил Скранн. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидев Беннинга, он сказал:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Беннинг грубо затащил Терению внутрь, не утруждая себя извинениями. Заметив свободную каюту, он бесцеремонно толкнул ее туда, запер дверь, поставил охрану. Потом поспешил в рубку.

Бехрент, вышагивающий взад и вперед по рубке, выглядел свирепее, чем когда-либо. То и дело вбегали и выбегали ординарцы. Техники беспокойно ерзали у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Беннинг.

Бехрент поднял руку и рубанул ею по ладони другой.

— Уже сейчас,— сказал он,— нам придется лететь прямо под их орудиями.— Он посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу.— Что они там делают? — прорычал он.— В игрушки что ли играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец, у которого глаза выпрыгивали от нервного напряжения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Беннингу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке и что он присмотрит за пленными.

— Хорошо,— сказал Беннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор.— Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой, взлет в два...

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Записку взял Бехрент и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно усталым. Он протянул записку Беннингу.

— Если вы сейчас посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

— Пусть прилетает,— дико рявкнул Беннинг.

Бехрент взглянул на него.

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда...

— Две минуты,— прервал его Беннинг,— время вполне достаточное, если мы будем шевелиться.

Лицо Бехрента озарилось мрачным светом.

— Вы по-прежнему Валькар! — Это должно сработать, но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

— Будем думать о патрулях, когда дойдем до них,— ответил Беннинг.

Бехрент заорал в микрофон системы оповещения:

— Расчетам световых орудий — по местам! Немедленно, иначе, клянусь...

«Вы по-прежнему Валькар! Какая ирония »,— подумал Беннинг.

Он по-прежнему Нейл Беннинг. Он отсрочил последнее испытание своего «я », но это была всего лишь отсрочка.

В рубку, хмурясь втиснулся Рольф.

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться,— ответил Беннинг.— По крайней мере, попытаемся. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Терением. И оставил охрану,— сказал гигант.— Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин,— добавил Сомхсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом.— Я читал его мысли.

— Надеюсь мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее,— сквозь зубы произнес Беннинг. Он смотрел вверх через видеоэкран, на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже смотрел вверх. Сейчас все на корабле стихло. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию, не слышалось ни звука, кроме глухого жужжания механизмов, создающих поле.

Высоко в небе появилось темное пятно, закрывающее звезды. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, несущуюся вниз, создавая впечатление, что это сам небосвод рушится на них. «Солнечное пламя » слегка качнулось, когда тяжелый крейсер на расстоянии в сотню ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над самой площадкой.

— Старт! — рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда другой крейсер коснулся площадки. Беннинг смотрел на картины, проносящиеся через большой изогнутый экран так, словно пытался разглядеть среди них свою будущую жизнь или смерть. Беннинг смотрел на дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента: «Огонь!»

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера — все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослаб

и исчез. Их собственный корабль мчал их прочь так быстро, что в краткий миг сцены внизу съежились и пропали из виду.

— Сделано! — ликующе воскликнул Рольф. Команда невредима, но они не могут гнаться за нами!

Теперь «Солнечное пламя» летело через теневой конус планеты, и Беннинг слышал из радиорубки голос оператора: «Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...»

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось за их спинами, и они мчались в открытый космос, а мимо проплывали лампы внешних планет.

— Вырваться с самой Терением на борту! — заорал Рольф и с силой хлопнул Беннинга по плечу.— Мы им покажем, что Старая Империя оживет!

— У капитана,— шепнул Сомхсей,— в мыслях нет радости.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался с невеселой усмешкой на изможденном морщинами лице.

— Я не собираюсь,— угрюмо сказал он,— праздновать сейчас что-либо. Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

— Проклятье! — взревел Рольф.— Тогда режь прямо сквозь заслон — там ведь только легкие крейсеры!

— Погоди,— прервал его Беннинг.— Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

— Все зависит...— начал Бехрент, но тут же замолчал, а через секунду продолжал: — Стоит попытаться. Им не сообщили, почему нас приказано не задерживать, иначе они могли бы отважиться. Но не зная...

Не закончив свою мысль, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принялся отдавать приказы.

«Солнечное пламя» прошло не больше, чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что планета показалась грязно-белым пепельным шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь отметила их залп — снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Но Беннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие пустоту впереди и по сторонам, танцующие искры на фоне бесконечных, бесчисленных звезд. По мере того, как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон: — Полный ход.

— Они струсили! — воскликнул Рольф.— Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

— ... но тяжелые суда, линейные крейсеры и вспомогательные средства изменили курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений,— закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Беннингу, на его лице агонизировала улыбка.

— Имперские силы получили приказ. И они получат нас. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

ГЛАВА 9

В пустоте, в бездне, для которой миллион миллионов звезд значат не больше, чем серебристая рябь на поверхности глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечные крохотные металлические зерна, отмечая свой путь периодическими всплесками орудий энергии, выбрасываемой для преодоления искривлений континуума. Вскоре многие из этих металлических зерен настигнут одно, убегающее от них, и тогда — смерть делает прыжок и межзвездный мрак озарится яркой вспышкой. Если только...

Беннинг сказал:

— Терения — единственный козырь, который есть у нас.

Рольф кивнул.

— Если мы сможем убедить их, что она у нас; Сомхсей, приведи ее и Джоммо.

— Нет, подожди,— остановил Беннинг Арраки.— Тебе и Кишу лучше держаться в стороне, она приходит в ужас от вашего вида и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана и жестом приказал открыть. Потом, памятуя жгучую ненависть, горевшую в глазах у Джоммо и Терении, Беннинг вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Терения, и сразу следом за ней — Джоммо. Терения выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но ни грани гордости не оставило ее. Взглянув на оружие Беннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

— О, да,— сказал Беннинг,— я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

— Куда?

— Узнаете. Пока просто вперед.

С монархами таким тоном не разговаривают, и Беннинг почувствовал легкое удовлетворение, увидев изумленный гнев на ее лице.

Пока они шли к рубке, Беннинг восхищался, глядя на грациозную походку Терении, ее стройное тело.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Терения последовала за ним, но споткнулась о порог и опрокинулась назад, прямо на Беннинга. То, что это не случайность, Беннинг понял на долю секунды позже, чем следовало бы, уже когда Терения схватила его за предплечье и кричала:

— Пистолет, Джоммо, хватай его!

Все случилось так быстро, что люди в рубке не сразу поняли, что произошло, а Арраки, следуя приказу Беннинга, оставили рубку. Но Джоммо отреагировал мгновенно и резко повернулся. Лицо его искривилось от внезапно появившейся надежды.

Беннинг рывком поднялся на ноги. Резко вскинув как можно выше руки, он поднял легкую Терению, качнул ее в воздухе и швырнул на Джоммо.

Он надеялся, что Джоммо не даст Терении упасть, даже рискуя упустить момент, и оказался прав. Джоммо поймал ее, и они оба снова очутились под прицелом пистолета Беннинга.

— Хорошо придумано,— сказал он,— я восхищен твоей храбростью. Но я бы на вашем месте не пытался сделать что-нибудь в этом роде.

Они смотрели на Беннинга ненавидящими глазами, как два василиска, и он не мог осуждать их за это.

Сейчас к месту схватки начали сбегаться, сюда шел Рольф с лицом, черным от гнева.

— Так, значит ты не хотел пугать ее видом Сомхсея? — саркастически спросил он у Беннинга.

Беннинг покачал головой.

— Похоже, без них не обойтись,— Он позвал Арраки и сказал Терении:

— Они не причинят тебе вреда, если ты сама не вынудишь их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но заговорил он довольно хриплым голосом:

— Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах досягаемости огня батарей полной эскадры линейных крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Беннинг увидел, как сверкнули глаза Терении, и решил быть твердым.

— Так вот, Терения,— сказал он.— Сейчас ты пойдешь в рубку и прикажешь крейсерам уйти.

— Нет!

Беннинг посмотрел на Джоммо.

— Тебе лучше уговорить ее и побыстрее. От этого зависит ее жизнь.

— Ты не сможешь убить ее,— ответил Джоммо.

— Не смогу? Может, ты и прав. Ну, а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например,— сквозь зубы спросил Рольф.

Джоммо заколебался, и Терения воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение упорства.

Задние видеоэкраны внезапно осветились ослепительным взрывом пламени, бушующее сияние которого заставило потускнеть звезды. Казалось, будто в небесах позади корабля выросла и разрушилась огненная стена.

— Они начали пристрелку,— сказал Бехрент.— Мы можем попробовать драться, но при таком преимуществе долго не выдержим.

— Терения остановит их,— сдержанно произнес Беннинг.— Я пойду в радиорубку.— Подготовить все для радиопередачи. Ждите.

Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд вернулся и взял Терению за руку...— Сейчас, Терения, ты пойдешь и прикажешь кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Терения рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Ты погибнешь не таким способом,— сказала она.— Тебе придется сдаться.

— Джоммо, уговори ее и постарайся поскорее,— сказал Беннинг.

Снова видеоэкраны озарились ужасным пламенем, на этот раз ближе, так близко, что огненная стена закрыла все небо.

— Тэрэния...— начал Джоммо.

— Разве ты не видишь, что они побеждены,— воскликнула она,— и не могут заставить меня повиноваться им!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость. Они по прежнему следуют за нами, но на большом расстоянии и батареи прекратили огонь!

— Этого не может быть! — закричала Тэрэния.— Ты лжешь!

Беннинг удовлетворенно улыбнулся.

— Они были достаточно близко и это сработало. Они больше не будут стрелять, раз теперь знают, что их императрица у нас на борту.

— Но узнали они об этом только сейчас, не так ли,— спросил Рольф.

Беннинг кивнул.

— Я приказал в радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей радиостанции. На каждом корабле должны были слышать голос Терении и Джоммо.

Джоммо вскрикнул голосом, хриплым от ярости. Во взгляде Терении смешались удивление и ненависть, но ничего не сказала. Беннинг поднял пистолет.

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

— Я пойду с тобой,— проворчал Рольф.

Женщина молчала всю дорогу, не сказала ни слова и когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Ландольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседней каюте, заговорил раньше, чем Беннинг и Рольф вышли.

— Мы можем заключить сделку,— сказал он, обращаясь к Беннингу.— Освободи Терению, отправь ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Беннинг расхохотался. Он подумал, что теперь понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал своего слова,— голос Джоммо звучал ровно.

— Я верю этому. Но также я верю тому, что на этот раз ты слова не сдержишь — ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо молчал, но брошенный им взгляд сам по себе был достаточно красноречивым ответом.

— Пока у тебя еще есть время,— сказал Рольф.— Но скоро ты сделаешь то, что хотим мы. И с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в определенное место. Скопление Лебедя. Мы идем к нему и в него.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Беннинга, настолько много — и это было совершенно очевидно — оно значило для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

— Так значит, Молот там?

— Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в Галактике. На какой именно — я не знаю, и тем более не знаю, как безопасно добраться до нее. Я погублю корабль, если попытаюсь войти в Созвездие. Но кое-кто знает все.

Джоммо нервно перевел взгляд на Беннинга.

— Все знает Валькар? Так?

Рольф кивнул.

— Да. Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти и, безусловно, погубит нас там, но когда вспомнит, то все мы будем в достаточной безопасности. Ты. Я. Терения.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал: «Проклятье! » Прошептал так горько, что это потрясло Беннинга. Они с Рольфом вышли и заперли дверь.

— Пусть попотеет,— сказал Рольф и внимательно посмотрел на Беннинга.— Я думаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее — пойти в свою каюту и выспаться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

— Спать? —воскликнул Беннинг.— Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о Скоплении впереди, о...

— Пока ничего не произойдет,— грубо прервал его Рольф.— Эти корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Терения и в самом деле у нас и будут сопровождать «Солнечное пламя». А до Скопления Лебедя все еще долгий путь.— Он помолчал и добавил.— И впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Беннинга. В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в мозг Нейла Беннинга.

— Входи,— Рольф отворил перед Беннингом дверь каюты.— Я приготовлю выпить, вино поможет тебе расслабиться.

Беннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая о другом — о Терении, о себе, о грозном скоплении Лебедя. Откинувшись на подушки, он еще немного поговорил с Рольфом и незаметно заснул. И увидел сон. Во сне он был двумя равными людьми. Он был собой и он же был Валькаром, чья неясная зловещая, жесткоглазая фигура, одетая в диковинные одежды, росла больше и больше, а сам Нейл Беннинг одновременно сокращался в гномика, в тварь не больше мыши. И тот, Валькар, гнал прочь Беннинга, неслышно кричавшего в окутывавшей его огромной тьме.

Сон пугал, и Беннинг обрадовался, когда проснулся.

Рядом с постелью его пробуждения ждал Сомхсей, терпеливый, как статуя. На вопрос Беннинга он ответил:

— Ты спал долго, господин. Очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который положил в питье.

— Выходит, он дал мне наркотик? — сердито сказал Беннинг.— Он не имел права...

— Так было правильно, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не будет закончено.

Что-то в тоне Арраки заставило Беннинга вздрогнуть.

— Сомхсей,— попросил он, ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Нет ли среди них способности предсказывать будущее?

Сомхсей покачал головой.

— Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда через трещены в стене...— Он прервал себя.— Мы, как и люди, видим сны. Возможно и это не более, чем сон.

— Нет, расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещены!

— Господин, я видел небо в огне.

Беннинг поднялся с постели.

— Что это должно значить?

— Я не знаю. Но несомненно, мы все это узнаем.— Сомхсей подошел к двери и открыл ее.— А сейчас иди, господин, Валькара ждут в командной рубке.

Беннинг отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеоэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками голов поприветствовали Беннинга, а когда он присоединился к ним, Рольф, положив руку ему на плечо, указал на другой экран.

И там Беннинг увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но тем не менее, все еще увеличивающееся по мере того, как он наблюдал, сверкающее звездное облако, ошеламляющее, невообразимое великолепие солнц — алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых — раскинувшихся в бесконечности, как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близко друг от друга, что образовали мягко светившееся пятно, и каждое такое пятно окружало темное облако, поглощавшее свет — казалось, что мрак пытается пожрать звезды.

— На Земле,— тихо сказал Рольф,— это скопление, надо полагать, называют «Америкой» из-за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там,— совершенно искренне ответил Беннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни сверкающим — для него оно было вызовом, на который, он знал это — он не мог ответить.

— Буря звезд,— сказал он.— Ревущий вихрь несущихся звезд, пыли, обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками. Самое бешенное скопление в Галактике...— Он обернулся к ним.— И Молот там?

— Да,— ответил Рольф,— Молот там! — В голосе его сейчас звенел металл.

Что до Беннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано здесь. Чем он мог быть, этот странно названный Молот? Тот, о котором в Галактике шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сомхсея: «ГОСПОДИН, Я ВИДЕЛ НЕБО В ОГНЕ», и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Беннингу едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там,— свирепо повторил Рольф,— и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Беннинг почувствовал себя слабым, разбитым, повернулся к нему:

— Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Но даже шагая по коридорам позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. Ему, Нейлу Беннингу, или, Валькару или им обоим вместе — провести крейсер через звездные джунгли? Невозможно!

Джоммо поднял взгляд, когда они вошли в каюту. Его ненависть и гнев не уменьшились ни на волос, и все же Беннинг ощутил, что что-то в Джоммо изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф молча подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеоэкране, хоть он и был сбоку по курсу, все-таки хорошо видна была картина звездного шторма впереди.

— Не трать на меня свою утонченность, Рольф,— с легким раздражением сказал Джоммо.— Я уже видел.

— Во мне нет утонченности,— возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным.— Я просто иду вперед и делаю, что могу. Ты знаешь это: если я сказал, что мы собираемся идти в Скопление, мы пойдем туда. В твоем уравнении ты можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Беннинга.

— Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли мы получим свободу с Теренией?

— О, нет,— насмешливо ответил Рольф.— Не сразу... проклятые крейсеры все еще тащатся позади, и мы сразу окажемся в их власти. Нет, пока мы не выберемся обратно из Скопления.

— Он не хочет этого, он боится,— внезапно сказал Джоммо, по-прежнему глядевший на Беннинга.

Беннинг знал, что это правда. И почувствовал ненависть к Джоммо.

— Я не боюсь,— ответил он,— и должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой.

— Я не могу допустить гибели Терении и все сделаю.— Обращаясь к Рольфу, он добавил: — Но не принимай близко к сердцу, если выйдет не так, как ты расчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хоть это и казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что можешь играть в разумного человека как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернется к Валькару полностью, если разум его не будет здоровым и мощным, без изъянов и слабостей, то Терения и ты долго не проживете.

— Обещаю,— сказал Джоммо,— что все будет по твоим словам. И все же — я знаю о разуме больше, чем ты. И думаю, что ты не знаешь, что творишь.

Он встал и внезапно превратился в ученого — спокойного, педантичного, уверенного. Он сказал, какое оборудование необходимо и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Беннинг остался. Его сердце бешенно колотилось, ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, ему вообще это не нравилось.

Машина, привезенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в звездных далеких мирах воплотились в эту вещь. И Беннинг в своем невежестве видел только кубический ящик с верньерами и странными круглыми окнами на лицевой стороне и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку и указал Беннингу на кресло. Джоммо молча опустил огромный шлем ему на голову.

Что именно обрушилось на Беннинга, он не знал: Возможно, электромагнитные волны вида, неизвестного науке Земли, успел подумать Беннинг. Что бы это ни было, оно вторглось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой неевклидовой геометрии и кружиться волчком под невероятной бездной. Боли не было. Было хуже, чем боль,— безумие скорости, света, полета, мрака, свистящий водоворот, который вращался в его черепе, но был достаточно велик, чтобы засосать в себя Вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучения освобождения памяти по мере того, как барьеры сгорали один за другим и нейроны отдавали запертые в них знания.

Руки Сомхсея, обнимавшие его, лицо Сомхсея, очень большое,— над ним и он сам — очень маленький и плачущий, потому что порезал колено.

Женщина. Терения? Нет, не Терения, волосы женщины золотые и лицо ласковое. Мама. Давно...

Сломанное запястье, но сломано оно не при падении с яблони в Гринвиле, что было одним из фальшивых воспоминаний, рушившихся и исчезавших под напором настоящих. Запястье, сломанное во время неудачной посадки на одну из планет Алголя.

Руины. Багровый Антарес в небе, он сам, полуобнаженный подросток, бегающий наперегонки с Арраки, среди поверженных статуй Катуна, играющий со звездами, выпавшими из рук.

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни, выздоровления, похвалы, наказания, учеба. Ты — В а л ь к а р — з а п о м н и э т о! И т ы б у д е ш ь п р а в и т ь с н о в а! Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов деталей, взглядов, поступков, мыслей.

Терения. Девочка Терения, моложе его — прекрасная, остроязыкая, ненавистная. Тэрэния во дворцовом саду; но это не Зимний Дворец, а громадное суровое здание в столице; обрывающая лепестки пурпурного цветка и насмехающаяся над ним, потому что он — Валькар никогда не сядет на трон.

Прекрасная Терения. Терения в его объятиях, пока он губами щекотал ее губы, смеющиеся и переставшие смеяться, когда он поцеловал ее. Тэрэния, не подозревавшая, как он ненавидит ее, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревающая, как

неистово он хотел ее сокрушить. Терения, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь,— это было легко, потому что кто мог не любить Терению, не быть ее добровольным рабом? — допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы и в них потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров.

Воспоминания: о звуках и цветках, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимому пластику древних, древних книг.

Развалины тронного зала, открытые небу, задумчивое озеро, звезды, ночь и отец. Скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. В ту ночь отец — рядом с ним, указывающий на звезды.

Указывающий на Скопление Лебедя, говоривший:

— Сын мой, Молот Валькаров...

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ — РЕВУЩИЕ, ГРОХОЧУЩИЕ СЛОВА И НАЗВАНИЯ!

Слова и поступки, факты — все аккуратно упаковано, а потом — пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Беннинг.

Теперь, через десять долгих лет, Валькар вновь родился. И не исчезли ни Нейл Беннинг ни те десять лет, когда он один был реален. Эти десять лет теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Беннинг закричали вместе, как один человек:

— Я вспомнил! Я вспомнил! — о, боже, я знаю, что такое Молот!

ГЛАВА 10

Он очнулся.

Теперь он знал, кто же он. Он — Кайл Валькар. НО ОН ТАКЖЕ, ПО-ПРЕЖНЕМУ, НЕЙЛ БЕННИНГ! Воспоминания Беннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет по-прежнему оставались у него, гораздо более сильные и живые, чем воспоминания Валькара о двадцати предшествующих годах!

Невозможно в один миг отбросить свое «я» последних десяти лет. Он продолжал думать о себе, как о Нейле Беннинге.

— Кайл! — голос Рольфа, хриплый от волнения.— Кайл!?

Беннинг открыл глаза. Шлема на голове не было, и он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял, пристально глядевший на него, Джоммо. На его лице невозможно было что-либо прочесть.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф кричал.— Где он? Как добраться? Что это?

Беннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо! Он вспомнил своего отца, Валькара давних лет, обучавшего его по звездной карте, висевшей на стене разрушенного дворца: «... желтое солнце по соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака — только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль... »

Да, он вспомнил это. И не только это. Он вспомнил то, о чем предпочел бы забыть — тайну Молота, о которой во всей Галактике знал только он.

Часть его, остававшаяся Нейлом Беннингом, в ужасе отшатнулась от того, о чем помнил Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначенное для разрушения основ Галактики, для разрушения...

Не следует думать об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Да это и не могло быть правдой. Даже Валькары древности, шагавшие по Галактике, как полубоги, даже они не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи.

— Кайл, вернись! Мы подходим к Скоплению, остались минуты и все зависит от тебя — ТЫ ВСПОМНИЛ?

Беннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

— Да... Я вспомнил... Достаточно, чтобы провести корабль через Скопление... Я так думаю...

Рольф поднял его на ноги...

— Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Беннинг, все еще не полностью оправившийся, ковылял за Рольфом, но когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян во тьме водоворота времени, «Солнечное пламя » мчалось на предельной скорости к скоплению Лебедя, и теперь они уже вошли в его дальние окраины. Миллионы солнц поглотили корабль, и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном пчелином рое.

К счастью Мрак был в этом квадрате, Мрак, за которым — тройная звезда, а рядом с ней желтое солнце, а на одной из планет желтого солнца — вещь, настолько ужасная, что...

Нет. Сейчас для этого нет времени, нет времени дрожать в тисках страха. Позже, если ты останешься жив, позже сможешь взглянуть в лицо немыслимому.

НО СМОЖЕШЬ ЛИ? И ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, КОГДА

НЕЛЬЗЯ СТАНЕТ И ДАЛЬШЕ УКЛОНЯТЬСЯ И ОТКЛАДЫВАТЬ, КОГДА ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬ В РУКИ МОЛОТ И...

Бехрент смотрел на него. На него смотрел и Рольф, и техники, и их лица странно блестели в сиянии Скопления.

— Корабль ваш,— тихо сказал Бехрент.

Беннинг кивнул. На миг его часть, бывшая Нейлом Беннингом, отпрянула в ужасе и неведении, но Валькар — вновь разбуженная часть — сначала бросил взгляд на окружавшее корабль множество звезд, а потом на экран в рубке, на котором выводились длинные данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Беннинга, по его лбу текли крупные капли ледяного пота.

— Встань,— приказал ему Беннинг и занял место мужчины.

И память вернула его прошлое, оживила умершие навыки и позабытые знания. Ожили пальцы и ощутили каждую клавишу, пульс и дрожание корабля.

Он знал, что делать. Он снова был Валькаром. Он снова был молодым и швырял бешенно мчавшийся корабль между дикими солнцами Геркулеса, несся через туманность Ориона, обучался мгновенно и хладнокровно вычислять и применять единственно правильное решение — обучался всему, что когда-либо поможет ему пройти через скопление Лебедя и...

Нет! Не думай об этом! Управляй кораблем, веди его вперед. Теперь на тебе долг и тебе нельзя умереть. Твоя смерть обеспечит настоящее, но не будущее. Это создали Валькары и теперь на тебе долг.

Кроме того, здесь Терения. Ты ведешь корабль, на котором находится и она, отвечаешь также и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его вперед!

«Солнечное пламя» летело вперед, крошечная пылинка устремилась в горнило Скопления. Там снаружи, за звездами, окаймлявшими Скопление, корабли имперских сил замедлили ход и неподвижно повисли в пустоте. В сотнях командных рубок сотни капитанов бессильно смотрели, как маленькая блестка уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане.

Под руками Беннинга — под руками Валькара — напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя ужасное тяготение звезд-чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем, мчавшихся в диком танце за иллюминатором. Тишину нарушала лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец, а тем временем корабль плыл в гравитационном потоке. Понемногу толчея звезд уходила в сторону, и перед ними открылся Мрак — черное облако, глубоко врезавшееся в тело Скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты, с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад — сложная ткань окольного пути в Скоп-

лении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

— Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Даже просто войти в Скопление — самоубийство, а дальше еще такой танец...

Корабль вышел к дальней границе Мрака, и появился новый ряд звезд, и среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфиро-синим. А там, за тройной звездой — желтое солнце.

«... только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит корабль... »

Звезда типа С при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого солнца. Беннинг направил к ней корабль, думая о жестокой иронии совпадения — эта звезда, затерявшаяся в глубинах дикого Скопления Лебедя, так напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, и под ними проплывало западное полушарие планеты, ощетинившееся горными пиками.

Горной гряды раньше не было, но сразу за ней половину полушария занимало плато очень древней формации, насколько вообще что-нибудь может быть стабильным в этой изменчивой Вселенной. Плато было ровным и пустым, а в центре его стояло сооружение.

Беннинг посадил «Солнечное пламя» рядом с сооружением. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, раздались слегка истеричные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники и другие люди столпились вокруг Беннинга. Он поднялся, тряхнул головой и отстранил собравшихся. Рольф начал было выкрикивать какие-то слова триумфа, но Беннинг посмотрел на него, и Рольф умолк.

— Возьми Джоммо и Терению,— сказал ему Беннинг.— Они имеют право увидеть конец. Они проделали долгий путь, чтобы увидеть его.

Беннинг повернулся и пошел один по коридору к воздушному шлюзу, один, не считая своей двойной тени — обоих Арраков. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат девственного воздуха мира, которым никогда не пользовался человек. За исключением одного раза.

Беннинг пошел по бесплодной равнине. Солнце высоко висело в чистом голубом небе, на котором кое-где виднелись пятнышки небольших облаков. «Именно такое небо,— подумал он,— было в тот день на Земле под Гринвилем.» Он содрогнулся, воздух вдруг показался хо-

лодным. А перед ним плывущим облаком возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячелетие назад созданное человеком.

— Конечно человеком,— негромко повторил Сомхсей, эхом отзываясь на мысли Беннинга.— Какое еще существо способно додуматься до такого?

Беннинг повернулся к нему:

— Теперь я знаю, что значит увиденное тобой в огне небо.— Лицо Беннинга было совершенно белым, и на его плечах лежала тяжесть миров — миров, звезд, жизни людей, полулюдей — всех живых существ в Галактике.

Сомхсей склонил голову.

— Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Терении вышел Рольф. Они направились к Беннингу. Свежий ветер развевал их волосы и трепал одежду.

Лицо Беннинга исказилось, словно в агонии. Он снова двинулся к Молоту.

Тот вздымался ввысь, стоя высоко на платформе величиной с Манхэттэн, по крайней мере, такой она показалась ошеломленному Беннингу. Чем-то Молот походил на орудие, чем-то на... Нет, он ни на что не походил. Только на себя. Он был первым и единственным Молотом, началом, экспериментом в затерянном секретном месте, где было достаточно материала для его создания, и откуда он мог достичь...

Беннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то колдуном из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем планета, на которой она стояла. Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривания, ни коррозия.

Внутрь Молота вела дверь из металлическо-керамического сплава и за ней были пульты управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сомхсею, Беннинг резко приказал:

— Не впускай их сюда!

Арраки посмотрел на него. Что светилось в его странных глазах? Любовь, вера, отвращение, ужас? У самого Беннинга в мыслях не было определенности.

Его горло болезненно сжималось, руки тряслись, как у старого паралитика.

Сейчас, теперь! Быть Старой Империи и трону Валькаров под сенью знамен, под изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Терении не только себя, но и Рольфа, Бехрента и всех остальных?

Беннинг положил руку на грудь и нащупал на тунике сверкающий драгоценными камнями символ — пылающее солнце. И внезапно шаг-

нул в тишину комнаты прямо к рычагам древних машин, удерживающих в своих недрах мощь Молота.

Он помнил все, тысячилетиями передававшееся от отца к сыну, и все записи древних книг архивов. Они горели в его мозге, глубоко вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все, и руки его работали быстро.

Вскоре он вышел из комнаты и спустился вниз по лестнице, где его ждали Джоммо, Терения, Рольф и Арраки — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Беннинг сказал: «Подожди ». Он смотрел вверх. С колоссального указательного пальца Молота сорвалась длинная молния угрюмого темно-красного цвета. Гигантская молния метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу — и исчезла.

И больше ничего.

Беннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас свершения великого святотатства. Он сделал это, чего никогда не делал ни один человек и ужаснулся.

К нему повернулся Рольф, его лицо выражало дикое нетерпение. Терения и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

— Что, он не работает? — спросил Рольф.— Его лицо выражало дикое нетерпение.— Молот, он...

Беннинг заставил себя говорить. Он не смотрел на Рольфа, он смотрел на растущее солнечное пятно, появившееся на желтом диске и особенно подчеркивающего яркость солнечного пламени. В нем рос ужас от своего поступка.

— Он работает, Рольф. О, Боже, он работает...

— Но как?! Что...

— Молот,— хрипло сказал Беннинг, этот Молот разбивает звезды.

Они не смогли сразу вместить знание в свой разум — так дико и страшно оно было. Да и как могли бы это сделать они, если его собственный разум отшатывался от него все эти жуткие часы.

Он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть зависят теперь от этого.

— Звезды,— с трудом начал он,— практически любая из них потенциально нестабильна. Ее ядро служит топкой, где в ядерных реакциях горит главным образом водород. Ядро окружает массивная оболочка гораздо более холодной материи с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной топки удерживает холодную оболочку от коллапсирования.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он должен заставить их понять — или погибнуть.

Беннинг закричал:

— Молот выбрасывает открывающий луч — почти ничто в сравнении с массой звезды, но этого укола достаточно, чтобы открыть путь

энергии ядра на поверхность. А без давления, создаваемого этой энергией и удерживающей оболочку...

Выражение понимания, смешанного с благоговейным страхом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь,— прошептал он.

— Да. Да, и ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

Холодная оболочка, обрушивающаяся в сверхгорящее ядро — причина появления Новой...

— Новой?! — Рольф наконец понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его.— Так Молот может одолеть любую звезду Новой?!

— Да!

Несколько секунд ужасающая дерзость такой мысли не позволяла Рольфу думать о чем-либо еще.

— Господи, Молот Валькаров... Он может уничтожить звезду и все планеты...

Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности. Он смотрел на Беннинга.

— Ты использовал его для этой звезды? И эта звезда станет Новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Беннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не можем взять его, он слишком огромен... значит, он погибнет, когда погибнет планета?

— Да, Рольф.

— Ты... уничтожил Молот?

— Да, когда этот мир погибнет — через несколько часов,— вместе с ним погибнет и Молот.

Беннинг ожидал от Рольфа крика, отчаянных упреков, удара, даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, проведенной в услужении Валькарам, жизнью, стержнем которой была надежда достигнуть Молота, который поможет вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом — все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа опустились понуро. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

— Ты должен был сделать так, Кайл.

Сердце Беннинга подпрыгнуло.

— Рольф, ты понял?

Рольф кивнул медленно и тяжело.

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, неудивительно,

что Галактика восстала против Старой Империи! Убивать звезды — слишком ужасно, слишком НЕПРАВИЛЬНО...— После секундного молчания он с трудом добавил: — Но это нелегко — отказаться от мечты...

Терения смотрела на него широко открытыми, изумленными глазами, и сейчас краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Беннинга.

— Кайл Валькар,— нерешительно сказал Джоммо,— не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас также и другой человек — землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За это время, такое краткое, но показавшееся таким долгим, вокруг потемнело.

Беннинг посмотрел вверх.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль, так облачко служит предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете. Сомхсей и Киш, уродливые и спокойные, молча ждали. Очертания зловещей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

— У нас мало времени,— заставил себя говорить Беннинг.— Его может оказаться меньше, чем я рассчитывал. Нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к «Солнечному пламени». И вдруг страх охватил Беннинга, страх, которого никогда не приходилось испытывать человеку. Звезда вот-вот взорвется, и тогда планета, по которой они сейчас идут, в расширяющейся оболочке умирающего светила, как бабочка, сгорает в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Беннинг, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожь в руках, теперь от него снова зависели жизни всех людей на корабле. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускнело и...

— Не смотреть,— крикнул Джоммо.— Светофильтры на экраны! Светофильтры! Быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю, и корабль вышел из повиновения. Беннинг, яростно нажимавший на клавиши, мельком увидел звезды, в безумном хороводе мчавшихся теперь через затемненные экраны. И по мере того как корабль вращался, в поле зрения попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свой смертоносный бутон с поражающей быстротой. Она заставила поблекнуть сияние Скопления, а Мрак дико вспыхнул отраженным светом. Казалось, вся Галактика, содрагаясь, отшатнулась от нестерпимого блеска взрывающейся звезды. Звезды, которую он убил...

Корабль продолжало крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло из вида.

Тройка звезд — зеленая, красная, голубая — возникла в грозной близости, и крейсер несло на них. Беннинг ударил по клавишам и рванул корабль вверх, но крейсер сорвался обратно, и снова Беннинг дрался за освобождение, и снова, снова...

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумившими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Только медленно-медленно сознание Беннинга начало воспринимать что-то помимо клавиш под пальцами, медленно-медленно он понял, что самые сильные волны энергии прошли, что «Солнечное пламя» практически обрело устойчивость и удаляется от внушающего трепет пожара, охватившего небо позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Беннинг его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался слеп и глух. н г его не

Но наконец Беннинг все же услышал голос — голос из древних-древних времен, всего лишь шепот, но этот шепот проник сквозь броню, которую не могли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Беннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сомхсея. Он перевел взгляд на видеоэкран. Крейсер мчался через окраины Скопления, и впереди открылись широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Беннинг понял: они боялись, что он слегка помешался.

Он поднялся, и за пульт сел Бехрент. Беннинг обвел взглядом белые лица вокруг него и посмотрел на задний видеоэкран. Там позади, теперь далеко позади, он увидел за дальней границей Мрака великолепный погребальный костер.

— Кайл,— хрипло сказал Рольф,— Кайл, послушай...

Беннинг не слушал. Он убил звезду, и теперь на нем бремя космической вины и ему было невыносимо видеть их лица и слушать их слова. Он прошел мимо них, проковылял по коридору в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там позади дело своих рук.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось прошли долгие годы, прежде чем открылась дверь и вошла Терения.

— Кайл, Кайл!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и странным, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

— Тэрэния... Рольф и Хорик, и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они пошли за мной. А я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для своей Галактики!

— Знаю. Но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего флота, который ждет нас там. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Терения, скажи об этом Рольфу сама.

Она вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо, Сомхсей. Рольф быстро взглянул на Беннинга и вздохнул.

Терения заговорила с ним, и брови Рольфа сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару? Нет!

— В своих мыслях она не желает смерти Валькару,— шепнул Сомхсей.

— Нет,— сказала Терения.— О, нет!

Беннинг посмотрел на нее. Он первый раз за это время разглядел ее лицо и увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Тэрэния?

В ее глазах появились слезы, но голос остался твердым.

— Не человек из прошлого, не только Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну что ж...— Он отвернулся с опечаленным лицом, потом повернулся обратно и протянул руку.— Я ненавидел Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них: на Беннинга, на Терению.

— Но я думал, что в лучшем случае вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю,— сказала Терения.— Когда-нибудь — и не так уж долго осталось ждать — Империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд, как и все мы. Добро пожаловать, если пожелаете к себе домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю, но просто в Империю.

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф.— Так значит, Валькар все же может сесть на трон?

Старая имперская гордость вспыхнула в глазах Терении.

— Не на трон, нет! — Но на ее лице, обращенном к Беннингу, было написано волнение.

Беннинг взял Терению за руку. Они не были влюбленными, пока они были лишь незнакомцами, раз он теперь не тот человек, которого она

когда-то любила. Но может быть новый человек, Беннинг-Валькар, сможет завоевать то, что завоевал и отбросил Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его и, как он думал, не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих межзвездных просторах была его родина, его будущее, его дом.

ТАЙНА СИНХАРАТА

Животное, понукаемое темнокожим седоком, уже много часов неслось по марсианской пустыне и совсем выбилось из сил. Теперь оно поминутно спотыкалось и оступалось, а когда всадник ругал его и всаживал каблуки в чешуйчатые бока, лишь поворачивало голову и шипело. Проковыляв еще немного по направлению к песчаному холму, оно остановилось и опустилось на песок.

Человек спешился. Глаза животного горели в свете маленьких лун, как два зеленых фонаря, и он знал, что понукать его бесполезно.

Он оглянулся, оглядывая путь, которым примчался сюда.

Вдали виднелись четыре темных силуэта — единая группа среди полной пустыни. Они быстро приближались. Через несколько минут они будут здесь.

Он постоял, решая, что делать. Впереди, далеко впереди маячила низкая гряда, а за грядой лежал Валкис и безопасность. Но теперь они были недосягаемы до него. Справа от него поднималась к небу одинокая скала с разбросанными у подножия валунами.

«Они пытались схватить меня на открытом пространстве,— подумал он.— Но здесь, у девятого Ада, им придется попотеть.»

Он побежал к скале с той быстротой, какая возможна лишь для животного или дикаря. Сложением он был чистый землянин — выше и плотнее, чем казался с виду. Ветер пустыни был резким и холодным, но он как будто не замечал его, хотя на нем была лишь поношенная рубашка из венерианского шелка, открытая на груди.

Кожа его была почти также темна, как и черные волосы, ее сделали такой годы, проведенные под беспощадным солнцем. Но глаза его были удивительно светлыми и сейчас ярко блестели, вбирая в себя бледный свет луны.

С легкостью ящерицы он заскользил по неровным обломкам валунов. Найдя место, находящееся под прикрытием скалы, он сел на корточки и опустил голову.

Потом он вытащил из кармана револьвер и замер. В его абсолютной

неподвижности было сверхъестественное, нечеловеческое терпение, родственное терпению окружающего его камня.

Приближающиеся темные тени стали вырисовываться в четкие силуэты четырех всадников.

Они обнаружили животное в том месте, где оно лежало, тяжело дыша, и остановились. Цепочка следов, полузанесенная ветром, но все еще достаточно ясная, показывала в какую сторону ушел человек.

Главный дал знак, и остальные спешились. С быстротой, свойственной солдатам, они вытащили из сидельных сумок оборудование и принялись его монтировать.

Человек, притаившийся под скалой, узнал обретавший форму предмет. Это был бэннинг. И все равно человек не собирался покидать своего укрытия.

Он не мог достать своим оружием преследователей, а ближе они не подойдут. Бэннинг же, обладающий мощным энергетическим лучом, достанет его мертвого или бесчувственного, как им захочется.

Он вложил бесполезный пистолет в кобуру. Он знал, кто эти люди и что они хотят от него. Это офицеры Земного Полицейского Контроля, они несли ему награду: двадцать лет в лунных камерах-блоках.

Двадцать лет в серых катакомбах, похороненных среди молчания и вечной темноты.

Он сознавал неизбежность наступающего — голод, боль, одиночество, безысходность. В свое время он познал большую часть перечисленного. И все же он не собирался сдаваться на милость победителя. Он посмотрел на пустыню, на ночное небо, и глаза его загорелись отчаянием. Странно прекрасные глаза, серые глаза существа, стоявшего у черты жизни, существа, одновременно менее и более великого, чем человек.

Предводитель отряда, медленно направился к скале, подняв правую руку:

— Эрих Джон Старк! — крикнул он.

Ветер ясно донес его голос, и темноволосый человек сжался в своем укрытии.

Всадник остановился. Он заговорил снова, на этот раз на другом языке. Это не был земной, марсианский или венерианский язык, но незнакомый и странный, такой же резкий и полный жизни, как те, залитые светом марсианские равнины, что его породили.

— О, Н'Чака, человек без племени, я взываю к тебе!

Последовало долгое молчание. Всадник и его животное словно застыли в ожидании.

Эрих Джон Старк вышел из тени.

— Кто называет меня Н'Чакой?

Всадник явно почувствовал облегчение. Он ответил по-английски:

— Ты прекрасно знаешь, кто я такой, Эрих. Мы можем мирно поговорить?

Старк пожал плечами:

— Конечно.

Он пошел навстречу всаднику. Тот спешился и в свою очередь направился навстречу Старку. Он был небольшим и жилистым, этот офицер из ЗПК, но в нем ощущалась та железная воля, что отмечала всех жителей планетных границ. Эти планеты — сестры, не были теми запретными мирами, какими казались когда-то с расстояния в миллионы миль, и на них тоже жили люди, потомки тех, кто когда-то давным-давно основал эту систему. Но все эти миры были жестокими, и также, как они оставили свои отметины на Старке, они оставили их и на этом человеке: на его седеющих висках, на выдубленной солнцем коже, на твердом ироническом лице и в умном взгляде темных глаз.

— Давно это было, Эрих,— сказал он.

Старк кивнул.

— Шестнадцать лет назад.

Несколько мгновений мужчины изучали друг друга, потом Старк сказал:

— Я думал, что ты все еще на Меркурии, Эштон.

— Нас всех отозвали на Марс.— Он вытащил пачку сигарет.— Закуришь?

Старк взял сигарету. Он склонился над спичкой, зажженной Эштоном, а потом они молча стояли и курили. Ветер крутил песок у их ног, а трое патрульных ждали у Бэнинга. Эштон ничем не рисковал. Электролуч оглушал мгновенно. Потом он сказал:

— Я буду жесток, Эрих. Я хочу тебе кое-что напомнить.

— Оставь свои слова при себе,— возразил Старк.— Ты меня схватил, больше разговаривать не о чем.

— Да,— согласился Эштон,— я тебя схватил, и мне понадобилось на это чертова прорва времени. Вот почему я хочу поговорить с тобой.

Взгляд его темных глаз встретился с холодным взглядом Старка.

— Вспомни, кто я такой, Саймон Эштон! Вспомни, кто пришел, когда шахтеры той долины на Меркурии посадили мальчика-дикаря в клетку и собирались его прикончить, подобно тому, как они прикончили все выросшее его племя. Вспомни все последующие годы, в течение которых я делал из дикаря цивилизованного человека.

Старк не без юмора рассмеялся:

— Тебе бы следовало оставить меня в клетке. Наверное, когда меня поймали, я уже был потерян для цивилизации.

— Может быть, я об этом не думал. Во всяком случае я тебе напоминаю,— сказал Эштон.

Без особой горечи Старк произнес:

— Ни к чему вдаваться в сантименты. Я знаю, что взять меня — твоя работа.

Эштон подчеркнуто проговорил:

— Я не заберу тебя, Эрих, если только ты меня сам не заставишь это сделать,— и быстро, прежде чем Старк успел ответить, он продолжал: — Ты осужден к двадцати годам за то, что снабжал оружием племена Средних Болот, когда они восстали против Земляно-Венерианского союза, и еще за пару подобных дел. Хорошо. Я знаю, что несогласен с тобой. Но ты поставил себя вне закона и это несомненно. Теперь ты направляешься в Валкис. Ты собираешься впутаться в такое дело, что поймай я тебя после этого, мне пришлось бы отвезти тебя на луну на всю жизнь.

— И на этот раз ты со мной не согласишься?

— Нет. Почему ты думаешь, я едва не сломал себе шею, пытаясь найти тебя раньше, чем ты туда доберешься? — Эштон подался вперед, и лицо его было очень серьезным.— Ты заключил какую-нибудь сделку с Делгауном из Валкиса? Он за тобой посылал?

— Он за мной посылал, но сделка пока не заключена. Я на перепутье. Я получил сообщение от этого Делгуана, кем бы там он ни был, о том, что на Сухих Землях будет частная война и что он заплатит мне за помощь в ней. В конце концов, это мое же дело.

Эштон покачал головой.

— Это не частная война, Эрих. Это гораздо большее и неизвестное. Марсианский Совет Городов — Штатов и Земная комиссия обливаются холодным потом, но никто не может точно узнать, что происходит. Ты знаешь, что представляют собой города Лау-Канал — Валкис, Джеккара, Барракеш? Повиновение марсианским, не говоря уже о земных, законам не длится там больше пяти минут. Плюс печать молчания. Так что все, чем мы с тобой располагаем, это слухами.

— Фантастические истории о варварском главаре по имени Кинон, который, кажется, обещал и небо, и землю племенам Кена и Шуна. Нечто, связанное с культом Рама, который считался исчезнувшим тысячи лет назад. Мы знаем, что Кинон каким-то образом связан с Делгауном, самым удачливым из всех бандитов, и мы знаем, что некоторые из главарей преступного мира проходят фильтровку ради того, чтобы примкнуть к этим людям. Книхтон и Уэлш с Земли, Томиш с Меркурия, Эррод из колонии Калисто, и твой, насколько мне известно, старый товарищ по оружию — Лихар-венерианец.

— О, да,— сказал он.— Я об этом слышал.— Потом он помрачнел.— Сам можешь догадаться, Эрих. Варвары собираются подняться на борьбу, нечто вроде священной войны, прекрасно отвечающей отнюдь не священным интересам Делгуана и компании. В нее окажется втянутой половина мира: крови будет столько, что хватит даже на Сухие Земли — все это будет кровь варваров, и длиться она будет ради ложных обещаний,

а вся мразь Валкиса разжиреет на ней, если только мы не сможем каким-то образом помешать.

Он помолчал, потом сказал тусклым голосом:

— Я хочу, чтобы ты шел в Валкис, но как мой агент. Не хочу козырять тем, что ты окажешь услугу цивилизации — небесам известно, что цивилизации ты ничем не обязан. Но ты мог бы спасти многих людей своего сорта от кровавой резни, не говоря уже о пограничных районах Марса, чьи жители первыми падут под топором Кинона.

Кроме того, ты сможешь снять с себя угрозу двадцатилетнего заключения на Луне и, может быть, даже вызвать в себе желание стать человеком, а не тигром, блуждающим от одного убийства к другому.— Потом добавил: — Если ты выживешь...

Старк медленно проговорил:

— Ты умен, Эштон. Ты знаешь, какие чувства я испытываю ко всем планетным аборигенам, подобным тем, что вырастили меня, и взываешь к ним.

— Да,— согласился Эштон.— Я умен, но не лжец.— Потом он поднял голову и добавил: — То, что я тебе сказал — чистая правда.

Старк тщательно втер окурок в песок.

— Предположим, что соглашусь я стать твоим агентом, на этих условиях и отправлюсь в Валкис. Что же потом удержит меня от нарушения нашего договора?

Эштон мягко проговорил:

— Твое слово, Эрих. Когда знаешь человека с детства, достаточно хорошо его понимаешь. Твоего слова будет достаточно.

Они помолчали, потом Старк протянул руку:

— Хорошо, Симон... но договор только об этой сделке. Никаких дальнейших обещаний, так будет честно.

Они пожали друг другу руки.

— Я ничего не могу тебе предложить,— сказал Эштон.— Ты должен полагаться только на себя. Связаться со мной ты можешь через Бюро Земной комиссии в Тиракс. Знаешь, где это?

Старк кивнул.

— Да. На границе Сухих Земель.

— Удачи тебе, Эрих.

Эштон повернулся и пошел к тому месту, где его ждали трое остальных. Он кивнул им, и они размонтировали бэннинг. Потом все поскакали прочь. Ни Эштон, ни его спутники ни разу не оглянулись.

Старк следил за ними, пока они не исчезли из виду. Потом он глубоко вздохнул и распрямил плечи.

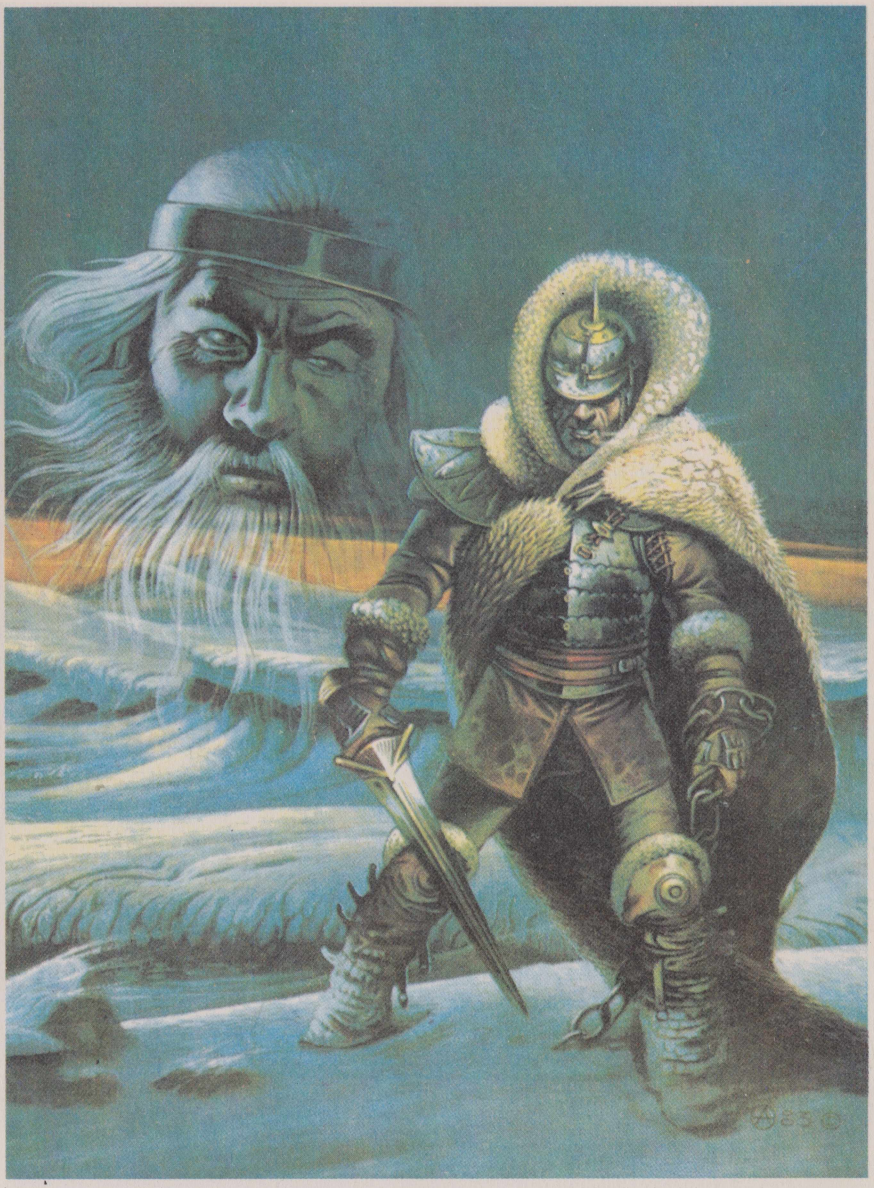
Сминая песок, он подошел к своему животному, которое уже отдохнуло и могло нести его на себе. Он взобрался на него и двинулся по пустыне.

Горная гряда все росла и росла по мере того, как он к ней приближался,

Зак. 4769 вклейка

а потом превратилась в цепочку низких побитых временами гор. Извиваясь между бесплодными каменными холмами, перед ним открылась тропа.

Он пересек ее и оказался на краю мертвого моря. Безжизненная пустыня простиралась в темноте, огромная и одинокая, как космос. А между дном моря и холмами Старк увидел сияние огней Валкиса.

Глава вторая

Огней было много, они сверкали далеко внизу. С высоты они казались крошечными, как булавочные уколы — пламя фонарей, обрамляющих Лау-Канал, ниточку черной воды, оставшуюся от канувшего в Лету океана.

Старк никогда не бывал здесь раньше. Теперь, посмотрев на город, растянувшийся вдоль склона под низкими лунами, он вздрогнул, как вздрагивает животное, почуявшее запах смерти.

Освещенные фонарями улицы были лишь незначительной частью Валкиса. Основная часть города протекала в нижней его части, расположенной на уровне моря. Пять городов, в самом старом из которых едва ли можно было узнать место, где прежде жили люди. Пять гаваней еще хранили свои доки и гавани, полузанесенные песком.

Пять эпох марсианской истории, увенчанных руинами дворцов старых пиратских королей Валкиса. Башни еще стояли разбитые, но неукротимые. И в свете луны они казались спящими, как будто грезили о голубой воде и шуме волн, о тяжелых, от ценного груза, кораблях.

Старк начал медленно спускаться по крутому склону. Каменные дома без крыш, застывшие в ночи, таили в себе что-то завораживающее. Плиты мостовых еще хранили отпечатки колес повозок, направлявшихся к базарам, и золоченых княжеских карет. Причалы были отмечены шрамами в тех местах, где бились о них корабли, волнуемые прибоем.

Все чувства Старка странно обострились. Их не мог притупить даже тот тонкий налет цивилизации, который он приобрел. Теперь ему казалось, что ветер несет эхо голосов, запах специй и свежей крови.

Он совсем не удивился, когда на последнем уровне, перед живой частью города, из тени выступили вооруженные люди и остановили его.

Это были худые, темнокожие люди, очень жилистые, шагающие почти беззвучно, а лица их были лицами волков — но не примитивных

волков, а существ цивилизованных столько веков назад, что память об этом успела изгладиться из их голов.

Они вели себя в высшей мере почтительно, и Старк без особых раздумий подчинился им.

Он назвал свое имя и сказал:

— Меня позвал Делгаун.

Предводитель отряда кивнул головой:

— Тебя ждут.

Его острый взгляд как бы вобрал в себя каждую черту землянина, и Старк понял, что человек запомнил описание его внешности до мельчайших подробностей. Валкис не спешил раскрывать свои ворота.

— В городе спросишь,— сказал главный,— и любой укажет тебе дорогу во дворец.

Старк кивнул и пошел молча по узким молчаливым улицам, залитым лунным светом.

Внезапно он очутился в нижней части города. Хотя было очень поздно, Валкис не спал, а был полон жизни, но жизни довольно безумной. Узкие, извивающиеся улочки были полны народа. С плоских крыш доносился женский смех. Фонари заливали золотым и алым светом вывески винных погребов, и вход в узкие улочки, из-за этих пятен света, казался еще более темным.

Старк оставил свое животное в сарае у канала. Загон был уже закрыт. Старк узнал длинноногих животных с Сухих Земель, а когда он вышел на улицу, мимо него прошел караван, наполняя воздух звоном бронзовых браслетов, шипением и шорохом песка. Наездниками были молодые варвары.

"Каши",— подумал Старк, судя по манере заплетать волосы в рыжеватые косы. На них были простые кожаные одежды, а их голубоглазые женщины держались в седлах с достоинством королев.

Валкис был буквально заполнен этими людьми. Казалось, много дней они шли и шли по дну моря из дальних оазисов пустынь. Коричневые воины Кеша и Шуна, отдыхавшие у Лау-Канала, где воды больше было, чем любой из них видел за всю свою жизнь.

Они были в Валкисе, эти варвары, но они не были частью города. Прокладывая себе путь сквозь эту толпу, Старк ощущал особый аромат, который, как он догадывался, никогда не менялся.

На площади, под быстрый ритм барабана танцевала девушка. Воздух был тяжелым от запаха вина, смолы и ладана. Худой, ловкий валкисянин в ярком кильте и украшенном драгоценными камнями поясе, танцевал с девушкой. Когда он поворачивался и резко менял позу, зубы его ярко сверкали на улыбающимся лице. В конце концов, он смеясь, схватил ее и перекинул через плечо так, что ее темные волосы заструились по спине.

Женщины смотрели на Старка, грациозные, как кошки, голые до пояса,

в разрезанных до бедер юбках. На них не было никаких украшений, кроме тоненьких золотых поясков — обязательной части одежды на Лау-Канал, и воздух был наполнен нежным, чувственным их позвякиванием.

Душа Валкиса была веселой и бесшабашной. За свою жизнь Старк побывал во многих местах, но ни одно из них не жило в таком дьявольском ритме, невероятно древнем, но отчетливом и веселом.

Наконец он отыскал дворец — огромное беспорядочное сооружение из добытого в карьерах камня, чьи двери и стены, обитые бронзой, были закрыты от пыли и непрестанно дующего ветра. Он назвал свое имя охране и был пропущен внутрь. Его провели по залам, стены которых были украшены древними коврами, а полы истоптаны бесчисленным количеством ног, обутых в сандалии.

И снова шестое чувство Старка подсказало ему, что жизнь за этими стенами не была мирной. Сами камни шептали о древних насилиях, а укромные уголки казались полными духов.

Его ввели в большую центральную комнату, служившую штаб-квартирой Делгауна, повелителя Валкиса.

Делгаун был худым человеком с быстрыми, как у кота движениями — типичный представитель своей расы. В его черных волосах пролегали серебряные нити. Лицо, отмеченное суровой красотой, было сильным и жестоким. Юношеская мягкость черт давно покинула его. На нем была надета великолепная кольчуга, а глаза, под прекрасными бровями, походили на капли расплавленного золота.

При появлении Землянина он поднял голову — один быстрый вопрошающий взгляд. Потом он сказал:

— Ты — Старк?

Что-то страшное было в этих глазах, ярко-желтых и умных, как у ястреба, но скрывающих нечто, как будто они никогда не позволяли прорваться наружу истинным мыслям и чувствам.

Инстинктивно Старк не взлюбил его. Однако, он кивнул ему и прошел к длинному столу, перенося внимание на прочих обитателей комнаты. Горстка марсиан, главари и воины, судя по украшениям и осанке, и несколько чужеземцев в нелепых для этого места одеяниях.

Старк знал их всех. Книхтон и Уэлш с Земли, Томис с Меркурия, Эррод из колонии Калисто... и Лухар с Венеры. Пираты, пираты, воры, перебежчики и каждый особый в своем роде.

Эштон был прав. Между Валкисом и Сухими Землями затевалось что-то очень большое и очень мерзкое.

Но эта мысль лишь промелькнула в мозгу Старка. Его внимание было сосредоточено на Лухаре. Горькие воспоминания и ненависть закипели в его груди, как только он увидел венерианина.

Человек этот был красив. Уволен из венерианской гвардии офице-

ром, очень стройный, очень элегантный, с коротко подстриженными светлыми вьющимися волосами. Темная туника, как вторая кожа облегала его тело. Он произнес:

— Абориген! А я думал, что нам и так хватает варваров.

Старк ничего не ответил. Он молча двинулся в его сторону.

Лухар быстро проговорил:

— Не стоит сердиться, Старк. Прошлые счеты остались в прошлом. Теперь мы на одной стороне.

Землянин заговорил, и в его голосе была странная мягкость...

— Однажды мы уже были на одной стороне против Земляно-венерианского союза. Помнишь?

— Прекрасно помню.— Лухар обращался не только к Старку, но и ко всем присутствующим в комнате.— Я помню, как твои невинные друзья-варвары привязали меня к камню на болотах, а ты наблюдал за происходящим с откровенным удовольствием. Если бы не люди из компании, подоспевшие вовремя, я бы там и сгнил.

— Ты нас предал и заслужил то, что получил.

Заговорил Делгаун. Он не повышал голоса, но все же Старк понял, что это приказ.

— Здесь драки не будет. Вы оба — мои наемники, и, пока я вам плачу, вы должны забыть о личных счетах. Вы поняли?

Лухар кивнул и сел, улыбаясь уголками рта Старку, который продолжал стоять, глядя сузившимися глазами на Делгауна.

Он все еще был во власти своей ненависти к Лухару. Руки его сводило от желания нанести смертельный удар. Но даже в таком состоянии он ощутил силу Делгауна.

Звук, напоминающий рычание животного, вырвался из его груди. Старк с трудом овладел собой. Уступи он своему гневу, он бы бросил вызов Делгауну. И если бы это случилось, он не мог бы выполнить того, что поручил ему Эштон.

Он пожал плечами и сел за стол с остальными.

Уэлши с Земли вскочил и, покачиваясь всем корпусом, отрывисто спросил:

— Сколько нам еще ждать?

Делгаун налил вина в бронзовый кубок.

— Не жди моего ответа,— бросил он и протянул кубок Старку.

Старк отпил немного, вино было теплым и сладким. Он пил медленно, сидя в удобной, свободной позе, в то время, как остальные курили и нервно вскакивали и расхаживали по комнате.

«Интересно,— подумал Старк,— кого или чего они ждут?»

Но спрашивать он не стал.

Время шло.

Но вот Старк поднял голову и прислушался:

— Что это?

Менее чуткие уши остальных не уловили ничего, но Делгаун встал и распахнул ставни ближайшего окна.

Марсианская заря, сверкающая и яркая, заливала ослепительным светом дно мертвого моря. За черной линией канала, по вздымаемому ветром песку к Валкису двигался караван.

Это был необычный караван. Перед ним и позади него ехали воины, и острия их копий блестели в лучах восходящего солнца. Конские сбруи были в драгоценных камнях, носилки с покрывалами алого шелка производили впечатление варварской пышности.

Дикий посвист дудок и рокот барабанов наполнили воздух.

Старк уже и сам догадался, кто это выходит из пустыни, подобно королю.

Делгаун издал хриплый звук.

— Это Кинон, наконец-то,— сказал он и отошел от окна. В глазах его светилась какая-то забавлявшая его мысль.

— Идемте приветствовать Держателя Жизни.

Вместе со всеми Старк вышел на запруженные людьми улицы, и на город опустилась тишина. Как валкисяне, так и варвары были охвачены единым, лишающим дара речи восторгом. Они шли и шли к каналу по узким улицам.

На большой площади рынка рабов Старк оказался возле Делгауна, стоящего на огромном камне, что возвышался над толпой, молчаливое ожидание которой, не могло обмануть никого.

Под бой барабанов и визг дудок в Валкис входил Кинон из племени Шун.

Глава третья

Караван вышел на площадь рынка рабов, и люди притиснулись к стенам, освобождая ему путь. Цоканье копыт по камням, звон и лязг кольчуг, блеск копий и широких с двумя лезвиями мечей, характерных для Сухих Земель, и при этом стук барабанов, от которого замирало сердце, и вопли дудок, от которых стыла кровь. Даже Старк ощущал на себе их действие.

Стража, шагающая впереди, достигла квартала рабов. И внезапно барабанщики опустили палочки, дудки умолкли, и на площадь опустилась тишина.

Она длилась почти минуту, а потом имя Кинона, выкрикнутое каждым варваром, заставило городские камни ответить ему эхом.

Человек соскочил с животного и поднялся на высокий камень, где все могли его видеть. Руки его взметнулись в приветствии.

— Я приветствую вас, братья мои!

И снова раздались крики.

Старк изучал Кинона и удивлялся его молодости. Он ожидал увидеть седобородого пророка, а, вместо этого, перед ним оказался человек с хорошо развитой мускулатурой и загорелыми плечами. Воин, почти такой же высокий, как он сам.

Глаза Кинона были ясными и невероятно синими, лицо — как у молодого орла. Голос его таил в себе ту потаенную мелодичность, что взвинчивает толпу до безумия.

«Старк перевел взгляд на восхищенные лица людей.»

Даже валкисяне поддались общему настроению, подумал он и решил, что Кинон — самый опасный человек из всех когда-либо виденных им. Этот рыжеволосый варвар, в кильте из узорчатой цвета бронзы кожи уже при жизни был полубогом.

Кинон крикнул капитану своей охраны:

— Приведите пленного и старика!

Потом он вновь обернулся к толпе, призывая ее к молчанию. Когда на площади все стихло, вновь послышался голос Кинона.

— Есть еще люди, кто сомневается во мне. И в этот день, прямо сейчас, я представлю вам доказательства своей справедливости!

Вздох пронесся над толпой. Люди Кинона втаскивали на камень древнего старика, настолько согнутого годами, что он едва мог стоять, и юного землянина. Мальчик был закован в цепи. Глаза старика горели безумным огнем, и он смотрел на мальчика с ужасающей решимостью.

Старк, отойдя в сторону, стал наблюдать за ними.

Носилки с алыми занавесками стояли теперь возле камня. Девушка-валискянка стояла возле них, глядя вверх. Старку показалось, что ее глаза смотрят на Кинона с тщательно скрываемой ненавистью.

Он перевел взгляд на носилки и увидел, что занавески слегка раздвинулись. За ними виднелась женщина, лежащая на подушках. Он не мог разглядеть ее, как следует, а лишь увидел, что волосы ее подобны темному племени, а сама она улыбается, глядя на старца и обнаженного мальчика. Потом взгляд ее глаз, казавшихся очень темными в полумраке носилок, устремился в другом направлении, и, следуя ему, Старк увидел Делгауна. Каждый мускул тела его был напряжен, и он, не отрываясь, смотрел в сторону носилок.

Старк едва заметно улыбнулся. Чужеземцы наблюдали за происходящим с полным цинизма любопытством. Толпа вновь погрузилась в молчание, полное напряженного ожидания. Солнце светило с пустого неба. Ветер вздымал пыль и остро пахло живой плотью.

Старк протянул руку, коснулся гладкого плеча мальчика, и обнажил в беззвучном смехе синеватые десны...

Кинон заговорил снова:

— Есть еще такие, кто во мне сомневается, я это знаю! Такие, кто усмехается, когда я говорю, что владею древней тайной Рама, тайной того, как переместить дух одного человека в тело другого. Но после се-

годняшнего дня не останется никого, кто бы стал сомневаться в том, что я владею этой тайной. Сам я не Рама.— Он скользнул взглядом по своему крепкому телу, полубессознательно напряг мускулы и рассмеялся.— Зачем мне быть Рама? Мне пока ничья помощь не нужна.

Толпа ответила ему непристойным смехом.

— Нет,— продолжал Кинон,— я не Рама, я такой же человек, как и вы. И также, как и вы, я не имею желания стареть и в конце концов умереть.

Он резко повернулся к старику.

— А ты, дед, хотел бы снова стать молодым, чтобы драться в битвах и выбирать женщин по своему вкусу?

— Да! Да! — прошепелявил старик и жадным взглядом посмотрел на мальчика.

— И ты им будешь! — голос Кинона звенел божественной силой. И вновь он обратился к толпе.— Я провел годы в пустыне, в одиночестве и в поисках потерянной тайны Рама. И я узнал ее, братья мои! Я — один! Я держу ее вот этими руками. Ими я и начну новую эру для вас и наших Сухих Земель.

— Да, но нам предстоит сражаться. Нам предстоят кровавые битвы, а когда все будет кончено, и люди Кена и Шуна освободятся от своих пут, а люди Лау-Канала вернут свою прежнюю силу, тогда я дам новую жизнь, бесконечную жизнь всем, кто следовал за мной. Старые, увеченные и раненые смогут выбрать себе новые тела, взяв их у пленных. Не будет больше ни старости, ни болезни, ни смерти!

Единый вздох вырвался из глоток присутствующих. Глаза их горели кровожадным огнем, а рты были открыты в приступе того голода, что так легко охватывает человека.

— Если кто-то еще сомневается в моем обещании,— сказал Кинон,— смотрите, я покажу вам!

Они смотрели, не шевелясь и едва дыша.

Медленно и мрачно забили барабаны. Капитан воинов с экскортом из шести человек подошел к носилкам и взял из рук женщины что-то завернутое в шелк. Неся свою ношу так, как будто ценность ее была выше человеческого понимания, он подошел к камню и взобрался на него. И Кинон принял сверток у него из рук.

Шелковые покрывала отлетели в стороны. В руках Кинона заблестели две хрустальные короны. Он высоко поднял их под лучами солнца, они загорелись холодным пламенем.

— Смотрите! — воскликнул он.— Корона Рама! — и толпа выдохнула одно: "Ах".

Барабанщики по-прежнему выбивали мрачную дробь. Они как будто вобрали в себя пульс самого мира. Одну корону он опустил на голову старика, и это скрюченное существо согнулось еще больше, как будто

пораженное внезапной болью. Но лицо его при этом выражало экстаз. Вторая корона увенчала голову испуганного мальчика.

— На колени,— сказал Кинон. И они опустились на колени. Стоя над ними, Кинон держал между двумя коронами жезл.

Жезл загорелся светом. Этот свет не был отражением солнечного. Голубой и дикий, он растекся по всему жезлу и переливался на короны так, что над головами старика и мальчика, подобно нимбу, возникло холодное сверхъестественное сияние.

Барабаны умолкли. Старик закричал, руки его дернулись к голове, потом к груди и там застыли. Внезапно он упал вперед. По телу его прошла импульсивная дрожь, и он застыл в неподвижности. Мальчик вздрогнул и тоже упал вперед, цепи его звякнули.

Свет в коронах потух. Кинон неподвижный, как изваяние, постоял так еще мгновение. Жезл все еще светился голубым светом. Потом растаял и этот свет, и тогда Кинон, опустив жезл, крикнул звенящим голосом:

— Старик, поднимись!

Мальчик зашевелился. Медленно, очень медленно он поднялся на ноги. Поднеся к лицу руки, он оглядел их, потом коснулся своих бедер, плоского живота, сильной груди. С крепкой юношеской шеи пальцы передвинулись к гладким щекам и пышным белокурым волосам под короной. Он испустил громкий крик.

Земной мальчик кричал на марсианском языке с великолепным акцентом Сухих Земель.

— Я в юном теле! Я снова молод!

Этот вопль экстаза потряс толпу. Она зашевелилась, как огромное животное. Мальчик упал на колени и обхватил руками ноги Кинона.

В этот момент Старк с недоумением обнаружил, что сам дрожит от волнения. Он бросил взгляд на Делгауна и чужеземцев. Валискянин скрывал за маской благочестия полную удовлетворенность. Прочие были полны восхищения и восторга, как и все остальные.

Старк слегка повернул голову и посмотрел на носилки. Занавески были уже задернуты, и алый шелк слегка колыхался от тихого смеха той, что пряталась за ними. Служанка, стоявшая рядом с носилками, не шевельнулась, но в ее взгляде, обращенном на Кинона, читалась открытая ненависть.

Потом начался полный бедлам. Кричали люди, били барабаны, визжали дудки. Короны и хрустальный жезл снова были завернуты в шелк и унесены. Кинон велел поднять мальчика и снять с него цепи. Он вскочил в седло, усадил рядом с собой мальчика и двинулся по улицам. Делгаун и чужеземцы сопровождали его.

На тело старика никто не обращал внимания. Несколько варваров Кинона завернули его в белое покрывало и унесли.

Кинон из племени Шун с триумфом вошел во дворец Делгауна. Стоя

возле носилок, он протянул руку женщине. Она опустилась на землю и вместе с ним вошла в бронзовую дверь.

Женщины племени Щун были высокими и сильными, такими, что могли делить с мужчинами не только радости любви, но и тяжести военных походов. И эта рыжеволосая дочь Сухих Земель была так хороша, что ее гордая поступь, белые плечи и дымчатые глаза могли заставить сражаться не одно мужское сердце. Старк издали следил за ней.

Теперь в зале совета собрались все: Делгаун и чужеземцы, Кинон и его рыжеволосая королева. Марсиан здесь было всего трое.

Кинон опустился на высокое сидение во главе стола. Лицо его сияло. Он вытер с него пот и, наполнив кубок вином, оглядел собравшихся.

— Выпьем, господа. Я произнесу тост.— Он поднял кубок.— За тайну Рама, за дар жизни!

Старк опустил кубок, так и оставшийся пустым, и посмотрел прямо в глаза Кинону.

— Ты не знаешь никакой тайны,— небрежно бросил он.

Кинон сидел очень прямо. Медленно он опустил кубок и поставил его на стол. Никто из присутствующих в комнате не шелохнулся, а голос Старка казался очень громким среди наступившей тишины.

— Более того,— продолжал он,— демонстрация на площади была ложью от начала до конца.

Слова Старка подействовали на присутствующих подобно взрыву бомбы. Черные брови Делгауна взлетели вверх, а женщина подалась вперед и смотрела на землянина с глубоким интересом.

Кинон спросил, ни к кому не обращаясь:

— Это что за черная обезьяна?

Делгаун объяснил ему.

— Ах, да,— сказал Кинон.— Эрих Джон Старк, дикарь с Меркурия.— Он угрожающе нахмурился.— Так... А теперь объясни мне, как это мне удалось солгать на площади?

— Конечно! Прежде всего, мальчик-землянин был пленником. Ему было сказано, что следует делать, чтобы спасти свою шкуру, и он честно сыграл свою роль. Во-вторых, кристаллический жезл и короны — просто шутовство. С помощью простого соединения Парселла ты получил электронный разряд, из-за которого возникло голубое свечение. В-третьих, ты дал старику яд, вероятно, с помощью острия на короне, когда ты надел ее ему на голову...— Старк помолчал.— Старик умер. Мальчик остался, сыграв свою роль — и дело было сделано.

Снова воцарилась тишина. Лухар пригнулся над столом. Лицо его светилось надеждой. Женщина смотрела на Старка не отрываясь.

А Кинон внезапно рассмеялся. Он хохотал, пока слезы не выступили у него на глазах.

— Но представление было отличным,— выговорил он наконец,—

чертовски хорошим. Ты должен со мной согласиться. Толпа проглотила увиденное и попалась на крючок.

Он встал, подошел к Старку и ударил его по плечу. Человека менее сильного такой удар заставил бы присесть.

— Ты мне нравишься, дикарь. Ни у кого другого не хватило смелости заговорить об этом, хотя, даю голову на отсечение, все думают также, как и ты!

Старк сказал:

— А где же ты, Кинон, был все это время — годы твоих предполагаемых одиноких страданий в пустыне?

— Тебе любопытно, да? Что ж, открою тебе свою тайну.— Внезапно Кинон перешел на великолепный разговорный английский.— Я был на земле, узнавал насчет вещей, подобных электрическому разряду Перселла. Он налил в кубок вина и протянул его Старку.

— Теперь ты знаешь. Теперь мы все знаем. Так удалим же пыль из наших глоток и приступим к делу.

— Нет,— сказал Старк.

Кинон воззрился на него.

— Почему нет?

— Ты лжешь своим людям,— спокойно проговорил Старк.— Ты даешь им лживые обещания, чтобы втянуть в войну.

Кинон был искренне озадачен отказом Старка.

— Ну, конечно же,— сказал он.— Разве в этом есть что-нибудь новое или странное?

Заговорил Лухар, и голос его был полон ненависти:

— Следи за ним, Кинон. Он продаст тебя, он тебе горло перережет, если решит, что так будет лучше для варваров.

— Репутация Старка известна по всей планете,— сказал Делгаун ,— и нечего говорить об этом снова.

— Нет,— Кинон покачал головой, глядя Старку в лицо.— Мы ведь посылали за тобой, зная все, не так ли? Хорошо...

Он немного помолчал, чтобы остальные приготовились к тому, о чем он будет говорить.

— У моих людей есть причина для войны. Они голодают и испытывают жажду, в то время, как города-штаты, находящиеся у границ Сухих Земель, владеют всеми источниками воды и беспрерывно богатеют. А ты знаешь, что такое смотреть, как дети твои умирают, умоляя о глотке воды во время долгого перехода? Что такое идти и идти к оазису, и найдя свой источник, занесенный песком, снова идти, пытаясь спасти людей и животных? А я знаю. Я был рожден и вырос на Сухих Землях, и много раз я проклинал Пограничные города языком, что был подобен высохшей деревяшке.

— Старк, ты должен не хуже моего понимать направление моих мыслей. Люди Кеша и Шуна — враги по традиции. Угоны и воровство,

открытые ссоры из-за воды и травы. Я вынужден был дать им нечто стоящее — веру, достаточно сильную, чтобы она могла их объединить. Старая легенда Рама была единственной моей надеждой. И она себя оправдала. Теперь племена — единый народ, и он может идти и брать то, что ему принадлежит — право на жизнь. Так что в этом я не слишком отступлюсь от своего обещания. Теперь ты понимаешь?

Старк внимательно изучал его холодными глазами.

— Куда идут люди Валкиса... люди Даккары и Барракеша? Куда идем мы, наемники?

Кинон улыбнулся. Его улыбка была совершенно искренней и в ней не было намека на веселье — лишь гордость и уверенная в себе сила.

— Мы создали империю,— тихо сказал он.— Города-штаты слишком не организованы, слишком истощены и слишком разжирели, чтобы с нами бороться. А Земля берет над нами верх, еще немного и мы будем не меньше, чем Луна. Мы добудем власть из песка и крови, и добычи будет вдоволь.

— Вот за этим и идут люди,— сказал Делгаун и рассмеялся.— Мы, жители Лау-Канал, живем награбленным.

— А вы,— продолжал Кинон,— наемники, должны помочь. Мне нужен ты и венерианин, чтобы тренировать моих людей, составлять планы битв и сообщать мне все, что вам известно о партизанской войне. У Книхтона быстроходный корабль. Он будет доставлять нам боеприпасы из других миров. Уэлш, как мне сказали, непревзойденный специалист по оружию. Темис — механик и самый искусный вор из тех, кто существует по эту сторону ада, не считая тебя, Делгаун! Эррод — создатель братства Малых Миров, которое много лет сводило с ума патруль. Он может сделать то же самое и для нас. Вот как обстоят дела. Что ты скажешь теперь, Старк?

Землянин медленно проговорил:

— Я пойду с вами, пока от этого не будет вреда племенам.

— Вот уж о чем не надо беспокоиться,— рассмеялся Кинон.

— Еще только один вопрос,— сказал Старк.— Что будет, когда люди узнают, что все эти дела с Рама просто фокус?

— Они не узнают,— ответил Кинон.— Короны окажутся разбитыми во время битвы и это будет большой трагедией, но на том все и кончится. Никому не известно, как создать подобные. О, я умею управлять людьми! С хорошей землей и водой, они и так будут счастливы.— Он оглядел собравшихся и жалобно сказал: — Так мы можем, наконец, сесть и выпить, как полагается цивилизованным людям?

Все сели. Бутыль с вином пошла по кругу. Хищники Валкиса пили за удачу и добычу каждого, и Старк узнал, что женщи[illegible] зовут Берилл. Кинон был счастлив. Он убедил людей и теперь праздновал. Но Старк заметил, что хоть язык его и тяжел, но не развязался.

Лухар делался все мрачнее и молчаливее, и тайком поглядывал на

Старка. Делгаун играл своим кубком, а взгляды его желтых, все замечающих глаз, безостановочно переходили с Берилл на Старка и со Старка на Берилл.

Она вообще не пила. Она сидела немного в стороне. Лицо ее пряталось в тени, а красные губы улыбались. О чем она думала, было ее собственной тайной. Но Старк знал, что она по-прежнему наблюдает за ним. Знал он и о том, что это известно Делгауну.

Наконец Кинон сказал:

— Нам с Делгауном надо кое о чем поговорить, так что я, господа, на время оставлю вас. Ты, Старк и Лухар... В полночь я собираюсь отправиться в пустыню, и вы пойдете со мной, так что сейчас вам лучше пойти поспать.

Старк кивнул. Он встал и вышел вместе с остальными. Слуга провел его в комнату, находившуюся в северном крыле. Старк не спал вот уже двадцать четыре часа и теперь был рад возможности отдохнуть.

Он лег. Голова его была тяжелой от выпитого вина, и Берилл дразнила его своей усмешкой. Потом он вернулся мыслью к обещанию Эштона. Наконец он уснул, и ему приснился сон.

Он вновь был мальчиком, жил на Меркурии, бежал по тропе, что вела от входа в пещеру по дну одной из самых глубоких долин. Над ними поднимались к небу горы, и пики их терялись в густых облаках. От палящего зноя силуэты гор казались расплывчатыми, но подошвы его ног были такими чувствительными, как железо. Он был совершенно наг.

Жар солнца между каменными стенами долины напоминал жар адской сковородки. Мальчику казалось, что ему никогда уже не будет холодно, и все же он знал, что, когда придет темнота, поверхность маленького ручья покроется льдом. Боги постоянно воевали.

Он прошел мимо того места, где лежали оставшиеся после землетрясения руины. Это была шахта, и Н'Чака, так звали мальчика, помнил, что, когда он был маленьким, он жил здесь с несколькими белокожими существами, сложенными так же, как и он сам. Он прошел мимо, не оглядываясь.

Он искал Тику. Когда он станет достаточно взрослым, то сделается мужчиной Тики. Теперь ему хотелось поохотиться с ней, ибо она была такой же ловкой и проворной в ловле больших ящериц, как и он. Он услышал ее голос, она звала его, и в голосе ее был ужас. Н'Чака побежал. Он увидел ее скорчившуюся между огромными валунами, светлый мех был запятнан кровью.

Над ним нависла большая чернокрылая тень. Она смотрела на него желтыми глазами, нацелив длинный клюв. Он ударил по нему палкой, но когти впились в его плечо, а золотые глаза, яркие и полные смерти, казались совсем близко.

Ему были знакомы эти глаза. Тика вскрикнула, но крик ее был, как

эхо. Все ушло, остались только эти глаза. Увлекаемый существом, он взмыл в небо.

Кто-то крикнул, чьи-то руки оттащили его. Сон рассеялся. Старк вернулся к действительности и оттолкнул испуганного слугу, который пришел будить его.

Держась поодаль, человек пробормотал:

— Меня послал Делгаун, он ждет вас в зале Совета...— И, повернувшись, выскочил из комнаты.

Старк тряхнул головой. Ужасный сон был отчетлив, как явь. Он спустился в комнату Совета. Теперь на улице было темно, и горели фонари.

Делгаун его ждал. Рядом с ним за столом сидела Берилл. Они были одни. Делгаун поднял глаза.

— У меня есть для тебя работа, Старк,— сказал он.— Помнишь капитана Кинона, того, который был сегодня на площади?

— Да.

— Его зовут Фрека, и он хороший человек, но подвержен одному пороку. Сейчас он нагрузился по уши, и нужно, чтобы, ко времени ухода Кинона, кто-нибудь его сюда доставил. Приглядишь за этим?

Старк посмотрел на Берилл.

— Ему показалось, что что-то забавляет ее. Он ли, Делгаун ли, трудно было сказать. Он спросил:

— Где я его найду?

— Здесь есть только одно местечко, где он может доставать свой яд — у Калы, на окраине Валкиса. Это в старом городе за нижними причалами.— Делгаун улыбнулся.— Держи кулаки наготове, Старк. Фрека, может быть, не захочет возвращаться.

Поколебавшись, Старк ответил:

— Сделаю.

С этими словами он вышел на темные улицы Валкиса.

Он пересек площадь и углубился в путаницу улиц. Внезапно кто-то схватил его за руку и быстро проговорил:

— Улыбнись мне и сразу сверни на боковую улицу.

Рука была маленькой и коричневой, а голос очень приятный. Ему вторило позвякивание пояса. Он улыбнулся, а девушка с приглашающим жестом, свернула в боковую улицу, которая была скорее щелью между двумя рядами домов.

Он быстро положил руки на стену, и она оказалась заключенной между ними. Темноволосая девушка с золотыми колокольчиками, вплетенными в черные волосы, с пышной грудью над украшенным драгоценностями поясом. Красивая девушка, и ее взгляд выражал гордость.

Та самая девушка, что стояла возле носилок на площади и наблюдала за Киноном, взглядом полным затаенной ненависти.

— Итак,— сказал Старк,— что ты хочешь от меня, малышка?

Она ответила.

— Мое имя Фианна, и я не собираюсь ни убивать тебя, ни убегать.

— Ты шла за мной Фианна? — спросил Старк и опустил руки.

— Да, дворец Делгауна полон потайных путей, и я все их знаю. Я подслушивала за плитой в комнате Совета. Я слышала, как ты выступил против Кинона, и я только что слышала приказ Делгауна.

— И что?

— А то, что если ты и в правду имел в виду то, что говорил о племенах, то тебе лучше уйти сейчас, пока это еще возможно. Кинон тебе солгал. Он использует тебя, а потом убьет. Также, как использует, а потом убивает собственный народ,— голос ее, казалось, кипел от ненависти.

Старк улыбнулся ей, и его улыбка могла означать все, что угодно, и ничего...

— Ты валкисянка, Фианна, какое тебе дело до того, что случится с дикими варварами?

Взгляд ее слегка раскосых глаз был мрачен.

— Я не пытаюсь завлечь тебя в ловушку, землянин. Я ненавижу Кинона, а моя мать — женщина пустыни.— Помолчав, она добавила: — И я служу госпоже Берилл, а поэтому знаю многое. Близится беда более страшная, чем об этом думает Кинон...

Внезапно она спросила:

— Что тебе известно о Раме?

— Ничего, кроме того, что он не существует, если он, вообще, когда-нибудь существовал.

Фианна метнула на него быстрый взгляд.

— Может быть, и нет. Будешь ли ты слушать меня, землянин с Меркурия? Уйдешь ли ты теперь, когда знаешь, что тебя ждет смерть?

— Нет!

— Даже если я скажу, что у Калы Делгаун расставил тебе ловушку?

— Да. Но за твое предостережение я тебя благодарю, Фианна.

Он наклонился и поцеловал ее потому, что она была молодая и честная.

Потом он ушел.

Глава четвертая

Ночь наступила быстро, и Старк, оставив за собой огни, смех и звуки арф, вступил в старый район города, где не было ничего, кроме тишины и света низких лун.

Он увидел нижние причалы, огромные мраморные строения, источенные временем, и направился к ним. Вскоре он обнаружил, что идет

едва заметной, но все же различимой тропой, которая извивалась среди полуразрушенных домов.

Было очень тихо и шелест сухого песка был едва различим.

Он миновал тени причалов и свернул на широкую дорогу, что вела когда-то от гавани. Немного дальше в стороне от домов, он увидел высокое полуразрушенное строение. Окна его были закрыты ставнями, через щели которых пробивались узкие полоски света, и откуда доносился шум голосов и обрывки музыки, неимоверно пронзительной.

Старк приблизился к нему, двигаясь среди развалин так легко, как будто весу в нем было не больше чем у тени, и притаился. Через некоторое время хлопнула дверь, из дома вышел человек и побрел по направлению к Валкису. Старк увидел в лунном свете его лицо. В этом лице было больше животного, чем человеческого. Что-то бормоча, человек пошел прочь. Один раз он засмеялся, и Старк содрогнулся от отвращения.

Он подождал пока шум шагов не замер вдали. В разрушенном доме, казалось, не таилось никакой опасности, лишь ящерица метнулась среди камней. Вот и все.

Лунный свет ярким и спокойным пятном лежал у двери обители Калы.

Старк нашел острый обломок камня, бросил его, и тот с сухим звуком ударился о стену дома. Затаив дыхание, Старк прислушался.

Никакого ответного движения, лишь сухой ветер шевелился в пустых домах.

Старк вышел из своего укрытия и пересек открытое пространство. Тогда он толкнул дверь, ведущую в притон Калы.

В лицо ему ударила волна желтого света, духоты и жара. В помещении горели высокие кварцевые фонари, каждый из которых давал луч золотисто-оранжевого света, и в этом маленьком бассейне света лежали на старых мехах и подушках мужчины и женщины с нечеловеческими лицами.

Теперь Старк понял, какое тайное снадобье продается здесь. Шанга... старинное средство... свечение, вызывающее искусственный атавизм и на время возвращающее человека к его звериному прошлому. Считалось, что это средство давным-давно предано забвению, но на самом деле оно существовало вне закона в таких местах, как это.

Он поискал глазами Фреку и узнал высокого варвара. Тот лежал распростершись под одной из ламп Шанга. Глаза его были закрыты, а выражение лица — зверское. Во сне он ворчал и ворочался, как животное, в которое он на время превратился.

За спиной Старка послышался голос:

— Я — Кала, что ты хочешь, чужеземец?

Он обернулся. Возможно, когда-то Кала была красива. Она все еще носила в волосах звенящие колокольчики, и Старк подумал о Фианне. Опустошенное лицо женщины вызывало у него тошноту. Оно напомина-

ло извращенную музыку дудок, родившуюся, казалось, в самом сердце дьявола. И все же взгляд ее был внимательным и острым, и он знал, что от нее не укрыть: ни то внимание, с которым он обводил комнату, ни интерес к Фреке.

Он пока не хотел осложнений до тех пор, пока он не обнаружит хотя бы намека на ловушку, о которой ему сказала Фианна.

Он сказал:

— Принеси мне вина.

— Хочешь лампу возврата, чужеземец? Она приносит много радости.

— Может быть, позже. Сейчас я хочу вина.

Она ушла, хлопком в ладоши позвав неряшливого вида старуху, которая осторожно двигалась среди распростертых фигур, принесла кувшин.

Старк сел за стол спиной к стене так, чтобы ему были видны и входная дверь и вся комната. Кала вернулась и снова уселась у двери, но в птичьих глазах ее была тревога.

Старк делал вид, будто пьет, но мозг его работал четко и ясно.

Возможно, и сама обстановка являлась ловушкой. Фрека был сейчас настоящим животным. Он станет драться. Кала закричит, а остальные пустоглазые — скот, вскочив тоже кинутся в драку.

Но чтобы предупредить,— в подобной возможности не было смысла. Делгаун сам сказал, что могут быть неприятности.

— Нет, здесь крылось что-то еще.

Он внимательно оглядел комнату. Она была большая и в другие помещения из нее вели проходы, завешанные потертыми коврами. Прорехи в них позволяли видеть других посетителей Калы, распростертыми под лампами Шанга, причем некоторые из них настолько далеко ушли от человека, что их уродство было просто невыносимым. Но никаких признаков опасности все еще не было видно.

Странным было лишь одно. Комната, ближайшая к тому месту, где лежал Фрека, пустовала и завесы над входом были задернуты лишь частично.

Пустота этой комнаты начала беспокоить Старка, и он подозвал к себе Калу.

— Я возьму лампу,— сказал он,— но я хочу быть один. Пусть ее принесут вон в ту комнату.

Кала ответила:

— Эта комната занята.

— Но там никого нет!

— Она занята, за нее заплачено и туда нельзя входить. Я велю принести лампу сюда.

— Нет,— сказал Старк.— К черту. Я ухожу.

Он швырнул на стол монетку и вышел. Оказавшись на улице, он,

двигаясь легко и неслышно, подошел к ближайшему окну и посмотрел в щель в ставнях.

Из пустой комнаты с озабоченным видом вышел Лухар с Венеры. Старк улыбнулся. Он вернулся к двери и встал за ней, прижавшись к стене. Через минуту дверь открылась и, вытаскивая на ходу револьвер, из нее вышел венерианец.

Старк прыгнул на него.

Лухар оторопел от неожиданности и сердито вскрикнул. Его револьвер сверкнул в лунном свете, зарылся в песок, а в следующее мгновение Старк схватил кисти его рук и сжал с такой силой, что он согнулся. Извернувшись, Лухар вцепился ногтями в лицо Старка, метя в глаза, и Старк ударил его. Лухар упал, покатился по земле, и, прежде чем он успел подняться снова, Старк схватил револьвер и забросил его далеко в развалины.

Лухар поднялся с кошачьей быстротой. Сцепившись со Старком, они вместе влетели в комнату Калы, и покатились по полу среди меховых шкур и подушек. Тело Лухара как будто состояло из стальных пружин без какого-либо намека на мягкость. Его длинные пальцы сомкнулись на горле Старка. Кала громко вскрикнула, и крик ее был полон ярости. Вытащив из-под подушек длинный кнут, традиционное на Лау-Канал оружие, она принялась стегать им мужчин, катавшихся по полу. Волосы ее разметались и косматыми прядями висели вдоль лица. Звероподобные фигуры, ворча, поднимались на ноги.

Длинный хлыст рассек рубашку Старка и кожу под ней. Зарычав, он с трудом поднялся на ноги вместе с висящим на нем Лухаром, так и не разжавшим пальцев. Обеими руками он схватил Лухара за лицо и бросил вперед на стол так, что Лухар буквально расплющился об него. Из горла венерианина вырвался крик. Пальцы его разжались. Склонившись над Лухаром, Старк поставил его на ноги и стиснул так, что тот побелел от боли. Потом, подняв его над головой, он швырнул его прямо на рычащих звероподобных мужчин.

Ругаясь и размахивая хлыстом, Кала кинулась на Старка. Он обернулся.

Та тоненькая ниточка, что связывала Старка с цивилизацией, оборвалась при первом же рывке. Выхватив хлыст из рук Калы, он с такой силой ударил ее по дьявольскому лицу, что она упала, и так осталась лежать.

Он оглядел круг звероподобных, начиненных Шанго людей.Они преградой стояли между ним и тем, что он должен был сделать. Глаза его застилал багрово-красный туман, сотканный частично из крови, частично из ненависти.

Сквозь него он разглядел Фреку, стоящего в углу, голова которого раскачивалась из стороны в сторону. Старк поднял хлыст и принялся стегать им по кольцу людей, что уже не были больше людьми.

Чьи-то руки цеплялись за него, чьи-то пальцы царапали его, чьи-то тела качались и падали. Сверкали безумные глаза, зияли раскрытые

пасти, в ушах Старка звучали звериные рыки и хохот. Они закружились вокруг Старка и общими усилиями повалили его на пол.

Они били его и кусали за что попадется, и он снова был вынужден драться, стряхивая их со своих могучих плеч, топча их ногами. Хлыст со свистом рассекал воздух, одежду, кожу, и из-под него, наполняя воздух запахами крови, вырывались красные струйки.

Одурманенное звероподобное лицо Фрека встретило взгляд Старка. Марсианин зарычал и бросился вперед. Старк ударил его в висок рукояткой хлыста... Она раскололась, а Фрека рухнул на руки Старка.

Краем глаза он увидел Лухара. Тот поднялся и под прикрытием клубка спутанных тел прокрался очень близко, оставаясь незамеченным. Сейчас он находился за спиной Старка, и в руке у него был нож.

Тело Фрека помешало Старку отскочить в сторону, когда Лухар кинулся на него. Он пригнулся и изо всех сил ударил венерианца головой в живот.

Он почувствовал, как лезвие ножа обожгло его плоть горячим поцелуем, но рана была неглубокой, и, прежде чем Лухар успел нанести новый удар, Старк изогнулся, как огромный кот, и ударил сам. Голова Лухара дернулась. Дважды вздымался кулак землянина. После второго удара Лухар в неподвижности застыл на полу.

Старк выпрямился. Он стоял, расслабив плечи и слегка пригнув колени, обегая взглядом окружающую обстановку, и в звуках, вырывавшихся из его груди, не было слышно ничего человеческого.

Он сделал шаг, затем другой — полуобнаженный гигант, весь в крови, подобно темной башне, возвышающейся над худосочными марсианами, и звероподобные существа расступились перед ним. На их долю выпало больше побоев, чем им хотелось, а желание чужеземца разметать их по сторонам, было настолько сильным, что проникло даже в их затуманенные Шанга мозги.

Кала села и рявкнула:

— Убирайся!

Старк постоял мгновение, глядя на них. Потом он поднял Фреку, взвалил его как куль, к себе на плечи и пошел к выходу. Он не спешил, но и не замедлял шага. Он шел так, как привык, и все расступались перед ним.

Так он пронес его по тихим улицам, потом по извилистым, полным людьми улицам Валкиса. Там люди тоже смотрели на него и уступали ему дорогу.

Он пришел во дворец Делгауна. Охранники закрыли за ним двери, но ни о чем его не спросили.

Делгаун был в комнате Совета, и Берилл все еще была с ним. Казалось, они ждут кого-то или чего-то, коротая время за вином и беседой. При появлении Старка с Фреком на плечах, Делгаун встал так резко, что кубок его упал, оросив брызгами пол у его ног.

Старк опустил его на пол.

— Я принес Фреку. Лухар все еще у Калы.

Он посмотрел прямо в желтые глаза Делгауна, на дне которых пряталась какая-то мысль. Он с трудом сдерживал себя.

Внезапно женщина рассмеялась. И смех ее, чистый и звенящий, относился к Делгауну.

— Молодец, дикарь,— сказала она Старку.— Кинону повезло с таким капитаном. Но вот тебе совет на будущее: остерегайся Фреки. Он этого тебе не простит.

Глядя на Делгауна, Старк тихим голосом произнес:

— Эта ночь не подходит для прощений.— Потом он добавил: — С Фрекой я справлюсь.

— Ты мне нравишься, дикарь,— сказала Берилл, смотря на Старка с любопытством и что-то обдумывая.— Когда мы выступим, скачи рядом со мной. Я хочу узнать о тебе больше.

И она улыбнулась.

Как будто темное пламя полыхнуло на лице Делгауна. Напряженным от ярости голосом он сказал:

— Ты, наверное, кое-что забыла, Берилл! Тебе нет дела до этого варвара, до этого существа на час!

В своей запальчивости он высказал бы и что-нибудь еще, но Берилл резко бросила:

— Не будем говорить о времени. Иди же Старк и будь готов к полуночи.

Старк вышел, и, пока он шел, странное сомнение все больше охватывало его душу.

Глава пятая

В полночь, на огромной площади рынка рабов, караван Кинона собрался вновь, чтобы выйти из Валкиса под грохот барабанов и вопли дудок.

Делгаун тоже был здесь, провожая уходящих. Веселые возгласы людей звенели им вслед и неслись над пустыней.

Старк скакал немного в стороне от остальных. Он был погружен в свои мысли и не желал ничьего общества, и меньше всего общества госпожи Берилл.

Она была красива и опасна, и она принадлежала Кинону или Делгауну, а может быть, им обоим. По опыту Старка подобная женщина означала внезапную смерть, и он не хотел иметь с ней дела, по крайней мере сейчас.

Лухар скакал впереди, рядом с Киноном. Он появился на площади в

полночь, пошатываясь с воспаленным лицом, хранящим следы побоев, со злой искрой во взгляде на Старха. Кинон бросил беглый взгляд на него, потом на Старка, чье лицо тоже хранило следы драки, и хрипло сказал:

— Делгаун сообщил мне о том, что у вас есть какие-то кровавые счеты. Я не желаю ничего более об этом слышать, понятно? После того, как с вами рассчитаются, убивайте друг друга на здоровье, но не раньше. Ясно?

Старк молча кивнул головой. Лухар пробормотал что-то похожее на согласие, и с тех пор они друг на друга больше не смотрели.

Фрека, как обычно, скакал рядом с Киноном, и значит, рядом с Лухаром. Старк заметил, что их животные оказываются совсем близко друг от друга, гораздо чаще, чем это было необходимо.

Огромный капитан варвар сидел в своем седле очень прямо, но в свете факелов Старк видел, что лицо его выглядело больным и измученным, а глаза все еще хранят звериный блеск. На его виске алела ссадина. Старк был уверен в том, что Берилл говорила правду — Фрека не простит ему неуважения к своей особе и в прерванном удовольствии...

Дно Мертвого моря стало шире. Когда огни Валкиса остались позади, а кругом не осталось ничего, кроме вздымаемого ветром песка и камня, стало трудно верить в то, что в этом мире, полном такого космического одиночества, могла существовать жизнь.

Маленькие луны постепенно уплывали, таща за собой по камням свои жуткие тени и высвечивая песок так, что он становился похожим на белую кость. Сверкающие металлическим блеском звезды висели так низко, что даже ветер, казалось, доставал их краем своего крыла, и ему тоже передавался этот холодный блеск. И все в этом бесконечном пространстве было неподвижным, и тишина его была такой глубокой, что кашляющий вой песчаного кота, где-то далеко на востоке, заставил Старка вздрогнуть — столько в нем было одиночества.

И все же Старк не испытывал тоски. Рожденный и взращенный в диких бесплодных местах, он чувствовал себя в такой вот пустыне свободнее, чем в городе, полном людей.

Через некоторое время за его спиной послышался нежный металлический звон, и к нему подскакала Фианна. Он улыбнулся ей, и она довольно мрачно проговорила:

— Меня послала госпожа Берилл, чтобы я напомнила тебе о ее желании.

Старк посмотрел туда, где колыхались занавески на носилках, и глаза его блеснули.

— Она не из тех, кто забывает, да?

— Да.— И увидев, что поблизости никого нет, Фианна быстро проговорила:

— У Калы было так, как я сказала?

Старк кивнул.

— Мне кажется, малышка, что я обязан тебе жизнью. Лухар убил бы меня, как только я потащил Фреку.

Он перегнулся с седла, и положил свою руку на ее. Она улыбнулась той улыбкой юной девушки, что кажется такой чудесной в свете луны, улыбкой честной и дружелюбной.

Странно было беседовать с хорошенькой девушкой при луне и при этом говорить о смерти.

— Почему Делгаун хочет меня убить?

— Не знаю. Когда он говорил с человеком с Венеры, то не назвал причин. Но кажется я сама догадываюсь. Он знает, что ты такой же сильный, как и он, и боится тебя. К тому же госпожа Берилл смотрела на тебя по-особому.

— Я думал, что госпожа Берилл — женщина Кинона.

— Может и так — на время,— загадочно ответила Фианна. Потом она покачала головой и испуганно огляделась.— Я и так пошла на слишком большой риск. Пожалуйста, никому не говори о том, что я тебе сказала.

Она смотрела на него умоляюще, и Старк с удивлением понял, что положение очень шатко.

— Не бойся,— сказал он ей совершенно искренне.— А теперь нам лучше разъехаться.

Она повернула свое животное, и до него донесся ее шепот:

— Будь осторожен, Эрих Джон Старк.

Старк кивнул. Он поскакал за ней, думая о том, что ему нравится, как она произносит его имя.

Госпожа Берилл лежала среди меховых шкур и подушек, но вовсе не казалась праздной. Она походила на грациозную кошку, одновременно отдыхающую и полную жизни. В полутьме ее кожа казалась серебристо-белой, а распущенные волосы — более темными, чем были на самом деле.

— Ты сердишься, дикарь,— спросила она,— или я не отвечаю твоему вкусу?

До сих пор он не понимал, насколько мягок и богат красками ее голос. Посмотрев на ее великолепную фигуру, он ответил:

— Я нахожу тебя чертовски привлекательной, вот поэтому я сержусь.

— Боишься?

— Я играю роль в спектакле Кинона. Должен ли я взять еще и его женщину?

Она довольно угрюмо рассмеялась.

— В желаниях Кинона для меня нет места. Мы договорились, поскольку королю нужна королева, и, кроме того, его устраивают мои советы. А больше между нами ничего нет.

Старк смотрел на нее, пытаясь в полутьме разглядеть выражение ее дымчатых глаз.

— А Делгаун?

— Он похож на меня, но...

Поколебавшись, она продолжала совсем другим тоном. Теперь голос ее был тихим, звенел от тайного удовольствия, такого же огромного и простого, как усыпанное звездами небо:

— Я никому не принадлежу, я сама по себе.

Старк понял, что на мгновение она о нем забыла. Некоторое время он ехал молча, потом, повторяя слова Делгауна, медленно произнес:

— Возможно, ты кое о чем забыла, Берилл. Во мне, в существе на час, для тебя ничего нет.

Он почувствовал, как она насторожилась. Глаза ее заблестели, а дыхание сделалось более слышным. Потом она рассмеялась и проговорила:

— Дикарь, к тому же еще и попугай. Час может длиться очень долго, целую бесконечность, если кто-то этого пожелает.

— Да,— согласился Старк.— Я тоже часто так думал, ожидая, когда придет смерть ко мне из-за скал. Огненная ящерица подползет неслышно, но укус ее смертелен.

Он подался вперед, так что его голые плечи, овеваемые ветром, нависли над ее плечами.

— Мои часы, проводимые с женщинами, коротки,— сказал он.— Они наступают после битвы, когда есть время для подобных вещей. Возможно, в такое время я и приду навестить тебя.

С этими словами он пришпорил животное и поскакал от нее прочь, ни разу не оглянувшись, причем кожа на его спине напряглась в ожидании ножа. Но единственное, что преследовало его, это эхо безмятежного смеха, подхваченное ветром.

Пришло время рассвета. Кинон подозвал Старка к себе и указал на запад, где среди песчаной равнины маячили базальтовые рифы.

— Вот край, в который ты поведешь своих людей. Изучай его.— Он одновременно обращался и к Лухару.— Изучай каждую дыру с водой, каждый удобный выступ, каждый след, который может привести к границе. Нет лучших бойцов, чем воины Сухих Земель, когда у них хороший вождь, и ты должен показать им, что можешь повести их в бой. Будешь работать со своими вождями — Фрекой и остальными. Ты встретишься с ними после того, как мы достигнем Синхарата.

— Синхарата? — переспросил Лухар.

— До моей штаб-квартиры. До него около семи дней пути. Это город на острове, старый, как луны Марса. Согласно легенде, там был культ Рама, поэтому для людей племен это место священное, нечто вроде табу. Поэтому-то я его и выбрал.— Он глубоко вздохнул и улыбнулся, глядя на дно мертвого моря, ведущее к границе, и в глазах его был тот

же безжизненный блеск, что бывает у солнца, испепеляющего пустыню.

— Теперь уже очень скоро,— сказал он скорее самому себе, чем остальным.— Еще немного, и мы зальем пограничные штаты их собственной кровью. И тогда...

Он рассмеялся очень мягко и больше ничего не сказал. Старк мог поверить в то, что Берилл говорила о нем правду. В нем горел такой огонь тщеславия, что ни для кого другого не оставалось места. Он измерил взглядом силу и размеры высокого варвара, решимость его взгляда, толщину непреклонности, что лежала за внешним зубоскальством.

Потом Старк тоже устремил взор в сторону границы и подумал о том, увидит ли он когда-нибудь Тарак, услышит ли он когда-нибудь голос Эштона.

Три дня они двигались безо всяких происшествий. В полдень они разбивали лагерь и пережидали жаркие часы, а потом снова шли под темным небом — длинная череда высоких людей и мускулистых животных, в центре которой, подобно диковинному цветку, колыхались носилки. Облако пыли и цоканье копыт по дну мертвого моря, отмечали их путь к городу на острове к Синхарату.

Старк больше не говорил с Берилл, и она больше не посылала за ним Фианну. Когда ей случалось сталкиваться с ним в лагере, едва заметная улыбка возникала на ее лице, но Фианна проходила мимо. Ради ее безопасности, он так и не заговаривал с ней.

Ни Лухар, ни Фрека не приближались к нему. Они намеренно его избегали кроме тех случаев, когда Кинон собирал их вместе, чтобы обсудить какой-либо стратегический вопрос. Они между собой, казалось, подружились и пили вино из одной бутылки.

Старк всегда спал подле своего животного, так, чтобы спина его была защищена, а револьвер находился рядом. Трудные уроки, полученные им в детстве, не прошли даром, и стоило пошевелиться песчинке, как он просыпался раньше, чем успевало просыпаться его животное.

К утру четвертой ночи ветер, что, казалось, никогда не переставал дуть, спал. На рассвете безветрие стало полным, а восходящее солнце таило в себе кровавый оттенок. Пыль, вздымаемая копытами животных, тут же опадала.

Старк начал принюхиваться. Все чаще и чаще он смотрел на север, где тянулось, уходя вдаль, длинное плоскогорье, плоское, как ладонь.

Тревожное чувство все более овладевало им. Наконец, он подскакал к Кинону.

— Надвигается буря,— сказал он снова, посмотрев на север.

Кинон взглянул на него с любопытством.

— Ты даже верное направление выбрал,— сказал он.— Можно подумать, что ты местный.

Он и сам смотрел на ширящуюся пустоту.

— Хотел бы я, чтобы мы были поближе к городу. Но когда ветер начинает дуть везде одинаково плохо, и единственное, что можно сделать, — это продолжать двигаться. Если ты остановился, то ты умер — умер и похоронен.

Он выругался, и ругательства его были забавной смесью англосаксонских и марсианских проклятий. Можно было подумать, что буря — его личный враг.

— Передайте всем, бросить все лишнее, и пусть Берилл слезет с этих проклятых носилок. Присмотри за ней, хорошо, Старк? Мне нужно остаться здесь, во главе колонны. И не раздумывай. Главное, не разделяться, ни за что не разделяться.

Старк кивнул и кинулся назад. Он усадил Берилл на животное, а носилки, как яркий красный цветок, остались лежать на песке.

Говорили мало. Животные мчались так быстро, как только могли. Они явно нервничали и стремились к тому, чтобы нарушить строй и бежать куда глаза глядят. Солнце поднималось выше.

Один час.

Воздух становился все более густым. Тишина на караван опускала свою тяжелую руку. Старк метался вдоль строя, помогая выбившимся из сил гуртовщикам. Вьючные животные несли теперь только бурдюки с водой и мешки с продовольствием. Фианна держалась возле Берилл.

Два часа.

Впервые за весь этот день в пустыне послышался звук.

Он пришел издали, воющий стон, похожий на крик изнемогающего от груза великана. Он все рос, возвышаясь до сухого, горького вопля, пока не заполнил все небо, не потряс его и не разорвал надвое, дав дорогу всем ветрам ада.

Все произошло очень быстро. Только что воздух был ясным и неподвижным, и вот он уже слеп от пыли и воплей, раздираемый демонической яростью.

Старк кинулся к женщинам, находившимся лишь несколькими футами дальше, но уже скрытых завесой пыли и песка.

Кто-то налетел на него во мраке. Длинные волосы задели его по лицу, и он протянул руку, крича:

— Фианна! Фианна!

Женская рука схватила его за руку, голос что-то ответил, но слов разобрать он не смог.

Потом его животное оказалось среди группы других. Пальцы женщины разжались. Его схватила жесткая мужская рука. Он смутно различил силу этих двух мужчин, стоявших рядом,— Лухар и Фрека. Его животное пошатнулось и кинулось прочь. Старка стащили с седла, и он упал на песок.

Глава шестая

Мгновение он лежал, почти окаменев, едва способный дышать. Сквозь грохот ветра доносились какие-то чудовищные, нечеловеческие вопли. Смутные тени пролетали мимо него, и однажды он едва не оказался под копытами животных.

Лухар и Фрека должно быть ждали своего часа. Это было на удивление легко — оставить Старка одного пешим — и буря в пустыне, поделить между собой остальную работу, так что ни одного человека винить не придется.

Старк поднялся, но под ноги ему упало чье-то тело, и он снова оказался на песке. Он схватил упавшего и ощупывал его до тех пор, пока не убедился в том, что плоть, находившаяся под его руками, мягка и закутана в шелковые одежды. Потом он увидел, что сжимает Берилл.

— Это была я, а не Фианна,— выдохнула она.

Он почти не различил ее слов, хотя и подумал, что она должна кричать изо всех сил. Должно быть, она упала со своего животного в тот момент, когда Лухар врезался между ними.

Крепко схватив Берилл, чтобы ее не унесло ветром, Старк снова с трудом поднялся на ноги. Несмотря на всю свою силу, он с трудом удерживался на ногах.

Ослепший, оглохший и полузадохнувшийся, он с трудом сделал несколько шагов, когда одно из вьючных животных оказалось подле него.

Провидение и собственная ловкость помогли ему схватиться за упаковочные веревки и вцепиться в них с силой человека, решившего выжить во чтобы то ни стало. Некоторое время животное тащило его, пока Берилл не удалось ухватиться за узду. Вдвоем они заставили животное лечь.

Старк держал его за голову, пока женщина взбиралась и привязывалась к седлу. Над их головами пролетел шелковый шарф. Старк схватил его и перевязал им голову животного, дав тому возможность дышать, после этого оно успокоилось.

В этом воющем аду невозможно было разглядеть ни направления, ни вообще чего бы-то ни было. Караван раскидало, как кучу сухих листьев. За те несколько коротких мгновений, что он стоял, ноги Старка по колено погрузились в струившийся, как вода, песок. Он с трудом вытащил их и, помня слова Кинона, двинулся куда-то наугад.

Берилл разорвала свое покрывало и дала полоску шелка Старку. Он завязал ею нос и глаза, и ему стало сразу легче.

Спотыкаясь, увязая в песке, шатаясь под ударами ветра, как ребенок под ударами сильного человека, Старк продолжал идти, надеясь наткнуться на основную часть каравана, и вполне понимая тщетность своих надежд.

Следующие часы были настоящим кошмаром. Он закрыл перед ним свой разум, сделав то, что не удалось бы сделать цивилизованному человеку. В детстве у него бывали дни и ночи, когда перед ним стояла простая проблема, как пережить короткий светлый период, чтобы бороться затем за возможность пережить темный период. Одна цель и одна опасность в один короткий период времени.

Теперь тоже была одна — двигаться! Забыть о завтрашнем дне, о том, что случилось с караваном, о том, где может быть маленькая Фианна с яркими глазами. Забыть о том, что больно дышать, о жажде, о том, что песок бьет по коже с яростью кнута. Только не останавливаться.

Туман в его голове сгущался так же быстро, как ночная тьма. Берилл весь день скакала верхом, он же шел пешком. Но и у его сил был предел. Теперь он приближался к этому пределу, но усталость его была так велика, что его уже ничего не пугало.

В какой-то из отрезков этих бесконечных часов до его сознания дошло, что Берилл упала, и он волочит ее за собой. Он слепо повернулся, чтобы помочь ей. Она что-то говорила, называла его имя, выкрикивала одни и те же слова, чтобы он мог понять. Наконец, он понял. Он сдернул ткань со своего лица и вдохнул свежий воздух. Ветер стихал, и небо становилось все ярче и ярче.

Сбросив свою ношу, он моментально уснул, а женщина затихла рядом с ним в полуобмороке-полусне.

На рассвете их обоих разбудила жажда. Они попили из бурдюка, потом посидели некоторое время, глядя на пустыню и друг на друга, размышляя о том, что же их ждет впереди.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Не совсем.— На лице Берилл лежали тени усталости. Оно изменилось, но для Старка стало даже более прекрасным, потому что на нем не было следов слабости.

Она немного подумала, глядя на солнце.

— Ветер дует с севера, мы шли с юга. Синхарат лежит там, за равниной, которую называют Каменным животом.— Она указала на северо-восток.

— Как далеко?

— Если пешком, то семь — восемь дней пути.

Старк посмотрел запасы воды и покачал головой.

— Это будет безводный путь.— Он встал и поднял груз. И Берилл тоже поднялась без единого звука. Ее рыжие волосы рассыпались и упали

на плечи. Шелковый ее плащ разорван ветром, оставив ей только юбку женщины пустыни, пояс и воротник из драгоценных камней.

Она держалась очень прямо и походка ее была уверенной и горделивой. Старку было трудно поверить в то, что это та самая женщина, что, подобно ленивой королеве, нежилась на носилках с алыми занавесками.

Укрыться от полуденного солнца было некуда. Но даже в самые тяжелые часы солнце Марса было лишь слабой тенью солнца Меркурия, и Старка оно не беспокоило. Он заставил Берилл лечь в тень его тела и наблюдал за ее лицом, кажущимся во сне таким незнакомым.

И тут он впервые осознал ее странность. Раньше, в Валкисе, он очень мало сталкивался с ней. Теперь же, она не могла скрыть от него почти ничего того, что творилось в ее мыслях и в ее сердце.

Или могла. Пока она спала, были мгновения странных снов, набегавших на ее лицо. Иногда во время перехода, когда она забывала о нем, он вдруг замечал в ее глазах выражение, которое не мог прочесть, и шестое чувство посылало ему сигнал: "Внимание"!

И все же, в течение этих обжигающих дней и холодных ночей, насыщенных жаждой и мукой усталости, Берилл была великолепна. Белая ее кожа потемнела от солнца, а волосы стали медно-красными, но она улыбалась и решительно шла рядом с ним. И Старк думал, вот существо, которое ему когда-либо приходилось видеть.

На четвертый день, вскарабкавшись на известняковую глыбу, источенную временем после исчезновения моря, они увидели, то что называлось Каменным Мешком.

Морское дно под ними образовывало нечто вроде гигантского бассейна, дальний край которого терялся вдали. Старк подумал о том, что никогда, даже на Меркурии, не доводилось видеть ему места более жестокого и более забытого богом и людьми. Словно какой-то древний ледник встретил здесь свою смерть на самой заре существования Марса и сам же вырыл себе могилу. Тело его давно растаяло, но остов остался. Остов из базальта, гранита, мрамора и порфира, заключающий в себе все возможные формы, цвета и размеры, подобранные им на пути с севера на юг и брошенные здесь, как пирамида — памятник его переходу.

Каменный живот...

Старк подумал, что другое, более верное его название — Смерть.

И в первый раз за все время пути Берилл пала духом. Она села и опустила голову на руки.

— Я устала,— сказала она.— И еще я боюсь.

Старк спросил:

— Здесь кому-нибудь удавалось пройти?

— Насколько мне известно, да. Но то был воинский отряд, путешествующий верхом и с продовольствием.

Старк посмотрел на камни.

— Мы пройдем,— сказал он.

Берилл подняла голову.

— Я почему-то тебе верю.

Медленно поднявшись, она положила руку ему на грудь, на то место, в котором сильными толчками отдавалось его сердце.

— Дай мне твою силу, дикарь,— сказала она.— Она мне нужна.

Он привлек ее к себе и поцеловал. И поцелуй этот был странным и болезненным, ибо губы их кровоточили, потрескавшись от страшной жары и жажды...

Потом они вместе направились к месту, называвшемуся Каменным Мешком.

Глава седьмая

Пустыня была приятным и добрым местом.

Старк оглянулся и с тоской посмотрел на нее. И все же это адское нагромождение пылающих камней так походило на долины его родины, что ему и в голову не пришло лечь.

Некоторое время они отдыхали под огромным выступом кроваво-красного камня. Они выпили по несколько капель вонючей воды из бурдюка, остатки которой они допили с наступлением ночи. Но Берилл не позволила Старку выбросить пустой мешок.

Темнота и молчание луны. Прохладный воздух выгнал из камней дневной жар, а взамен пришел леденящий холод, так что Старку и рыжеволосой женщине не осталось ничего другого, кроме как двигаться или замерзнуть.

Липкий туман окутал сознание Старка. Время от времени он хриплым голосом ронял слова, возвращаясь к материнскому языку — мерцающего пояса. Ему казалось, что он охотится, как делал это много раз раньше, в безводных местах — ибо кровь огромной ящерицы могла спасти его от жажды.

Но в Каменном Мешке не было ничего живого. Ничего, кроме двух существ с трудом передвигающихся под низкими лунами.

Берилл упала и уже не смогла подняться. Старк скорчился подле нее. Лицо ее было обращено к нему, ослепительно белое в свете луны, а в глазах застыло странное выражение.

— Я не умру,— прошептала она, но не ему, а богам.— Я не умру!

Она цеплялась за песок и бесчувственный камень, пытаясь встать. Ее сумасшедшее желание жить было таким бесхитростным.

Старк помог ей встать и поставил вперед. Она дышала тяжело, со

всхлипами. Через некоторое время упал и он, но продолжал ползти на четвереньках, как животное, таща за собой женщину.

Он смутно сознавал, что карабкается вверх. В небе блеснула заря. Руки его заскользили по песку, и он покатился вниз по гладкому склону. Внизу он остановился и остался лежать на спине, как что-то неживое.

Когда сознание вернулось к нему, солнце стояло уже высоко. Он увидел, что Берилл лежит рядом, подполз к ней и тряс за плечо до тех пор, пока к ней не вернулось сознание. Руки ее слабо шевельнулись, а по беззвучным движениям губ можно было прочитать все те же слова: «Я не умру».

Старк до рези в глазах вглядывался в линию горизонта, пытаясь увидеть там следы Синхарата, но там не было ничего, кроме пустоты, песка и камня. С огромными усилиями он встал, поставил на ноги женщину и некоторое время поддерживал ее.

Он пытался объяснить ей, что они должны идти, но слова не шли с его губ. Он лишь смог указать вперед, туда, где должен был лежать город. Но она отказалась идти.

— Неожиданно слишком далеко, далеко... умрем без воды...

Она побежала прочь от него к югу, и он подумал, что она сошла с ума, и задрожал. Потом он понял, что она пытается достичь остатков стены, окружавшей Каменный живот. Они представляли собой большую груду камней, разделенную на части, как хребет кита, а милями тремя дальше они нагибались к пустыне подобно плавнику, огромное красноватое ответвление.

Берилл издала короткий рыдающий звук и потащилась к этому выступу. Он пошел за ней. Он попытался ее остановить, но это оказалось невозможным. Бросив на Старка яростный взгляд, она прошелестела:

— Вода,— и указала в сторону.

Теперь он был уверен, что она сошла с ума. Он сказал ей об этом, с усилием выдавив слова из горла. Он напомнил ей о Синхарате и о том, что она уходит от любой возможной помощи.

Она снова сказала:

— Слишком далеко... Да... три дня без воды,— и снова указала вдаль.— Старый источник... может быть...

Старк стоял в нерешительности. Голова его моталась, как у пьяного. Мысли путались. Но все же он подумал о том, что существует один шанс из тысячи за то, что все происходившее не было лишь порождением вызванных жаждой галлюцинаций Берилл.

Но терять им было нечего. Он понимал, что до Синхарата им все равно не дойти. Он медленно кивнул, и побрел за ней к изгибу скалы.

Три мили с успехом могли быть и тремя стами. Когда из них один падал, то сразу пытался подняться. Каждый раз Старк думал, что для

женщины это конец, но каждый раз Берилл вставала и брела вперед, и он шел рядом с ней, из последних усилий тащя свое изнуренное тело, к этой последней надежде.

Когда они добрались до полуразрушенного гребня, солнце уже садилось. Длинная блестящая полоса освещала все вокруг.

Никакого источника не было. Сохранилась резная колонна, полускрытая песком с одной стороны за развалинами остальных. И это было все.

Берилл упала лицом вниз, да так и осталась лежать. Старк стоял и смотрел, зная, что это конец всего, но был не способен думать, не способен даже вспоминать. Он опустился на колени возле женщины, и сознание его поглатила тьма.

Спустя некоторое время, он очнулся. Была ночь и было холодно. То, что он очнулся, удивило его, и некоторое время он лежал неподвижно, прежде чем попытался поднять голову. Когда ему это удалось, он увидел звезды, сверкающие на темном небе. Потом он перевел взгляд на то место, где лежала Берилл.

Она исчезла.

Старк тупо смотрел на вмятину, оставшуюся на песке, потом с огромным трудом поднялся на ноги. Оглядевшись, он увидел ее.

Она была внизу, под тем небольшим гребнем, на котором стоял он. В свете луны он увидел ее очень ясно. Она стояла на руинах возле полузасыпанных колонн, потом она склонилась над ними, и рука ее была протянута вперед, как будто ей не хватало сил поднять ее. Он удивился тому, какой последний проблеск силы мог разбудить ее и заставил сюда придти.

Старк продолжал наблюдать. Он увидел, что голова Берилл поднялась. Медленно переводя взгляд, она оглядела руины. Через некоторое время у Старка возникло такое чувство, будто она пытается восстановить это место в памяти таким, каким оно было когда-то, хотя эти стены должны были обрушиться в пыль еще тысячу лет назад.

Она шевельнулась. Медленно и осторожно она ступила на заваленное бесформенными обломками место, потом протянула руку, как будто касаясь давно исчезнувшей стены, словно чувствуя, что в этом месте находится дверца, исчезнувшая много веков назад. Потом она повернула направо и снова осторожно пошла по прямой, а потом опять повернула, но уже налево.

Старку казалось, что она видит и исчезнувшую стену и следует ей. Он наблюдал, как она движется, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть, но осторожно, уверенно прокладывая себе путь среди древних развалин.

Наконец она остановилась на широкой плоской площадке, что могла когда-то быть центральным двором. Здесь она опустилась на колени и с большим трудом начала разбирать обломки.

Туман в голове Старка рассеялся, и тело сжалось от предчувствия. Лишь одно могло вызвать у Берилл прилив сил. Он сполз вниз по склону и опустился рядом с ней.

— Источник,— выдохнула она.— Копай...

Подобно паре собак, они принялись грести визжащий песок. Ногти Старка скользили по чему-то твердому, сверкавшему в лунном свете металлическим блеском. Через несколько минут они почти полностью откопали золотую крышку шириной в шесть футов, очень массивную и удивительно красивую. Ее покрывали очертания различных символов, относящихся к каким-то исчезнувшим морским богам.

Старк попытался поднять ее, но не смог даже сдвинуть с места. Тогда Берилл нажала на потайную пружину, и крышка отошла в сторону. Под ней оказалась вода, чистая и холодная, находившаяся под надежной защитой все эти годы, плещущаяся о мшистые камни.

Через час Старк и Берилл спали. Тела их пропитались водой и даже с волос капала благословенная жидкость.

На следующую ночь, когда низкие луны вновь засияли над пустыней, они опять сидели у источника, испытывая чувство глубокого успокоения. Старк посмотрел на женщину и спросил:

— Кто ты, Берилл?

— Но ты знаешь это и сам. Я женщина из племени Шуна и должна стать королевой Кинона.

— Правда ли это, Берилл? Я думал, что ты ведьма. Только ведьма могла бы найти источник, скрытый столетиями назад, здесь, в этом месте, где ты никогда не бывала раньше.

Она сидела очень тихо, но когда она заговорила, в голосе ее звучал смех.

— Здесь нет никакого колдовства, дикарь. Я же говорила тебе, что воинский отряд пересек однажды Каменный Мешок. Он следовал старым традициям, и в конце концов, нашел воду. В этом отряде был мой отец.

«Такое возможно,— подумал Старк.— Тайна источника — бесценное сокровище на Сухих Землях, и она должна передаваться из поколения в поколение, переходя от отца к детям.»

— Я не знала, что мы находимся вблизи от того места,— продолжала она,— пока не увидела выступа, отходящего от большой гряды. Но я испугалась, что мы умрем раньше, чем дойдем до него.

«Да,— подумал Старк.— Все могло быть так, как она сказала.»

Но почему она шла по этому месту так, как будто она знала и видела стены такими, какими они были тысячу лет назад? Она не знала, что я наблюдаю за ней, и шла по этим руинам так, как шел бы человек, когда-то здесь бывший.

— О чем ты мечтаешь, дикарь? В твоих глазах отражается луна.

— Не знаю,— ответил Старк.

Мечты, видения или неясные подозрения, что же бродило в его душе? Может быть он наслушался слишком много болтовни о старых марсианских легендах, и услышанное повлияло на него в этих страшных местах, где живы воспоминания о том, как Рама охотился за душами людей.

— Забудь свои мечты, дикарь. Реальность лучше.

Он посмотрел на нее, освещенную лунным светом. Она была молода и прекрасна, губы ее улыбались.

Он наклонил свою голову, и она обняла руками его шею. Потом она внезапно с силой укусила его за губу. Он вскрикнул и оттолкнул ее, а она смеясь упала на спину.

Старк выругал ее. Он ощущал во рту привкус крови. Потянувшись, он схватил ее. И она снова рассмеялась странным вкрадчивым смехом.

— Это тебе за то, что ты назвал имя Фианны, а не мое, когда началась буря.

Ветер, что-то напевая, пронесся над ними, и снова все стихло.

Два дня они прожили среди руин. Вечером второго дня Старк наполнил водой бурдюк, а Берилл закрыла источник золотой крышкой, и они начали преследовать последний этап на пути к Синхарату.

Глава восьмая

Старк увидел, как он поднимается на фоне утреннего неба — город из мрамора на коралловых островах, лежавший на дне исчезнувшего моря. Сам остров был залит солнцем, и его обнаженные скалы тянулись к небу, переливаясь белым и нежно-розовым светом. А на этом прекрасном пьедестале, застыли стены и башни так тонко сработанные из разноцветного мрамора и так чисто отточенные временем, что трудно было сказать, где начинается и где кончается работа человека. Синхарат — город Вечно Живущих.

И все же он был мертв. Когда Старк подошел поближе, медленно шагая по песку рядом с Берилл, то увидел, что все это лишь прекрасные останки. Многие из изумительных башен были разрушены, многие дворцы были лишены крыш и смотрели прямо в открытое небо. Жизнь наблюдалась лишь за городом, внизу, в окружавшей его высохшей лагуне. Там были животные, палатки и люди — крошечная горсточка их, выглядевшая такой маленькой и ненужной перед громадой мертвого города.

— Караван,— сказала Берилл.— Кинон и остальные... они здесь.

— Почему они раскинули лагерь за городом, а не в нем,— спросил Старк.

Она искоса кинула на него насмешливый взгляд.

— Это старый город Рама, и название его все еще обладает властью. Люди Сухих Земель не любят в него входить. Посмотришь, что будет, когда соберутся все орды. Они все захотят разбить лагерь за городом.

— Из страха перед Рама? Но ведь Рама давным-давно исчезли.

— Конечно. Но старые страхи умирают медленно.— Берилл рассмеялась.— Кинон не суеверен, он должен быть в городе.

Когда они подошли поближе, их заметили.

Всадники пустили своих животных вскачь, а среди палаток поднимались фигуры людей, явно взволнованных их появлением. Вскоре они услышали отдаленные крики.

Старк уверенно шел вперед. Лицо его застыло. Ему казалось, что мерцающая дымка впереди потемнела. На виске его пульсировала жилка.

Всадники Шуна подскакали к ним и окликнули. Берилл ответила, но Старк ничего не сказал. Он шел прямо, не сводя глаз с города. Берилл схватила его за руку и несколько раз тревожно позвала по имени.

— Старк! Я знаю, что у тебя на уме. Но не нужно, ты должен подождать.

Он продолжал идти, не отвечая ей и не глядя на нее. Теперь они находились рядом с лагерем, и одни люди бежали им навстречу, выкрикивая имя Берилл, звенящими от волнения голосами, а другие спешили к огромной лестнице, врезанной в коралловый пьедестал, лестнице, ведущей к городу.

Лагерь каравана находился у ее подножья, а неподалеку в коралловом хребте виднелось большое углубление — вход в естественную пещеру. Люди выходили из нее с большими наполненными водой бурдюками. Очевидно в пещере находился источник.

Но Старк видел только огромную лестницу, ведущую вверх, и по мере того как он к ней приближался, люди вокруг них замолкали. Они стояли и смотрели в лицо Старка, а когда он поставил ногу на нижнюю ступень, те, кто стояли поблизости, отошли подальше.

— Ты д о л ж е н слушать! — Берилл находилась где-то там, по ту сторону пелены, окружавшей его. Она хватала его за руку, говорила ему в самое ухо.

— Кинон убьет тебя, если ты это сделаешь. Я знаю его, Старк.

Но он больше не был Старком, он был Н'Чакой. Враги Н'Чаки обрекли его на жестокую смерть, но он не умер, и теперь была его очередь. Они были здесь на скале, куда не влезали даже огромные ящерицы, и они думали, что находятся в безопасности, но он поднимется, он поднимется и сразит...

Он поднялся, и он оказался на огромной залитой солнцем площади города Синхарата.

Вокруг площади поднимались здания, залитые утренним светом. Они были украшены фигурами в одеяниях древнего Марса, и солнце играло в их глазах из драгоценного камня и смягчало линии лиц. И, казалось, будто слава, гордость и жестокость Рама древних времен снова здесь.

Но глаза Старка искали только живых, среди появившихся на площади фигуры Кинона с револьвером в руке, вышедшего из самого большого дворца, впереди него шел Лухар.

— Лухар!

— Остановись, Старк! — прогремел голос Кинона.

Старк даже не взглянул на него. Взор его был прикован к Лухару, свежему после сна, с растрепанными светлыми волосами, с еще сонным, но быстро оживающим взглядом острых глаз.

— Я убью тебя, если ты не остановишься, Старк,— предупредил Кинон.

До Старка смутно донесся крик Берилл.

— Если бы не он, я бы умерла в пустыне, Кинон!

Кинон решительно взмахнул рукой.

— Если он спас тебя, я его отблагодарю. Но Лухара он трогать не должен. Поди сюда, Берилл.

Голоса. Но что голоса для Н'Чака, когда пришло время убийств и мести.

Берилл оставила его и торопливо бежала мимо Лухара к Кинону, который стоял с револьвером наготове.

Он увидел, что выражение тревоги на лице Лухара сменилось на торжественную насмешку. Человек, которого убил Лухар, вернулся к жизни, но через секунду он будет убит, прямо здесь, и все будет хорошо. Улыбка Лухара стала еще шире.

Берилл, пробегая мимо Лухара, как будто на мгновение поскользнулась, но быстро восстановила равновесие.

Триумфальная улыбка на лице Лухара внезапно потухла. На лице его осталось лишь выражение величайшего изумления. Он стоял, глядя на прорезь в своей тунике, из которой текла кровь, а потом рухнул на камни.

И тогда Старк остановился. Он не понял, что произошло, но Кинон понял, и голос его был как раскаты грома.

— Берилл!

Она спокойно отбросила в сторону маленький кинжал. Его тонкое лезвие ярко пылало на солнце, а красные капли скатывались на каменные плиты мостовой. Она стояла спиной к Старку, и он не мог видеть выражение ее лица, но он слышал горькую страстность ее голоса, когда она обратилась к Кинону.

— Я была на краю смерти! Ты это понимаешь? Он мог бы меня прикончить.

Она проговорила последние слова так, как будто это было самое страшное слово в мире.

— Так что же, Кинон! Будешь стрелять в меня?!

Стояла мертвая тишина. Н'Чака исчез, и Эрик Джон Старк стоял и смотрел на мертвого венерианина. Сейчас он думал не о Лухаре. Он думал о том, что Берилл, должно быть, прятала кинжал за поясом все это время, и еще о том, что сколько раз спина его была близка к тому, чтобы почувствовать ее острие.

И почему в минуту, когда прервалась ее страстность, она произнесла странное слово, обвиняя Лухара в том, что тот ее едва не прикончил?

Старк подошел к Кинону. Он увидел гневное выражение на этом лице и подумал, что Кинон действительно намеревался стрелять.

Теперь ничто в облике Кинона не напоминало о жизнерадостном и фамильярном обращении варвара. Вид у него был не более дружелюбен, чем у тигра.

— Черт тебя возьми, Берилл. Этот человек был мне нужен! — резко бросил он.

Глаза Берилл блеснули.

— Так что же ты не падаешь на колени и не покрываешь его голову поцелуями? В своем желании убить Старка, он не остановился перед тем, чтобы заставить умереть и меня. И ты хочешь, чтобы я ему простила?

У Кинона был такой вид, как будто ему хотелось ее ударить. Но заговорил Старк и спросил:

— Где Фрека?

Кинон сразу повернулся к нему, и лицо его было темным и опасным.

— Слушай, Старк. Ты, а не Лухар, лежал бы сейчас мертвым здесь, на камнях, если бы Берилл не воспылала страстью к мщенью. Ты жив и тебе повезло, не начинай все сначала.

Старк просто ждал. Холодным голосом, как тот ветер, что дует с полюса, Кинон продолжал:

— Фрека вместе с остальными уехал поднимать воинов Сухих Земель на битву. Скоро они будут здесь, и Фрека вернется. Когда это случится, я убью первого из вас двоих, кто сделает неверное движение. Ты слышишь, Старк.

— Я слышу,— ответил Старк.

Кинон посмотрел на него в упор, но очевидно, решил не продолжать. Он проворчал:

— Черт бы побрал таких союзничков! Застарелая ненависть, затаенная вражда. Вечно норовят вцепиться друг другу в горло.

— Я думал, тебе нужны крепкие воины,— сказал Старк.— Если же тебе нужны нежные сердца и любящие братья, то ты не там искал.

— Я начинаю думать, что так оно и есть,— сказал Кинон нахмурившись.— Ладно. Что сделано, то сделано. Но ничего хорошего из

этого не выйдет. Делгаун был в дружеских отношениях с Лухаром, и он захочет крови, когда узнает, что случилось. В таких случаях бывает очень трудно справляться с ним и с проклятыми жителями их местности.

Сердито повернувшись, он направился к тому зданию, из которого ранее вышел. Берилл на ходу бросила на Старка быстрый взгляд.

И тут послышался звук, от которого у Старка по коже побежали мурашки. Это было нечто вроде бормотания, пришедшее из тишины окружающего их мертвого города. Звук, нечеловеческий по своему тону, то возвышающийся, то спадающий, как отдаленный голос. Задул утренний ветер, и вот этот неясный шепот пришел, казалось, вместе с ним. Старку все это совсем не понравилось.

Вслед за Кионом они прошли в комнату, стены которой были сделаны из гладкого мрамора и украшены выцветшими фресками, которые изображали все те же фигуры в древних одеяниях, что украшали фасад дворца. Одни фрески выцвели гораздо больше, чем другие, и поэтому на некоторых из них вдруг выступало из тени лицо, гордое и насмешливое, с улыбкой на губах, или несколько мрачных фигур.

Кинон подошел к деревянному столу, заваленному бумагами, и удивительно неподходящему к окружающей обстановке.

— Я послал всадников на ваши поиски,— резко бросил Кинон.— Они вас не нашли. В окрестностях Синхарата вас не было. И вдруг вы выскакиваете неизвестно откуда.

Берилл сказала:

— Твои всадники и не могли нас найти, мы прошли через Каменный Мешок.

— С одним бурдюком воды? Это невозможно!

Берилл кивнула.

— Но у нас было три бурдюка. Мы их сняли со спины вьючного животного, которое удалось поймать Старку. Они-то и спасли нам жизнь.

Итак, Берилл имела секреты от Кинона, и одним из них является тайна источника? Старк не удивился. Она была женщиной того рода, что знают много тайн.

«Но у меня есть тайна, Берилл. И я даже тебе не скажу, как видел тебя, бредущей в лунном свете так, как будто ты знала, что было в этих местах столетия назад,»— думал Старк.

— Путешествие наше приятным не назовешь,— говорила тем временем Берилл Кинону.— Мне нужен отдых. Фианна спаслась?

Кинон, углубившись в какие-то свои мысли, пришел в себя и ответил ей кивком.

— Да. И она, и большая часть твоих вещей.

Берилл ушла. Кинон проследил за ней взглядом и, когда она скрылась из вида, обратился к Старку.

— Даже, если есть вода, такое под силу только дикарю,— сказал он.— Но я еще раз тебя предупреждаю: умерь свой пыл, Старк, особенно с Делгауном.

— Жители Сухих Земель, жители Лау-Канал, чужеземцы. Сможешь ли ты помешать им вцепиться друг другу в горло?

— Клянусь всеми богами, я это сделаю, даже если мне самому для этого придется рвать глотки! — с яростью бросил Кинон.— Мы можем захватить весь мир, и помешать этому могло бы только одно — старые счеты, из-за которых в прошлом летело столько храбрых планов. Но М О И планы из-за них не полетят!

«Полетят, если мне удастся,»— подумал Старк. С той самой минуты, как Эштон дал ему поручение не позволить случиться тому, что могло случиться. Он знал, что единственной его опорой были древние марсианские распри, и единственный его шанс на успех — возможность натравить друг на друга старых врагов. Но как это сделать, он пока не знал.

Он осознал, что его качает. Кинон тоже заметил это и воскликнул:

— Иди же отдохни, а потом придешь сюда. Ты, конечно, можешь быть дикарем, но все же ты настоящий человек, если сделал то, что сделал.

Он подошел поближе и добавил:

— И должен тебе сказать еще, что не слишком люблю людей, которые сильны также, или почти также, как я. Иди же.

Старк пошел в указанном ему направлении по широкому морскому коридору. В углу первой же комнаты, в которую он заглянул, находилась постель. Он подошел и скорее рухнул, чем просто лег на нее.

Но даже окунаясь в сон, он слышал слабый, отдающий эхом шепот снаружи, бесхитростное бормотание, возвышающее теперь до странного пульсирующего и поющего звука. Как погребальная песнь древнего Марса, он проплыл над мертвым, но даже после своей смерти, прекрасным городом.

И Старк погрузился в тяжелый беспробудный сон.

Глава девятая

Когда Старк проснулся, в комнате царил полумрак, и лишь слабый красный луч заходящего солнца проникал сквозь высокое узкое окно. Он знал, что его разбудило чье-то присутствие. А потом он увидел Фианну, сидящую у стены напротив. Она смотрела на Старка.

— Ты так стонал во сне, как огромное животное.

— Может быть я и есть такое животное,— ответил он.

— Может быть,— согласилась Фианна и кивнула.— Но в таком случае, я вот что тебе скажу, животное: ты попало в ловушку.

Она встала, каждая клеточка ее тела выражала тревогу. Подойдя поближе, она остановилась и посмотрела ему в лицо.

— Что ты имеешь в виду, малышка?

— Не называй меня "малышкой", глупа и юнна не я, а ты. Если бы это было не так, то тебя не было бы в Синхарате.

— Но ты же здесь, Фианна.

Она вздохнула.

— Знаю, это совсем не то место, где я хотела бы быть. Но я служу госпоже Берилл и вынуждена идти туда, куда она меня везет.

Мгновение он смотрел на нее острым взглядом.

— Ты ей служишь, но ты ее ненавидишь.

Она колебалась.

— Я не ненавижу ее. Иногда я ей завидую, она живет так полно, и жизнь ее — сплошная радость. Но я боюсь ее, боюсь того, что она и Кинон могут сделать с моим народом.

Эрих Джон Старк тоже боялся этого, но не стал ей об этом говорить. Он произнес:

— Будучи животным, я озабочен тем, чтобы укрыться. Ты говоришь о ловушке.

— Дело вот в чем,— сказала Фианна,— ты нужен Кинону, чтобы тренировать его людей, когда они соберутся, но Делгаун и его наемники нужны ему еще больше. Если Делгаун попросит твоей смерти, за смерть Лухара...

Она не договорила, и Старк закончил за нее:

— Тогда Кинон, хотя и с сожалением, пожертвует одним воином, чтобы ублажить жителей Лау-Канал. Спасибо за предупреждение, но я и так уже это знал.

Фианна с надеждой сказала:

— Ты можешь уйти до прихода Делгауна. Если ты украдешь животное и воду, то сможешь бежать.

— Нет,— подумал Старк.— Если бы я хотел спасти свою шкуру, то, может быть, так бы и поступил. Но Симон Эштон будет ждать в Такаре, а я не смогу подойти к нему и сказать, что пришлось все бросить из-за слишком большой опасности.

«Кроме того,— подумал он,— здесь есть нечто, чего я не могу понять, но непременно должен. Что-то такое...»

Фианна, наблюдавшая за выражением его лица, внезапно сказала:

— Ты собираешься остаться. Только не выдумывай ложных причин. Ты остаешься из-за Берилл.

Старк улыбнулся.

— Все женщины думают, что у мужчин нет другой причины, как

другая женщина, и нет других занятий, кроме как бегать за женщинами.

— А вот мужчины отрицают, когда это правда,— сказала она.— Скажи мне, вы с Берилл любили друг друга в пустыне?

— Ревнуешь, Фианна?

Он ожидал, что она с жаром станет отрицать подобную возможность, но ничего подобного не произошло. В ее глазах появилось загадочное, почти жалобное выражение, и она тихо сказала:

— Нет, не ревную, Эрих Джон Старк, но мне грустно.

Внезапно она встала и сухо произнесла:

— Я здесь для того, чтобы отвести тебя к госпоже Берилл.

Глаза Старка сузились.

— Сейчас, когда здесь Кинон? Понравится ли это ему?

Фианна загадочно улыбнулась.

— Хорошо, что ты об этом думаешь, осторожное животное. Но Кинон внизу, в лагере, а госпожа Берилл хочет жить здесь, и ни в каком другом месте. Я отведу тебя.

И он вышел вместе с ней на большую площадь. На ней никого не было...

Украшенные скульптурами стены и башни, окутанные молчанием, вздымались вверх, к закату. В глубокой тишине Старк и Фианна продолжали свой путь, и шаги их отдавались на старых плитах. Старку казалось, что все камни мертвого Синхарата, громоздившиеся вокруг, прислушиваются и наблюдают.

Вечерний ветер освежил его лицо своим дыханием. Внезапно он остановился. Он снова услышал звук, начавшийся, как едва слышная вибрация, а потом постепенно сделавшийся внятным. Шепот, смутное бормотание, пришедшее ниоткуда. Казалось, что Синхарат теперь не только слушает и наблюдает, но и говорит.

Потом шепот разбился на отдельные музыкальные голоса. Поющие голоса, что шли, казалось, из самой коралловой скалы, на которой покоился город. Голоса флейты из высоких башен, ловящих последние вспышки красного света. Резкие, отдаленные, похожие на дудки пустыни, голоса из тех домов, что стояли на краю города.

Старк схватил Фианну за руку.

— Что это?

— Голос Рама.

Он грубо сказал:

— Не дури.

Она пожала плечами.

— Все жители Сухих Земель верят в это, вот почему они не хотят приходить сюда. Но другие говорят, что это ветер воет. Он поет такие песни, попадая в углубления в скалах.

Старк понял. Массивный коралловый пьедестал, на котором стоял город, действительно представлял собой гигантскую раковину, пронизанную

множеством крохотных отверстий, и ветер, проникая в них, действительно мог создавать такие сверхъестественные звуки.

— Не удивительно, что варвары его не любят,— пробормотал он.— Я — варвар, и он мне не нравится.

Они шли по улицам, что, подобно лишенным крыш тоннелям, вились между стен и башен, невероятно тонких и высоких на фоне вечернего неба. Некоторые из них потеряли свои верхние этажи, у других вообще обвалилась вся сердцевина, но стены продолжали стоять и были прекрасны, и цвета мрамора все еще были восхитительны. И по мере изменения ветра, менялись и голоса Синхарата. Иногда они были мягкими и нежными, бормотали что-то о вечной юности и наслаждении, а иногда они становились сильными и яростными, наполненными гордостью криками: "Ты умрешь, а я нет". Иногда они делались безумными, полными хохота и ненависти, но всегда в их пении присутствовало нечто дьявольское.

Для внешнего мира, даже для Валкиса, Рама был только легендой, древней трагедией, которую варвар сумел использовать для того, чтобы предать ореол своему главенствованию. Но здесь, в Синхарате, Рама казались очень реальными, и Старк стал понимать, почему весь этот мир так долго боялся их и завидовал им.

Фианна провела его в запертую часть города, наиболее удаленную от огромной лестницы, и ввела его в здание, что громоздилось в темноте, подобно белому волшебному замку. Она повела его по широкому коридору, где факелы, укрепленные на стенах, роняли дрожащие пятна света на изображенных под ними танцующих девушек, так что те казались живыми. Она открыла дверь в одну из комнат и отступила, пропуская Старка.

Комната, куда он попал, была низкой и длинной. Ее заливал мягкий свет, идущий от ламп, одетых в тонкие, как бумага, алебастровые колпаки. Берилл шла ему навстречу, но не Берилл пустыни. На ней был украшенный драгоценностями пояс, широкий воротник, составленный из зеленых камней, сверкал над ее грудью, а с плеч свисал белый плащ.

— Я ненавижу мрачную развалину, в которой Кинон держит свой Совет,— сказала она.— Здесь гораздо лучше.— Как ты думаешь, здесь жила королева?

— Она живет здесь теперь,— ответил Старк.

Взгляд ее смягчился. Он взял ее за плечи. На губах ее заиграла насмешливая улыбка, и она сказала:

— Но если я королева, то я не для тебя!

Потом улыбка внезапно исчезла с ее лица, и она отбросила его руки.

— Для этого нет времени,— сказала она. Я послала за тобой, чтобы поговорить об опасности. Ты можешь не пережить эту ночь.

— Если ты намеревалась отвратить от себя мой разум,— сказал Старк,— то ты выбрала самый верный путь.

Его мрачная шутка не вызвала ответной улыбки Берилл. Она взяла его за руку и подвела к открытому окну.

Эта часть здания высилась прямо над краем коралловой скалы. За окном открывался вид на бездонную пустоту марсианской ночи в тот ее период, когда луны еще не появились, но небесный свод над пустыней уже усеян звездами. Немного левее, у подножья скалы, мерцали огни лагеря, колеблемые ветром.

Слышались бормочущие голоса ветра, который гулял по углублениям в скале. Но сюда доносились и голоса лагеря, крики животных, возгласы людей.

— Кинон там,— сказала Берилл. Он ждет Делгауна и остальных. Они должны придти сегодня вечером.

Мускулы Старка напряглись. Развязка приближалась быстрее, чем он этого ожидал.

Он пожал плечами.

— Значит подходит Делгаун. Что ж, я не боялся его в Валкисе, не испугаюсь его и в Синхарате.

Берилл пристально посмотрела на него.

— Бойся его,— сказала она.— Я знаю Делгауна.

Их лица были совсем рядом, на ее лице было выражение, которое ему уже доводилось видеть.

— Откуда ты можешь его так хорошо знать? — спросил он.— Ты женщина из племени Шуна, а он из Валкиса.

— Неужели ты не понимаешь, что Кинон уже много месяцев ведет дела с Делгауном? — нетерпеливо спросила она. Ты думаешь, что за все это время я не могла изучить человека и понять, что он опасен?

— Твоя заботливость трогает меня, Берилл. Если только... если только она искренна.

Он почти ожидал, что она рассердится на него за такие слова, но этого не произошло. Она продолжала пристально смотреть на него, а потом сказала:

— Ты сильный, а мне, может быть, понадобится сильный союзник.

— Чтобы тебя защищать? Но у тебя есть Кинон!

Берилл нетерпеливо проговорила:

— Для защиты мне не нужен никто. Что же касается Кинона, то я стою у него на втором месте. На первом — его честолюбие. Он бы без особых раздумий отбросил меня, как ненужную вещь, если бы это было нужно для осуществления его планов.

— А ты не любишь, когда тебя отбрасывают в сторону,— заметил Старк.

Ее глаза вспыхнули.

— Не люблю!

— Итак, дикарь может оказаться полезным. Знаешь, Берилл, твоя честность просто восхищает.

Она насмешливо улыбнулась.

— Это лишь малая часть того, что есть во мне восхитительного.

— Когда придет Делгаун? — спросил Старк.— И поднимутся ли люди племен в Синхарат вместе с ним и Киноном?

Берилл кивнула.

— Да. Потому что сегодня Кинон собирается поднять свои знамена. Для этого они и придут сюда, хотя и испытывают некоторый трепет перед этим местом.

Он с любопытством посмотрел на нее и сказал:

— Ты говоришь о суеверии людей племен, но ведь ты сама Шуни.

— Это так, но я не верю в то, во что верят они: Кинон научил меня. Он сам многому научился в чужих мирах, а я многое узнала от него.

— Ты научилась от него честолюбию,— заметил Старк.

— Да, научилась,— согласилась она.— Я тоже устала быть только женщиной. Я тоже хочу держать мир в своих ладонях.

Старк смотрел на нее и думал о том, что опасения Эштона еще увеличились бы, если бы он узнал, что эта женщина может представлять для Марса такую угрозу, как Кинон и Делгаун. Внезапно порыв холодного ночного ветра донес до них взрыв восторженных возгласов.

Старк и Берилл подошли к окну. Вдали в пустыне появилась россыпь огней, движущихся в направлении к Синхарату.

Внизу под скалой забили барабаны, завизжали дудки. Факелы вспыхнули между ветрами, и барабаны забили еще громче.

— Идет Делгаун,— сказала Берилл.

— И я должен идти,— проговорил Старк.

Он повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, на стенах которого были изображены танцующие девушки, он лицом к лицу столкнулся с Фианной.

— Ты подслушивала? — спросил он.

Она не стала отрицать.

— Я не могу видеть, как глупое животное подставляет свою шею под нож. И я хочу тебе кое-что сказать Эрих Джон Старк.

— Да?

— Не доверяйся чересчур Берилл. Она не совсем такая, какой кажется.— Фианна помолчала, а потом шепотом добавила: — Думал ли ты когда-нибудь о том, что Рама прошлых лет не вымерли.

Все неясные, смутные подозрения, теснившиеся в душе Старка с тех пор, как он вышел из пустыни, нахлынули на него с новой силой.

— Что ты имеешь в виду?

Но Фианна оставила его, ускользнув, как тень. И через минуту он оказался на темной, молчаливой улице.

Бой барабанов эхом плыл над мертвым Синхаратом. Но когда Старк

шел по улицам, ему казалось, что заглушая этот бой, заглушая даже пронзительные выкрики дудок, звучат насмешливые голоса, отголоски далского прошлого.

Глава десятая

Свет и звуки разорвали тишину большой лестницы Синхарата. Первыми шли факельщики, высоко подняв пылающие факелы, потом шли барабанщики и дудочники, за ними — Кинон и его новоприбывшие союзники, и, наконец, люди его племени.

По мере того как процессия поднималась все выше, темная западная часть города освещалась все ярче. Древний камень столетиями невидящий ничего, кроме темноты, теперь в триумфе поглощал красные лучи. Но, несмотря на всю торжественность, громкий бой барабанов и визг дудок, глаза людей, когда они поднимались к старым каменным лицам Рама, наполнялись сомнением.

Старк издали услышал шум приближающегося шествия. Сам он терпеливо ждал в тени глубокого дверного проема того здания, в котором размещалась штаб-квартира Кинона.

Он увидел, как факельщики, барабанщики, дудочники и воины вошли на огромную площадь и двинулись по ней. Он подумал о том, что Кинон устроил по-настоящему хорошее представление, так что оно кого угодно могло убедить в том, что люди Кеша и Шуна, а также люди Лау-Канал теперь друзья и союзники.

Кинон поднялся по ступеням к старому зданию, и остановился лишь в нескольких ярдах от того места, в котором притаился Старк. Он повернулся и встал лицом к факелам, блестящим шпагам и яростным лицам.

— Принесите знамя! — крикнул он громовым голосом

Вперед решительным шагом вышел высокий варвар с черным шелковым знаменем на длинном древке. Полным театральности от этого, не менее внушительным жестом Кинон тряхнул полотном шелк так, что оно затрепетало на холодном ветру.

— Я вздымаю знамя Смерти и Жизни! — крикнул он.— Смерть врагам, жизнь, бесконечная жизнь нам — будущим властелинам этого мира.

Шелковое знамя развернулось по ветру, показывая всем две белые короны, а под ними красную шпагу на мертво-черном поле.

Крик толпы был подобен реву огромного животного... При свете факелов Старк внимательно вглядывался в лица людей, одетых в чужеземные одежды. Впереди всех стоял Делгаун.

— Я принес вам не только знамя, но и сильного союзника! — продолжал греметь голос Кинона.— В той новой эре, что сейчас начинается, старые распри должны быть забыты. Делгаун из Валкиса плечом к плечу будет стоять с нами в этой битве. А рядом с ним встанут люди из Лау-Канал!

Делгаун подошел к Кинону и встал рядом с ним. Он обернулся к толпе и поднял руку. Толпа закричала, но крик этот был не слишком-то радостным.

Кинон действовал очень умно, он не дал людям времени на обсуждение, но громко сказал:

— А когда Кеш и Шун, Валкис и Джеккара вместе поднимутся против Пограничных Штатов, с нами будут драться и храбрые люди из других миров!

Уэлш и двое остальных, услышав сигнал к своему выходу, тоже поднялись по ступеням. Но тут Старк вышел из тени и встал рядом с Делгауном и Киноном, с улыбкой глядя на них. Громко, так, чтобы все могли слышать, он сказал:

— И я приветствую моего брата и товарища по оружию, Делгауна из Валкиса. Ведь мы вместе встаем под наше знамя!

Он положил руку на плечо Делгауна традиционным жестом. Золотистые глаза Делгауна вспыхнули ярко, как у орла, а рука под плащем шевельнулась. Он хрипло сказал:

— Ты, ублюдок...

— Хочешь все испортить? — тихо, но голосом дрожащим от страха и злости, проговорил Кинон.— Скажи ответное приветствие.

Медленно, как будто рука его весила неимоверно много, Делгаун поднял ее и положил на плечо Старка. На лице его выступил пот.

Старк весело ему подмигнул. Он подумал, что неплохо сыграл свою роль. Делгаун попытался его убить, это несомненно, но не сможет этого сделать в открытую. Товарищество по оружию — святое дело для варваров.

— Всадники скачут эту ночь по Сухим Землям! — выкрикнул Кинон, обращаясь к толпе.— Воины всех племен скоро соберутся здесь! Идите вниз и готовьтесь их встретить! И помните...

Он сделал драматическую паузу, потом продолжал:

— Помните, что не только за самой лучшей в мире добычей, но и за бесконечной жизнью, которые нам дадут передающие Душу!

Толпа разразилась воплями, но Старку показалось, что каменные лица Рама, взирающие сверху на толпу, полны насмешки.

Кинон резко повернулся и направился в зал Совета. Остальные последовали за ним.

В комнате, освещенной огнями факелов, Кинон обернулся. Вид у него был свирепый, как у разъяренного льва.

— Старк, с тех пор как ты с нами, у нас сплошные раздоры,— процедил он сквозь зубы.

Старк спокойно ответил:

— Старый враг пытался меня убить, а я, выжив, пытался убить его. Разве на моем месте ты бы поступил иначе?

Потом он посмотрел на Делгауна.

— Лухар был моим врагом, но я не понимаю, почему меня должен ненавидеть Делгаун. Давай все выясним, Делгаун. Если у тебя есть причина ненавидеть меня, скажи ее здесь и сейчас. Говори!

Золотистые глаза в упор смотрели на него с помертвевшего лица. Губы Делгауна кривились, но он молчал.

«Черт тебя возьми, ты не можешь говорить,— подумал Старк.— Ты ненавидишь меня из-за ревности к Берилл, но не осмеливаешься в этом признаться!»

Наконец Делгаун пробормотал:

— Должно быть, я был неправ. Наверное, против Старка меня настроил Лухар.

— Тогда дело решено,— сказал Кинон.

Он подошел к столу, сел и, прежде чем заговорить, внимательно оглядел лица присутствующих.

— Завтра начнут подходить воины,— сказал он.— Я хочу, чтобы из них начали формировать отряды. И их надо обучать. Эррод, ты поможешь в этом Старку. Через два дня здесь должен быть корабль Кингхтона с необходимым нам оружием. Я хочу, чтобы наши войска вышли из Синхарата не позже, чем через две недели.

Хотя голос Кинона оставался твердым и решительным, взгляд его сделался мрачным.

— Мы нападем прежде всего на Варл и Катуун. Они получили достаточно предупреждений и держат ворота на запоре. Мои люди сделают вид, будто начинают осаду. Потом мы ненадолго отступим, потому что в это время подоспеет помощь из двух соседних городов.

Мрачная улыбка искривила губы Делгауна.

— Да. Помощь из Валкиса и Джеккары. Мои люди с Лау-Канал с честью поспешат на помощь Пограничным Штатам. Когда ворота перед ними радостно распахнутся, мы вместе войдем в них.

— Умно,— восхищенно сказал Уэлш, и на его грубом лице появилась улыбка.

Кинон поднял руку, призывая к вниманию.

— Падение Варла и Катууна прорвет всю цепь Пограничных Штатов. Мы двинемся по этой цепи дальше и через шесть месяцев будем в Кахоре.

Темис, молчаливый темнолицый человек, спросил:

— Как насчет правительства Земли.

Кинон усмехнулся.

— Принцип невмешательства в марсианские дела долгое время был ее политикой. Будет крик, будут протесты, но ничего больше, и мы получим власть и самую лучшую в мире добычу.

Старк похолодел. Он не мог найти в этом плане ошибочного звена. План должен был сработать — искра разрушения на Границе разгорится в пламя. В этих городах будут умирать люди и большей частью это будут воины Сухих Земель. Так что умные воины с Лау-Канал загребут жар чужими руками.

У Старка возникло твердое решение помешать Кинону прежде, чем случится непоправимое.

Кинон встал.

— Вот так. У вас есть работа, и она будет нелегкой. Приступайте к ней с первыми лучами солнца.

Они направились к двери, но их остановил голос Кинона.

Еще одно. Душой всей этой войны является жажда бессмертия, жажда узнать тайну Рама. Если кто-нибудь из вас пустит слух о том, что я не знаю тайны или позволит себе улыбнуться при упоминании о Передающих Душу...

Он не закончил, да в этом и не было нужды. На лице Кинона читалась такая смертельная угроза, передать которую словами было невозможно.

Старк подумал, что если его подозрения верны, то шутку сыграли с самим Киноном, причем шутку мрачную и ужасную. Если Берилл...

Он не позволил себе закончить эту мысль. Такое было невозможным. Считать, что старая, темная тайна Марса жива лишь потому, что он видит как женщина бродит в лунном свете, и слышал мрачные намеки девушки, подсказанные ей ревностью — слишком фантастично. Нужно обо всем этом забыть.

Но Старк не смог об этом забыть. Каждый день он проводил внизу, в пустыне, обучая военному искусству людей Кеша и Шуна, что постоянно прибывали сюда из далеких оазисов. Он слышал разговоры этих воинов. И даже больше, чем о добыче, они говорили о бесконечной жизни. Он видел, как они впивались взглядами в черное знамя с белыми коронами над алой шпагой, когда его вслед за Киноном проносили по полю.

В один из дней прибыл корабль Книхтона. Оружие выгружали торопливо, и он улетел за новым оружием в тот же день. Приходили люди из Валкиса, Джеккары, Баракеша и с ними Кинон и Делгаун вели беседы, устанавливая время и место великого удара по Границе. Потом эти люди снова уходили.

С остатком воинов племени Шуна и подошел Фрека. Старк видел, как высокий вождь варваров скакал со своими людьми по лагерю, выросшему теперь до размеров целого города, слышал крики приветствий. Не-

много позже он отправился с отчетом к Кинону, и Фрека стоял под знаменем вместе с ним.

Старк чувствовал на себе взгляд его, но все же Фрека не сделал к нему ни малейшего движения.

— Вы оба предупреждены,— коротко бросил Кинон.— Запомните это. Повторять я не буду.

Старк отдал рапорт о готовности воинов и пошел прочь, провожаемый горящим взглядом Фрека.

В эти дни, заполненные делами и суетой, Старк не видел Берилл. Однажды вечером, оставив Кинона и Делгауна в лагере, и поднявшись по огромной, залитой светом лестнице, Старк отправился к тому месту, где находился избранный ею дом. Он чувствовал, что должен, наконец пролить свет на те смутные и невозможные сомнения, что уже столько времени не давали ему покоя.

Ветер гулял по расщелинам скалы, улицы Синхарата вибрировали от бормотания голосов, усиливающихся по мере того, как тускнел свет и усиливался ветер. С мраморных стен за ним с мрачной усмешкой на устах наблюдали люди Рама.

Старк уже вступил на ту улицу, которая была ему нужна, но внезапно остановился. В дальнем конце, погруженной во мрак улицы, он увидел закутанную в белый плащ фигуру. При его появлении она исчезла. Он подумал, что это Берилл, и последовал за ней. Но сам того не сознавая, он умерил при этом свои шаги и крался теперь очень тихо и осторожно, как песчаный кот на охоте.

Когда улица сделала поворот, он потерял ее из виду.

Старк стоял, не зная в какую сторону ему повернуть, а шепчущиеся в скале голоса насмехались и издевались над ним.

Узкий переулок, начинавшийся рядом в том месте, на котором он стоял, вел к более широкой улице, на которой высилось великолепное белое здание. На песке, покрывающем мостовую, виднелась цепочка следов.Он пошел по ней, подошел ко входу в здание и осторожно вошел.

Внутри было не темнее, чем на улице. Свет все еще проникал сквозь высокие окна над галереей, что опоясывало огромный купол высоко над полом. Света этого было вполне достаточно, чтобы разглядеть круглый и абсолютно пустой зал, чьей отличительной чертой были лишь надписи, покрывавшие одну из стен. Берилл стояла спиной к Старку, глядя на надписи и читая их.

Она читала молча, но он знал, что она читает, потому как она слегка наклоняла голову и подавалась вперед, переходя на новую строчку. Старк почувствовал себя так, как будто на него пахнуло холодом неведомого мира.

Ибо надписи были сделаны на том древнем языке Рама, который был недоступен людям, вот уже тысячу лет.

— Эта женщина — ведьма,— предупредил его инстинкт.— Не совсем человек. Беги!

С огромным усилием воли он заставил себя остаться в тени, у двери. Он увидел, как после нескольких минут чтения Берилл поникла головой, словно терзаемая мучительной болью.

Потом она резко отвернулась от надписей, и ее сандалии застучали по пыльным плитам. Она подошла к подножью витой лестницы, ведущей к галерее. Старк увидел, как поднявшись туда, она подошла к одному из высоких окон и остановилась возле него, глядя в пространство.

Ветер свистел и бормотал в дверях и окнах, и шум его заглушал шаги Старка, когда он проходил через зал и поднимался по лестнице. Поднявшись на галерею, он остановился в дюжине шагов от молчаливой женской фигуры.

— Картина не та, какой ты ее помнишь, да, Берилл? Тогда кругом играла вода океана и плавали корабли?

Глава одиннадцатая

Берилл не оглянулась.

Она вела себя так, как будто не слышала его слов. Она стояла абсолютно спокойно, слишком спокойно.

Старк подошел к окну, и встал рядом с ней. Умирающий свет пустыни освещал насмешливую улыбку на ее лице.

— Что тебе приснилось на этот раз, дикарь?

Для чуткого слуха Старка насмешка ее прозвучала несколько нарочито.

— Ты — Рама,— сказал он безо всякого выражения.

— Но Рама жили давным-давно,— возразила она.— Если бы я принадлежала к их числу, то была бы очень стара. Сколько же мне было бы лет?

Обмануть его ее тон не мог.

— Вот это я хотел бы знать, Берилл. Сколько тебе лет? Тысяча... десять тысяч? Во скольких телах ты жила?

И в ту минуту, когда Старк облек в слова свою давнюю мысль, она показалась ему куда более ужасной, чем раньше. Должно быть часть этого ужаса отразилась на его лице, ибо он увидел, как в глазах Берилл загорелся опасный огонек.

— То, что ты говоришь — безумие,— сказала она.— Кто вложил в твою голову подобные мысли?

— Женщина, бродящая среди лунного света,— пробормотал он,—

женщина, прокладывающая себе путь среди стен и дверей, исчезнувших столетия назад. Она могла их знать только потому, что помнила их.

Казалось, будто Берилл почувствовала некоторое облегчение. Она нетерпеливо проговорила:

— Почему ты об этом не сказал, почему ты держал свои сомнения при себе? Я могла бы рассказать тебе о том, что эту тайну доверил мне отец по какому пути идти, сколько делать шагов в одном направлении, сколько в другом, до тех пор, пока не окажешься у скрытого источника. А ты подумал...

Она снова рассмеялась.

— Я тебе не верю,— сказал он.— Ты отмеряла шаги. Ты просто брела, вспоминая.

Тени сгустились. Он шагнул к ней и заглянул к ней в лицо.

— Ты все время смеялась над Киноном, не так ли? Настоящая Рама, смеющаяся над тем, кто ею прикидывается?

Медленным голосом, в котором не было и тени смеха, Берилл проговорила:

— Забудь обо всем этом, Эрих Джон Старк. То, о чем ты говоришь — безумие, и оно может стоить тебе жизни.

— Сколько вас, Берилл? Сколько вас прошло через века, тайно скрываясь в чужих телах, смеясь над миром, который считает вас давно исчезнувшими?

Шепотом, в котором ясно слышалась угроза, Берилл произнесла:

— Говорю тебе еще раз. Забудь об этом!

— Вас, должно быть, по крайнем мере, двое, чтобы один мог использовать на другом действие Передающих Душу,— сказал Старк и кивнул.— И кто может быть этим другим, как не ревнивец, сказавший: "Что тебе в этом существе на час. Это он, не так ли? Делгаун?"

Голосом, дрожащим от ярости, Берилл бросила:

— Я не желаю больше слушать твой бред. Не ходи за мной. Мне сумасшедшие не нужны.

И, круто повернувшись, она пошла, почти побежала вниз по ступеням и дальше на улицу.

Старк остался стоять. Мысли вихрем проносились в его голове. Она была такой живой и теплой в ту ночь, и руки ее обвивались вокруг его шеи. Так неужели в этом, полном страсти теле женщины-шуни, жила женщина Рама древних времен?

Он повернулся и посмотрел в открытое окно. Всходили луны, и их дрожащий свет расплывался по пустыне. Внизу под скалой, на которой покоился Синхарат, мерцали огни лагеря. Ветер доносил шум голосов, крики животных — звуки нормального здорового мира. Он сказал себе, что воображение обмануло его, но сам знал, что это не так.

Пока он стоял, в голову ему пришла еще одна мысль. Если это было правдой, если Берилл и Делгаун были Рама древних времен, то значит

этот поход варваров за добычей и властью, направлялся умом таким же старым и дьявольским, как и сам Синхарат. И все же победителем, правителем должен был стать Кинон, но он не Рама. Не потому ли Берилл и стала женщиной Кинона, чтобы направлять его и влиять вместе с Делгауном на каждый его поступок.

Он резко отвернулся от окна. Огромный и древний зал был теперь полностью погружен в темноту, и ветер, что пел и шумел в ней, казался насыщенным холодом умерших столетий. Ужас охватил Старка, и он спустился по лестнице и вышел из здания. И все это время ему казалось, что неведомые глаза наблюдают за ним из темноты.

Пока он шел по молчаливым, залитым лунным светом улицам Синхарата, он все время пытался решить, что же ему делать. Он должен помешать планам Кинона. А теперь, когда он узнал, что за этими планами стоят древние дьявольские силы, необходимость этого возросла еще больше. Следует ли ему рассказать Кинону о Делгауне и Берилл?

Они лишь посмеются над ним. Ведь у него нет ни одного доказательства.

Но ведь должен же быть какой-то выход. Он...

Внезапно Старк остановился. Каждый его нерв сигналил об опасности. Он прислушался, мгновенно застыв на месте и поворачивая только голову.

Не было слышно ничего, кроме шепота ветра. На улицах мертвого города не видно было никаких следов движения, но Старк не был спокоен. Все его чувства шептали и кричали ему о том, что кто-то или что-то выслеживает его.

Через минуту он вновь направился к отдаленному огоньку, что виднелся в окне дворца Кинона на главной площади. Но сделав дюжину шагов, он внезапно застыл в неподвижности.

На этот раз он услышал шорох осторожных шагов в тени узкой улицы.

Старк положил руку на рукоять пистолета, и голос его прогремел по всей улице:

— Выходи!

Из тени выступила согнутая фигура и направилась к нему. Вначале он не узнал высокого вождя варваров, Фреку, в этой фигуре, горбатой и согнутой.

Потом Фрека вышел в полосу лунного света, и Старк увидел его лицо, напряженное и ухмыляющееся. И тогда он понял: Фрека находился под сильным действием Шанга, и был сейчас скорее животным, чем человеком, так что его не волновал направленный на него револьвер. Единственное, что его занимало,— это звериная ненависть.

— Назад,— тихо сказал Старк,— или я тебя убью.

Но он знал, что не сможет этого сделать, что угроза его — пустая

фраза. Если он убьет Фреку, то подпишет тем самым свой смертный приговор.

Во внезапном озарении Старк осознал искусность ловушки. Без сомнения ее расставил Делгаун — никто бы другой не привез для Фреки Шанга. Тот из двоих, кто убьет другого, неминуемо погибнет от руки Кинона. Делгаун играет беспроигрышно.

Внезапно Старк повернулся на каблуках и побежал. Он бежал в направлении видневшегося вдалеке огонька. Если бы он смог добежать до такого места, чтобы остальные увидели, что Фрека преследует его и хочет напасть...

Но это ему не удалось. Фрека (в данный момент полуживотное) мог бежать также быстро, как Старк, даже еще быстрее. С животным рычанием он настиг Старка, и его длинные руки обвились вокруг головы Старка, а зубы вонзились в шею.

Старк почувствовал, что падает, и сделал движение в сторону мостовой, пытаясь смягчить движение. Он проехался головой по изношенным временем камням и едва не потерял сознание, однако, продолжал кататься по мостовой, стараясь избавиться от вцепившегося в него существа. За это время он успел потерять револьвер. С трудом он поднялся на ноги.

Фрека, подвывая, прыгнул с того места, где его оставил лежать маневр Старка. Длинные его руки вцепились в колени Старка и снова потянули вниз.

Старком овладел непреодолимый ужас. Хотя его и называли животным, но этот, с кем он сейчас дрался, потерял всякое подобие человеческого облика.

Фрека опять попытался вцепиться зубами в горло Старку, но тот схватил варвара за длинные волосы и оттянул назад его голову. Все еще держа Фреку за волосы, Старк ударил его головой о камни.

Фрека продолжал выть и цепляться за него, и Старку вдруг показалось, что это существо неуязвимо, и он вздрогнул от нахлынувшего на него ужаса. Он смутно слышал чьи-то кричащие голоса. Объятый какой-то истеричной яростью, он все бил и бил Фреку головой о камни.

Голос Делгауна прозвучал совсем рядом, и Старк поднялся на ноги, мигая от яркого света факелов.

— Он убил Фреку... копье мне! — крикнул он.

Старк увидел других людей племен. У всех у них лица были перекошены от ярости. Он увидел также полное ужаса лицо Уэлша, а потом все эти лица заполнило одно — лицо Кинона.

— Я предупреждал тебя, Старк!

— Этот человек был под действием Шанга. Он был животным, напавшим на меня,— выдохнул Старк.— И я знаю, что его натравил Дел-гаун...

Огромный кулак Кинона со всего размаху опустился на его губы, и

Старк откачнулся назад. И сразу же его подхватило несколько крепких рук.

— Кровь, за кровь Фреки! — крикнул Кинону воин Шуни.— Пока все люди нашего племени не увидят смерти этого человека, мы за тобой не пойдем!

— Вы ее увидите,— сказал Кинон.— Все ее увидят. И вы, братья, будете тем оружием, что отомстит за кровь Фреки.

— Ах ты, идиот! — крикнул объятый яростью Старк.— Делаешь вид, будто знаешь тайну Рама, а сам при этом настоящая игрушка в руках...

Тут Старк получил удар рукоятью копья по затылку и провалился в темноту. Он очнулся на холодных сухих камнях.

Вокруг его шеи обвивался железный воротник, от которого к кольцу в стене отходила пятифутовая железная цепь. Камера была маленькой. Дверью служила железная решетка. За ней виднелась шахта с расположенными по кругу дверями в такие же камеры. Вместо потолка была толстая каменная стена. Старк догадался, что это место находилось под одним из внутренних дворов здания.

Камера была освещена чадящим факелом. Других пленников не было, зато был охранник — широкоплечий варвар. Он сидел на камне в центре шахты. Рядом лежало копье, и стоял кувшин с вином. Это был тот самый воин-шуни, который требовал копье. Сейчас он смотрел на Старка и улыбался.

— Зря ты так долго спал, чужеземец,— сказал он.— У тебя ведь только три часа до утра. А когда придет утро, ты умрешь на большой лестнице, чтобы все люди племени Шуни видели это.

Он отпил из кувшина и снова улыбнулся.

— Смерть наступает быстро, если точен удар. Но если удар неточен, смерть медленная и несет в себе большую боль. Думаю, твоя будет медленной.

Старк ничего не ответил. Он ждал с тем нечеловеческим терпением, с каким ждал когда-то своих преследователей, лежа за камнями.

Человек, сидящий на камне, расхохотался, и снова поднял кувшин.

Глаза Старка сузились, он увидел, как чья-то тень метнулась из темноты за спиной пьющего человека. Он подумал, что знает, кто это крадется.

Делгаун, наверняка, захочет устроить дело так, чтобы он не вышел на большую лестницу и не выкрикнул перед смертью своих безумных обвинений.

Он подумал, что у него нет теперь даже и трех часов.

Глава двенадцатая

Потом, внезапно обретя форму, тень возникла за спиной воина. Фианна! Ее юное лицо было очень бледным, но рука, державшая маленький револьвер, не дрожала.

Револьвер кашлянул, и воин-шуни головой вперед упал и остался лежать без движения. Копье его со звоном упало на каменный пол, а кувшин покатился, оставляя за собой мокрую красную дорожку.

Переступив через безжизненное тело, Фианна разомкнула железный воротник Старка, сняв ключ с пояса часового.

Старк положил руки на ее плечи.

— Послушай, Фианна, если кто-нибудь узнает о том, что ты сделала, ты умрешь.

Она бросила на него странный пристальный взгляд. В тусклом свете факела черты ее лица казались совершенно незнакомыми. Ему захотелось получше рассмотреть, что таится в глубине ее глаз.

— Я думаю, что вскоре должно умереть очень многое,— отозвалась она.— Для Синхарата наступили черные времена, и никому неведомо насколько они черные. Я пошла на такой риск ради тебя потому, что считаю тебя единственной своей надеждой, может быть, даже единственной надеждой мира.

Он привлек ее к себе, поцеловал, погладил по темноволосой головке.

— Ты слишком молода, чтобы решить судьбу мира.

Он почувствовал, как она задрожала.

— Молодость тела только иллюзия, когда стар разум.

— А твой разум стар, Фианна?

— Да,— прошептала она.— Также стар, как разум Берилл.

Слова ее отзвучали, и все погрузились в тишину. Но Старку показалось, что между ним и этой девушкой, что смотрела на него своими темными загадочными глазами, разверзлась бездонная пропасть.

— Ты тоже? — прошептал он.

— Я тоже,— тихо отозвалась она.— Я одна из Дважды Рожденных Рама, также как и те, кого ты знаешь под именами Берилл и Делгауна из Валкиса.

Он не мог до конца этого осознать. Он молча смотрел на нее, потом спросил:

— Но сколько же вас здесь тогда?

Фианна покачала головой.

— Я не уверена, но думаю, что нас осталось только трое. Теперь ты знаешь, почему я следую за Берилл и служу ей. Она и Делгаун владеют

этой тайной. Они знают, где спрятаны короны Рама. Это где-то здесь в Синхарате, а я не знаю. Они дают мне жизнь от одного срока до другого, так что я живу только их милостями. И так продолжается давно, очень давно...

Повинуясь безотчетному чувству, он снял руки с ее плеч и отступил назад. Фианна посмотрела на него, и сказала без упрека, но печально:

— Я не виню тебя. Я понимаю, кто мы есть. Вечно юные, вечно живущие похитители чужих жизней. То, что началось давным-давно в Синхарате, было неверным, было неверным с самого начала. Я понимала это, хотя и меняла жизни. Но вот, что я тебе скажу — самый дьявольский из всех приговоров — приговор к жизни!

Старк снова приблизился к ней, и положил руки на ее плечи.

— Кем бы ты ни была в прошлом и настоящем, Фианна, я считаю тебя своим другом.

— Твоим другом и другом всех племен, живущих на Сухих Землях, к которым я настоящая принадлежала. Они не должны идти по Марсу, захлебываясь в собственной крови. Ты мне поможешь?

— Ради этого я и пришел сюда.

— Тогда идем со мной,— сказала она и, тронув ногой тело воина, добавила:

— Возьми его. Не нужно, чтобы его здесь нашли.

Взвалив тело часового себе на плечи, он вслед за девушкой направился по цепи извилистых коридоров, одни из которых были погружены во тьму, а другие едва освещались отблеском лунного света. Она шла так уверенно, как будто ее путь лежал через центральную площадь города.

Холодные эти тоннели были погружены в мертвую тишину и хранили следы, и слабый сухой запах вечности.

Наконец Фианна прошептала:

— Это здесь. Будь осторожен.

Она протянула руку, желая помочь Старку, но тот видел в темноте, как кошка. Они вышли к тому месту, от которого начинались все подземные пути.

Черные дыры, как безумные рты, зияли в коралловой стене — входы в неведомые катакомбы. Старк опустил тело в ближайшее отверстие, но копье оставил себе.

— Оно тебе понадобится,— сказала Фианна.

Прислушиваясь к тому, как затихает эхо в глубине шурфа, Старк вздрогнул. Он едва не кончил так сам. И он с радостью последовал за Фианной прочь от этого места, где пряталась в темноте молчаливая смерть.

Там, где сквозь мрак тоннеля пробивались лучи света, Старк остановился и сказал:

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе предотвратить начало войны, но только смерть Кинона может это сделать.

— Сегодня Кинону грозит опасность большая, чем смерть. Мы идем спасать его.

Старк рванул ее за руку.

— Спасать Кинона? Но ведь это он придумал этот кровавый поход... это его план!

Фианна покачала головой.

— Не он будет его возглавлять, хотя и будет казаться, что это так. Да и план придумал не он, а Делгаун и Берилл. План этот вложен в голову Кинона, хотя тот об этом не подозревает.

— Всюду ложь,— сказал Старк.— Я тону в этой лжи. Расскажи мне правду.

— Хорошо. Вот тебе правда о Делгауне и Берилл. Они устали тайно рыскать по векам. Даже Берилл надоело жить лишь для удовольствий, и она захотела власти. Они, Дважды Рожденные, хотят править обычными людьми. И вот они решили создать империю. Именно Берилл подала Кинону мысль о том, чтобы использовать легенду о Синхарате и Передающих Душу, чтобы объединить племена Сухих Земель и жителей Лау-Канал. Кинон, который всегда был честолюбив, всеми путями стремился к власти, ухватился за нее обеими руками. Делгаун не предложил призвать на помощь чужеземцев с их оружием. При первых же успехах, к ним присоединились бы и другие авантюристы, привлеченные запахом добычи, а Делгаун и Берилл использовали бы их для того, чтобы держать под контролем племена для своих дьявольских замыслов.

Старк подумал о Книхтоне и Уэлше с Земли, Темисе и Эрроде с Меркурия и с колонии Каллисто. Он подумал об остальных, подобных им, как хищно они могли бы вцепиться в самое сердце Марса. И он подумал о желтых глазах Делгауна.

— Ты, Фианна, говоришь о том, что Делгаун и Берилл собираются править, но как они посмеют убить Кинона, которого все племена считают своим вождем?

Фианна посмотрела на него с жалостью.

— Ты не понимаешь, они не станут избавляться от Кинона физически. Для людей племен он должен по-прежнему остаться Кинoном, их вождем!

Старк все еще не понимал.

— Что ты имеешь в виду? Может быть, на Кинона и можно влиять, но он не из тех, кто согласится плясать под чужую дудку.

— Я сказала, что они не собираются избавиться от него ф и з и ч е с к и,— повторила Фианна.

На этот раз до Старка дошел ее смысл слов, и он похолодел.

— Ты имеешь в виду... Передающих Душу?

При этом Старка охватило чувство болезненного отвращения, ему показалось, что все происходящее только кошмарный сон. А потом в его душе вспыхнула ненависть к этому древнему дьявольскому мирку, ко всему темному, что показывало свой лик откуда-то из туманного прошлого.

— Теперь-то ты понимаешь, почему мне нужна твоя помощь? — продолжала Фианна.— Этого нельзя допустить. Если Делгаун овладеет телом Кинона, он использует это для того, чтобы повести жителей Сухих Земель в кровавую бойню. Ты должен мне помочь.

Старк посмотрел на нее и хрипло спросил:

— Где?

— В покоях Берилл. Кинон сейчас там, и он в ловушке. Делгаун отправился в тайник, где хранятся короны Рама.

Старк вцепился в рукоять копья.

— Отведи меня туда кратчайшим путем.

— Не кратчайшим, а самым безопасным. Идем!

И Фианна повела его по лабиринту подземных путей, которые казались бесконечными. И он увидел такое, о существовании чего никогда и не подозревал.

Огромная пещера, куда они попали, была скупо освещена холодным зеленым светом, исходившим из старинного светильника в углу.

У стен стояли какие-то странные и непонятные приборы и инструменты. Здесь были массивные серебряные колеса и диски, причудливые нагромождения металлических прутьев, бронзовые предметы — память о старых днях величия Синхарата, когда этот город стоял на острове, что так угрожающе выступал из океана.

Реликвии, чья-то собственность, или возможно добыча — они являлись частью Рама и того прошлого, что он, хотя и мертвый, все же напоминал о себе. Старк вскрикнул и крепче вцепился в рукоять копья, но Фианна даже не взглянула на эти обломки ушедших веков.

Ряд мрачных ступеней привел их в коридор, где воздух был также чист, как и на поверхности. Теперь кругом слышался шепот, бормотание, смешки и взвизгивания, слышанные им раньше. И Старку показалось, будто эти звуки, называемые голосами Рама, были ими и в самом деле, как будто древние Вечно Живущие наблюдали и глумились над тем, что происходит.

— Поднимается ветер, скоро рассвет,— сказала Фианна.— Мы должны спешить.

Холодный ветер пахнул в лицо Старка, когда вслед за Фианной он снова начал подниматься по лестнице. На этот раз она привела их в комнату, залитую лунным светом.

— Мы на месте,— прошептала Фианна,— а теперь быстрее. Вначале я должна узнать, не вернулся ли Делгаун.

И знаком, велев ему подождать, она тихо пошла вперед по коридору. Через несколько мгновений она остановилась и бесшумно приоткрыла дверь в стене. Луч света, падавший из приоткрытой двери, осветил Фианну, стоящую спиной к стене. Донесшийся из-под двери сердитый возглас, заставил Старка вздрогнуть. Он узнал голос Берилл. Темный силуэт Фианны шевельнулся. Движение ее руки не оставляло места для сомнений.

Старк быстро подошел к ней, и она отступила, чтобы он мог припасть к щели. Он так и сделал.

Он увидел Кинона, лежащего на огромном отполированном камне, тело его опутывали кожаные ремни, а на виске краснела огромная ссадина. На жестоком и властном лице застыло выражение, какого Старку не доводилось видеть ни на одном человеческом лице. Делгаун стоял рядом, но Кинон не обращал на него внимания. Взгляд его был устремлен на Берилл.

— Смотри, смотри хорошенько, Кинон,— говорила она.— Ты в последний раз видишь Берилл, свою покорную и терпеливую женщину. Ах ты, варварский ублюдок. За тысячу лет никто и никогда не надоедал мне, как ты, со своим ревом и детскими фокусами.

— На болтовню нет времени, Берилл,— резко бросил Делгаун.— Давай-ка приниматься за дело.

Берилл кивнула и направилась к столу, на котором стоял маленький металлический сундучок. Она нажала на целый ряд выступов, видневшихся на крышке. Раздался щелчок, и крышка отскочила. Дрожь пробежала по спине Старка, когда он смотрел, как Берилл погружает руки в сундучок.

В Валкисе, в квартале рабов, Кинон показывал две короны из сверкающего хрусталя, и жезл, горящий, как пламя. Но как осколок стекла отличается от бриллианта, так и те предметы были лишь бледным подобием того, что предстало сейчас перед взором Старка.

Берилл держала в руках древние короны Рама, дающие жизнь. Двойные их обручи горели величественным пламенем, окружая нимбом белые руки женщины, так что она стала похожей на богиню, движущуюся среди хоровода звезд.

— Ты украсил ими свое знамя, чтобы их видел весь свет. Так смотри же на них теперь. Смотри!

— Еще раз тебе говорю, не теряй времени, Берилл,— властно оборвал ее Делгаун.

Он подошел к связанному Кинону и встал рядом с ним, спиной к камню. А Берилл подняла над головой сверкающие короны и шагнула вперед.

Фианна прошептала Старку:

— Иди!

Глава тринадцатая

Войдя в комнату с копьем наготове, Старк сразу же бросился на Делгауна. Он всегда чувствовал в этом человеке бесконечную опасность. А теперь, когда он знал, что за спиной того стоит хитрость и опыт бесчисленных лет, он понимал, что шансы его на победу невелики.

Желтые глаза Делгауна вспыхнули удивлением, но действовал он с удивительной быстротой. Он отскочил в угол комнаты, и выхватил револьвер из-под лежащего там плаща.

В голове Старка промелькнула мысль. Конечно же, при нем не могло бы быть револьвера, когда он должен был обмениваться телами с Кинoном.

Ему еще никогда не встречался человек, который обращался бы с револьвером так умело, как Делгаун. И все же лезвие копья сверкнуло раньше, чем Делгаун успел закончить поворот, и тело его рухнуло вперед, выбив при этом оружие из рук Старка.

Старк, наклонившись за копьем, услышал дикий вопль. Мимо его уха пролетело что-то яроке. То была одна из корон, но падение ей совершенно не повредило. Схватив копье, Старк быстро обернулся.

Берилл бросила короны, и в руках ее появился кинжал. На лице ее читался ужас, ибо Кинон, освобожденный Фианной от пут, шел прямо на нее. Лицо его было ужасно, а огромные руки тянулись к горлу женщины.

Дважды вспыхивало лезвие ее кинжала, но жаждущие руки Кинона сомкнулись на ее горле. Лицо Кинона было также красно, как и кровь, что струилась из его груди. Мускулы на руках напряглись, и, к тому времени, как Старк был готов действовать, Берилл была мертва.

Кинон отшвырнул ее тело прочь, как старую грязную куклу. Он медленно повернулся, и рука его поднялась к ране на груди.

— Ведьма Рама убила меня. Моя жизнь уходит...

Он стоял качаясь, и на лице его сменилась целая гамма чувств. Старк бросился к нему и поддержал.

— Кинон, послушай!

Но Кинон, казалось, вообще ничего не слышал. Взгляд его вернулся к безжизненным телам Делгауна и Берилл.

— Ведьма и колдун,— пробормотал он.— Все это время они обманывали меня, смеялись надо мной, играли мной. Хорошо, что ты убил его.

Старк тревожно проговорил:

— Кинон, их дьявольский план будет жить и сбудется, если люди Сухих Земель выступят в поход. Не они, так кто-нибудь другой использует кровь племен в своих интересах.

Казалось, услышанное, медленно проникает в сознание Кинона. Потом глаза его сверкнули.

— Власть, которая должна была стать моей... Нет, видят боги! Помоги мне, Старк... Мне нужно кое-что сказать моим людям.

Он зашатался. Даже наделенный огромной силой Старк, с трудом поддерживал Кинона, когда они выходили из комнаты. Фианна осталась стоять возле камня.

Свет утренней зари заливал улицы Синхарата. Ветер крепчал. Шелест и свист над городом сделался громче. Кинон, прижав к груди правую руку, посмотрел на лица каменных Рама. Отняв от раны руку, он погрозил им кулаком.

Они подошли к большой лестнице и начали спускаться вниз. Лагерь просыпался. Закричал чей-то голос, и люди кинулись к тому месту, где находились Кинон и Старк, с трудом продолжавшие свой спуск. Через мгновение ожил весь лагерь. Толпа у подножия лестницы все росла. Лица людей, полные ярости и удивления, были обращены туда, где покачиваясь, поддерживаемый Старком стоял Кинон.

Несколько мгновений Кинон молча смотрел на своих людей. Потом он заговорил, и голос его был почти таким же громким, как раньше в Валкисе, на рынке рабов.

— Я был обманут и предан, как и вы все! Делгаун и Берилл хотели использовать нас, жителей Сухих Земель, для своих целей!

Люди не сразу осознали услышанное, а когда это случилось, громкий вопль пронесся над толпой.

Вождь племени Кеша выбежал на несколько ступеней и закричал, потрясая оружием:

— Смерть им!

Толпа, как эхо, подхватила этот свирепый призыв. Кинон поднял руку:

— Они уже мертвы... Старк заколол Делгауна и пытался спасти меня. Но змея Берилл ранила меня, и я умираю.

Он покачнулся, и Старк лишь с огромным трудом удержал его. Но Кинон вновь овладел собой.

— Я лгал, когда говорил, что владею тайной Рама,— продолжал он.— Но теперь я знаю, что тайна эта лишь вызовет к жизни дьявола. Забудьте о ней, забудьте о войне, которую вы вели бы ради чужой добычи.

Он попытался сказать что-то еще, но не смог. Старк чувствовал, как тяжелеет его тело.. Он изо всех сил попытался удержать Кинона, но тот медленно проговорил:

— Отпусти.

Все еще держась за рану, он соскользнул вниз, и опустился на ступени, и когда солнце поднялось выше, он все еще сидел в той же позе, и за его спиной вздымались башни Синхарата, и люди Сухих Земель молча смотрели на него. Старк не видел выражения его лица, потому что он стоял за его спиной.

Больше Кинон не произнес ни слова. Он сидел ссутулившись, а потом тело его подалось вперед и застыло.

Некоторое время все так и оставалось.

Старк стоял и ждал, а выше, с лицами полными тревоги, стояли и ждали чужеземцы.

Потом четверо вождей из племени Шун молча поднялись по ступеням. Даже не взглянув на Старка, они подняли тело Кинона и понесли его вниз по лестнице. Толпа воинов расступилась перед ними.

Старк поднялся выше, где застыла в неподвижности группа чужеземцев.

— Все кончено,— сказал он.— Никакой войны не будет, добычи, естественно, тоже.

Уэлш выругался и спросил:

— Как это случилось?

Старк пожал плечами.

— Ты слышал Кинона.

Это их не удовлетворило, но делать было нечего, и они продолжали стоять, мрачно наблюдая за тем, как сворачиваются шатры, седлаются животные. Потом Книхтон мрачно сказал:

— Я исчезаю, и вам лучше всего уйти со мной, не возвращаясь в Валкис и вообще не показываясь в тех краях.

Остальные и сами так думали. Лейтенанты Делгауна ждут в Валкисе, готовые выступить против Границы. Узнав о случившемся, они явно не придут в восторг.

Старк сказал:

— Я с вами не поеду. Я еду в Тарн.

И он подумал о Симоне Эштоне и о том, как тот обрадуется, когда узнает, что войны не будет.

Уэлш, глядя на Старка без всякой любви, сказал ему:

— Так, так. Думаю, парень, что ты сам все это устроил.

И, повернувшись, все они зашагали прочь.

Старк же спустился вниз. Огромный лагерь исчез, как по волшебству. Он превратился в поток людей и животных, что длинными караванами расходился по всем направлениям. Люди возвращались к своим местам на Сухих Землях.

Один из караванов шел под звуки дудок и барабанов. Кинон из племени Шун возвращался к себе домой с положенными вождю почестями.

Старк вернулся на тихие улицы Синхарата и снова направился в ту же комнату, где умерли Делгаун и Берилл. Их там уже не было. Фианна, стоя у окна, смотрела вслед уходящему каравану.

Старк обежал взглядом комнату. Фианна обернулась к нему и сказала:

— Если ты ищешь короны, то их здесь нет. Я их спрятала.

— Я хотел их уничтожить.

Она кивнула.

— Я тоже и едва не сделала этого. Но...

— Но приговор к жизни действительно самый суровый. Ты так сказала. Помнишь?

Фианна приблизилась к нему.

— Да. Я, которая знала так много жизней, не хочу еще одной. Не хочу теперь. Но когда тело тебе совсем отказывает, а смерть подступает совсем близко, все может измениться. Уничтожить короны всегда можно.

— Да, всегда,— согласился Старк.

— Но они никогда не будут уничтожены.

Внезапно глаза Фианны загорелись яростью.

— Не хвались так своей силой. Ты никогда не чувствовал, как от тебя уходит жизнь... как это чувствовала я. Может быть, когда ты это почувствуешь, то будешь рад разделить со мной силу Передающих Душу.

Старк покачал головой.

— Не думаю. Жизнь была не слишком добра ко мне, и вряд ли я захочу пройти по ней еще раз.

— Не отвечай мне теперь, возразила Фианна.— Ответишь мне через 30 лет и, если твой ответ будет да, ты найдешь меня здесь в Синхарате.

— Я не приду,— монотонным голосом произнес Старк.

— Может быть,— прошептала она,— а, может быть, и вернешься. Не будь так уверен.

К этому времени, уходящий караван, превратился в облако пыли, исчезающее вдали. Старк посмотрел ему вслед и сказал:

— Я уеду, как только буду готов. Поедешь со мной?

Фианна покачала головой.

— Я останусь здесь. По крайней мере, на некоторое время. Я — последняя дочь своего народа, и мое место здесь.

Поколебавшись, Старк вышел, оставив ее одну. А когда наступила ночь, он уже ехал по пустыне, нахлестывая животное. Ветер крепчал, наполняя пространство шепотом и криками одиночества. Но Старк знал, что это только иллюзия, что именно она заставляет его слышать отдаленные голоса оставшегося за его спиной города.

Вернется ли он когда-нибудь сюда в поисках другой жизни, попытается ли разыскать Фианну, чтобы они вдвоем ринулись через века, как это сделали Берилл и Делгаун?

Нет. И все же...

Старк обернулся и посмотрел назад на белые камни Синхарата, вырисовывающиеся в свете большей из лун.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Война за Галактику 3
2. Молот Валькаров 145
3. Тайна Синхарата 219

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН, ЛИ БРЕКЕТ

"Первые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа." Выпуск 7*/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАЙЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР N06693 от 7 июня 1993г. Сдано в набор 20.02.95г. Подписано в печать 20.04.95 г. Формат бумаги Бумага писчая N1. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ.л. 18,0. Уч.-изд.л. 18,76. Заказ N 4769. Тираж 15 000 экз. Заказное.
Качество печати соответствует качеству диапозитивов, предствленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

7*